

- ТЕКСТ
- ДИСКУРС
- КУЛЬТУРА

Материалы
II Международной
научной конференции

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Факультет романо-германской филологии
Кафедра немецкой филологии

ТЕКСТ – ДИСКУРС – КУЛЬТУРА

Материалы
II Международной научной конференции

Краснодар, 16–18 мая 2024 г.

Краснодар
2024

УДК 81'42
ББК 81.055
Т 307

Редакционная коллегия:

А.Т. Балабанов, С.С. Бычков, А.С. Горбатовский, З.И. Ломинина,
Ю.П. Нечай, М.А. Олейник (отв. ред.), Л.В. Солонович (Республика
Беларусь), А.В. Сытько (Республика Беларусь), И.В. Четыркина,
В.А. Шевцова (Республика Беларусь), О.Ю. Щибря

Т 307 ТЕКСТ – ДИСКУРС – КУЛЬТУРА: материалы II Международной
научной конференции / ответственный редактор М.А. Олейник;
Министерство науки и высшего образования Российской
Федерации, Кубанский государственный университет. –
Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2024. – 439 с. – 500 экз.
ISBN 978-5-8209-2438-5

В центре внимания авторов сборника находятся проблемы, связанные с изучением различных аспектов категории автора в языке: проблема авторства в синхронии и диахронии, категория автора в классической и современной литературе, в различных типах дискурса, в грамматической и лексической структуре языка, в лексике и фразеологии русского, немецкого, английского, белорусского, казахского, абхазского и кетского языков.

Адресуется лингвистам, филологам, литературоведам, студентам и аспирантам, а также всем, кто интересуется теоретическими и практическими аспектами изучения языка.

УДК 81.42
ББК 81.055

ISBN 978-5-8209-2438-5

© Кубанский государственный
университет, 2024

ПРЕДИСЛОВИЕ

На протяжении многих лет кафедра немецкой филологии Кубанского государственного университета вносит значимый вклад в исследование языков, литературы и культуры. Основными сферами интересов для исследований всегда считались традиционные для преподавателей факультета романо-германской филологии темы: актуальные вопросы зарубежной филологии, методики преподавания иностранных языков, проблемы перевода и др.

В настоящее время научные связи кафедры немецкой филологии Кубанского государственного университета вышли далеко за пределы исследования германистики. Важные темы исследований последних лет, результаты которых были представлены на научных мероприятиях кафедры, стали отражать также современные аспекты теории языка и общего языкознания. Это в свою очередь и стало импульсом для проведения II Международной научной конференции нового формата, получившей название «ТЕКСТ – ДИСКУРС – КУЛЬТУРА» и посвященной категории автора в различных ее проявлениях. Конференция была организована совместно с факультетом немецкого языка Минского государственного лингвистического университета.

В материалах конференции затрагиваются теоретические аспекты взаимосвязи текста и категории автора через призму различных типов текста с учетом идиостиля, интертекстуальности, субъектно-адресатного плана текста, проблематики атрибуции текста, искусственного интеллекта, особенностей экранизации художественных произведений и культурного контекста. Анализ категории автора в художественном тексте был проведен на материале произведений таких писателей, как Р. Киплинг, Дж. Коу, И.В. фон Гете, Г. Гессе, Э.М. Ремарк, С. Цвейг, Г. Бёлль, Г. Грасс, Х. Штрук, Б. Шлинк, А.С. Пушкин, А.П. Чехов, И. Есенберлин и др.

Другой сферой научных интересов, широко представленной в сборнике, является история языка. Материалы конференции объединили труды, посвященные диахроническим исследованиям категории автора в «Песни о Хильдебранде», «Евангельской гармонии» Отфрида, Старшей «Ливонской рифмованной хронике», сборниках шванков, нехудожественных текстах раннего Нового времени, немецких сводах правил поведения XVIII века, научных англоязычных текстах, немецких легендах об основании соборов и народных загадках.

В издании также представлены статьи, освещающие категорию времени в медийном, политическом, школьном, судебном и научном дискурсе, в фразеологии, в исследованиях, связанных с категориями оценочности, эмотивности, модальности, прецедентности и окказиональности.

Публикуемые материалы подготовлены учеными вузов Краснодар, Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска, Астрахани, Владикавказа, Воронежа, Геленджика, Калуги, Луганска, Майкопа, Новороссийска, Пятигорска, Ростова-на-Дону, Симферополя, Сочи, Таганрога, Твери, а также зарубежными коллегами из Республики Беларусь, Республики Абхазия и Республики Казахстан.

Многообразие представленных научных школ и направлений лингвистических исследований отражает разные подходы к изучению категории автора и ее потенциал как объекта научных исследований. Все отмеченное позволяет надеяться, что материалы II Международной научной конференции «ТЕКСТ – ДИСКУРС – КУЛЬТУРА» найдут своего заинтересованного читателя, в первую очередь среди филологов, лингвистов и литературоведов, интересующихся категорией автора в языке.

ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ КОНСТРУКЦИИ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОТИВНОСТИ

З.Р. Аглеева

*Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева,
Астрахань*

Эмотивы в зависимости от условий речевого акта выражают различные эмоции, обуславливаемые коммуникативной ситуацией, интенциями коммуникантов – автора и героев произведений. Выбор эмотивов писателем зависит от прагматических параметров ситуации: составляющая речевого акта сориентирована на положительную или отрицательную оценку действий или речевого поведения собеседника. Зачастую в функции эмотивов выступают различного рода фразеологизированные конструкции, ярко представленные, в частности в женских иронических детективах.

Ключевые слова: фразеологизированные конструкции, эмоции, эмотивность, эмотивы, текст, иронические детективы.

Трудно представить себе художественное или публицистическое произведение, автор которого не ставил бы перед собой задачу передать те или иные эмоции, присущие положительным или отрицательным персонажам (не говоря уже о том, что есть эмотивно насыщенные жанры, построенные на метафорических образах). Эмоциональная сфера личности изучается многими науками, в том числе и гибридными, в 80-е годы прошлого века среди них выделились *эмотология* (направление в психологии, связанное с проживанием эмоций) и *эмотиология* (так называемая лингвистика эмоций, целью изучения которой является связь эмоций и языка). Эмоции, будучи одной из форм когниции, отражения и оценки окружающего мира, не могли не найти способов объективации в языке, возникла необходимость рассмотрения соотношения понятий *эмоция* и *эмотивность*. Сейчас принято характеризовать эмоции как категорию психологическую, эмотивность – как языковую.

В работах Д.Н. Шмелева, К.Г. Крушельницкой, О.Н. Селивёрстовой, Е.Ю. Мягковой, Э.М. Медниковой и др. встречаются термины, которые номинируют явление эмотивности: *экспрессивно-оценочный компонент языкового значения, эмоциональная*

нагрузка слова, эмоционально-оценочное отношение говорящего, экспрессивно-эмоционально-оценочный обертон, экспрессивно-стилистическая окраска и т.д. Появились и термины, обозначающие эмотивные языковые и текстовые единицы: *эмотивы* (языковые единицы, объективирующие эмоции и часто требующие определённую эмоциональную реакцию) и *эмотемы* (по В.И. Болотову, «отрезок текста, смысл которого или форма выражения содержания являются источником эмоционального воздействия» [Болотов 1981, с. 5]).

В.И. Шаховский дал, на наш взгляд, наиболее точное и ёмкое определение: «Эмотивность – имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики, отраженные в семантике языковых единиц социальные и индивидуальные эмоции» [Шаховский 1987, с. 55]. Выбор языковых средств для объективации эмоций связан с ситуацией и интенциями автора. Нередко в качестве эмотивов, помимо лексем с коннотативным компонентом, выступают единицы вторичной номинации, в частности фразеологизированные конструкции, стереотипы и трансформированные речевые штампы. Нельзя недооценивать и невербальные средства выражения эмоций, но речь идёт об их вербализации. Наряду с термином *эмотивы* в научной литературе использовался и термин *экспрессивы*, но он неоднозначно воспринят рядом исследователей. Так, И.В. Труфанова предлагает классификацию эмотивных речевых актов, включающую *эмотивы* (т.е. речевые акты, существенное условие которых – выражение говорящим своих эмоций); *эмотивно-оценочные* (речевые акты, производимые ради выражения эмотивно-оценочного отношения говорящего); *речевые акты эмоционального воздействия на слушающего* [Труфанова 2000, с. 205]. Интересна классификация В.Ю. Меликяна, выделяющего 7 функционально-семантических групп коммуникем [Меликян 2001]. Не все они соотносимы и по количеству единиц, входящих в них, и по свободносинтаксическим структурам, ставшим их прототипами, и по степени выражения эмоций. Структуры, являющиеся объектом нашего исследования, входят в большинстве своём в две группы: эмоционально-оценочные и этикетные, представляющие собой приветствия.

Содержание эмотивов связано с экспрессивно-эмоциональной и волевой сферой поведения человека, выразителем которой они являются, и не вытекает из номинативных значений слов, входящих в их структуру. Эмотивы являются знаком отношений, чувствований и волеизъявлений, а не понятий, суждений или умозаключений. Непосредственная объективно-субъективная вербализация

переживаний в форме различного рода отношений при помощи эмотивов свидетельствует о наличии значения и о необычайном его богатстве. Эмотивы могут быть использованы далеко не в любой ситуации, так как они в принципе не привносят никакой новой информации, а служат лишь проявлением отношения к собеседнику или третьему лицу, возникших эмоций. Эмотивы, вербализуемые с помощью фразеологизированных конструкций (нас в большей степени интересуют конструкции, свободносинтаксическим прототипом которых являются придаточные части сложноподчинённых предложений), частотны в так называемых шоу-детективах и иронических детективах наших современниц Д. Донцовой, Н.Н. Александровой, М.С. Серовой, М. Крамер, Е.И. Логуновой и др. Мы не оцениваем художественные достоинства данных произведений – нас заинтересовало большое количество фразеологизированных конструкций-вербализаторов категории эмотивности, наличие языковой игры, проявляющейся на всех языковых уровнях.

Фразеологизированные конструкции, генетически восходящие к придаточным частям СПП, с семантикой «эмоциональное отношение» довольно частотны и употребительны в различных прагматических ситуациях: «Какая разница!»; «Куда ни шло!»; «На что это похоже?!»; «С какой стати (радости)?!»; «Куда там!»; «Какой (-ая) черт (нечистая сила) (меня) дернул (-а)?!»; «На кой черт (дьявол)?!»; «Как пить дать»; «Как рукой сняло»; «Как с цепи сорвался»; «Какая муха укусила?»; «Каким ветром?»; «Как (будто, словно, точно) камень на сердце»; «Как (будто, словно, точно) камень с души свалился»; «На чем свет стоит»; «На что это похоже»; «Показать где раки зимуют»; «Сколько лет, сколько зим!»; «Хоть в петлю лезь»; «Хоть криком кричи»; «Хоть на стену лезь»; «Хоть трава не расти»; «Чем черт не шутит»; «Черт (дьявол, бес, леший и т.п.) знает что»; «Чтоб ты (вы, она, они) треснул (-а, -и)»; «Чтоб ты провалился» и под.). Даже неполный перечень коммуникативных эмотивов позволяет констатировать различия в структуре, семантике, способности/неспособности варьироваться и т.д.

В шоу-детективах и иронических детективах частотны:

1) *общеизвестные эмотивы* («Каким ветром меня занесло в бригаду, я сейчас рассказывать не стану, главное, мне нравится служба» (Донцова); «И тут он словно с цепи сорвался – обхватил руками, стиснул и стал покрывать её всю, прямо через одежду, испуганными поцелуями» (Крамер); «Но она, что называется, как с цепи сорвалась. Мама никогда не была легкомысленной, просто, как я сейчас ...» (Александрова));

2) *трансформированные* («Настя нормальная, только у нее башню от небольшой славы снесло» (Донцова));

3) *эллиптированные* («<...> зло проорала: – **Какого черта?** Ты кто такая?» (Донцова));

Выражение возмущения, упрёка, близкое к приказу «хватит / достаточно / прекратите», транслируется эмотивом «**СКОЛЬКО МОЖНО!**» (в первом значении): «**Сколько можно?** Издеваешься, да? Я ударялась в слезы и оправдывалась: Я хочу как лучше, выгадываю копеечку» (Донцова). В основу эмотива положена эллиптированная конструкция («сколько можно издеваться / придирааться / вредничать / препираться» и т.п.);

4) *окказиональные* («Не успела я снова утонуть в океане тоски, как ожил мобильный»; «Одним словом, если счастье должно свалиться тебе в руки, оно и в сортире тебя настигнет!»; «Однако я не знаю ни мотива преступления, ни кого в нем подозревают. Похоже, придется заниматься ловлей блох в тумане» (Донцова)).

5) *контаминация двух ФЕ* (например, выражение значения «каждый имеет право выбора, не стоит навязывать другим свои взгляды и предпочтения» фразеологизмом «**Кому поп, кому попадья, а кому свиной хрящик**» (Донцова), в основе которого лежат две ФЕ: «Каждому свое, кому – арбуз, кому – свиной хрящ» и «Кому поп, кому попадья, а кому попова дочка»).

Коммуникема «куда (-ы) <уж> там!» в качестве эмотива приобретает значение «выражение подчёркнутого отрицания, несогласия, опровержения иногда в сочетании с иронией, возмущением и т.п.». Сравним:

(1) – «А она промолчала? – абсолютно искренне поинтересовалась я. – **Куда там**, – захихикала Нина, мигом ставшая при этом воспоминании довольной и радостной, – держи карман шире!» (Донцова);

(2) «Матушка – ноги в валенки, платок на голову и в дверь: за Никитой Иванычем. Отец: – **Сообщит! Сообщит!** – И за подол ее хватает. Это он что Никита Иваныч санитарам сообщит. **Куда там!** Вырвалась – и в метель» (Толстая).

В первом примере отчётливо просматривается ирония по отношению к действиям субъекта, о котором идёт речь. Подтверждением дополнительной эмоции служат глагол «захихикала» и приведённая в этой же реплике фразема «держи карман шире».

Лексическая субституция одновременно на основе гиперо-гипонимической замены и замены компонентом из одной лексико-семантической группы представлена в окказиональных вариантах эмотива «**хоть топор вешай**»: «**хоть колун вешай**» / «**хоть сюрикен вешай**».

Ряд «*топор / колун / сюрикен*» с доминантой «*топор*» (компонент нормативного словарного варианта фраземы) представляет ЛСГ «холодное оружие». Последний член ряда национально специфичен («сюрикэн» (яп. «手裏劍») – «лезвие, скрытое в руке»).

Е. Логунова в одном из своих иронических детективов создаёт индивидуально-авторский вариант фраземы с использованием столь экзотического для русского языка компонента: «*Блудный японец пропитался тюремно-казарменным духом и так ароматизировал салон хоть сюрикен вешай!*» (Логунова).

Коммуникативно-прагматические условия текста чётко определяют диапазон употребления эмотивных фразеологизмов, важную роль играют и закреплённые за различными сферами максимы. Функционируя в стандартных ситуациях, разновидности эмотивных фразеологизмов закреплены за различными стилями. Рамки тезисов не позволяют привести примеры, показывающие дальнейшую их дифференциацию по структурным или вариативным признакам, по выражению разных эмоций, степени интенсивности проявления эмоций и т.п., что крайне интересно. Входя в различные тематические группы, отдельные фразеологизированные конструкции-эмотивы приобретают возможность использоваться в одной типовой коммуникативно-прагматической ситуации. С.В. Ионова замечает, что эмотивный фон художественного произведения строится на принципе общности тезаурусов, фоновых знаний автора и адресатов текста. Писатель отбирает в качестве тем будущих произведений такие эпизоды жизни, которые, как он предполагает, окажутся понятными читателю, созвучными его эмоциональному миру, вызовут ответные чувства [Ионова 1998, с. 145].

Эмотивы имеют прагматическую функцию, служат определённым целям: эмоционально-оценочные эмотивы воздействуют на эмоциональную сферу, вопросительные позволяют удовлетворить познавательный интерес или решить возникшую проблему и т.п., они помогают выработке индивидуального стиля писателя, а их анализ способствует формированию речевой и коммуникативной компетенции.

Библиографический список

1. *Болотов В.И.* Эмоциональность текста в аспектах языковой и неязыковой вариативности. Основы эмотивной стилистики текста. Ташкент: Фан, 1981. 116 с.

2. *Ионова С.В.* Эмотивность текста как лингвистическая проблема: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1998. 197 с.

3. *Меликян В.Ю.* Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи: словарь. М.: Флинта: Наука, 2001. 240 с.

4. *Труфанова И.В.* Прагматика несобственно-прямой речи. М.: «Прометей», 2000. 569 с.

5. *Шаховский В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. 192 с.

Источники

1. *Александрова Н.Н.* Электронная библиотека [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sharlib.com/author/38026> (дата обращения: 04.04.2024).

2. *Донцова Д.* Электронная библиотека [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://knijku.ru/authors/darya-donцова?page=1> (дата обращения: 04.04.2024).

3. *Крамер М.* Электронная библиотека [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://royallib.com/book/kramer_marina/Crime_story_10_sbornik.htm (дата обращения: 04.04.2024).

4. *Логунова Е.И.* Электронная библиотека [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://knijku.ru/authors/elena-logunova> (дата обращения: 04.04.2024).

5. *Серова М.С.* Электронная библиотека [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://avidreaders.ru/author/serova-marina-sergeevna/> (дата обращения: 04.04.2024).

6. *Толстая Т.Н.* Кысь [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://books.rusf.ru/unzip/add-on/xussr_ty/tolstt01.htm (дата обращения: 04.04.2024).

PHRASEOLOGIZED CONSTRUCTIONS AS A MEANS OF EXPRESSING EMOTIVITY

Z.R. Agleeva

Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Astrakhan

Emotives, depending on the conditions of the speech act, express various emotions determined by the communicative situation, the intentions of the communicants – the author and the heroes of the works. The choice of emotives by the writer depends on the pragmatic parameters of the situation: the component of the speech act is focused on a positive or negative assessment of the actions or speech behavior of the interlocutor. Often the function of emotives is performed by various kinds of phraseological constructions, clearly represented, in particular, in women's ironic detective stories.

Key words: phraseological constructions, emotions, emotiveness, emotives, text, ironic detective stories.

Об авторах:

Аглеева Зухра Равильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Астраханского государственного университета имени В.Н. Татищева; e-mail: z.agleeva@yandex.ru.

УДК 808.51(=35)

ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИОННОГО ИДИОСТИЛЯ ОРАТОРА-АБХАЗА

Л.А. Агрба

Абхазский государственный университет, Сухум

Изучение культуры ораторства – это исследование мировоззренческой информации, которая охватывает и бытовую, и духовную, и морально-нравственную, и эстетическую, и поведенческую, и культурную специфику. Оно раскрывает очень важные данные о народе, определяющие национальную специфику, этические нормы и представления, и этим обстоятельством обусловлена актуальность представленной темы. Для понимания особенностей идиостиля оратора-абхаза проанализированы

традиционные элементы ораторской речи, принципы риторического идеала, опосредованные национально-культурными традициями языкового социума.

Ключевые слова: культура ораторства, речевая культура абхазов, традиции, этика, риторический идеал.

Культура красноречия у абхазов уходит корнями в далекую древность, ко времени создания нартского эпоса, в котором воспевается человеческий идеал, творящий добро, справедливость, подвиги во имя людей. Комплексное осмысление культуры речи, изучение вербальных и невербальных аспектов ораторского искусства дает возможность лучше понять национальную картину мира, морально-этические установки и ценности народа, проследить особенности поведения представителей этноса в его эволюции и взаимосвязях. Парадоксальным образом в ораторстве сходятся духовный, эстетический и информационный аспекты, оно объединяет художественные, эстетические и этикетные нормы, присущие этносу. «В уникальности внутреннего мира нации, в устойчивости ее психического склада, определенным образом организующего получаемую информацию, и состоит ценность любой нации как биосоциального сообщества людей и культурного феномена» [Кессиди 1992, с. 135].

Идиостиль оратора абхаза основывается на принципах риторического идеала, маркированного национально-культурными традициями и речевой этикой, разделяемой представителями его языкового социума. Традиционно абхазы уделяли особое внимание речевой культуре и, хотя у них не было профессиональной школы сказительства, они владели ораторским искусством, мастерством импровизированного публичного выступления. «В Абхазии почти все население – сказители» [Аншба 1982, с. 99]. Выдающиеся мастера ораторского искусства были обычными крестьянами, людьми простыми, неучеными. «Речь необразованных, но высокоинтеллектуальных и глубоко нравственных, умудренных опытом жизни крестьян, отличалась особым ароматом, глубиной содержания, убедительной аргументацией, силой логики, языковым богатством, нравственной чистотой, простотой и жизненностью и воспринималась с особым удовлетворением» [Куправа 2008, с. 45].

Оратор-крестьянин не владел никакими «сценическими приемами», не имел в своем арсенале никаких особых «украшений», за исключением, быть может, своего посоха, но обладал главным – красотой и богатством лексического диапазона, позволявшим ему

осуществлять выступления любой драматургической сложности, поражая слушателей глубиной мысли и слова, а также умением общаться с аудиторией.

Значимость образного слова как основы красноречия подчеркивается использованием традиционных речевых приемов и заимствований из богатейшего абхазского фольклора. Речь оратора изобилует красочными эпитетами, сравнениями, словесными выражениями, передающими эмоционально-психологическую глубину переживаемого. «Слушая даже обыкновенного оратора или поэта, вы не знаете, чему удивляться – логической ли его последовательности или счастливому сцеплению разнообразных по силе слов и выражений. Бесконечная речь его, основанная на законах здравого смысла, несётся неудержимо» [Гожба 1998, с. 61].

Идиостилевой портрет оратора-абхаза как языковой личности основан на принципах речевой чистоты и истинной народности, базирующихся на принципах апсуара – традиционного морально-этического кодекса абхазов. Образность и оригинальность речи в наибольшей степени достигается использованием специальных этномаркированных устойчивых формул, риторических тропов, экспрессивно-оценочных слов, а также слов, обозначающих реалии быта, религии, материальной и духовной культуры.

Оратор должен был быть настоящим знатоком фольклора и часто приводить пословицы, поговорки и афоризмы, чтобы в полной мере задействовать образное мышление для передачи своих мыслей, истоки которого уходят в народную психологию. Он старался строить свою речь на знакомых архетипических символах и концептах, что делало повествование национально-значимым. Высоко ценилась образность речи, поэтому оратор задействовал выразительные средства, традиционный пословичный материал, яркие сравнения, эпитеты, эмоционально окрашенные слова и фразеологические сочетания. Речь должна быть сдобрена образными словами и выражениями, в них много ярких слов и синтаксических построений. Максимальный эффект достигался за счет предписаний, канонов, норм невербального и вербального поведения, отличающихся локальной семантикой. То есть оратор пользовался понятным, известным аудитории набором языковых средств и культурных кодов. Мастерство ораторского искусства развивалось с опорой на ораторские традиции и речевой этикет.

Остановимся подробнее на отдельных элементах традиционного выступления. «Речь народного абхазского оратора состояла как бы из 3-х частей: вступления, начинающегося с традиционного обращения

«*Ажэлар шэхацкы!*» – «Народ, да положу я голову вместо вас», основного раздела с подробнейшим изложением существа дела, обильно оснащенного соответствующими моменту преданиями, пословицами, афоризмами, с вопросами и обращениями к слушателям для вызывания у них одобрительной реакции, и короткого заключения» [Инал-ипа 1984, с. 155].

Приветственный зачин «*Ажэлар шэхацкы!*» является стандартной фразой, устойчивым словосочетанием, закрепленной в речи аксиомой, говорящей о готовности оратора к жертвенному служению интересам народа. Эта этикетная формула говорит о глубоком почитании воли народа, о высококонравственном отношении говорящего к чаяниям людей, о витальной этике оратора, ставящего интересы народа превыше всего. Ею оратор как бы подчеркивает, что не достоин выступать перед народом, намеренно принижает свою значимость, демонстрирует скромность и очерчивает свою роль как слуги народа. В традиционном мировидении абхазов наблюдается витальная этика жизни, субъектом которой является не отдельный человек, а род, народ (абх. «*ажэлар*») [Агрба, 2023]. Кроме того, подобные приветственные речевые формулы имеют способность активизировать «родовую, коллективную память». «Устойчивые словосочетания, как никакой другой уровень языка, хранят идиоэтнические черты, характеризующие образ мышления на конкретном естественном языке» [Хараева, Хамузова, Ордокова, 2015, с. 431].

Свою речь оратор может также начать с благопожелания или славословия богу, то есть использовать так называемый «молитвенный зачин». Принято желать добра собравшимся. Распространены такие формулы благопожелания: «Пусть благоденствует народ!», «Добрых дел вам, народ!», «Чтобы собирались по добрым случаям!», «Люди, да будет вам добро!», «Пусть накроет вас добро!», «Благоденствия вам!» и т.д.

Выступающий может начать выступление с пословицы или афоризма: «Не сказав начало (речи), не скажешь и конца» – говорят абхазы. Такое начало свидетельствует о глубокой рефлексии говорящего на ту или иную тему, с одной стороны, с другой же – придает структурную оформленность речи, которая фокусирует внимание слушающих на составляющих фольклорного фонда лингвокультуры, которые актуализируют фоновые коллективные знания и культурные ассоциации.

Завершает свою речь оратор обычно благопожеланием, добавляя: «*ажэа шэасыршьит!*» (абх. досл. – «словом вас убил»), как бы извиняясь за многословие. Такое уважительное обращение оратора к аудитории «не

было простой ритуальной данью. В этих словах выражалась сила и авторитет народа, призванного решать все общественные проблемы» [Куправа 2008, с. 38].

Обращаясь к этноэтике речевого поведения в культуре ораторства абхазов, следует сказать, что она определяется спецификой коммуникативных прескрипций, основанных на канонах апсуара. Речь оратора-абхаза характеризуется относительной каноничностью, в рамках которой находилось место для авторской индивидуальности. Ораторское искусство для абхаза – это не просто инструмент выражения мысли, орудие организации речевой деятельности, но и механизм практической направленности культуuroобразующего и интегрирующего характера, инструмент воспитания и нравственного самосовершенствования. Ораторство раскрывало коммуникативный потенциал личности, который всегда высоко ценился в обществе, поэтому выступающий перед народом должен был обладать такими качествами, как национально-культурное достоинство, интеллект, гибкость, мудрость.

Статусно-ролевое поведение оратора-абхаза регулируется традиционными коммуникативными нормами, разделяемыми представителями его лингвокультуры.

В частности, запретным является:

- перебивание собеседника, в особенности представителя старшего поколения;
- нарушение возрастной и половой субординации;
- вербальное и невербальное выражение эмоций и чувств, а также оценок, если только это не предполагается самим содержанием выступления.

Значимым (обязательным) компонентом коммуникативной нормы является:

- установление контакта со слушателями;
- соблюдение этноэтики речевого поведения как нравственно маркированной социолингвистической компетенции, регулирующей взаимоотношения в социуме;
- создание бесконфликтного социального пространства;
- трансляция дипломатичности, коммуникативной гибкости, готовности к диалогу;
- репрезентация как вербальными, так и невербальными знаковыми элементами социально и ментально обусловленных нравственно-философских и этических ценностей.

Кажущаяся порой жесткой речеповеденческая консервативность основана на поддержании национально-культурного достоинства

личности. «Речь должна была быть спокойной, размеренной, хотя в определенных ситуациях допускались проявления эмоций» [Маан 1988, с. 133]. Присовокупим сюда ритуализованные оратором формулы речевого поведения, публичное воссоздание им нравственных качеств народа, его мировоззрения, ценностей, норм и мы получим идеальный стилистический портрет оратора-абхаза.

Библиографический список

1. *Агрба Л.А.* Триада человек-род-народ в концептосфере абхазов // Политическая лингвистика. 2023. № 2 (98). С. 178–187.
2. *Аншба А.А.* Абхазский фольклор и действительность. Тбилиси: Мецниереба, 1982. 281 с.
3. *Гожба Р.* К изучению обычного права и ораторского искусства у абхазов // Мосты. Сб. науч. статей. Вып. 1, Сухум: Алашара, 1998. 71 с.
4. *Инал-ипа Ш.Д.* Очерки об абхазском этикете. Сухуми: Алашара, 1984. 190 с.
5. *Кессиди Ф.Х.* К проблеме «греческого чуда» // Философская и социологическая мысль. 1992. № 3. С. 127–136.
6. *Куправа А.Э.* Вопросы традиционной культуры абхазов. Сухум: Дом печати, 2008. 624 с.
7. *Маан О.В.* Ораторское искусство у абхазов и его роль в социализации личности // Всесоюзная научная сессия по итогам этнографических и антропологических исследований 1986-1987 гг. Тезисы докладов. Сухуми, 1988.
8. *Хараева Л.Х., Хамузова А.Г., Ордокова М.А.* Анализ национально-культурной семантики устойчивых словосочетаний латинского языка при обучении иностранному языку в условиях билингвизма // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 7, № 6, 2015. С. 430–435.

THE TRADITIONAL PECULIARITIES OF THE SPEAKER'S STYLE OF THE ABKHAZ

L.A. Agrba

Abkhazian State University, Sukhum

The study of oratory culture is a study of worldview information, which covers both everyday, spiritual, moral and ethical, aesthetic, behavioural and cultural specifics. It reveals very important data about the

people, determining national specificity, ethical norms and perceptions, and this circumstance determines the relevance of the presented topic. To understand the peculiarities of the idiostyle of the Abkhaz speaker, the traditional elements of oratorical speech, principles of the rhetorical ideal mediated by the national-cultural traditions of the linguistic society are analysed.

Key words: oratorical culture, speech culture of the Abkhaz, traditions, ethics, rhetorical ideal.

Об авторах:

Агрба Лана Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германских языков Абхазского государственного университета; e-mail: lagrba@mail.ru.

УДК 811.112.2:659.11

**В ПОИСКАХ АВТОРА:
ГИПОТЕЗА ДИСКУРСИВНОЙ ГЕТЕРОГЕННОСТИ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОГО ТЕКСТА**

В.А. Андреева

*Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург*

Гипотеза дискурсивной гетерогенности художественного повествовательного текста исходит из того, что в фиктивном дискурсе нарратора содержатся индексы (симптомы) присутствия автора как абстрактной повествовательной инстанции, не обладающей собственной речевой партией, но являющейся условием завершенности текста как художественного произведения. Присутствие в дискурсе нарратора симптомов дискурса абстрактного автора формирует дискурсивную гетерогенность художественного повествовательного текста как его особого качества, которое обеспечивает интерпретируемость текста, или способность быть генератором смысла.

Ключевые слова: художественный повествовательный текст, автор, нарратор, дискурсивная гетерогенность.

Художественный повествовательный текст порождает множественность интерпретаций, что оценивается как его

«поэтическое качество» [Эко 1988, с. 90]. Тем не менее, сам текст задает определенный вектор своих интерпретаций, так как содержит некие ориентиры для читателя, или прагматические фокусы, определяющие траекторию чтения как постижения смысла текста.

Гипотеза дискурсивной гетерогенности художественного повествовательного текста призвана продемонстрировать механизмы, обеспечивающие интерпретируемость текста, или его способность становиться «генератором смысла» [Лотман 1970, с. 92], являясь при этом зоной, в которой происходит «встреча двух версий единого смысла» как результата интеракции автора и читателя [Тюпа 2001, с. 11].

Модель дискурсивной гетерогенности художественного повествовательного текста опирается на представления о присутствии в литературном произведении «...вне изображенных хронотопов, а как бы по касательной к ним» его автора [Бахтин 1975, с. 403]. При этом речь идет не о конкретном авторе как исторической (биографической) личности, а об авторе как ее творческой ипостаси. В теории повествования отсутствует консенсус по вопросу, является ли категория автора имманентной тексту или конструируется читателем.

Модель дискурсивной гетерогенности художественного текста исходит из наличия в тексте индексов или симптомов присутствия абстрактного автора текста, обнаруживаемых в процессе интеракции автора и читателя, то есть в дискурсе.

Для иллюстрации дискурсивной гетерогенности художественного повествовательного текста сравним ее с текстовой гетерогенностью на следующих примерах:

(1) «Später räumte er die Zeitungen vom Tisch, überflog dabei die Kinoinserate, dachte an irgendetwas, schob den Aschenbecher beiseite, zerriss den Zettel mit den Wellenlinien, entleerte seine Feder und füllte sie wieder. **Für die Kinovorstellung war es jetzt zu spät**» (Bichsel 2004, S. 271). – «Позже он убрал со стола газеты, пролистал рекламу кинотеатра, о чем-то задумался, отодвинул пепельницу, разорвал лист бумаги с волнистыми линиями, выпустил чернила из ручки и снова заправил ее. **Для киносеанса сейчас было уже поздно**» (Биксель 2004, с. 271).

(2) «Ich hatte die Badezimmertür nicht abgeschlossen, und Hanna (so dachte ich) könnte ohne weiteres eintreten, **um mich von rückwärts mit einer Axt zu erschlagen**» (Frisch 2002, S. 136). – «Я не запер дверь в ванную, и Ханна (так я думал) могла бы запросто войти, **чтобы ударить меня сзади топором**» (Фриш 2002, с. 136).

Первый фрагмент демонстрирует текстовую гетерогенность: речь нарратора содержит описание действий персонажа (внешний

ракурс), на что указывают глаголы действия («räumte», «schob beiseite», «entleerte», «füllte wieder»). Глаголы когнитивной деятельности («dachte») и восприятия («überflog») подготавливают дальнейшее включение в речь повествователя точки зрения персонажа («Für die Kinovorstellung war es jetzt zu spät»), о чем свидетельствует невозможное в условиях естественной коммуникации использование темпорального наречия «jetzt», указывающего на настоящее время, с формой претерита глагола «sein». Внешний ракурс переключается на внутренний, то есть с чисто нарраториальной речи на несобственно-прямую.

Второй фрагмент свидетельствует о дискурсивной гетерогенности. Автодиегетический нарратор Вальтер Фабер неоднократно утверждает в своем повествовании, что его мало интересуют искусство, литература, мифология, поскольку он, будучи инженером, привык опираться на научное знание. Отсюда его «говорящее» имя: «faber» в переводе с латинского означает «ремесленник», «плотник», «кузнец». В философии термин «*homo faber*» используется для характеристики человека как создателя «неприродного мира», обеспечивающего возможность контроля внешнего мира. С «*homo faber*» соотносится термин «*homo ludens*» («человек играющий»), характеризующий человека как творца культуры и искусства. Основанием для такой трактовки имени автодиегетического повествователя является, во-первых, название романа как отсылка к философскому дискурсу («*Homo faber*», где второе слово написано со строчной буквы). Во-вторых, в самом тексте романа используется имя собственное «*Homo Faber*» (второе слово начинается с прописной буквы): такое прозвище Вальтеру Фаберу в юности дала его бывшая возлюбленная Ханна Ландсберг, которая во времена их знакомства изучала в Цюрихе историю искусств.

Фрагмент 2, призванный продемонстрировать дискурсивную гетерогенность, содержит аллюзию на древнегреческий миф о микенском царе Агамемноне, который, лежа в ванне, был зарублен топором («*Axt*») своей женой – царицей Клитемнестрой. Так, по одной из версий мифа, Клитемнестра отомстила мужу за принесение в жертву их дочери Ифигении богине Артемиде, наставшей на флот греков безветрие, что не давало им двинуться в путь по направлению к Трое. Эта аллюзия проецируется на историю Фабера, ставшего причиной гибели их общей с Ханной дочери Сабет. Налицо несовпадение горизонтов знания автодиегетического нарратора Вальтера Фабера с его же собственным повествованием, что позволяет увидеть в проанализированном фрагменте индексы присутствия абстрактного автора, который (в отличие от нарратора) не наделен в тексте

собственным голосом, но безусловно стоит за повествуемым миром как результатом объективации «его творческой ментально-речевой функциональности» [Гончарова 2022, с. 23].

Модель дискурсивной гетерогенности художественного повествовательного текста позволяет устанавливать и «извлекать» из текста смыслы, связанные с позицией абстрактного автора, и тем самым выходить в дискурсивное пространство, где художественный *текст* получает подлинную завершенность, становясь художественным *произведением*.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная лит., 1975. 504 с.

2. Гончарова Е.А. Синергия разных видов речи в структуре художественного прозаического текста // Художественный текст: формулы смысла. М.: Флинта, 2022. С. 15–37.

3. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 220 с.

3. Тюпа В.И. Аналитика художественного (Введение в литературоведческий анализ). М.: Лабиринт, 2001. 192 с.

4. Эко У. Заметки на полях «Имени розы» // Иностранная литература. 1988. № 10. С. 88–104.

Источники

1. Bichsel P. San Salvador // Klassische deutsche Kurzgeschichten. Hrsg. von Werner Bellmann. Stuttgart: Reclam, 2004. S. 271–273.

2. Frisch M. Homo faber. Frankfurt am Main: Surkamp, 2002. 288 S.

AUF DER SUCHE NACH DEM AUTOR: DIE HYPOTHESE DER DISKURSIVEN HETEROGENITÄT DES LITERARISCHEN ERZÄHLTEXTES

V.A. Andreeva

*Russische Staatliche Pädagogische Universität A.I. Herzen,
St. Petersburg*

Die Hypothese der diskursiven Heterogenität des literarischen Erzähltextes geht davon aus, dass der fiktive Diskurs des Erzählers Indizien

(Symptome) für die Präsenz des Autors als abstrakter Erzählinstanz enthält, die zwar keine eigene Stimme im Text hat, jedoch eine absolute Bedingung für die Textkohärenz ist. Das Vorhandensein der Indizien für die Präsenz des abstrakten Autors im Diskurs des Narrators evoziert die diskursive Heterogenität des künstlerischen Erzähltextes als dessen besondere Qualität, die die Interpretierbarkeit des Textes bzw. dessen Fähigkeit, Sinn zu generieren, gewährleistet.

Schlüsselwörter: der literarische Erzähltext, Autor, Narrator, diskursive Heterogenität.

Об авторах:

Андреева Валерия Анатольевна – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена; e-mail: valeryandreeva@gmail.com.

УДК 81'276.6

ФЕНОМЕН СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕКОНСТРУКЦИИ ТЕРМИНОВ (НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ВОЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ)

С.А. Антакли

*Пятигорский государственный университет, Пятигорск
Военный учебно-научный центр Сухопутных войск «Общевойсковая
ордена Жукова академия Вооруженных Сил Российской Федерации»,
Москва*

Статья посвящена анализу явления семантической деконструкции терминологических единиц на материале немецкой и английской военной терминологии. Утверждается, что научный и научно-популярный типы текста выступают в качестве приоритетных сфер реализации немецкоязычных и англоязычных терминов военной сферы, подвергающихся деконструкции. В семантическом плане деконструкции подвергаются сложные производные, многокомпонентные терминоединицы и номенклатуры, представляющие собой термины-словосочетания, аббревиатуры и сокращения с числовыми компонентами или без таковых, по сравнению с простыми непроеводными и производными единицами.

Ключевые слова: термин, терминология, семантическая деконструкция, научно-популярный текст, номенклатура, многокомпонентный термин.

В настоящей публикации мы обратимся к анализу сущности детально изучаемого нами феномена семантической деконструкции терминологических единиц [см.: Антакли, Алимуратов 2023; Антакли 2021]. Исходно деконструкция представляется термином чисто философским: неоднократно отмечалось, что в деконструкции по Ж. Деррида стираются границы между текстом и реальностью, между смыслом и бессмыслицей, знанием и мнением, истиной и заблуждением и, самое главное, между текстом и его интерпретацией [цит. по: Бауман 1993, с. 54]. К такому стиранию границ приводит тот факт, что феномен деконструкции, по мнению основоположников соответствующей теории, не может иметь место вне текста, в котором, по сути, любая бессмыслица обретает определенный смысл, заблуждение может принимать форму истины, а сам текст не существует вне поля его реальных и потенциальных интерпретаций [Алимуратов и др. 2018]. Внимание Ж. Дерриды как текстолога охватывает как «литературные», так и «философские» тексты, различия между которыми он на практике постоянно разрушает. Ж. Деррида показывает, что разделение «литературных», так и «философских» текстов основано на глубоко укоренившемся, но при этом несостоятельном недоверии к текстам, которые могут быть квалифицированы как «литературные» (у Дерриды и его последователей данный термин значительно шире его традиционного понимания) [Norris 2002].

Очень показательно, насколько важной Деррида считает способность языкового знака появляться (актуализироваться) *в единстве времени и пространства*. Это единство не уникально для знака; целесообразным представляется обратиться к пространству при обсуждении сознания, при этом важно учитывать, что не существует ни одного момента и/или конкретного пространства, изолированного от движения времени [Derrida 2016]. Точкой конвергенции пространства и времени с позиций лингвистического анализа следует признать именно текст [Rastier 1997], следовательно, деконструкция языкового знака – феномен именно текстуальный.

По нашим наблюдениям, достаточно частотное употребление как англоязычных, так и немецкоязычных терминологических единиц военной сферы фиксируется и в научных, и в научно-популярных текстах соответствующей тематики, не просто содержащих,

репрезентирующих, но и интерпретирующих научное знание. Все это обуславливает то, что термины как специальные лексические единицы могут деконструироваться в семантическом плане в рамках соответствующих деконструирующих контекстов, в которых представлена *не дефиниция термина*, общепринятая в соответствующей профессиональной сфере, но авторская интерпретация его семантического объема и содержания. Иными словами, проводимый нами анализ эмпирического материала свидетельствует о том, что деконструкция терминологической единицы происходит посредством ее семантического пояснения в тексте.

Феномен терминологической деконструкции включает в себя несколько частных (операциональных) проявлений, среди которых одним из ключевых выступает *экспликативная (семантическая) деконструкция*. Следует отметить, что семантическая деконструкция в виде экспликации (приведения полной дефиниции или ее части) более частотна в научно-популярных текстах, где есть определенная необходимость в экспликации значения той или иной специальной терминологической единицы, так как реципиентами научно-популярного текста являются неспециалисты, в то время как в чисто научных текстах в частотной экспликативной деконструкции терминологических единиц нет нужды, за исключением весьма частных случаев употребления сложных, не частотно встречающихся и узкоспециальных терминов.

Рассмотрим несколько примеров.

(1) «The stated primary goal of American actions in the Persian Gulf War (1991), the interwar period, and the Iraq War (beginning in 2003), was to limit Iraqi participation in the terrorists' **jihad**, or *holy struggle*, against the West, particularly the United States, Israel, and America's Arab allies» (Powell 2010, p. 800). В приведенном примере наблюдается актуализация вполне типичной для английского и немецкого специального текста военной тематики стратегии именно экспликативной деконструкции семантики заимствованного термина. Деконструкция такого рода, как правило, производится через пояснение заимствованной терминоединицы «*jihad*» – «*holy struggle*» («священная война»). Иерархические когнитивные схемы в контекстах такого рода имплементируются крайне редко, и понятийный уровень деконструкции остается константным; характерным является употребление общей лексики для экспликации терминоединиц – в этом принципиальное отличие рассматриваемого нами феномена от дефинирования терминов. В последнем случае дефиницию

необходимо выстраивать по определенным правилам [Лату 2017а; Лату 2017б].

Ввиду того, что рассматриваемая нами на англоязычном и немецкоязычном материале терминосистема военного дела является преимущественно прикладной [Акаева, Алимуратов 2016], для таких терминов деконструкция достаточно частотно протекает через сценарные структуры, в которых представлена информация о том, каковы *алгоритмы использования* объектов, которые называют термины. Эта информация вербально репрезентируется в контекстах экспликативной деконструкции терминоединиц, например:

(2) «*HALO infiltrations are normally conducted under the cover of darkness or at twilight to lessen the chance of observation by hostile forces. Using the Ram Air Parachute System (RAPS), operators deploy their parachutes at a designated altitude, assemble in the air, and land together in the arranged drop zone (DZ) to begin their mission. This type of drop can be conducted even in adverse weather conditions. Flying at an altitude of 25,000 to 43,000 feet mean sea level (MSL), the jump aircraft – such as an MC-130 Combat Talon (see page 238) – will appear as a legitimate aircraft on an enemy’s radar screen, perhaps as just another commercial airliner traversing the globe*» (Pushies 2016, p. 51).

В процитированном отрывке отсутствует расшифровка англоязычного военного термина-аббревиатуры «HALO» – «High Altitude Low Opening» («высотный парашют для затяжных прыжков»; «затяжной прыжок с большой высоты»; «десантирование с большой высоты с длительной задержкой раскрытия парашюта» [Multitran]), однако косвенно через смежные термины («RAPS» – «Ram Air Parachute System» («планирующий парашют с самонаполняющейся оболочкой»), «MSL» – «mean sea level» («средний уровень моря»), «DZ» – «drop zone» («зона выброски десанта») и др.) и скриптовые элементы, маркированные акциональной семантикой («*flying, deploy their parachutes*»), можно догадаться о его значении. Деконструкция осуществлена по сценарной структуре: скрипт «Протекание военных событий и действий», субскрипт «Протекание военного сценария», слот «Осуществление элементов военного сценария», слот «Десантирование», терминал «Конкретный тип десантирования».

Подобные примеры присутствуют и в немецкоязычном тексте:

(3) «Der Trick besteht darin, in der richtigen Körperhaltung abzuspringen und den Fallschirm mit der angemessenen Verzögerung zu öffnen. Bei den SEALs gibt es zwei Arten von Fallschirmoperationen: HALO (High Altitude, Low Opening) mit Absprung in großer Höhe und Öffnung des Schirms in geringer Höhe und HANO (High Altitude, High Opening) mit Absprung in großer Höhe und Öffnung des Schirms in großer Höhe. Bei

еinem **HALO-Sprung** verlässt der Springer das Flugzeug unter Verwendung eines Sauerstoffgeräts in 10 500 Metern Höhe und öffnet den Fallschirm erst in einer Höhe von etwa 600 Metern, um zu vermeiden, dass er entdeckt wird. Er fällt dann volle drei Minuten mit einer Geschwindigkeit von etwa 200 Stundenkilometern, bevor er den Schirm öffnet.

Bei einem **HAHO-Sprung** verlassen Kampfspringer das Flugzeug ebenfalls in 10 500 Metern Höhe, ziehen aber schon nach einer kurzen Verzögerung von vielleicht drei Sekunden die Reißleinen. Sie öffnen ihre Schirme also nicht erst in letzter Sekunde, sondern in großer Höhe und manchmal buchstäblich noch im Jetstream. Die Springer gleiten dann in einer Höhe von 10 000 Metern mit offenem Fallschirm dahin. Sie bilden eine Gruppe und steuern ihr Ziel im Formationsflug an.

In einer Höhe von 10 000 Metern hat ein MT-IX-Fallschirm eine Vorwärtsgeschwindigkeit von etwa 55 Stundenkilometer, er kann also eine erhebliche Distanz zurücklegen, bevor er am Boden ankommt. Je nach Windverhältnissen kann ein Springer 30 bis 50 Kilometer von der Absprungstelle entfernt landen. Das ermöglicht, in ein Gebiet vorzudringen, in dem man weder...» (Pfarrer 2013, S. 65).

Деконструкция терминов «HALO» и «HAHO», как и в англоязычном тексте, осуществлена по сценарной структуре, скрипт «Протекание военных событий и действий», субскрипт «Протекание военного сценария», слот «Осуществление элементов военного сценария», слот «Десантирование», терминал «Конкретный тип десантирования». В приведенных примерах приводятся расшифровки военных терминов, причем и сами термины, и расшифровки являются англоязычными, однако подробные описания типов прыжков и их характеристик представлены на немецком языке.

В нашей выборке отмечены случаи текстовой семантической деконструкции и аббревиатурованных терминов.

(4) «*Today, more than ever, the words of Gen. Douglas MacArthur apply to SOF units: Your mission remains fixed, determined, inviolable – it is to win our wars. Everything else in your professional career is but a corollary to this vital dedication. All other public purposes, all other public projects, all other public needs, great or small, will find others for their accomplishment; but you are the ones who are trained to fight; yours is the profession of arms – the will to win, the sure knowledge that in war there is no substitute for victory*» (Pushies 2016, p. 9).

В приведенном примере наблюдаем употребление инициальной терминологической аббревиатуры «SOF» – «*Special Operations Forces*» («ССО» – «силы специальных операций»; «силы по проведению специальных операций»; «силы специального назначения, спецназ»)

[Multitran]. Обратим внимание на сходство («*the profession of arms*» – «военная профессия») и противопоставление обычных военных подразделений и сил специальных операций. При этом семантическая деконструкция производится через акциональную экспликацию, т.е. согласно структуре скрипта («*trained to fight*», «*to win*», «*to win our wars*» и др.) (скрипт «Деятельность участников военных действий», субскрипт «Действия воинских частей и подразделений»).

Следует отметить, что в некоторых немецкоязычных текстах при семантической деконструкции употребляются англоязычные терминологические единицы:

(5) «Zur Erhöhung der Einsatzmöglichkeiten ihrer **Spezialeinsatzkräfte** (*Special Operation Forces*) beabsichtigen die USA den Ersatz von 14 älteren Flugzeugen des Typs MC-130 E COMBAT TALON 1 durch 24 Flugzeuge der verbesserten Version MC-130 H COMBAT TALON 2» (Beining 2021, S. 280).

В заключение еще раз подчеркнем, что одним из типов деконструкции, которые могут быть выделены в рамках лингвистики, выступает семантическая деконструкция терминологических единиц. Среди когнитивных структур, через посредство которых осуществляется семантическая деконструкция терминологических единиц, важную роль играет скрипт (сценарий) как динамическая когнитивная структура, используемая для представления последовательности стереотипных событий.

Важно учитывать, что именно научный и научно-популярный типы текста выступают в качестве приоритетных сфер реализации немецкоязычных и англоязычных терминов военной сферы, подвергающихся деконструкции. Семантическая деконструкция более частотно встречается в научно-популярных текстах, где есть определенная необходимость в экспликации значения той или иной специальной терминологической единицы, так как реципиентами научно-популярного текста являются неспециалисты.

Подробный анализ и приведенные примеры показывают, что чаще деконструкции в семантическом плане подвергаются сложные производные, многокомпонентные (двух-, трех-, четырех-, пяти- и шестикомпонентные) терминоединицы и номенклатуры (23,7% изученной выборки), представляющие собой термины-словосочетания, аббревиатуры и сокращения с числовыми компонентами или без таковых, по сравнению с простыми непроизводными и производными единицами (1,3% выборки).

Библиографический список

1. Акаева Х.А., Алимуратов О.А. О некоторых системных критериях разграничения фундаментальных и прикладных терминологий // Российский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. № 2. С. 200–211.
2. Алимуратов О.А., Тасуева С.И., Исмаилова В.Ш. Некоторые аспекты переводческой рецепции романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в англоязычной лингвокультуре (на материале переводов XX века) // Вестник Пятигорского государственного университета. 2018. № 3. С. 175–182.
3. Антакли С.А. Термины военной сферы: традиция лингвистического изучения и деконструкция в англоязычном научно-популярном тексте // Вестник Пятигорского государственного университета. 2021. № 3. С. 84–92.
4. Антакли С.А., Алимуратов О.А. Деконструкция англоязычных военных терминов в массмедийном тексте // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2023. № 2. С. 136–147.
5. Лату М.Н. Основные и дополнительные информационные блоки дефиниции термина // Вестник Пятигорского государственного университета. 2017а. № 4. С. 196–199.
6. Лату М.Н. Терминологическая плотность дефиниции // Известия Самарского научного центра Российской академии наук: Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2017б. Т. 19. № 3. С. 89–96.
7. Derrida J. *Of Grammatology* / 40th ed. / Translated by G.Ch. Spivak. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2016. 560 p.
8. Multitran [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.multitran.com> (дата обращения: 04.05.2024).
9. Norris C. *Deconstruction: Theory and Practice* / 3rd ed. L.; N.Y.: Routledge, 2002. 249 p.
10. Rastier F. *Meaning and Textuality* / Translated by F. Collins and P. Perron. Toronto: University of Toronto Press Inc., 1997. 281 p.

Источники

1. Beining J. *Streng geheim! Elektronische Kampfführung im Kalten Krieg. Die EloKa der Bundeswehr und NATO aus östlicher Perspektive*. Berlin: Carola Hartmann Miles-Verlag, 2021. 360 S.
2. Pfarrer Ch. *Zum Krieger geboren. Mein Leben als Navy Seal*. Sofia: Riva, 2013. 500 S.

3. *Powell J. Weapons & Warfare. Revised Edition. Pasadena, California, Hackensack, New Jersey: Salem Press, 2010. 1297 p.*

4. *Pushies F. US special Ops. The history, weapons, and missions of elite military forces. Minneapolis, USA: Voyageur Press, 2016. 323 p.*

THE PHENOMENON OF SEMANTIC DECONSTRUCTION OF TERMS (DRAWING ON THE EXAMPLE OF GERMAN AND ENGLISH MILITARY TERMINOLOGY)

S.A. Antakli

*Pyatigorsk State University, Pyatigorsk
Military Training and Research Center of the Ground Forces «Combined Arms Order of Zhukov Academy of the Armed Forces of the Russian Federation», Moscow*

The article is devoted to the analysis of the phenomenon of semantic deconstruction of terminological units drawing on the material of the German and English military terminology. It is argued that scientific and popular science types of text act as priority areas for the implementation of the German-language and English-language military terms that are undergoing deconstruction. In semantic terms, complex derivatives, multicomponent terminological units and nomenclatures, which are word combinations, abbreviations and abbreviations with or without numerical components, are deconstructed compared to simple non-derivative and derivative units.

Key words: term, terminology, semantic deconstruction, popular science text, nomenclature, multicomponent term.

Об авторах:

Антакли Светлана Анатольевна – соискатель кафедры западноевропейских языков и культур Института переводоведения, русистики и многоязычия Пятигорского государственного университета; доцент Военного учебно-научного центра Сухопутных войск «Общевойсковая академия Вооруженных Сил Российской Федерации»; e-mail: antakli@yandex.ru.

**ПРАГМАТИКА АВТОРСКОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА В
НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТАХ УСТНОЙ РЕЦЕПЦИИ
ОТДАЛЕННОЙ ЭПОХИ**

Г.А. Баева

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург*

Цель статьи – показать роль и значение авторского интерпретационного эвиденциально-эпистемического комментария в текстах отдаленной эпохи, предназначенных для устной рецепции. Авторский комментарий направлен на передачу определенного знания, самопрезентацию автора и оптимизацию рецепции.

Ключевые слова: автор, сказитель, комментарий, эвиденциальность, устная рецепция.

Значимой коммуникативно-прагматической особенностью произведений, создаваемых в эпоху, когда знакомство с ними происходило в основном через устную рецепцию, является управление процессом передачи знания, при которой сказитель, автор-повествователь, пересказывал ту или иную историю или события от своего имени, от имени одного из героев, или переключал повествование с речи одного персонажа на речь другого, управляя таким образом процессом рецепции в целом.

Текст отдаленной от нас эпохи звучал в полифонии, а, главное, повествование строилось на чередовании и альтернации речи персонажа и автора-рассказчика. Рассказчик получал свою коммуникативную партию (свой голос) как промежуточную, но важную инстанцию между автором и слушателем (читателем). Поль Зюмтор в «Опыте построения средневековой поэтики» указывает на три функции средневекового текста: во-первых, идейную, предполагающую наличие связи между говорящим и внешним миром или говорящим и его сознанием, во-вторых, межличностную, при которой говорящий с помощью языка вводит в текст самого себя и предстает перед слушателем (читателем) и, наконец, в-третьих, текстуальную – прикладную по отношению к двум предыдущим, благодаря которой язык устанавливает связь с самим собой и

ситуацией, образуя текст как дискурсивную единицу [Зюмтор 2003, с. 11–13].

Авторы, сказители и повествователи, создававшие свои произведения в отдаленные от нас эпохи, комментируя речевое поведение персонажа – исходного субъекта речи и свое собственное, принимают в тексте позицию метасубъекта речи, координируют восприятие и усвоение реципиентом (слушателем или режиссером, в исключительных случаях, читателем) не только развитие сюжета, но и их собственную авторскую позицию.

На уровне авторской коммуникации его связь с реципиентом осуществляется через авторские комментарии или, в другой терминологии, авторские отступления, ремарки, текстовые комментарии, авторский апостроф, авторские пояснения, перифраз, оговорки, толкования, одним словом, прагматическое вмешательство в повествование [Арнольд 1994, с. 18; Гончарова 1999, с. 73; Бондарева 1999, с. 31; Bürger 1969; Voelkel 1978].

Функции авторского комментария-вмешательства в повествование определяются прежде всего оптимизацией и управлением процессом рецепции, а также в обеспечении обозримости и связанности повествовательного пространства для лучшей ориентации читателя или слушателя в тексте повествования [Баева 2015]. Именно ориентация на адресата и определяет в них специфику авторского комментария и авторского «Я».

Авторское вмешательство, его завуалированную или открытую коммуниктивную «интервенцию» в ход повествования в виде разнообразных комментариев можно трактовать по-разному в зависимости от его объема, а также жанра, типа текста, способа его воспроизведения (устно или письменно) и т.п. Для произведений, рассчитанных, главным образом, на устную рецепцию, комментарии воспринимаются как особые повествовательные техники и содержательные оценки («inhaltliche Wertungen») автора-сказителя или исполнителя, функции которых состоят в структурировании («gliedernde»), заверении («beglaubigende»), продвижении сюжета («weiterführende»), визуализации происходящего («veranschaulichende») и в поучении («didaktische») [Voelkel 1978, S. 67–212]. Авторский комментарий представляет собой метанарративный элемент, служащий для организации внутритекстового пространства, посредством которого автор или рассказчик определенным образом включает в текст себя самого, свои собственные речевые действия, выражая тем самым свое отношение к продуцируемому им высказыванию, к его содержанию и форме, а также презентуя себя

самого. Так, повествователь «Песни о Хильдебранте», записанной в н. IX в., чередует свои воспоминания об описываемых событиях с передачей речи самих участников, ссылками на достоверные слова героев, тем самым оживляя и драматизируя свой рассказ [Баева 2012, с. 20–28].

С коммуникативной позиции роль авторского вмешательства в текст повествования можно определить как контактоустанавливающее, эмоционально-оценочное и интерпретационное. Для дальнейшего анализа интерес представляют авторские интерпретационные, т. е. заверяющие, провозглашающие или извещающие комментарии эвиденциально-эпистемической направленности [Kotin, Schönherr 2012].

Определенной эвиденциальностью обладают комментарии, в которых дается своеобразная самопрезентация автора и указание на некий, известный только ему, «источник»: рассказчик слышал историю (пример 1) или ему об этом рассказывали компетентные с его точки зрения люди: «наши люди», «старые и мудрые», моряки (примеры 2, 3, 4, 5):

(1) «Ik gihôrta ðat seggen, / ðat ...» (Hildebrandlied, 1) – «Ich hörte das erzählen, dass...»;

(2) «daz hōrtih rahhôn dia ueroltrehtuuîson, daz ...» (Muspilli, 37) – «Das hörte ich erzählen die Weisen des weltlichen Rechts, dass ...»;

(3) «dat sagetun mi usare liuti, / alte ante frote, dea erhina warun» (Hildebrandlied, 15) – «Das sagten mir unsere Leute, alte und weise, die früher lebten»;

(4) «dat sagetun mi seolidante / westar ubar wentilseo» (Hildebrandlied, 42) – «Das sagten mir die Seefahrer, / die westlich über das Weltmeer fuhren»;

(5) «Dat gafregin ich mit firahim firiuuizzo meista, dat» (Wessobrunner Schöpfungsgedicht 1) – «Das erfragte ich bei den Menschen als der Wunder größtes, dass».

Иногда автор сохраняет интригу, указывая, что он просто это знает и «это совершенно верно»:

(6) «Daz weiz ich, daz ist alawâr: ûf irstuont sih Goria dêr» (Georgslied 5.6; 6.4; 7.7) – «Das weiß ich, das ist völlig wahr, Georg erstand [vom Tode] da».

Подобные авторские вмешательства, с одной стороны, снимают со сказителя ответственность за эвиденциальность информации и, с другой стороны, позволяют ему прервать рассказ, вмешаться в повествование, напомнить о себе, переключить внимание слушающих, что было очень важно для устной рецепции.

У Отфрида в «Евангельской гармонии» для передачи когнитивной установки автора, указывающей на уверенное знание, выступает лексема «*giwisso*», за которой следует эмоциональное заверение «Этого я от тебя не скрою / не утаю»:

(7) «*Giwisso, thaz ni hiluh thih, thulta therer samalih / arabeito ginuag*» (Ludowicum 47) – «*Wahrlich, das verhehle ich dir nicht, in gleicher Weise / duldete dieser vielfältigen Mühe*».

Указанная структура приобретает у Отфрида своеобразную формульность и многократно используется в тексте «Гармонии».

Несмотря на важность самопрезентации и лишь косвенное уточнение источника информации, как это было показано выше, более убедительными являются комментарии эвиденциально-эпистимического, уточняющего и констатирующего характера, в которых автор, подчеркивая достоверность своего повествования, ссылается на компетентные источники – книги, под которыми подразумеваются Священные книги. Примеры: 8–10.

(8) «*er waz thaz frumikidi / Thaz zellent evangelion al so ih thir redion / iz sagent filu scono thie selbun buah frono*» (Otfrid IV 34, 12–14) – «*Er [Jesus] war der Erste [Auferstandene] / Das berichten die Evangelien, so wie ich es dir auch mitteile / Das sagen auch selbst die heiligen Bücher auf ihre wundervolle Art*».

(9) «*Thio buah duent unsih wisi, er Kristes altano si / joh zellent uns ouh mari, sin sun sin fater wari*» (Otfrid I 3, 15–16) – «*Die Bücher tun uns kund, er [Abraham] sei Christi Ahnherr / und teilen uns mit, dass sein Sohn Christi Vorfahr gewesen sei*».

(10) «*Las ich iu in alawa in einan buachon (ich weiz war) / sie in sibbu joh in ahtu sin Alexandres slahtu*» (Otfrid I 1 87–88) – «*Ich habe wahrhaftig in gewissen Büchern gelesen (ich weiß die Wahrheit) / sie [die Franken] seien nach Herkunft und Rang verwandt mit Alexander*».

Номинация источника информации осуществляется в этом случае через лексемы: «*buah*», «*evangelion*», «*redina*», «*mari*», «*lera*» и соответствующие глаголы: «*zellen*», «*sagen*», «*lesen*», «*duen wisi*»: книга рассказывает, сообщает, упоминает, учит мудрости и т.п. В качестве адресата выступает инклюзивное «*wir*», но затем, как правило, в текст вводится автореференция и дается ссылка «Как я сообщаю» или «Я знаю». Далее, для подкрепления авторитетности и надежности, а также и в дидактических целях, автор может указывать уже себя как источник информации, делая сноски «Как я говорю/сказал» или уточняющие ссылки «Я имею в виду/ я считаю», построенные по аналогии со ссылками на Евангелия. Ср. примеры 11–12:

(11) «Hugi weih thir sageti, ni wis zi dumpmuati,/firnim thesa lera, so zellu ich thir es mera:/ Ich meuin sancta Mariun, kuningin thia richun» (Otfrid I 3, 29–31) – «Bedenke, was ich dir sagte, sei nicht stumpfen Sinnes, /höre dieser Lehre zu, so erzähle ich dir mehr davon:/Ich meine Sancta Maria, die mächtige Königin».

(12) «Uuanta thaz ist funtan, unz wir haben nan gisuntan / thaz leben wir, so ih meuin, mit frewi joh mit heil» (Ludowicum 80–81) – «Denn das ist erwiesen: Solange er gesund in unserer Mitte weilt / können wir, wie ich meine, froh und getrost leben».

Итак, одна из функций древних памятников как способа представления и передачи знания, заключается в выстраивании межличностных отношений, когда говорящий (автор, сказитель, рассказчик) выступает перед слушателем и включает в текст себя самого и свои собственные речевые действия комментирующего и заверительного характера, указывающие на обладание им теми или иными знаниями. Эвиденциальность этих знаний подчеркивается указанием на устные или письменные источники, авторитетнейшим из которых является Евангелие.

Традиция авторского вмешательства в текст продолжается в средневековых произведениях. Здесь функции авторского комментария расширяются и заключаются не только в оптимизации и управлении процессом рецепции, но и в обеспечении обозримости и связанности художественного повествовательного пространства для лучшей ориентации читателя или слушателя в тексте повествования [Баева 2016; Баева 2015].

Библиографический список

1. Арнольд И.В. Коммуникативно-прагматическая функция авторских комментариев // Коммуникативные единицы языка: тезисы докл. всесоюз. науч. конф. М.: МГПИИЯ, 1984. С. 16–19.

2. Баева Г.А. Проблемы исторической реконструкции коммуникативно-прагматических категорий в диахронии: Так о чем же говорили Хильдебрант и Хадубрант? // Очерки по исторической прагматике германских языков. СПб.: Санкт-Петербургск. гос. ун-т, 2012. С. 20–28.

3. Баева Г.А. Авторский комментарий в немецких рыцарских романах // Язык как система, деятельность и пространство мысли. Архангельск: КИРА, 2015. С. 298–310.

4. Бондарева Л.М. Прагматика авторского комментария в текстах ретроспективной направленности // Коммуникативно-

прагматические аспекты лингвистических исследований: сб. науч. тр. Калининград: Калинингр. гос. ун-т, 1999. С. 29–35.

5. Гончарова Е.А. Пути лингвостилистического выражения категорий автор-персонаж в художественном тексте. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1984. 149 с.

6. Зюмтор П. Опыт построения средневековой поэтики. СПб.: Алетейя, 2003. 544 с.

7. Baeva G. Der Erzähler und sein Publikum in der mittelhochdeutschen Dichtung // *Medievales* 60, Tome 1. Amiens, 2016. S. 46–58.

8. Bürger H. Vorausdeutung und Erzählstruktur in mittelalterlichen Texten // *Typologia Litterarum. Festschrift für Max Wehrli* / hgg. von S. Sonderegger, A.M. Haas, H. Burger. Zürich: Freiburg i.Br., 1969. S. 125–153.

9. Kotin M., Schönherr M. Zum Verhältnis von Epistemizität und Evidentialität im Deutschen aus diachroner und typologischer Sicht // *Zeitschrift für deutsche Philologie*. 2012. Nr. 3. S. 393–416.

10. Voelkel C. Der Erzähler im spätmittelalterlichen Roman. Frankfurt am Main; Bern; LasVegas: Lang, 1978. 365 S.

Источники

1. Mettke H. Älteste deutsche Dichtung und Prosa. Georgslied. Leipzig: Reclam, 1979. 309 S.

2. Mettke H. Älteste deutsche Dichtung und Prosa. Hildebrandlied. Leipzig: Reclam, 1979. 309 S.

3. Mettke H. Älteste deutsche Dichtung und Prosa. Ludwigslied. Leipzig: Reclam, 1979. 309 S.

4. Mettke H. Älteste deutsche Dichtung und Prosa. Muspilli. Leipzig: Reclam, 1979. 309 S.

5. Erdmann O. Otfrids Evangelienbuch. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1973. 311 S.

PRAGMATICS OF AUTHORIAL INTERVENTION IN GERMAN-LANGUAGE TEXTS OF ORAL RECEPTION FROM A DISTANT ERA

G.A. Baeva

St. Petersburg State University, St. Petersburg

The purpose of the article is to show the role and significance of the author's interpretative evidential-epistemic commentary in texts of a distant era intended for oral reception. The author's commentary is aimed at conveying certain knowledge, self-presentation of the author and optimization of reception.

Key words: author, narrator, commentary, evidentiality, oral reception.

Об авторах:

Баева Галина Андреевна – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии, заведующий кафедрой иностранных языков и лингводидактики Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: g.baeva@spbu.ru.

УДК 811.112.2

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ НЕМЕЦКИХ СВОДОВ ПРАВИЛ ПОВЕДЕНИЯ XVIII В.

Л.Ф. Бирр-Цуркан

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург*

В статье рассматриваются уровни интертекстуальности немецких сводов правил поведения первой половины XVIII в. Межтекстовое взаимодействие представлено различного рода цитацией, в то время как внутритекстовые отсылки обеспечивают навигацию по тексту. При этом интертекстуальность выполняет референтивную (а в ее рамках аргументативную и навигационную), апеллятивную и поэтическую функции.

Ключевые слова: интертекстуальность, своды правил поведения, литература о правилах приличия, цитация

Термин интертекстуальность был введен в 1967 году Юлией Кристевой в статье «Бахтин, слово, диалог и роман» и определен ею как текстуальная интеракция, «которая происходит внутри отдельного текста. Для познающего субъекта интертекстуальность – это признак того способа, каким текст прочитывает историю и вписывается в нее» [цит. по: Ильин 1998, с. 225]. С точки зрения Кристевой, «любой текст – это впитывание и трансформация какого-нибудь другого текста» [Кристева 2004, с. 167].

Для Ю. Кристевой интертекстуальность проявляется прежде всего на уровне взаимодействия с другими текстами, для нее текст – это некая «мозаика цитации» [Кристева 2004, с. 167]. М.М. Бахтин же говорил о диалогичности как между текстами, так и внутри самого текста, то есть это может быть и диалог автора с другими авторами, и его диалог с самим собой [Бахтин 2000, с. 91].

Безусловно, явление диалогичности (или интертекстуальности) возникло не в XX веке, когда об этом писали М.М. Бахтин и Ю. Кристева. Само явление существовало и раньше, в силу природы человеческого познания, опирающегося на опыт предыдущих поколений и находящегося в постоянном диалоге и с самим собой, и со своим окружением. Таким образом, об интертекстуальности можно говорить и применительно к текстам отдаленных эпох.

Материалом настоящей статьи послужили немецкоязычные сборники правил поведения первой половины XVIII в. Исследование показало, что в данных текстах интертекстуальность проявляется на различных уровнях – обращение к текстам других авторов в виде цитации и переключки внутри одного текста, своего рода навигация по тексту, т. е. отсылка к предыдущим или к последующим страницам.

Наибольшее распространение среди цитат имеют различного рода латинские изречения. При этом практически во всех случаях они приводятся без перевода на немецкий язык, то есть автор исходит из достаточной образованности читателя, способного понимать латынь. Например, в труде «Commodos Manual, Oder Hand=Buch» 1703 г.:

(1) «Denn was man schon vorlangft im Sprichworte gefaget / das trifft heute zu Tage am meisten ein / wenn es heiffet: Qui proficit in literis & deficit in moribus (politicis), plus deficit, quam proficit» (Commodos Manual 1703, S. 12). – «Ибо то, что давно уже в поговорках сказано, то сегодня больше всего и происходит, когда говорят: Тот, кто разбирается в бумажной работе и терпит неудачу в морали (политике), терпит больше неудач, чем получает прибыли» (здесь и далее перевод примеров наш – Л.Б.)

(2) «Dahero es nach dem gemeinen Sprichworte heift: Nimia familiaritas parit contemptum» (Commodos Manual 1703, S. 37). – «Потому

в простой поговорке говорится: Чрезмерная близость порождает презрение».

Так же поступает и автор «Lebhaffte Abbildungen und Grundriffe der Thorheit und Klugheit» 1715 г.:

(3) «unicâ quippe circumstanciâ totum Jus variante» (Lebhaffte Abbildungen und Grundriffe der Thorheit und Klugheit 1715, S. 41). – «Для особых обстоятельств это самый подходящий вариант».

(4) «Kommen wir nun von der Beweg=ung und Stellung des Leibs auch auf die Minen deß Gefichts, so ist es eine be=kannte Sache: Quod fronts fit animi Janua» (Lebhaffte Abbildungen und Grundriffe der Thorheit und Klugheit 1715, S. 156). – «Если мы перейдем от движений и поз тела к выражению лица, то общеизвестно следующее: Фасады подходят к началу двери».

Авторы правил поведения вплетали в свой текст фразы на иных языках, например, на французском. В этом случае перевод на немецкий язык также не приводится:

(5) «Denn: Le degouft & la negligence font la peste de tous les avancements & de tous les etudes. Hingegen: L'attention la repetition & la perferance font l'ame de toute la perfection» (Commodes Manual 1703, S. 25). – «Ибо: Отвращение и пренебрежение – это чума всякого прогресса и учебы. Напротив: Внимание, повторение, настойчивость – вот душа всякого совершенства».

В качестве подтверждения собственных суждений авторы сводов правил поведения нередко обращаются к тексту Библии. Так, например, в «Thorheit und Klugheit» встречаем:

(6) «... als kommt uns (2.) die Offenbarung in dem Bibel=Buch zu Hülff, und zeigt uns nicht nur was Gott nach seinem Wesen, als auch nach seinen Kräfften und deren Wirckungen sehe, sondern auch seinen Willen, und was er von uns will gethan und gelassen haben...» (Lebhaffte Abbildungen und Grundriffe der Thorheit und Klugheit 1715, S. 44). – «Когда нам (2.) на помощь приходит откровение из Библии, и показывает нам не только то, что видит Бог по своей сути и по его силам и его воздействию, но и его волю и что он хотел, чтобы мы делали и не делали...».

Автор «Collegium Homileticum de Jure Decoris» 1730 г. также постоянно отсылает читателя к Священному писанию:

(7) «Weilen sie einige Oerter der Heil. Schrift, sonderlich aber den Spruch Luc. 10. V. 4 unrecht ver=stehen; Denn weil der Heyland seinen Jung=ern, die er in der Welt ausschicket das Evangelium zu predigen, verbietet, daß sie nicht die Leute auf der Strassen, die ihnen begegneten, gruffen solten, so meynen die einfältigen Leute, unser Heyland hätte

dadurch das Decorum verbohten» (Collegium Homileticum de Jure Decori 1730, S. 72). – «Потому что они некоторые места в Священном Писании, в особенности послание от Луки 10, стих 4 неверно понимают; потому что поскольку Господь своим апостолам, которых он посылает в мир проповедовать Евангелие, запрещает, чтобы они не приветствовали людей, которые им встречаются на дорогах, то ограниченные люди полагают, что наш Господь запретил приличия».

И чуть ниже:

(8) «Man lese hievon 2. Reg. IV. v. 29 da Elifa seinen Knaben Gehafi verboht, nie=mand auf der Straßse zu gruffen, h.e. nicht lange stille zu stehen, sondern sein Gewerbe hurtig auszurichten. Daß aber dieses noht=wendig nach Anleitung der Jüdischen Histo=rie, so wie gesagt, mußte verstanden, und nicht auf alles Gruffen simpliciter gedeutet werden, kann man aus anderen Ohrten der Heiligen Schrift, die das vorige Dictum erklären, gar deutlich erweisen» (Collegium Homileticum de Jure Decori 1730, S. 73). – «Об этом следует прочесть в 2. регистре IV. стих 29 где Елисей запретил своему слуге Гиезию ни с кем не здороваться на улице, не стоять долго без дела, а быстро справлять свое дело. Но то, что это необходимо понимать согласно введению в иудейскую историю так, как сказано, а не относительно любого простого приветствия, можно четко понять из других мест Священного писания, которые объясняют предыдущее правило».

Кроме Библии читателю советуют прочесть труды других авторов, например:

(9) «Sondern ich verweise den ge=neigten Leser dißfalls auf die Bibel, und frommer Leute v. gr. Lutheri, Heinrich Müllers, Johann Arnds, Lutkemanns, x.x. erbauliche Schriften, auß welchen er hoffentlich von der Klugheit der Gerechten genugsamem Unterricht finden wird» (Lebhafte Abbildungen und Grundrisse der Thorheit und Klugheit 1715, S. 50). – «А я отсылаю благосклонного читателя в этом случае к Библии и сочинениям набожных людей, как Лютера, Генриха Мюллера, Иоанна Арндта, Люткеманна и пр., из которых он, надеюсь, получит достаточное объяснение о мудрости праведных».

(10) «Dr. Andreas Rüdiger hat in seinem Buche von der Zufriedenheit Cap. VIII § 10, 11, und in der philosf. Pragmat. § 520 die Natur des menschlichen Willens etwas genauer, als andere gethan, zu untersuchen angefangen. Der sel. Herr D. Adolph Friedrich Hoffmann, dessen ungemein gründlichen Unterricht ich unter allen meinen wertheften Lehrern in der Philosophie, de=ren Verdienste um mich ich allerseits hochschätze und erkenne...» (Anweisung vernünftig zu leben 1744, S. 29) – «Доктор Андреас Рюдигер в своей книге об удовлетворенности Гл. VIII § 10, 11 и в

философской прагматике § 520 начал исследовать природу человеческой воли несколько точнее, чем другие это делали. Господин доктор Адольф Фридрих Гофман, необычайно основательные занятия по философии которого я среди всех моих дорогих учителей во всех смыслах ценю и признаю...»

В «Commodes Manual» автор также апеллирует к другим книгам, например:

(11) «Im u̇brigen können auch diejenigen Bücher fleißig gelesen werden / darinnen kluge Staats=Maximen und Lebens=Reguln enthalten seyn / welche man sodann ad Paxin zu bringen suche / z. E. des berühmten Spaniers / Graciani L'Homme de lour...» (Commodes Manual 1703, S. 44). – «в остальном могут быть прилежно прочитаны те книги, в которых содержатся государственные максимы и жизненные правила, которые можно применить на практике, например, знаменитого испанца Graciani L'Homme de lour».

И латинские фразы (либо фразы на иных языках), и апелляция к другим книгам служат для авторов сводов правил поведения способом аргументации их собственных высказываний. Кроме того, здесь прослеживается референтивная функция, поскольку информация передается через отсылку к другим текстам. Наиболее ярко эта функция проявляется в тексте «Jure Decori», автор которого ведет спор с представителями различных философских учений, например, с представителем кинизма – одной из сократических философских школ – Диогеном Синопским:

(12) «§ 10. Von der alten Philosophischen Secte des Diogenis Cynici, und was vor Uhr=sachen ihn zu ganzlicher Einstellung des Wohlstandes verführet» (Collegium Homileticum de Jure Decori 1730, S. 66). – «§ 10. О старой философской секте Диогена Киника и что за причины ведут к его позиции по отношению к благосостоянию».

На некоторых страницах автор упоминает один за другим трактаты других авторов, в том числе Эразма Роттердамского, который слыл одним из лучших образцов наставлений для юношества:

(13) «Unter den Jungern hat Joh. Casa noch u̇berdem einen kleinen Tractat der Officiis inter potentiores & tenuiores geschrieben, auffer sein bekannter Galatæus fc: de moribus liber. Beyde Bücher sind zwar klein, und gar nicht künstlich, dennoch aber unter den Alten beynahe noch mit die Besten, ja viel besser als selber des Petri Mulleri Spicilegium, so er daru̇ber gemacht. Ferner hat im sechzehnen=den Seculo Erasmus einen Tractat de civilitate morum geschrieben...» (Collegium Homileticum de Jure Decori 1730, 74-75). – «Среди молодых Йох. Каса написал маленький трактат Officiis inter potentiores & tenuiores, а кроме того его известный Galatæus

fc: de moribus liber. Обе книги хоть и маленькие и вовсе не художественные, но среди старых, пожалуй, одни из лучших, даже много лучше, чем Petri Mulleri Spicilegium. Кроме того, в шестнадцатом столетии Эразмус написал трактат de civilitate morum...»

С целью аргументации используются вплетаемые в текст рифмованные строки, заимствованные, скорее всего, у других авторов, хотя прямо на это не указывается. Использование рифмованных цитат может выполнять также эстетическую функцию и служить для украшения собственного текста:

(15) «Mit diesen Zeilen: / Was ein geliebter Mund verschienen hat ge=meinyet / Das hat getreue Hand heirbey ist aufge=setzt / Wenn mir wie diesem Text / ein gleiches Glück erscheinet / So seh ich / daß der Mund die Hand recht glücklich schätzt» (Commodes Manual 1703, S. 398). – «Этими строками: Как любимые уста это говорили, так верная рука это и написала. Если мне посчастливится так же, как и этому тексту, то я увижу, что уста и правда ценят руку».

(16) «Er dencke viel=mehr mit mir: / Man kann lieben / doch mit maffen / Daß man wieder kann ablassen» (Commodes Manual 1703, S. 447). – «Он думает так же, как и я: можно любить, но в меру, чтобы смочь отпустить».

Навигация по тексту представлена примерами отсылок к собственному тексту. Как правило, эти отсылки служат референтивным целям – для выстраивания логических связей текста либо во избежание повторов. Так, например, в «Lebhaffte Abbildungen und Grundriffe der Thorheit und Klugheit» автор отсылает читателя к уже написанным строкам:

(17) «mithin die oben §.X. in etwas beschriebene wunderliche Aufführung sorgfältigst gemieden werde» (Lebhaffte Abbildungen und Grundriffe der Thorheit und Klugheit 1715, S. 124). – «следовательно, описанное выше в § X удивительное поведение должно старательно избегаться».

А в «Jure Decori», наоборот, отмечается, что речь об указанной теме будет идти ниже:

(18) «... doch hat es so leicht mit einem pure cholericо & ambitiofo keine Noht, als wenn phlegma oder Melancholia gar starck mit ins Temperamentum tritt, wovon unten an seinem Ohrt mehr erfolgen wird» (Collegium Homileticum de Jure Decori 1730, S. 56). – «... однако нет особой нужды в холерике, если флегма или меланхолия сильно присутствует в темпераменте, о чем будет речь идти ниже».

Таким образом, интертекстуальность присуща немецким сводам правил поведения. Как любое другое произведение, они обладают

диалогичностью, которая пронизывает различные уровни – диалог автора с самим собой и диалог с возникшим к моменту создания этого документа или произведения культурным контекстом. Основной и наиболее разнообразной формой проявления межтекстового взаимодействия в немецких сводах правил поведения является цитация, диалог автора с самим собой представлен в виде навигации по тексту. При этом интертекстуальность выполняет в изучаемых текстах референтивную (а в ее рамках и аргументативную, и навигационную), апеллятивную и поэтическую (или эстетическую) функции.

Библиографический список

1. *Бахтин М.М.* Собр. Соч. Т.2 Проблемы творчества Достоевского. Статьи о Толстом. Записи курса лекций по истории русской литературы. М.: Русские словари, 2000. 798 с.
2. *Ильин И.П.* Постмодернизм от истоков до конца столетия. Эволюция научного мифа. М.: Интрада, 1998. 255 с.
3. *Кристева Ю.* Избранные труды: Разрушение поэтики. Пер. с французского. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 656 с.

Источники

1. *Commodes Manual, Oder Hand=Buch.* Leipzig, Lanckischens Erben, 1703. 505 S.
2. *Christophori Henrici Amthoris Weyland Prof. Publ. bey der Univerſität Kiel, Und hernach Ihro Königl. Majestät zu Dannemark, Norwegen etc. etc. Wohl-befallten Justiz-Raths, Historiographi, und Præsidenten zu Rendsburg Collegium Homileticum de Jure Decori oder eine Wissenschaft, Die da lehret, wie man sich in Conversation mit allerhand Leuten manierlich und wohl-anständig aufführen soll.* Leipzig, Copenhagen: Verlag Johann Nicolay Loffus, 1730. 313 S.
3. *Lebhaffte Abbildungen und Grundriffe der Thorheit und Klugheit. Oder: Gründlicher Unterricht, wie sich ein Mensch aller abgeschmackten und schädlichen Aufführung entäußern, und hergegen einer Klugen Conduite, Sowohl In Ansehung Gottes und seiner selbst, als auch hauptsächlich in Ansehung an=derer Menschen insgemein, und insonderheit in seinem eigenen Hause, auf offener Straffen, in all=gemeinen Versamlungen, in der Conversation, und in seinen Beruffs=Geschafften zu befleißigen habe.* Franckfurt und Leipzig, Berl.: Johann Friedrich Schmid, 1715. 279 S.

4. M. Christian August Crusii. Der heil. Schrift Baccalaur und der philosophischen Facultät zu Leipzig Assessoris, Anweisung vernünftig zu leben, darinnen nach Erklärung der Natur des menschlichen Willens die natürlichen Pflichten und allgemeinen Klugheitslehren im richtigen Zusammenhange vorgetragen werden. Leipzig: Verlag Johann Friedrich Gleditsch, 1744. 977 S.

INTERTEXTUALITÄT DER DEUTSCHEN BENIMMBÜCHER DES XVIII. JAHRHUNDERTS

L.F. Birr-Tsurkan

Staatliche Universität Sankt Petersburg, Sankt Petersburg

Der Artikel befasst sich mit den Ebenen der Intertextualität deutscher Benimmbücher der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts. Intertextuelle Interaktion wird durch verschiedene Arten von Zitaten repräsentiert, während intratextuelle Verweise die Navigation durch den Text ermöglichen. Intertextualität erfüllt referentielle (und in ihrem Rahmen argumentative und navigatorische), appellative und poetische Funktionen.

Schlüsselwörter: Intertextualität, Benimmbücher, Anstandsliteratur, Zitat.

Об авторах:

Бирр-Цуркан Лилия Федоровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: l.birr-tsurkan@spbu.ru; liljats@mail.ru.

УДК 811.112.2'366.584

К ВОПРОСУ О МОДАЛЬНОСТИ БУДУЩЕГО

Е.В. Боднарук

*Северный (Арктический) федеральный университет
им. М.В. Ломоносова, Архангельск*

Статья посвящена вопросу соотношения в семантике глагольных средств выражения будущего времени темпорального и модального содержания. Определяются основные типы модальных значений –

волитивные и эпистемические, коррелирующие с областью будущего. Отмечается связь эпистемического модального значения с эвиденциальным.

Ключевые слова: будущее время, темпоральность, модальность, эвиденциальность, наклонение, модальные глаголы, немецкий язык

Интерес к будущему времени как объекту исследования наблюдается со стороны многих наук – философии, психологии, логики и, конечно, лингвистики. Будущее время входит как один из конституентов в темпоральную триаду «настоящее – прошедшее – будущее». Это обстоятельство свидетельствует о его темпоральной основе. Как и в случае с настоящим и прошедшим временем, будущее время определяется исходя из его соотношения с моментом речи: это тот отрезок времени, который следует за моментом речи говорящего.

Известно, что во многих языках мира значение глагольного будущего времени передается формами индикатива, основным назначением которых является выражение, с одной стороны, темпоральности, с другой стороны, реальности в широком смысле [Сабанеева 1994, с. 53]. Вместе с тем, будучи конституентом темпоральной триады, будущее обнаруживает существенные отличия от настоящего и прошедшего прежде всего в модальном плане. Суть отличий обуславливается сложностью феномена модальности, заключающей в себе ряд весьма разнородных значений.

Модальность представляет собой функционально-семантическую категорию. Она объединяет в себе и грамматическую категорию наклонения, и такие лексико-грамматические средства, как конструкции с модальными глаголами и глаголами, близкими по значению к модальным. Помимо этого, в понятие модальности входят собственно лексические средства (например, модальные слова и частицы). Даже этот неполный список средств с модальным содержанием свидетельствует о неоднородности категории модальности. Неслучайно в этой связи, что ученые продолжают предпринимать попытки систематизации модальных значений. Уже традиционным стало, к примеру, деление модальности на объективную и субъективную. Согласно данному членению, наклонения являются выразителями объективной модальности, модальные слова и частицы – субъективной, а модальные глаголы могут иметь как объективное, так и субъективное употребление. Понятие модальности может еще больше расширяться исследователями за счет включения в него семантики

коммуникативных типов предложения, отрицания и ряда других языковых средств [Бирюлин, Корди 1990].

Вместе с тем, довольно широк и репертуар языковых средств, служащих экспликации значения будущего времени, по крайней мере, в немецком языке. Помимо специализированных грамматических форм – футура I и футура II – будущее может выражаться в прямой речи также презенсом и перфектом. Наряду с индикативными формами в репрезентации данного временного значения участвуют формы других наклонений – конъюнктива и императива, конструкции с модальными глаголами, наречия времени и некоторые другие языковые средства [Боднарук 2018]. Многие из перечисленных глагольных средств являются модальными по своей природе.

Пожалуй, самую большую сложность при проведении семантической интерпретации представляют формы индикатива – футур I и футур II, а также презенс и перфект. Футур I и презенс, с одной стороны, футур II и перфект, с другой стороны, образуют синонимичные пары. Первая пара служит выражению будущего как такового, вторая пара используется для экспликации так называемого «будущего завершённого». Синонимия форм оценивается исследователями по-разному. В том числе существует весьма распространённое мнение о том, что различие между синонимами состоит в наличии / отсутствии модального компонента значения. Чаще всего наличие модального компонента приписывается футуру I и футуру II, в то время как формы презенса и перфекта при обозначении будущего рассматриваются как лишённые модальности. Формы футура I и футура II, как «преимущественно модальные» даже исключаются некоторыми исследователями из темпоральной системы и переносятся в состав средств выражения модальности [Vater 1983, S. 206; Schulz, Griesbach 1992, S. 43].

На наш взгляд, различие между синонимами заключается обычно не в выраженности или невыраженности модального компонента значения. Оно носит несколько иной характер. Так, согласно данным нашего эмпирического анализа [Боднарук 2016, с. 32], формы футура I и футура II оказались наиболее частотными в высказываниях, отличавшихся определенной пафосностью, а также акцентированием внимания на предстоящем действии. Следовательно, различие между презенсом и перфектом, с одной стороны, и футуром I и футуром II, с другой, заключается прежде всего в критерии *нейтральное / не-нейтральное (особое) отношение к пропозиции* со стороны говорящего лица. В модальном плане синонимы не противопоставлены друг другу.

Они могут встречаться для выражения совершенно разных модальных значений.

Систематизировать модальные значения, коррелирующие с областью будущего, целесообразно исходя из семантики модальных глаголов, способных, как было отмечено выше, к выражению как объективной, так и субъективной модальности. Неслучайно именно модальные глаголы чаще всего развиваются во вспомогательные глаголы форм будущего времени в языках мира [Ulan 1978, S. 109].

Модальные глаголы в своих первичных (объективных) значениях выражают волитивную семантику, проявляющуюся в значениях: а) желания / намерения совершить какое-либо действие; б) желания побудить другое лицо совершить действие; в) выражения пожелания, чтобы какое-то действие / событие совершилось. В основе перечисленных значений лежит семантический компонент «хочу». Модальные глаголы во вторичных (субъективных) значениях эксплицируют эпистемическую семантику, предполагающую субъективную оценку пропозиции говорящим и отражающую полноту его знаний о действии или событии, представленном в этой пропозиции. Оценка пропозиции всегда градуальна и производится по так называемой шкале уверенности – от сомнения до значительной степени уверенности. Будущее время коррелирует как с волитивной, так и с эпистемической семантикой.

Практически любое глагольное средство, способное к выражению будущего, эксплицирует волитивную или эпистемическую семантику. Исключение составляют, пожалуй, лишь случаи употребления высказываний о будущем, наступлению которого ничто не может помешать, типа «*Morgen ist Freitag*», представляющих собой своеобразную констатацию наступления события в будущем (в случае, если говорящий точно знает, что время произнесения данного высказывания совпадает с четвергом). Однако подобные высказывания крайне редки. Поскольку они всегда предполагают отсылку к надежному источнику информации (напр., в данном случае к календарю), то их следует считать не «чисто» темпоральными, а темпорально-эвиденциальными [Боднарук 2016].

Эвиденциальность может сочетаться с эпистемической модальностью. Более того, в ряде исследований эвиденциальность рассматривается как подвид модальности [Kotin, Schönherr 2012], еще больше расширяя границы последней. Так, при анализе высказывания «*Peter wird zu uns kommen*» можно говорить не только о выражении будущего времени, но и об эпистемической модальности предположения, а также об эвиденциальной семантике. Источником

информации при этом может быть сам говорящий, сделавший логический вывод о визите Петра, исходя из своих знаний о его привычках, привязанностях и т.д. В качестве источника информации может выступать и другое лицо. Петр мог ранее сообщить говорящему о намерении прийти, или кто-то другой рассказал говорящему о желании Петра прийти. Важную роль играет в этом случае степень достоверности или авторитетности источника информации. Чем она выше, тем больше оснований говорить о выражении наряду с темпоральным эвиденциального значения.

Таким образом, степень модализации будущего может быть определена как весьма высокая, поскольку средства, способные выражать данную семантику, либо игерентно модальны (модальные глаголы, императив, конъюнктив и нек. др.), либо приобретают модальную семантику в контексте использования (презенс, перфект, футур I, футур II). Появление модальной семантики обусловлено отсутствием возможности верифицировать будущее в момент речи, его «открытостью» для наступления непредвиденных обстоятельств и рядом других факторов нелингвистического характера.

Библиографический список

1. Бирюлин Л.А., Корди Е.Е. Основные типы модальных значений, выделяемые в лингвистической литературе // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. С. 67–71.
2. Боднарук Е.В. Будущее время и средства его экспликации в немецком языке // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 53. С. 32–47.
3. Боднарук Е.В. Категория футуральности в современном немецком языке: семантико-прагматический и функционально-дискурсивный аспекты исследования: автореф. дис. ... док. филол. наук. Архангельск, 2016. 39 с.
4. Сабанеева М.К. О сущности наклонения // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 46–55.
5. Kotin M., Schönherr M. Zum Verhältnis von Epistemizität und Evidentialität im Deutschen aus diachroner und typologischer Sicht // Zeitschrift für deutsche Philologie. Bd. 131, Heft 3. 2012. S. 393–416.
6. Schulz D., Griesbach H. Grammatik der deutschen Sprache. München: Max Hueber Verlag, 1992. 476 S.
7. Ultan R. The nature of future tenses // Universals of human languages / Hrsg.: J. G. Greenberg et. al. Stanford, 1978. Vol. 3. P. 83–128.

8. Vater H. Zum deutschen Tempussystem // Festschrift für L. Saltveit zum 70. Geburtstag/ Hrsg.: J. O. Askedal, Ch. Christensen, Å. Findreng, O. Leirbukt. Oslo, 1983. S. 201-214.

TO WHAT EXTENT IS THE FUTURE MODAL?

E.V. Bodnaruk

*Northern Arctic Federal University named after M.V. Lomonosov,
Arkhangelsk*

The article is devoted to the issue of temporal and modal content correlation in the semantics of verbal means expressing the future meaning. The main types of modal semantics – volitional and epistemic – are determined, which correlate with the future area. The connection between epistemic modal meaning and evidential meaning is noted.

Key words: future time, temporality, modality, evidentiality, mood, modal verbs, German language.

Об авторах:

Боднарук Елена Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой и французской филологии Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова; e-mail: e.bodnaruk@narfu.ru.

УДК 811.112.2

ТЕКСТОВАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ РОДИТЕЛЕЙ КАК АДРЕСАТОВ И СУБЪЕКТОВ РЕЧИ В ШКОЛЬНОМ НОРМАТИВНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Т.М. Большакова

*Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург*

В статье рассматриваются особенности текстовой актуализации родителей учащихся учебных заведений в школьном нормативном дискурсе ФРГ. На основании критерия «эксплицитная маркировка в семантическом пространстве» выявлены три группы текстов, демонстрирующих либо отсутствие родителей в семантическом

пространстве, либо их функционирование в роли адресатов и/или субъектов речи.

Ключевые слова: школьный нормативный дискурс, адресатная личность, субъект речи, немецкий язык

Немецкий школьный нормативный дискурс в контексте настоящего исследования представляет собой статусно ориентированный коммуникативно-речевой процесс, ограниченный институциональными рамками учебных заведений различных ступеней и форм, типичных для современной Германии. Данный процесс предполагает наличие двух групп типовых участников общения [Карасик 2002, с. 14] – агентов учебных заведений, под которыми понимаются как педагоги и представители школьных администраций, так и клиенты, представленные учащимися, родителями и лицами, на которых возлагается родительская ответственность. Агенты учебных заведений несут ответственность за организацию и проведение учебно-воспитательного процесса и наделяются в соответствии с этим правами авторитетов нормы. Клиентам на основании их социального статуса в системе школьной иерархии отводится роль субъектов нормы. Агенты в своей совокупности при выполнении ими роли инициаторов нормотворческой деятельности и создателей текстов актуализируют адресантную коллективную личность, а клиенты в процессе получения и декодирования нормативных посланий – адресантную.

Тексты, манифестирующие отношения авторитетов и субъектов нормы и формирующие школьный нормативный дискурс, являются объектом настоящего исследования. Предмет исследования – способы текстовой актуализации родителей как представителей адресатной коллективной личности и субъектов речи. Материал исследования представлен текстами нормативных жанров «*Schulregeln*» («Правила поведения в школе»), «*Schulordnung*» («Правила внутреннего распорядка школы»), «*Elternvertrag*» («Договор с родителями») и «*Elternvereinbarung*» («Соглашение с родителями»), отобранными на сайтах немецких школ в 2023–2024 годах.

Анализируемые тексты делятся на основании критерия «эксплицитная маркировка родителей как клиентов учебного заведения в семантическом пространстве нормативного текста» на три группы.

Первая включает в себя текстовые единицы, в которых упоминание родителей не включено в семантическое пространство. К этой группе относятся тексты, в которых основная роль получателей и

исполнителей содержащихся в них норм закреплена за школьниками. Отрицательная маркированность присутствия родителей-клиентов в текстах, обращенных к младшим клиентам, не исключает имплицитной адресованности текстов взрослым субъектам педагогического процесса, которые а priori несут ответственность за воспитание и социализацию своих детей.

Вторая группа объединяет тексты нормативных жанров «*Schulregeln*» и «*Schulordnung*», которые, будучи адресованными учащимся, содержат тем не менее эксплицитные маркеры присутствия их родителей в текстовом семантическом пространстве, представленные разноуровневыми языковыми средствами. К последним относятся прежде всего лексические единицы – имена существительные «*Eltern*» («родители»), «*Erziehungsberechtigte*» («лица, на которых возлагается родительская ответственность»), «*Elternhaus*» («родительский дом, семья»), «*Elterngespräch*» («разговор с родителями»). Данные средства могут обозначать родителей как

– клиентов учебного заведения: «*Kinder, Lehrer*innen, Erzieher*innen, Sozialpädagoge*innen, andere Mitarbeiter*innen der Schule und Eltern gestalten unseren Schulalltag*» (*Schulordnung* – Reginhard Grundschule) – «Дети, учителя, воспитатели, социальные педагоги, другие сотрудники школы и родители являются частью нашей школьной жизни»;

– субъектов нормы, на которых возлагается в соответствии с принятыми в учебном заведении предписаниями или запретами выполнение различных действий в посткоммуникативной реальности: «*Die Eltern sorgen dafür, dass ihre Kinder rechtzeitig in die Schule kommen, ein gesundes Frühstück, vollständige Arbeitsmittel und Hausaufgaben mitbringen*» (*Schulordnung*. Grundschule Jagstfeld) – («Родители заботятся о том, чтобы их дети вовремя приходили в школу и приносили с собой полезный для здоровья завтрак, необходимое оборудование и выполненные домашние задания»);

– посредников между учебным заведением и клиентами-учащимися, например: «*Die Nutzung ist nur nach vorheriger Absprache mit einer Lehrkraft für dringende Absprachen mit Erziehungsberechtigten gestattet*» (Standard-Hausordnung) – «Использование [смартфонов] разрешено только после предварительной договоренности родителей с педагогом, отвечающим за договоренности по особо важным ситуациям»; «*Nach drei Strafarbeiten erfolgt ein Elterngespräch*» (*Regeln für ein angenehmes Miteinander*. Grundschule Heldenfingen) – «После трех наказаний следует разговор с родителями».

Исследование данных текстов с использованием критерия «эксплицитная персонализация адресата» [Костюшко 2021, с. 173]

показало, что помимо упоминания родителей в семантической структуре текстов, нормоотправители конкретизируют адресатную коллективную личность с помощью обращений, представляющих лексико-синтаксический языковой уровень: «*Liebe Eltern*» («Дорогие родители»), «*Liebe Eltern und Erziehungsberechtigte*» («Дорогие родители и лица, на которых возлагается родительская ответственность»), например: «*Liebe Eltern, es gibt noch einige Punkte, zu denen Sie gefragt sind*» (Schulordnung. Steigleder-Schule Friedewald Grundschule des Kreises Hersfeld-Rotenburg) – («Дорогие родители, здесь есть еще несколько пунктов, при выполнении которых требуется ваша помощь»). Помимо обращений, эксплицитная адресованность реализуется также с помощью личного местоимения «*Sie*» («Вы») и притяжательного «*Ihr*» («Ваш») в составе императивных высказываний, например: «*Bitte lesen Sie die Schulordnung gemeinsam mit Ihrem Kind und besprechen Sie die aufgeführten Inhalte*» (Schulordnung der Pestalozzische Schule 2024) – («Пожалуйста, прочтите Правила внутреннего распорядка школы вместе со своим ребенком и обсудите с ним содержащуюся в них информацию»).

Применение критерия «участие в субъектно-речевой структуре текста» [Пелевина 2009, с. 7] позволило выявить во второй группе тексты, в которых родители-клиенты принимают на себя роль субъектов нормы, маркируя этот акт эгоцентрическим местоимением «*wir*» («мы»), например: «*Wir parken nicht auf dem Lehrerparkplatz*» (Schulordnung (Hermann-Löns-Schule)) – («Мы не паркуемся на учительской парковке»). При этом важно отметить, что *мы*-высказывания, фигурирующие в текстах данной группы, лишь имитируют адресантность речи, поскольку реальный адресант и речевой субъект в этих текстах не совпадают [Большакова 2019].

Третья группа объединяет тексты, в которых лексема «*Eltern*» в составе сложных слов «*Elternvertrag*» («Договор с родителями»), «*Elternvereinbarung*» («Соглашение с родителями») и др. определяет особые «интерактивные» жанры нормативных текстов, содержащие описание нормативных позиций, релевантных для взаимоотношений агентов (авторитетов нормы) и клиентов (субъектов нормы) в конкретных учебных заведениях. Родители-клиенты, вступающие в соответствии с жанрами «*Vertrag*» и «*Vereinbarung*» в посткоммуникативное взаимодействие с агентами, проявляют себя в этих текстах в роли адресатной личности, которая трансформируется из коллективной в индивидуальную в момент подписания договора или соглашения, приобретающего на основании этого действия документный характер. Речевой субъект, обозначаемый

эгоцентрическими местоимениями и оперирующий соответствующими перформативными глаголами, совпадает в момент подписания с реальным субъектом нормы: «*Ich/wir erklären, dass ich/wir das erzieherische Konzept in allen Punkten unterstützen und zu einer aktiven Zusammenarbeit mit der Schule bereit sind*» (Elternpflichtung 2024) – («Я/мы заявляем, что я/мы поддерживаем воспитательную концепцию по всем пунктам и готовы активно сотрудничать со школой»).

Проведенное исследование показало, что немецкий школьный нормативный дискурс демонстрирует разнообразие вербальных средств, маркирующих присутствие и функционирование в семантическом пространстве текстов родителей как клиентов учебного заведения, как субъектов нормы, как адресатов и речевых субъектов. Маркеры актуализации родителей, используемые создателями нормативных текстов, в их разных текстовых проявлениях служат основанием для дифференциации текстов, отражающих либо устранение клиентов из семантической структуры текста, либо закрепление за ними различных функций. Специфика последних определяется особенностями нормативного регулирования, главными исполнителями которого являются учащиеся.

Библиографический список

1. *Большакова Т.М.* Квазиэгоцентризм как прием коммуникативно-речевого построения нормативного текста (на примере нормативных текстов немецких начальных школ) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т.12. Вып.12. С. 226–230.

2. *Карасик В.И.* Язык социального статуса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 333 с.

3. *Костюшко Е.Т.* Способы и средства адресации в модульном рекламном тексте региональной газеты // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2021. № 199. С. 171–180.

4. *Пелевина Н.Н.* Текстовая актуализация когнитивно-речевого субъекта в научной и художественной коммуникации (на материале немецкого языка). Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Санкт-Петербург, 2009. 48 с.

Источники

1. Elternpflichtung. Leibniz IGS Langenhagen [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ligs-langenhagen.de> (дата обращения: 08.04.2024).

2. Regeln für ein angenehmes Miteinander. Grundschule Heldenfingen [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.grundschule-heldenfingen.de/images/Schulregeln/Schulregeln.pdf> (дата обращения: 08.04.2024).

3. Schulordnung – Reginhard Grundschule [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://reginhard-schule.de/schulordnung/#:~:text=Kinder%2C%20Lehrer*innen%2C%20Erzieher,wir%20uns%20alle%20orientieren%20k%C3%B6nnen (дата обращения: 08.04.2024).

4. Schulordnung (Hermann-Löns-Schule) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.hermann-loens-schule-lueneburg.de/schulordnung.html> (дата обращения: 08.04.2024).

5. Schulordnung der Pestalozzischule [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.pestalozzischule.info/seite/178418/schulordnung.html> (дата обращения: 08.04.2024).

6. Schulordnung. Grundschule Jagstfeld [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.gs-jagstfeld.de/unsere-schule/schulordnung/> (дата обращения: 08.04.2024).

7. Schulordnung. Steigleder-Schule Friedewald Grundschule des Kreises Hersfeld-Rotenburg [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.steigleder-schule.de/_docs/schulordnung.pdf (дата обращения: 08.04.2024).

8. Standard-Hausordnung [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://evr-viersen.de/index.php/site_content/item/34-hausordnung (дата обращения: 08.04.2024).

TEXTUAL ACTUALIZATION OF PARENTS AS ADDRESSEES AND SUBJECTS OF SPEECH IN SCHOOL NORMATIVE DISCOURSE (BASED ON THE GERMAN LANGUAGE)

T.M. Bolshakova

Russian State Pedagogical A.I. Herzen University, Saint Petersburg

The article discusses the peculiarities of textual actualization of parents of students of educational institutions in the school normative discourse of the Federal Republic of Germany. Based on the criterion of «explicit marking in semantic space», three groups of texts have been identified, demonstrating either the absence of parents in the semantic space, or their functioning as addressees and/or subjects of speech.

Key words: school normative discourse, addressee person, subject of speech, German language.

Об авторах:

Большакова Татьяна Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена; e-mail: tmbolshakova@herzen.spb.ru.

УДК 821.112.2(436)-2

СОВРЕМЕННАЯ АВСТРИЙСКАЯ ДРАМАТУРГИЯ: МЕЖДУ ТРАДИЦИЕЙ И НОВАТОРСТВОМ

Т.Г. Боричевская

Минский государственный лингвистический университет, Минск

В статье исследуется неразрывная связь традиции и новаторства как важный элемент творчества авторов пьес различных направлений драматургии Австрии второй половины XX – начала XXI вв., а также один из главных факторов развития современной драмы; прослеживается экспериментальное видоизменение и переосмысление авторами театрального канона.

Ключевые слова: драматургия, автор, традиция, эксперимент, развитие, современный, Австрия.

Драматургия – предельно канонизированная творческая вселенная, вынужденная подчиняться не только законам творчества и эстетики, но и законам театра и требованиям морального императива автора: даже самое абсурдное зрелище должно пробудить мысли и эмоции зрителя. Драматургический канон всегда выстраивался в попытке найти кратчайший путь к общественному сознанию: в поисках эффективных художественных средств драматурги-новаторы бесконечно ломали и изменяли традицию, а последующие поколения творцов воспринимали вчерашнюю инновацию как классику и, в свою очередь, экспериментировали с каноническими элементами – проводя их через череду метаморфоз, пародируя и открывая заново.

Как справедливо отмечает российский литературовед А.А. Аникст в монографии «Теория драмы от Аристотеля до Лессинга» (1967), каждый автор сталкивается с необходимостью сопоставить классику с новым, провести грань между традицией и экспериментом и в то же время объединить их в диалектическое единство [Аникст 1967].

Это мнение поддерживает автор эпохального для театроведения XXI века произведения «Постдраматический театр» (Postdramatisches Theater, 1999) Ханс-Тиз Леман, который считает, что «искусство вообще не может развиваться без обращения к своим прежним формам» [Lehmann 2008, S. 31], и авторы-новаторы неизбежно вынуждены будут детально изучить канонические постулаты драмы.

О пользе наследования классики говорит также известный белорусский критик и театровед А.В. Соболевский в своей работе «Личность художника» (1992). При этом автор подчеркивает: «Истинная традиция – это не что-то застывшее, окончательно устоявшееся, и руководствоваться ею вовсе не значит скрупулезно копировать все то, что уже было раньше. Любые, даже самые лучшие, самые прогрессивные традиции на каждом этапе жизни требуют развития, известного обновления и обогащения» [Сабалеўскі 1992, с. 102]. Упомянутое обновление и есть процесс экспериментального развития, благодаря которому мировая драма приобрела свою многоликость.

Современная австрийская драматургия с ее провокационностью и постоянным поиском новых способов воздействия не только на зрителя, но и на человека социального занимает особую роль в развитии европейского драматургического процесса. И прежде всего нас интересует актуальное соотношение между автором как хранителем драматургической традиции и активной движущей силой эксперимента, зрителем как его реципиентом и обстоятельствами творчества в глобальном смысле: от бытовых до культурно-исторических.

Как подчеркивает Кристина Регус, автор книги «Межкультурный театр в начале XXI века», современный «театр – это не только вид искусства, он всегда имел политическое измерение» [Regus 2008, S. 1]. Только при таком отношении у исследователя появляется шанс понять амбивалентность позиции представителей современной драматургии Австрии, одновременно опирающихся на классику национального театра и пытающихся переосмыслить его формы и идейное содержание в разные периоды истории страны.

На фоне тех авторов, которые ничего не имели бы против замены национальной формы на нацистскую, всегда находились творцы без страха и упрёка, обнажавшие в своих пьесах как присущее человечеству в целом равнодушие к ближнему, так и склонность австрийцев к замалчиванию проблем и их фальшивый комплекс вины. Гуманистические идеалы этих авторов нашли отражение в различных драматургических жанрах и концепциях – от пьесы-дискуссии и

исторической пьесы до пьесы абсурда и интеллектуальной философской драмы.

В период второй половины XX – начала XXI вв. сформировался широкий круг авторов, произведения которых имеют общеевропейское значение. Среди них выделяются имена Элиаса Канетти, Харальда Цузанека, Томаса Бернхарда, Петера Хандке, Эльфриды Елинек, Марлены Штрерувиц, Констанции Дениг и др. Пьесы этих драматургов отличаются поликультурной направленностью, гуманистической позицией, сочетанием историзма и новаторства, отражением глубинных процессов национальной самоидентификации и постмодернистской переидентификации личностей автора и зрителя. Их объединяют многообразные проявления эксперимента как масштабного и эстетически значимого направления мировой драматургии. Однако этот эксперимент не имел бы никакой ценности, не выступай он во многих случаях как своеобразное альтер эго традиционного театра.

Так, Петер Хандке, лауреат Нобелевской премии по литературе 2019 г. называл свои ранние пьесы, созданные между 1964 и 1970 годами, «разговорными», но вовсе не по аналогии с модными в Вене в конце XIX века разговорными салонными пьесами. В примечании к изданию 1976 г. драматург утверждает: «Разговорные пьесы – это предисловия к старым пьесам, ставшие самостоятельными. Они стараются не совершить революцию, а привлечь внимание» [Handke 1979, S. 96]. Таким образом, автор отказывается от своей репутации «enfant terrible» и подчеркивает неразрывную связь театра прошлого и его современной интерпретации.

Другой знаковый представитель австрийской литературы XX века – «альпийский Беккет» Томас Бернхард – использует в своем творчестве многие элементы, характерные как для экзистенциализма в стиле Ж.П. Сартра, так и для стиля антитеатра, но всегда в индивидуальной обработке, что становится проявлением эксперимента с формой и методами театра насмешки. Например, в драме Т. Бернхарда «Минетти» (1977) благодаря мастерской игре с классикой и авторской трактовке действительности по-новому раскрывается тема противостояния художника и общества: не признанный толпой старый актер превращается сначала в шекспировского короля Лира, а затем в друга драматурга, актера Бернхарда Минетти, игравшего главные роли практически в каждой его пьесе. Иронизируя и обличая, автор обыгрывает известный тезис о сходстве жизни с театром и предупреждает об опасности чрезмерного погружения в иллюзорное существование на сцене.

В начале XXI века типичные для Т. Бернхарда творческие приемы находят своеобразное экспериментальное воплощение в произведениях драматурга, режиссера и писательницы Констанции Денниг-Штауб. Ее творчество представляет собой яркий образец современной австрийской «новой драмы». Это направление характеризуют не столько аналогии с пьесами Генрика Ибсена и Бернарда Шоу, сколько принципы «постдрамы», намеченные Хансом-Тизом Леманном [Lehmann 2008] и попытки использовать необычные драматургические инструменты для анализа, обработки и репрезентации знакомых понятий и архетипов.

Таким образом, сегодня драматургия Австрии находится, с одной стороны, под влиянием транскультурного дискурса в условиях глобализации, а с другой – под влиянием собственных исторических и социальных изменений, и ищет свой путь дальнейшего совершенствования. При этом авторы используют экспериментальные художественные средства, кажущиеся подчас непонятными или провокационными, но на самом деле являющиеся удачной целенаправленной модификацией определенного традиционного подхода и результатом масштабного межкультурного и интертекстуального обмена.

В данной связи чрезвычайно актуальна проблема самоидентификации национальной австрийской драматургии, решение которой возможно лишь на основе дальнейшего сопоставления авторами классических концепций драмы с новаторскими тенденциями, имевшими наибольшее значение для ее развития и приведшими в результате к сегодняшнему жанровому, художественному и «техническому» разнообразию: «В экспериментальном театре в последние десятилетия действительно появилось нечто новое, и корни его лежат гораздо глубже, чем бунты и восстания шестидесятых и семидесятых годов» [Lehmann 2008, S.32].

Библиографический список

1. Аникст А.А. Теория драмы от Аристотеля до Лессинга: История учений о драме. М.: Наука, 1967. 455 с.
2. Lehmann H-Th. Postdramatisches Theater. Frankfurt am Main: Verlag der Autoren, 2008. 507 S.
3. Сабалеўскі А.В. Асоба мастака: Літ.-крытыч. арт. Мінск: Мастацкая літаратура, 1992. 278 с.

4. *Regus Chr.* Interkulturelles Theater zu Beginn des 21. Jahrhunderts. Ästhetik – Politik – Postkolonialismus. Bielefeld: Transcript Verlag, 2008. 296 S.

5. *Handke P.* Publikumsbeschimpfung und andere Sprechstücke. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1979. 97 S.

MODERN AUSTRIAN DRAMA: BETWEEN TRADITION AND INNOVATION

T.G. Barycheuskaya

Minsk State Linguistic University, Minsk

The article examines the inextricable connection between tradition and innovation as an important element in the creative approach of the authors of plays from various genres of Austrian drama in the second half of the 20th and in the beginning of the 21st century, as well as one of the main factors in the development of modern drama; the article also studies author's experimental modification and rethinking of the theatrical canon.

Key words: drama, author, tradition, experiment, development, modern, Austria.

Об авторах:

Боричевская Татьяна Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики немецкого языка Минского государственного лингвистического университета; e-mail: tatsiana.syraezhka@gmail.com.

УДК 81'42:008

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК КУЛЬТУРОГЕННЫЙ ФЕНОМЕН

Л.Ю. Буянова

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье рассматривается художественный текст как уникальный феномен культуры, отражающий личностную культурную систему автора; анализируется соотношение и взаимосвязь языка, ментальности, культуры и языковой личности творца текста. Показано,

что важнейшим элементом культуры как основы всего цивилизационного развития является Слово как лингвопсихологическая и культурогенная единица, осуществляющая процессы категоризации и вербализации действительности.

Ключевые слова: художественный текст, язык, когнитивный ресурс, культура, лингвопсихологический маркер, культурная система личности, слово, ментальность.

Художественный текст (ХТ) всегда привлекал и привлекает внимание лингвистов и психологов как такой феномен, в котором отражены глубоко внутренние, личные переживания, образы, воспоминания и эмоции самого автора. Автор как уникальная языковая личность обладает огромным когнитивным ресурсом и свойственной только ему ассоциативно-вербальной сетью (АВС), формирование которой осуществлялось на протяжении всей его жизни в результате приобщения к Культуре в самом широком понимании этого масштабного явления.

Художественный текст выступает как культурогенное индивидуально-авторское ассоциативно-семиотическое пространство, в рамках которого актуализируется специфический номинационно-семиотический код творца текста, его субъективная оценка феномена Человека. Язык автора ХТ следует интерпретировать как интенционально обусловленную совокупность лингвопсихологических маркеров, отражающих как авторскую картину мира, так и его ментальность, его индивидуальную культурную систему.

Под индивидуальной культурной системой человека мы понимаем существование в его речемыслительной сфере и взаимодействие различных элементов культуры, воспринятых человеком в процессе познания мира и развития его как личности. Важнейшим элементом культуры как основы цивилизационной эволюции является Слово.

Слово – это «особая творческая сила, с помощью которой происходит двойное творение, создается мир в слове и происходит пресуществление обычного текста в поэтический. И в этом творении язык, слово образуют то средостение, которое соединяет божественное и небесное с человеческим и земным» [Гопоров 1997, с. 219]. «Именно слово является той атомарной единицей, посредством которой творятся словесные тексты в самом широком диапазоне их интенций и реализаций» [Буянова 2010, с. 36].

Слово как репрезентационный маркер ментальности народа и личности фиксирует и транслирует в речевых актах и дискурсивных практиках всё многообразие, богатство и разнообразие элементов культуры как колоссального «хранилища» знания о мире и Человеке. Именно поэтому каждый художественный текст реализует уникальный культурный пласт, воплощённый в языковом сознании автора.

По наблюдениям лингвистов, смысловой диапазон термина/понятия «ментальность» наиболее полно раскрывается в лексикографических интерпретациях [Буянова 2010, с. 15]. «Философский энциклопедический словарь» определяет ментальность следующим образом: «Ментальность (от позднелатинского *mentalis* – умственный), – образ мышления, общая духовная настроенность человека, группы людей» [Философский энциклопедический словарь 2002, с. 396] (курсив наш. – Л.Б.). Актуален вывод С.Д. Кацнельсона о том, что «существует параллелизм между строением языка и строением мышления» [Кацнельсон 2001, с. 449], позволяющий интерпретировать *ментальность* как языковую категорию: «как структура языка определяется словарём и грамматическими механизмами, <...>, так и структура мышления определяется инвентарём понятий и речевыми (синтаксическими) механизмами, порождающими связанные мыслительные образования путём сочетания понятий в комбинации мыслей» [там же, с. 449].

В.В. Колесов максимально чётко и объективно определяет ментальность: «Ментальность есть *мировосприятие* в категориях и формах родного языка, соединяющее интеллектуальные, волевые и духовные качества национального характера в типичных его свойствах и проявлениях» [Колесов 2007, с. 11]. Из этого толкования вытекает, что лингвист соотносит понятие ментальности с понятием *духовности*, подчёркивая их неразрывность: «...многие черты характера, *духовности-ментальности*, описанные здесь как русские, в разной степени интенсивности встречаются и у других народов» [там же, с. 11] (выделено нами – Л.Б.).

Благодаря языку художественного текста, отражающего ментальность и личностную культурную систему его автора, воплощаемую словом, воссоздаётся неповторимый индивидуально-авторский образ мира. Итак, условно говоря, совокупность всех художественных текстов, созданных человечеством, можно считать общим фондом мировой культуры, запечатленной в слове. В этом смысле каждый художественный текст представляет собой особенный

культурогенный феномен, репрезентирующий языковую личность автора как супертекст.

Наши наблюдения показывают, что художественный текст невозможно отделить от своего создателя – креативной языковой личности; каждый ХТ являет собой переданное особыми знаками и их комбинациями языковое сознание автора, его ассоциативно-вербальную сеть. Художественный текст возможно рассматривать как уникальное ментально-вербальное пространство психоэмоциональной сферы личности: именно эмоции представляют собой отражение и результат когнитивного опыта автора ХТ.

Изучая проблему представления человека в языке, проблему антропоцентризма в языковом пространстве, мы считаем, что сам Язык (в символично-метафорическом плане) и есть Человек, есть его особый духовно-знаковый фонд. В каждом художественном тексте посредством языковых единиц и разнообразных вербально-знаковых комплексов передаётся вся сложность и уникальность самого автора, его духовных и нравственных установок, его бытия и мировосприятия во всём многообразии и разнообразии репрезентаций.

Интересны, например, в этом отношении художественные тексты А. Солженицына. Оригинальность его авторского языкового сознания, представленная в семиотическом коде, отражается как в морфемике, в специфичности значений, реализующихся в составе производного слова, во взаимоотношениях частей речи в словообразовании, в иерархии семантических компонентов в составе лексического значения слова, – так и в синтаксическом рисунке текста, в прагматике художественной речи [Буянова, Щибря 2011].

К примеру, в художественном тексте А.И. Солженицына используется такой уникальный приём создания образа, как **окказионализация** имен прилагательных: *дремучемордый, жгутоусый, бочкотелый, бочкогрудый, шароголовый, шерстоволосый, зеленохохлый, крутоплечий* [Солженицын 1999] и др. Подобные лексические единицы характеризуются особо выраженной эмоциогенностью и эмотивностью; с их помощью передаётся оценочность и эмоциональная насыщенность авторского языкового сознания, что позволяет понять авторскую интенцию в целом.

Художественный текст – это культурогенный феномен, отражающий поколенческую память народа и передающий культурные смыслы и знание о мире, человеке и жизни.

Библиографический список

1. Буянова Л.Ю. Базовые концепты русского языка как лингвокультурные и лингвофилософские структуры // Актуальные проблемы русского языка и культуры речи: сб. науч. тр.: В 2-х ч. Часть 1. Иваново: ИГХТУ, 2010. С. 35–44.
2. Буянова Л.Ю. Язык и ментальность: специфика взаимоскорреляции // Язык и ментальность: сб. ст. Серия «Славянский мир». № 5. 2010. С.15–20.
3. Буянова Л.Ю., Щибря О.Ю. Языковая концептуализация реальности и сферы сознания как процесс когнитивно-знакового семиозиса // Когнитивная лингвистика и вопросы языкового сознания: материалы Международ. науч.-практ. конф. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2011. С. 19–21.
4. Кацнельсон С.Д. Категории языка и мышления: из научного наследия. М.: Языки славянской культуры, 2001. 864 с.
5. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. 624 с.
6. Топоров В.Н. Об «экстропическом» пространстве поэзии (поэт и текст) // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. М.: Academia, 1997. С. 213–226.
7. Философский энциклопедический словарь. М.: Российские энциклопедии, 2002. 587 с.

Источники

1. Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 1. М.: Терра, 1999. 325 с.

ARTISTIC TEXT AS A CULTUROGENIC PHENOMENON

L.Y. Buyanova

Kuban State University, Krasnodar

The article considers an artistic text as a unique cultural phenomenon reflecting the personal cultural system of the author; the correlation and interrelation of language, mentality, culture and linguistic personality of the creator of the text are analyzed. It is shown that the most important element of culture, as the basis of the entire civilizational development, is Word as a

linguopsychological and culturogenic unit that carries out the processes of categorization and verbalization of reality.

Key words: artistic text, language, cognitive resource, culture, linguopsychological marker, cultural system of personality, word, mentality.

Об авторах:

Буянова Людмила Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания Кубанского государственного университета; e-mail: lub_prof@mail.ru.

УДК 808.1“15/20”

ПРОБЛЕМА АВТОРСТВА НЕХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

С.С. Бычков

Кубанский государственный университет, Краснодар

Авторы нехудожественных текстов раннего Нового времени имели особое представление о том, кто является автором текста и в отсутствие представлений об авторском праве активно заимствовали друг у друга идеи, информацию, фрагменты текста, а нередко и целые книги. Книга XV–XVI вв. могла содержать под обложкой сочинения, написанные совершенно разными людьми, и установление авторства текста представляет собой в этом случае непростую задачу. На примере нескольких изданий хроники под заголовком «*Theatrum Urbium*» анализируется отношение сочинителей нехудожественных текстов к проблеме авторства и их представление о собственной роли.

Ключевые слова: автор, плагиат, заимствование, цитирование, хроника, раннее Новое время.

В 1563 году на немецком языке выходит книга Вольфганга Йобста «*Chronologia*», содержащая описание известных городов, замков и монастырей. В качестве источников информации автор указывает прежде всего античных историков, к примеру, Тацита и Птолемея. По видимому, книга имела некоторый успех, поскольку через год появилось второе издание текста, содержательно не отличающееся от предыдущего. С точки зрения тематики «*Chronologia*» не представляет собой ничего экстраординарного. Она принадлежит к популярному в

то время жанру, который в немецкоязычных источниках называется «Städtebücher» («книги о городах») [Schock]. Как правило, речь идет о небольших книгах – «Chronologia» содержит 114 страниц, – рассказывающих об основании известных городов. Опора на античные источники также была повсеместной практикой.

В 1585 году выходит книга под заголовком «Parvum Theatrum Urbium» («Малый театр городов») марбургского юриста Абрахама Заура. Текст относится к текстовому альянсу «книжные театры», включающего в себя многочисленные нехудожественные книги раннего Нового времени, объединенные в особое концептуальное единство метафорой театра, которая в этих текстах в обязательном порядке эксплицируется в заголовке с помощью лексем «Theatrum», «Schauplatz», «Schaubühne» и их вариантами на других национальных языках, а также раскрывается в паратекстах и иногда получает интерпретацию внутри самих книг [Бычков 2022]. Авторы этих текстов обращаются к популярному в то время и трактуемому чрезвычайно широко представлению о мире как театре [Friedrich 2004]. Отметим, что ни одна из книг, входящих в указанный текстовый альянс, не имеет отношения к театру как виду искусства.

Абрахам Заур на титульной странице своего книжного театра представляет свой текст следующим образом (здесь и далее при цитировании сохранены оригинальная орфография и пунктуация – С.Б.): «Erster Anblick / vnd Summarischer Außzug / von Erbauung vnd Ankufft namhaffter Stät / Schlösser vnd Clöster / So vor vnd nach der Geburt Christi im Wesen gewesen / vnd zum theyl noch sind / Erwan durch D. Wolffg. Jobsten / auß vielen Chronicken zusammen gezogen ...» (Saur 1585) – «Первый взгляд и обобщающее описание строительства и появления именитых городов, замков и монастырей, возникших до рождества Христова и после, и отчасти еще существующих, изначально собранное из разных хроник доктором Вольфгангом Йобстом». И далее Заур представляет свою собственную роль: «jetzt aber auffs new durch M. Abrahami Sauwrs von Franckenberg / mühe vnd arbeyt an vielen orten auß dem grossen Theatro urbium, vnd sonsten x. reuidirt / Correct vnd vermehrt ...» (Saur 1585) – «теперь по-новому с усердием и трудолюбием собрано, исправлено и дополнено многими местами в большом театре городов Абрахамом Зауром из Франкенберга». Ниже на титульной странице Заур указывает источники, упомянутые и у Вольфганга Йобста – это Тацит, Птолемей и Филип Меланхтон. В книге Заура 263 страницы, на которых оригинальный текст «Chronologia» используется без каких-либо изменений, но, как автор и анонсирует на титульной странице, многие описания городов дополнены и

расширены. Книга Заура оказалась чрезвычайно успешной, следствием чего стало новое издание в 1587 году (уже 411 страниц), в 1593-м (465 стр.), 1595-м (616 стр.) и 1610-м (612 с.). Кроме того, в 1595 году увидел свет перевод текста с немецкого на латинский (418 стр., перевод выполнен на основе издания 1587 года).

Начиная с издания 1593 года, на титульной странице отсутствует ссылка на первоисточник, позднее и внутри книги пропадают указания в качестве источника материала античных авторов и Меланхтона. Вероятно, автор 400-страничного «Театра городов» посчитал ненужным в дальнейшем называть автора оригинального текста, из которого безо всяких изменений взяты более 100 страниц. Особо отметим, что Заур был юристом, а «Театр городов» 1595 года издания и позже печатается с разрешения императора, о чем свидетельствует пометка на титульной странице: «Mit Röm. Key. Mayst. Priuilegien vnnd freyheit / auff zehen Jahr nicht nachzutrukken begnadet» (Saur 1595) – «с привилегией его Императорского Величества, запрещается копирование в течение 10 лет». Это указание свидетельствует, во-первых, о легальном статусе деятельности Заура, а во-вторых, также указывает на очевидно небеспочвенные опасения, что уже текст самого Заура может быть скопирован другими.

Проблема авторства внутри самого «Тетра городов» раскрывается с другой стороны. Для текстов раннего Нового времени характерно наличие паратекстов, выполняющих различных функции. К ним помимо титульной страницы мы можем отнести также, к примеру, посвящение («Dedication»), в котором автор адресует свою книгу кому-то из богатых вельмож с целью получения в благодарность за это денежного гонорара, введение («Vorrede») и обращение к читателю («Zum günstigen Leser») [Wittman 2011]. К читателю может обращаться не только сам автор, но и издатель. Так, в «Театре городов» 1585 года мы находим текст «Buchtrucker zum Lesen» – в последующих изданиях он отсутствует.

Текст 1593 был опубликован уже после смерти Заура, и его макроструктура с точки зрения авторства оказывается еще более запутанной. Книга начинается с титульной страницы, посвящения и введения, затем следуют целых два обращения к читателю – одно в прозе, другое – в стихах. Поскольку перу Заура принадлежат, в том числе, переводы латинской поэзии, можно исходить из того, что оба текста написаны им самим. Затем следует молитва с цитатой из 9-й главы Книги Премудрости Соломона в переводе Мартина Лютера. За ней – алфавитный перечень университетов, упомянутых в книге, и длинный список марбургских профессоров, которым и адресовано

издание. На следующей странице находим гравюру, на которой изображен сам автор в возрасте 35 лет: «Das ist / zu Deutsch : Als Abram Sawr hatt XXXV. Jahr / Sein Angesicht so formieret war» (Saur 1593) – «Это – по-немецки – как выглядел Абрахам Заур в 35 лет». Автор гравюры не указан, однако, основываясь на синтаксической структуре предложения можно предположить, что заказчиком был не автор, а, вероятно, издатель. Следом идет «Elogivm» («эпитафия»), подписанная «A.S.F. ad filios» («Абрахам Заур из Франкенберга – сыновьям»). Следом еще несколько стихотворений, подписанных «A.S.F.». Далее – снова цитата из Библии – на этот раз на латинском языке из Книги Бытия. На следующей странице – характеристика Заура, написанная Вальрадом, графом Вальдекским – «an Abraham Sawr / seiner lieben Kindern praeseptorem» (Saur 1593) («Абрахаму Зауру, учителю его любимых детей»). Характеристика исключительно благосклонна и датирована 1568 годом. Снова несколько стихотворений Заура и, наконец, появляется основная часть текста. Многочисленные цитаты из Библии и посвящение графа Вальдекского объясняется тем, что Абрахам Заур к моменту выхода книги скончался, поэтому все эти тексты были своего рода данью уважения издателя к автору.

В середине книги «Театр городов» заканчивается, и читатель встречает новый паратекст: «Sebastianus Franck / zum Leser» – «Обращение Себастьяна Франка читателю». Франк – известный немецкий философ-мистик, богослов, известный деятель эпохи Реформации, умерший за полвека до выхода «Театра городов». После обращения следует перечень немецких народов, которых, как сообщает нам Франк, упоминают Корнелий Тацит и Птолемей. Таким образом, внутри книги Заура оказывается еще одна книга, принадлежащая автору другой эпохи.

Итак, можно отметить, что под обложкой одной книги оказываются тексты, принадлежащие многим авторам – Зауру, издателю Николаю Бассею, Мартину Лютеру, Графу Вальдекскому, Себастьяну Франку и, не в последнюю очередь, Вольфгангу Йобсту – и это только те фрагменты, которые могут быть однозначно отнесены определенному автору. Можно с уверенностью предположить, что книга содержит также части текста, атрибуция которых на первый взгляд неоднозначна или вообще невозможна. В этом контексте следует упомянуть, в том числе, многочисленные иллюстрации, которые, по мнению некоторых исследователей, могли быть взяты из других источников, а не созданы специально для «Театра городов».

В завершение продемонстрируем, как изменилось отношение к авторству чуть менее чем через век после публикации первого издания

«Chronologia». В 1658 выходит книга Германа Адольфа Аутеса под заголовком «*Abrahami Saurii Stätte-Buch*» («Книга городов Абрахама Заура») объемом в 1936 страниц. Хотя это издание более чем в четыре раза превосходит объем текстов Абрахама Заура, Аутес выносит имя «Театра городов» в заголовок своей хроники. До полноценного формирования представлений об авторском праве и его закрепления как авторской категории пройдет еще много времени, но этот пример демонстрирует, что к середине XVII века отношение к источникам при цитировании значительно изменилось.

Библиографический список

1. *Бычков С.С.* Метафора «Мир – это театр» в раннее Новое время. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2022. 176 с.

2. *Friedrich M.* Das Buch als Theater. Überlegungen zu Signifikanz und Dimensionen der Theatrum-Metapher als frühneuzeitlichem Buchtitel // Wissenssicherung, Wissensordnung und Wissenverarbeitung. Das europäische Modell der Enzyklopädien. Herausgegeben von Theo Stamm und Wolfgang E.J. Weber. Berlin: Akademie Verlag, 2004. S. 205–232.

3. *Schock F.* Einführung. Abraham Saur: Theatrum Urbium [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://diglib.hab.de/edoc/ed000103/start.htm> (дата обращения: 01.05.2024).

4. *Wittmann R.* Geschichte des deutschen Buchhandels. München: Verlag C.H. Beck, 2011. 496 S.

Источники

1. *Authes Hermann-Adolph.* Abrahami Saurii Stätte-Buch. Franckfurt am Mayn, 1658.

2. *Jobst Wolfgang.* Außug aller Chroniken. Franckfurt am Mayn, 1564.

3. *Jobst Wolfgang.* Chronologia. Leipzig, 1563.

4. *Saur Abraham.* Parvum Theatrum Urbium. Franckfurt am Mayn, 1585.

5. *Saur Abraham.* Parvum Theatrum Urbium. Franckfurt am Mayn, 1587.

6. *Saur Abraham.* Theatrum Urbium. Franckfurt am Mayn, 1593.

7. *Saur Abraham.* Theatrum Urbium. Franckfurt am Mayn, 1595.

8. *Saur Abraham.* Theatrum Urbium. Franckfurt am Mayn, 1610.

PROBLEM DER AUTORSCHAFT IN DEN NICHT-LITERARISCHEN TEXTEN DER FRÜHEN NEUZEIT

S.S. Bychkov

Staatliche Kuban-Universität, Krasnodar

Die Autoren von Sachtexten der Frühen Neuzeit hatten eine besondere Vorstellung davon, wer der Autor des Textes war, und entliehen aktiv voneinander Ideen, Informationen, Textpassagen und oft ganze Bücher. Ein Buch aus dem XV-XVI Jahrhundert könnte Werke von völlig verschiedenen Autoren enthalten, und die Feststellung der Urheberschaft des Textes ist in diesem Fall eine schwierige Aufgabe. Am Beispiel mehrerer Ausgaben der Chronik «Theatrum Urbium» analysieren wir die Haltung der Sachbuchautoren zum Problem der Autorenschaft und ihre Wahrnehmung der eigenen Rolle.

Schlüsselwörter: Autor, Plagiat, Entlehnung, Zitat, Chronik, Frühe Neuzeit.

Об авторах:

Бычков Сергей Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Кубанского государственного университета; e-mail: sergey.bychkov@me.com.

УДК 82-343:004

АВТОРСКИЙ МИФ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МЕТАФОР (НА ПРИМЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИГРЫ «DARK SOULS»)

С.С. Бычков, М.С. Волик

Кубанский государственный университет, Краснодар

Данное исследование определяет роль концептуальных метафор в формировании авторского мифа в видеоигре «Dark Souls». Нами анализируется, как автор игры, используя концептуальные метафоры, передает сущность магии и формирует свой мифологический мир. Мы обращаем внимание на внутриигровые концептуальные метафоры, такие как «МАГИЯ – ЭТО ЖИВОЕ СУЩЕСТВО», «МАГИЯ – ЭТО ЗНАНИЕ» и «ЗНАНИЕ – ЭТО ОБЪЕКТ», исследуя их роль в создании

автором категории магии внутриигровой вселенной. Результаты позволяют понять, как авторский миф в видеоигре «Dark Souls» обогащается и проясняется благодаря концептуальным метафорам, представляя магию как продуманное фэнтезийное явление с набором определённых особенностей.

Ключевые слова: авторский миф, концептуальная метафора, метафорические домены, текст, дискурс.

Миф – это удивительное явление, которое сопровождает человечество во всех аспектах его культуры и истории. Он представляет собой сакральные рассказы, символические представления и важные нравственные уроки, передаваемые из поколения в поколение. Как отмечает И.В. Пронина, религиозные мифы – одна из первоначальных форм мировоззрения, смысл существования которой – предложить объяснение для фундаментальных экзистенциальных проблем человечества: происхождение мира и людей, цель жизни и т. д. [Пронина 2014].

Ч.А. Бийгельдиева выделяет пять типов мифов: космогонические (сотворение космоса и мира), этиологические (как и почему произошли / происходят те или иные события), тотемистические (родство между определёнными народами и животными), героические (жизнеописание определённого героя) и эсхатологические (повествующие об уничтожении мира) [Бийгельдиева 2016]. Мифы в традиционном понимании являются культурным достоянием определённых наций и/или религий, зародившимся многие тысячелетия назад, из-за чего вопрос их авторства остаётся открытым и не представляется разрешимым.

Несмотря на то, что долгое время мифы существовали преимущественно в устной форме, они также могли внедряться авторами в литературные произведения. Проекция какого-либо мифологического сюжета в произведении именуется мифопоэтикой. Она также рассматривает способы внедрения в текст мифа и его художественную значимость в творчестве писателей. Следует различать сам миф и литературный миф. Для литературного мифа характерен запас устойчивых форм, который составляет связь культурного пространства [Осипова 2007]. Основным предметом изучения мифопоэтики является именно литературный миф.

В статье «Авторский миф как жанр современной литературы» В.А. Пьянзина определяет авторский миф как созданный при помощи мифа нарратив, причём как структурно, так и содержательно [Пьянзина 2017]. Отметим, что важным элементом становится

восприятие автора: миф представляет собой эмоционально связанный набор фактов, связь выстроена автором.

В современных видеоиграх авторский миф играет важную роль, определяя уникальность и атмосферу игрового мира. Мы предполагаем, что одним из ключевых инструментов формирования авторского мифа являются концептуальные метафоры, которые отражают авторское видение мира внутри игры. Впервые концептуальные метафоры были описаны и классифицированы в труде Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живём» в 1980 году. Любая концептуальная метафора состоит из двух метафорических доменов и предполагает под собой проекцию «исходного домена» или «источника» («source domain»), обычно легко осознаваемого и привычного всем концепта («путешествие», «война», «строение», «еда» и т.д.) на «целевой домен» или «цель» («target domain»), часто абстрактный и не самый простой для восприятия («жизнь», «спор», «любовь», «идеи» и т.д.) [Kövecses 2010, p. 4]. Например, в концептуальной метафоре «LIFE IS A JOURNEY» («ЖИЗНЬ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ») источником является путешествие, а целью – жизнь. Мы можем говорить о жизни, используя слова и выражения, связанные с путешествием: путешествие имеет начало и конец, в нём можно заблудиться, свернуть не туда, зайти в тупик, оказаться на перепутье, топтаться на месте, активно продвигаться к цели и т. д. Дж. Лакофф и М. Джонсон приписывают концептуальной метафоре ключевую роль в формировании структуры и организации человеческого мышления [Lakoff, Johnson 1980].

В данном исследовании мы обращаемся к игре «Dark Souls», чтобы проанализировать, как концептуальные метафоры в ней отражают сущность автора и формируют его мифологию.

Поскольку игра «Dark Souls» выдержана в традиционном для жанра фэнтези сеттинге «магического» средневековья, рассмотрим, как автор посредством концептуальных метафор знакомит реципиентов с такой категорией внутриигрового мира, как магия. В исследуемой игре магия представлена как живое существо, что отражает уникальное авторское видение мира. При исследовании внутриигровых текстов нами была замечена метафора «MAGIC IS A LIVING CREATURE» («МАГИЯ – ЖИВОЕ СУЩЕСТВО»), которая подкрепляется следующими выражениями: «My home, Oolacile, is the home of ancient sorceries»; «The Witch of Izalith, one of the legendary Lords, is the godmother of pyromancy»; «Always fear the flame, lest you be devoured by it, and lose yourself». Данную авторскую концептуальную метафору можно интерпретировать как наличие у магии состояния жизни и

смерти, места рождения, родителя (создателя), а также разрушительной мощи, метафоризированной через «поглощение».

В игре «Dark Souls» магия также метафоризируется через исходный домен «ЗНАНИЕ» или «НАУКА», о чём свидетельствует употребление таких глаголов как «to teach» (учить) и «to learn» (изучать) по отношению к магии: «You see, Master Logan has left most of his books. With them, I could teach you Logan's sorcery»; «Why, of course I don't mind teaching you sorceries...»; «As always, if you provide the materials, I can teach you pyromancy»; «I am afraid that you are unable to learn sorcery. The basic framework, you see. It cannot be taught»; «I shall teach you sorceries». Данной метафорой автор приравнивает такую эфемерную и непонятную сущность, как магия, к более понятному концепту знания, проясняя некоторые её характеристики: привилегированность (в мире «Dark Souls» такое знание, и, соответственно, магия, доступно далеко не всем), необходимость «заслужить» использование магии долгой учёбой и практикой и т.д.

Однако магия в фэнтезийном мире игры «Dark Souls» не ограничивается лишь метафоризацией через исходные домены «ЖИВОЕ СУЩЕСТВО» и «ЗНАНИЕ». Несмотря на то, что автор уже облегчил нам задачу по восприятию сущности магии, метафоризировав её через знание, сам концепт «знание» представляется не самым простым для осмысления. Для более наглядного прояснения сущности магии автор вводит ещё одну концептуальную метафору: «KNOWLEDGE IS AN OBJECT» («ЗНАНИЕ – ЭТО ОБЪЕКТ»), которая в совокупности с метафорой «MAGIC IS KNOWLEDGE» («МАГИЯ – ЭТО ЗНАНИЕ») представляет магию как нечто, чем можно поделиться, что можно передать, унаследовать и т.д.: «I'll be pleased to assist you by sharing my spells»; «As promised, I shall bequeath Master Logan's sorcery to you»; «Incidentally, do you have an interest in pyromancy? If you have, I shall share my flame with you»; «As promised, I will share my sorceries»; «If you wish, I shall grant you the art of Lifesteal, the legendary power of the Dark Lord».

Таким образом, авторский миф о магических материях в видеоигре «Dark Souls» подкрепляется и проясняется рядом авторских концептуальных метафор: «MAGIC IS A LIVING CREATURE» («МАГИЯ – ЖИВОЕ СУЩЕСТВО»), «MAGIC IS KNOWLEDGE» («МАГИЯ – ЭТО ЗНАНИЕ»), «KNOWLEDGE IS AN OBJECT» («ЗНАНИЕ – ЭТО ОБЪЕКТ»), благодаря которым магия в этой игре перестаёт быть просто абстрактным и непонятным элементом игровой механики, а становится живым, осязаемым и увлекательным аспектом игровой вселенной. Эти метафорические концепции, вложенные автором в

текст, обеспечивают целостность и уникальность внутриигрового мира, а также представляют уникальное восприятие автором такого явления, как магия. Таким образом, авторские мифы, обогащенные концептуальными метафорами, являются не только источником развлечения и вдохновения, но и предметом анализа для исследователей культуры и литературы.

Библиографический список

1. *Бийгельдиева Ч.А.* Киргизские мифы как парадигмы этнической культуры [Электронный ресурс] // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2016. № 1 (56). С. 177–186. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kirgizskie-mify-kak-paradigmy-etnicheskoj-kultury> (дата обращения: 03.05.2024).

2. *Осипова Н.О.* Миф в пространстве стереотипов современного повседневного сознания [Электронный ресурс] // Вестник Вятского государственного университета. 2007. № 17. С. 51–55. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mif-v-prostranstve-stereotipov-sovremenno-go-povsednevnogo-soznaniya> (дата обращения: 03.05.2024).

3. *Пронина И.В.* Мифы синто и мифы мировых религий [Электронный ресурс] // Аналитика культурологии. 2014. № 30. С. 250–257. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mify-sinto-i-mify-mirovyh-religiy> (дата обращения: 03.05.2024).

4. *Пьянзина В.А.* Авторский миф как жанр современной литературы [Электронный ресурс] // Universum: филология и искусствоведение. 2017 № 9 (43). С. 9–11. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtorskiy-mif-kak-zhanr-sovremennoy-literatury> (дата обращения: 03.05.2024).

5. *Kövecses Z., Benczes R., Csábi S., Nucs E.* Metaphor: a practical introduction. Oxford: Oxford University Press, 2010. 396 p.

6. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 193 p.

**AUTHOR'S MYTH THROUGH THE PRISM
OF CONCEPTUAL METAPHORS
(ON THE EXAMPLE OF THE COMPUTER GAME «DARK SOULS»)**

S.S. Bychkov, M.S. Volik

Kuban State University, Krasnodar

This study analyzes the role of conceptual metaphors in the formation of the author's myth in the video game «Dark Souls». We analyze how the author of the game, using conceptual metaphors, conveys the essence of magic and forms his mythological world. We focus on in-game conceptual metaphors such as «MAGIC IS A LIVING CREATURE», «MAGIC IS KNOWLEDGE», and «KNOWLEDGE IS AN OBJECT», exploring their role in the author's creation of the category of magic in the in-game universe. The results allow us to understand how the author's myth in the video game «Dark Souls» is enriched and clarified through conceptual metaphors, presenting magic as an elaborate fantasy phenomenon with a set of certain features.

Key words: conceptual metaphor, conceptual domains, metaphorical domains, text, discourse, systematic analysis.

Об авторах:

Бычков Сергей Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Кубанского государственного университета; e-mail: sergey.bychkov@me.com.

Волик Михаил Сергеевич – магистрант факультета РГФ Кубанского государственного университета; e-mail: mikhail_volik@inbox.ru.

УДК 811.112.2'373(045)

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК МИНИ-ТЕКСТЫ БЕЗ
АВТОРА В НАРУЖНОЙ РЕКЛАМЕ МИНСКА И БЕРЛИНА**

Т.В. Внук

Минский государственный лингвистический университет, Минск

В данной статье рассматриваются текстообразующие потенции фразеологических единиц, как готовых мини-текстов, не имеющих автора, в наружной рекламе Минска и Берлина. Наибольший эффект достигается при двойной актуализации, окказиональных изменениях

(замене, усечении, добавлении, перестановке компонентов) фразеологических единиц и отсылке к прецедентному тексту.

Ключевые слова: фразеологические единицы, рекламный текст, наружная реклама, текстообразующие потенции.

Реклама – это жанр (включающий в себя несколько частных жанров), который имеет свои правила построения текста, признаваемые в данном языковом сообществе. Тем самым, с одной стороны, определяет порядок изложения содержания, а с другой – те языковые формы, в которых описывается это содержание [Баранов 2007, с. 157]. Рекламный текст (РТ), как любой текст, имеет следующие свойства текстуальности: внутреннюю / структурную и внешнюю / прагматическую связность, цельность, интертекстуальность [Кронгауз 2005, с. 219]. Одной из особенностей РТ является отсутствие конкретного автора. Над каждым текстом рекламы работает целый авторский коллектив, и установить, кому принадлежит основная идея текста, невозможно.

Еще одной особенностью РТ является целевое использование языка, поэтому не удивительно, что в рекламе часто встречаются фразеологические единицы (ФЕ) в качестве кратких, но емких, глубоких по содержанию мини-текстов. Фразеологизмы не имеют автора. В какой-то период времени их создал народ, поэтому они заключают в себе народную мудрость, и в основе каждой устойчивой единиц лежит целая ситуация. Текстообразующие потенции фразеологизмов не вызывают сомнения. Несомненно, текстообразующая роль будет разной в зависимости от локализации ФЕ в тексте, а также от конвенционального или окказионального употребления данных единиц.

Данное исследование проводилось на основе текстов наружной рекламы, обнаруженных в 2017 – 2018 годах в городах Берлин (50 РТ) и Минск (70 РТ). Самое главное преимущество наружной рекламы заключается в том, что она позволяет охватить огромную аудиторию. Такая реклама рассчитана, в первую очередь, на ее визуальное восприятие потребителем. В среднем у человека есть лишь несколько секунд, чтобы получить всю необходимую информацию с рекламного щита или другого носителя наружной рекламы. По этой причине важно на небольшой площади разместить: простое изображение, название фирмы, товарный знак / название товара и краткий слоган. Он особенно важен.

Целью данного исследования было выяснить текстообразующие потенции ФЕ в текстах наружной коммерческой рекламы. При этом

используются лишь семантические особенности фразеологизмов либо все прагмастилистические потенции данных единиц. Отобранная для анализа реклама размещалась на рекламных и светодиодных щитах, плакатах, афишах, на остановках общественного транспорта и в самом транспорте (в вагонах метро, в электричках, автобусах и т.д.), а также в виде листовок.

В Минске наиболее развито размещение уличной рекламы на различных листовках и плакатах в переходах, в общественном транспорте, на автобусных остановках, на рекламных щитах. Что касается берлинской уличной рекламы, то здесь часто можно увидеть классические колонны, обклеенные разнообразными плакатами, и современные версии, например, вращающаяся колонна. А иногда рекламной площадкой становится припаркованный велосипед, владелец которого приглашает посетить его дизайнерский магазин, расположенный неподалеку. К нестандартным решениям прибегают и медиаконцерны. Так, известная немецкая газета «Die Welt» запускала время от времени над Берлином огромный воздушный шар.

Несмотря на различия в размещении рекламного текста в Минске и Берлине, белорусские и немецкие рекламодатели понимают, что уличная реклама сегодня не просто текст, расположенный на листовке или щите, а неодушевленный сотрудник компании, который круглосуточно привлекает потенциальных покупателей и клиентов. Насколько привлекательной будет реклама, рекламодатели решают по-своему.

Результаты исследования показали, что 75 % фразеологизмов анализируемого материала используются в слогане, поскольку использование в нем фразеологизмов в разы облегчает его запоминание и воспроизведение. Фразеологическая единица, входящая в состав слогана, – это готовый мини-текст. Например, реклама Минска: «Своя рубашка ближе к телу» («Белкарт»), «Квартира без пола – деньги на ветер!» («А-100 Девелопмент»), «Стильные смартфоны для тех, кто ведет в игре!» («Velcom»), «Вся правда о кредитных картах как на духу!» («МТБанк»), «Наш сервис стал на голову выше!» («Антлант Телеком»), «Выращиваем акул бизнеса» («Приорбанк») и др. Реклама в Берлине: «Folge deinem inneren Kompass!» («Beck's»), «Nichts ist unmöglich!» («Toyota»), «Der neue Mazda. Keiner bringt sie so in Fahrt» («Mazda»), «Noch mehr Neues vom BMW auf einem Blick» («BMW»), «So zeigt man sich von der besten Seite» («Peugeot-407 Couple»).

Использование ФЕ в окказиональной форме еще в большей степени способствует привлечению внимания. К примеру, в следующих текстах имеет место замена компонентов: «Утро вечера

свежее» («ATLANT») ← «Утро вечера мудренее», «Аппетит приходит при виде цены» («Мивина») ← «Аппетит приходит во время еды», «На вкус и цвет – один ответ» («Фрук-Тайм») ← «На вкус и цвет приятелей нет», «Оставь свой след на берегу моря» («Би-Тур») ← «оставить свой след в жизни». Модификация происходит в основном на конце фразеологизма. Примеры в немецкой рекламе: «Hören Sie die Welt mit anderen Augen» («Der Klavier») ← «*etw. mit anderen Augen sehen*», «Essen gut. Alles gut!» («Knorr») ← «*Ende gut – alles gut*».

Одни ФЕ усекаются, другие ФЕ получают продолжение, например, в рекламе белорусской языковой школы «Streamline» «Ученье – свет!» усекается пословица «Ученье – свет, а не ученье – тьма». В следующих РТ фразеологизмы, наоборот, получают дополнительные компоненты: «Не теряя времени – теряй годы!» («Мирра Люкс»), «Не место красит человека, а человек красит место» (реклама лакокрасочных изделий), «Проливаем свет, а не воду!» (реклама газеты «Известия»).

При анализе материала есть случай грамматической перестановки компонентов ФЕ: в рекламе «Toyota» «*Unmöglich ist nichts*» ← «*Nichts ist unmöglich*» («нет ничего невозможного»).

Интересен также отсыл к прецедентному тексту (аллюзия), например: «*Trink Onko, bleib happy!*» («Onko») ← «*Don't worry, be happy!*» (известная песня американского джазового певца Б. Макферрина). «*Fischers Fritz frisch bei uns*» («Feiner Zucker») ← «*Fischers Fritz fischt frische Fische*», «*Zeige mir deine Zähne und ich will dir sagen, wer du bist*» («Oral-B») ← «*Sag mir, wer dein Freund ist und ich sage dir, wer du bist*».

Создание мощного стилистического эффекта возможно и при использовании узуальных фразеологизмов при обыгрывании их прямого и переносного значений, т.е. при двойной актуализации. Она строится «на обыгрывании значения ФЕ и буквального значения ее переменного прототипа или на обыгрывании значения ФЕ и буквального значения одного, двух или трех ее компонентов» [Городникова 1973, с. 60]. Например, «Язык кормит» (языковая школа «Streamline»), «Исполняя мечты, мы растапливаем сердца!» («Таю Я»), «Разуй глаза!» («Оптика»), «Мы знаем свое дело от корки до корки!» («Хлебный Дом»), «Мы печемся о сладкой жизни!» («Хлебный Дом»), «Утрите нос насморку!» («Виброцил»).

Примером двойной актуализации является реклама белорусского автоцентра «Атлант-М» «*Деньги вылетают в трубу? Выбирай экономичный автомобиль*». Этот слоган имеет в своем составе ФЕ «*вылететь в трубу*» в значении «разориться на каком-нибудь неудачном деле, предприятии, в результате проигрыша». Слоган дополнен визуальным рядом: на плакате изображена выхлопная труба,

из которой вылетают деньги. Далее во втором предложении обыгрывается буквальное значение компонента «*труба*», так как он семантически связан с существительным «*автомобиль*».

В основе слогана «*Wir machen Nägel mit Köpfen*» немецкого кузнечного предприятия «*Metallhandwerk*» лежит ФЕ со значением «делать что-либо основательно». В рамках РТ актуализируется переосмысленное и прямое значения компонента «*Köpfe*» – 1. «головы», 2. «шляпки гвоздей». В данном случае речь идет о предприятии, производящем металлопродукцию, а именно гвозди с качественными шляпками. К этой задаче предприятие подходит одуманно, т.е. с головой.

Таким образом, тексты наружной рекламы являются ярким примером уникального и целевого использования языка. Фразеологические единицы используются в них в основном в слогане – основном элементе фирменного стиля любой компании.

Фразеологизмы в рекламных слоганах редко функционируют без стилистических преобразований: творческое использование ФЕ в рекламном слогане служит эффективным способом привлечения потенциального потребителя, поскольку рекламный текст, содержащий модифицированные фразеологизмы, отличаются образность, экспрессивность, оригинальность, выразительность. В наружной рекламе Минска и Берлина наиболее часто используются такие приемы, как двойная актуализация (31%), замена компонента ФЕ (30%), а также приемы усечения или дополнения компонентов ФЕ (19%).

Кроме того, проведенный анализ показал, что выбор в пользу того или иного фразеологизма и стилистического приема определяется не только прагматикой рекламной кампании, но и закреплённой в самом фразеологизме культурной информацией. Образность, заложенная во фразеологических единицах, свидетельствует о своеобразии этих мини-текстов с богатой национально-культурной спецификой. Textoобразующие потенции ФЕ полностью раскрывается при контекстуальном употреблении, в частности, в текстах наружной рекламы.

Библиографический список

1. Кронгауз М.А. Семантика. М.: Изд. центр «Академия», 2005. 352 с.
2. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. М.: Флинта: Наука, 2007. 592 с.

3. *Городникова М.Д.* Курс лекций по лексикологии немецкого языка. М.: МГПИИЯ, 1973. 176 с.

PHRASEOLOGICAL UNITS AS MINI-TEXTS WITHOUT AN AUTHOR IN OUTDOOR ADVERTISEMENT IN MINSK AND BERLIN

T.V. Vnuk

Minsk State Linguistic University, Minsk

This article examines the text-forming potencies of phraseological units as ready-made mini-texts without an author in outdoor advertisement in Minsk and Berlin. The greatest effect is achieved with double actualization, occasional changes (replacement, truncation, addition, rearrangement of components) of phraseological units and reference to the precedent text.

Key words: phraseological units, advertising text, outdoor advertisement, text-forming potencies.

Об авторах:

Внук Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики немецкого языка Минского государственного лингвистического университета; e-mail: vnouktati@yandex.by.

УДК 81'37:82-943

АВТОРСКИЙ КОММЕНТАРИЙ В ТЕКСТАХ НЕМЕЦКИХ ЛЕГЕНД ОБ ОСНОВАНИИ СОБОРОВ

А.С. Горбатовский

Кубанский государственный университет, Краснодар

В данной статье рассматриваются особенности функционирования авторского комментария в композиционной структуре текстов немецких легенд об основании соборов. Контекстуальный анализ позволил нам выделить три функции комментария: определение фольклорного характера происхождения сюжета, установление взаимосвязи элементов сюжета с культурно-историческими реалиями и оценка

описываемых объектов и событий, выявляющая систему ценностей автора.

Ключевые слова: легенда, легенда об основании собора, автор, авторский комментарий, фольклор.

Изучение немецких фольклорных текстов представляет собой важный этап воссоздания национальной языковой картины мира, характерной как для определенной исторической эпохи, так и для национально обусловленной культуры [Колистратова 2010]. Материалом для нашего исследования послужили легенды, сюжетообразующим мотивом которых является возведение известных соборов или церквей на территории Священной Римской империи германской нации (напр. Ахенского собора, Кельнского собора, собора Пресвятой Девы Марии в Мюнхене и др.).

Отобранные нами легенды представляют собой тексты, опубликованные в различных сборниках второй половины XVIII – первой половины XIX веков. Эти тексты были собраны и изданы различными собирателями фольклора. Повышенный интерес к фольклорным текстам в этот период был связан с поиском национальной идентичности и разобщенностью немецких государств. Большая часть отобранных текстов представлена в сборниках, посвященных немецким народным легендам и сказкам. Однако, существуют также версии, изданные в тематических книгах об истории города или конкретного собора, а также в дорожных записках и дневниках.

Особый интерес для исследования представляют тексты легенд, зафиксированные авторами-фольклористами. Отметим, что переход от устности к письменности придает тексту «лиминальный» характер, т.е. текст находится на стыке устно-словесной архаичной культуры фольклорной среды и сферы письменного языка [Карпов 2020, с. 124]. Изучение различных версий текстов немецких легенд об основании соборов позволяет не только произвести анализ языковой и композиционной структуры [Горбатовский 2023, 2024], но и выявить присутствие фольклориста-повествователя.

В центре нашего внимания находится авторский комментарий, который содержит дополнительную информацию, важную для восприятия читателем основного текста [Мыльников 1995]. В ходе исследования в качестве авторского комментария нами рассматриваются примечания, сделанные собирателями фольклора, которые зафиксировали легенды в письменной форме. Анализ отобранных текстов немецких легенд об основании соборов

позволил выделить паратекстуальные и внутритекстовые авторские комментарии.

К паратекстуальным комментариям в текстах легенд нами были отнесены:

- сноски с комментариями внизу страницы, например, «*loos, lus, loße - verschlagen, verschmitzt, pfiffig*» (переводческий комментарий: «хитрый», «лукавый») (Reumont 1837, S. 92);

- примечания, данные фольклористами после заголовков для того, чтобы охарактеризовать текст, например, «*Mündlich*» - «устно» (Grimm, Grimm 1816b, S. 269);

- послетекстовые примечания, например, небольшой раздел «*Anmerkungen zu den Dombausagen*» - «Примечания к легендам об основании собора», в котором дается комментарий об исторических фактах о строительстве Кёльнского собора (Helmken 1887, S. 145).

Внутритекстовые комментарии представляют собой рассуждения автора, не влияющие на основной сюжет легенды, но встроенные в структуру текста с целью обозначить начало или конец повествования, а также переход от одной смысловой части к другой.

Анализ отобранного материала позволил нам выделить функции, свойственные для авторского комментария в текстах немецких легенд об основании соборов, одной из которых является обозначение фольклорного характера происхождения письменно зафиксированного текста:

(1) «*Andere erzählen abweichend*» (Grimm, Grimm 1816a, S. 281) - «Другие рассказывают иначе» (здесь и далее перевод примеров наш - А.Г.);

(2) «*Endlich hat man eine dritte Sage, welche den Teufel mit des Meisters Frau Buhlschaft treiben läßt, wodurch er vermuthlich, wie in der ersten, hinter das Baugesheimniß ihres Mannes kam*» (Grimm, Grimm 1816a, S. 282) - «Наконец, есть и третья легенда, в которой дьявол обманывает жену хозяина, через которую он, предположительно, как и в первой, узнал у ее мужа секрет о строительстве»;

(3) «*Andere erzählen es von einer sündhaften Frau...*» (Grimm, Grimm 1816b, S. 270) - «Другие рассказывают о грешной женщине...»;

(4) «*Andere erzählen diese Sage anders, und zwar also...*» (Bechstein 1853, S. 109) - «Другие рассказывают эту легенду по-другому, а именно...».

Семантический анализ лексемы «*andere*» («другие») позволяет нам выявить имплицитное указание на отсутствие автора зафиксированной версии данных легенд. Языковые единицы «*abweichend*» («иначе») и «*eine dritte Sage*» («третья легенда»)

свидетельствуют о композиционной вариативности анализируемых текстов, которую автор имплицитно подчеркивает в своих комментариях. Денотативное значение глагола «erzählen» («рассказывают») передает устный характер происхождения легенды. Выделенные автором внутри комментария черты, такие как устность, коллективность и вариативность, являются характерными для фольклорных текстов. Это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что важной функцией данных комментариев является определение фольклорности происхождения текстов немецких легенд об основании соборов.

Обозначение фольклорного характера в авторском комментарии интенсифицируется в тексте при помощи категории модальности. Например, денотативное значение лексемы «vermutlich» («предположительно») способствует выражению в письменной версии легенды неуверенности В. и Я. Гримм в точности зафиксированного сюжета, что, на наш взгляд, подчеркивает его фольклорность. В качестве другого примера модальности как средства отображения фольклорного характера рассмотрим следующий фрагмент текста:

(5) «vor Zeiten, als man diese Kirche zu bauen angefangen, habe man mitten im Werk einhalten müssen aus Mangel an Geld. Nachdem nun die Trümmer eine Weile so dagestanden, sey der Teufel zu den Rathsherrn gekommen...» (Grimm, Grimm 1816b, S. 269). – «Когда-то давно, когда начали строить эту церковь, пришлось остановиться на середине работы из-за нехватки денег. После того как развалины простояли некоторое время, к членам совета явился дьявол».

Анализ сказуемых «habe einhalten müssen» и «sey gekommen» позволяет нам выявить использование формы Конъюнктив I, что, на наш взгляд, подчеркивает, что братья Гримм не являются авторами данного текста. Модальность данного фрагмента также передает неуверенность авторов в точности описываемого сюжета, что также связано с фактором композиционной вариативности и интенсифицирует воссоздание фольклорного характера происхождения зафиксированного текста легенды об основании Ахенского собора.

Вторая функция авторского комментария, обусловленная спецификой легенды об основании собора, – *пояснительная*:

(6) «Während nun an dem Hauptthor der Kirche, welches dem Baptisterium zugewandt ist, und den Namen der Wolfsthüre führt, das in Stein gehauene Bild des armen Opfers zu sehen ist, ruft noch heutigen Tages der Name Loosberg dem Wanderer ins Andenken zurück»

(Reumont 1837, S. 92) – «Пока у главной двери церкви, выходящей в баптистерий и носящей название Волчья дверь, можно увидеть высеченное в камне изображение несчастной жертвы, имя Лоосберг и сегодня погружает путешественника в размышления».

(7) «Hernachmals goß man das eherne Bild und stellte den Teufel selbst in Gestalt eines unreinen Tieres, des Wolfes, dar, welcher bemüht ist, die Seele in Form eines Tannenzapfens in seinen Rachen hinabzuschlingen» (Bechstein 1853, S. 109). – «Затем было отлито бронзовое изваяние, на котором сам дьявол был изображен в виде нечистого животного – волка, который пытается заглотить душу в виде сосновой шишки».

Примеры (6) и (7) представляют собой внутритекстовые комментарии авторов, завершающие повествование сюжета легенды об основании Ахенского собора после завершения ее основных событий (члены городского совета обманывают дьявола и отдают ему душу пойманного волка). Анализ темпорального компонента композиционной структуры данных фрагментов текста выявляет взаимосвязь событий легенды с последующими временами и событиями («ruft noch heutigen Tages der Name Loosberg dem Wanderer ins Andenken zurück», «Hernachmals goß man das eherne Bild»). Функцией авторского комментария в данном случае является пояснение взаимосвязи между сюжетом легенды как частью прошлого и культурно-историческими реалиями, связанными с Ахенским собором («Wolfsthüre», «das eherne Bild»).

Третьей функцией авторского комментария в текстах немецких легенд об основании соборов является *оценочная* функция:

(8) «Wer nach Aachen kommt und sieht den Wolf und seine Seele, sowie die Wolfsthüre mit des Teufels Daumen nicht, *der darf nicht behaupten in Aachen gewesen zu sein*» (Müller 1858b, S. 17) – «Тот, кто приезжает в Ахен и не видит волка и его душу, а также Волчью дверь с Дьявольским пальцем, не может утверждать, что он был в Ахене».

(9) «Auf steinernen Säulen stehen diese beiden Güsse an dem Hauptthore des Münsters, der Wolf rechts, der Tannenzapfen links, das Thor selbst aber heißt die Wolfsthüre und jene beiden Bilder sind die Wahrzeichen der Stadt Aachen, welche *jeder* Fremde gesehen haben muß» (Grässe 1871, S. 89) – «Эти два отлитых образа стоят на каменных столбах у главных дверей собора: волк – справа, сосновая шишка – слева, но сами двери называются Волчьими, а эти два образа – достопримечательности города Ахена, которые должен увидеть каждый странник».

Фрагменты (8) и (9) содержат яркие примеры («*der darf nicht behaupten in Aachen gewesen zu sein*», «*jeder Fremde gesehen haben muß*»), выражающие отношение автора к исторически значимым объектам. Стереотипный характер, обусловленный генерализацией описываемых явлений, подчеркивает культурную значимость описанных реалий в системе ценностей комментатора (Ахенский собор, Волчья дверь, изваяния и др.).

Таким образом, анализ письменной фиксации легенд позволил нам не только вывить их языковую вариативность, но и определить особую роль авторского комментария в структуре текста. Исследование комментариев, обозначенных фольклористами, позволило выделить три функции, влияющие на восприятие текста читателем: определение фольклорного характера происхождения сюжета, установление взаимосвязи элементов сюжета с культурно-историческими реалиями и оценка описываемых объектов и событий.

Библиографический список

1. Горбатовский А.С. К вопросу о композиционной вариативности немецких легенд об основании соборов («*Dombausagen*») // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2024. № 1(5). С. 110–115.

2. Горбатовский А.С. Лингвокультурные особенности композиционной структуры немецких легенд об основании соборов // Язык и литература в синхронии и диахронии. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2023. С. 62–72.

3. Карпов В.И. Фольклор и книжная культура в Германии нового времени (на примере сборников немецких заговоров XVI–XX вв.) [Электронный ресурс] // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. № 2. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/folklor-i-knizhnaya-kultura-v-germanii-novogo-vremeni-na-primere-sbornikov-nemetskih-zagovorov-xvi-xx-vv-seriya-statey-literaturnye-yazyki-i> (дата обращения: 05.04.2024).

4. Колистратова А.В. Об отсутствии автора в фольклоре и его исчезновении в дискурсе постмодерна [Электронный ресурс] // Наука и современность. 2010. № 2-3. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-otsutstvii-avtora-v-folklore-i-ego-ischeznovenii-v-diskurse-postmoderna> (дата обращения: 05.04.2024).

5. *Мыльников В.С.* Авторский комментарий и его художественная функция в произведениях русских писателей XVIII–XX веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1995. 20 с.

Источники

1. *Arin P.* Die Dombausage // Der Aachener Dom und seine Umgebung. 2. überarbeitete und ergänzte Auflage. Aachen: Meyer & Meyer Verlag, 2014. S. 8–9.

2. *Bechstein L.* Dom zu Aachen // Deutsches Sagenbuch. Leipzig: Verlag von Georg Wigand, 1853. S. 108–109.

3. *Graber G.* Sagen aus Kärnten. Wien: Archiv Verlag, 2006. 216 S.

4. *Grässe J.G.T.* Der Münsterbau, die Wolfsthüre und der Daumen des Teufels zu Aachen // Sagenbuch des Preußischen Staates. Bd. 2. Glogau: Verlag Carl Flemming, 1871. S. 87–89.

5. *Grimm J., Grimm W.* Der Dom zu Cöln // Deutsche Sagen. Bd. 1. Berlin: Nicolaische Buchhandlung, 1816a. S. 280–282.

6. *Grimm J., Grimm W.* Der Wolf und der Tannenzapf // Deutsche Sagen. Bd. 1. Berlin: Nicolaische Buchhandlung, 1816b. S. 269–270.

7. *Helmken F.T.* Anmerkungen zu den Dombausingen // Der Dom zu Coeln: seine Geschichte und Bauweise, Bildwerke und Kunstschatze. Ein Führer für die Besucher mit Abbildungen. Köln: Verlag von J. & W. Boisseree's Buchhandlung, 1887. S. 145–153.

8. *Langbein A.F.E.* Der Kirchenbau in Aachen // Musen-Almanach für das Jahr 1796. Neustrelitz: Michaelis, 1796. S. 193–203.

9. *Linden J.* Die Dombausage // Aachener Sagen und Märchen [Аудиокнига]. Aachen: Verein Oecher Platt, 2017. Режим доступа: <https://oecher-platt.de/aachener-sagen-und-maerchen/> (дата обращения: 27.03.2024).

10. *Müller J.* Der Münsterbau // Aachens Sagen und Legenden. Aachen: Verlag J.A. Mayer, 1858a. S. 6–12.

11. *Müller J.* Die Wolfsthüre und der Daumen des Teufels // Aachens Sagen und Legenden. Aachen: Verlag J.A. Mayer, 1858b. S. 13–17.

12. *Reumont A.* Der Münsterbau zu Aachen und der Loosberg // Rheinlands Sagen, Geschichten und Legenden. Köln, Aachen: Verlag Ludwig Kohnen, 1837. S. 86–92.

13. *Wünsche A.* Der Sagenkreis vom geprellten Teufel. Leipzig, Wien: Akademischer Verlag, 1905. 146 S.

AUTORENKOMMENTAR IN DEN TEXTEN DER DEUTSCHEN DOMBAUSAGEN

A.S. Gorbatowskij

Staatliche Kuban-Universität, Krasnodar

In diesem Artikel werden die Besonderheiten der Funktion des Autorenkommentars in der kompositorischen Struktur von deutschen Dombausagen untersucht. Durch eine Kontextanalyse konnten drei Funktionen des Kommentars identifiziert werden: die Bestimmung des volkstümlichen Charakters des Ursprungs der Geschichte, die Herstellung der Beziehung zwischen den Elementen der Geschichte und den kulturellen und historischen Realitäten sowie die Bewertung der beschriebenen Gegenstände und Ereignisse, die das Wertesystem des Autors offenbart.

Schlüsselwörter: Sage, Dombausage, Autor, Autorenkommentar, Folklore.

Об авторах:

Горбатовский Александр Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Кубанского государственного университета; e-mail: alexgorbatovsky@mail.ru.

УДК 81'276.6

ПОНЯТИЙНЫЕ КАТЕГОРИИ, РЕПРЕЗЕНТИРУЕМЫЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫМИ ТЕРМИНАМИ-ЭПОНИМАМИ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ «MANAGEMENT»

Н.Н. Горбунова

Пятигорский государственный университет, Пятигорск

Категоризация – это один из ключевых когнитивных механизмов, лежащих в основе развития семантики терминологических единиц. В статье раскрываются частотные и менее часто встречающиеся понятийные категории, которые репрезентируются эпонимичными терминами предметной области «менеджмент» в современном английском языке. В ходе работы выделены такая частотная категория понятий предметной сферы «менеджмент», как идеальный феномен;

значительно менее частотной предстает искусственный локус / конструкция, к которой условно могут быть отнесены некоторые термины. Терминами-эпонимами практически не репрезентируются все прочие категории понятий.

Ключевые слова: термин, терминология, категория понятий, репрезентация, менеджмент, категоризация.

Категоризация – это процесс структурирования информации, отнесения познаваемого объекта к некоторому классу, формирование обобщающих, классифицирующих категорий [Энциклопедия эпистемологии и философии науки 2024]. Соответственно, категоризация выступает одним из значимых механизмов как познания, так и осмысления окружающего мира, это один из важнейших процессов, благодаря которому формируется индивидуальное поле опыта человека как результат взаимодействия с окружающей средой и когнитивной обработки результатов этого взаимодействия [Болдырев 2009; Алимуратов 2011; Новодранова, Бондарчук 2015; Решетняк 2017]. В рамках терминологического пласта лексики можно выделить некоторые понятийные категории, имеющие свои особенности. Вербализуемые терминологическими единицами понятийные категории характеризуются подробной структурированностью [Новодранова, Дудецкая 2017], строятся на основе рационального осмысления результатов познания [Степин, Елсуков 1974] и репрезентируются как холистически, так и дискретно терминологическими единицами, семантический объем которых крайне редко допускает амбивалентную репрезентацию.

Целью исследования выступает анализ эпонимичных терминологических единиц, функционирующих в рамках предметной области «менеджмент» с выделением наиболее частотно и более редко встречающихся категорий соответствующих специальных понятий. Эпонимичные термины в сфере менеджмента предполагают наличие онимического компонента – имени собственного, чаще всего фамилии соответствующего специалиста.

Методы исследования включают метод сплошной выборки для отбора эпонимичных терминов предметной области «менеджмент» в современном английском языке, методы дефиниционного, семантического и компонентного анализа для определения соответствующих категорий понятий, репрезентирующихся соответствующими эпонимичными терминологическими единицами, а также методики количественного подсчета для выделения частотно и менее часто встречающихся категорий понятий.

Материалом для анализа послужили отобранные методом сплошной выборки эпонимические терминологические единицы общим объемом 100 терминоединиц, взятые из различных терминологических словарей и глоссариев, монографий, научных статей, а также интернет-порталов по тематике менеджмента.

Наиболее полная классификация категорий понятий, репрезентируемых в рамках терминологических систем, включает те категории, которые вербализуют термины, обозначающие различные специальные понятия естественного или искусственного происхождения, а также репрезентирующие материальные (**объект/явление естественной среды (составляющая объекта), локус/конструкция (естественный/искусственный локус), вещество (естественное/искусственное вещество), инструмент (составляющие инструмента), механизм (простой/сложный механизм; составляющие механизма), материал (естественный/искусственно созданный материал), деятель**) и нематериальные (**идеальный феномен, ситуация, характеристика, процесс**) объекты [Лату 2015].

Изучение терминологических единиц предметной сферы «менеджмент» современного английского языка предполагает анализ словарных дефиниций для выделения соответствующих категорий специальных понятий, определения наиболее и менее частотно вербализуемых терминами категорий [Алимурадов 2011; Раздубев 2022].

В ходе работы было выявлено, что наиболее частотной категорией понятий является **идеальный феномен**, подразумевающий выражение каких-либо теоретических аспектов менеджмента, в частности, стилей лидерства («*House 4 Leadership Styles*», «*Goleman 6 Leadership Styles*», «*Machiavellian Leadership and Management Style*» и др.), различного рода моделей («*Ohmae 3C's Model*», «*Thornton 3C Model on Leadership*», «*Ashridge Mission Model*», «*Bass Diffusion Model*», «*Kotter 8-Step Change Model*», «*Burke-Litwin Model*», «*DuPont Model*», «*Fama-French Three-Factor Model*», «*Freemium Business Model*», «*Kraljic Model*», «*Laswell's Communication Model*», «*Rendanheyi Model*», «*Satir Change Model*», «*Skandia Navigator model*», «*Meyer and Allen Model of Commitment*», «*Hagberg Model of Personal Power*», «*Galbraith Star Model*», «*Laloux Culture Model*», «*Warwick Model*» и др.) и матриц («*Ansoff Matrix*», «*Arthur D. Little Matrix*», «*Eisenhower Matrix*», «*Hackman Authority Matrix*», «*Jack Welch Matrix*», «*McKinsey Matrix*», «*Kepner-Tregoe Matrix*» и др.), управленческих принципов («*Clarkson Principles*», «*Pareto Principle*», «*Peter Principle*», «*Ten Principles of Urwick*», «*6 Principles of Persuasion of Cialdini*» и др.), законов («*Parkinson's Law*», «*Say's Law*», «*Yerkes-Dockson Law*» и др.), теорий, концепций, подходов и течений

(«*Taylorism*», «*Nudge Theory*», «*Gulati 3P Framework*», «*McKinsey 7-S Framework*», «*McKinsey Approach*» и др.), методов, алгоритмов и техник (например, «*Ivy Lee Method*», «*Pomodoro Technique*», «*Venkatraman Strategic Alignment*», «*Johari Window*», «*Skandia Navigator*» и др.), эффектов («*Hawthorne Effect*», «*Pygmalion Effect*» и др.), симуляций и экспериментов («*Monte Carlo Simulation*», «*Hawthorne Experiments*» и др.), наград (например, «*Baldrige Award*» и др.), факторов (например, «*Bradford Factor*» и др.), систем (например, «*Toyota System*» и др.), прочих научно-теоретических аспектов (например, «*Carnall Roles of Managers*», «*5 Foundation Elements of Kaizen*», «*McKinsey 3 Horizons of Growth*», «*Kübler-Ross Stages of Grief*» и др.) (Management Dictionary 2024) и т.д.

Как видим, наблюдается тематико-семантическое разнообразие эпонимичных терминологических единиц. Онимический компонент, главным образом, представлен фамилиями и, реже, фамилиями и именами соответствующих ученых, специалистов в рамках менеджмента, в некоторых случаях даже двойными (например, «*Fama-French*», «*Kepner-Tregoe*», «*Yerkes-Dockson*», «*Kübler-Ross*» и др.). Термины с тройными онимами не присутствуют в выборке. Преимущественно номинация идет в честь ученого, сделавшего соответствующее открытие, разработавшего теорию, принцип, метод и т.д. Кроме того, имена собственные в составе терминов-эпонимов включают названия компаний (например, «*Toyota*», «*Skandia*» и др.), а также мест, локусов (например, «*Monte Carlo*», «*Hawthorne (Western Electric Company's Hawthorne plant in the Hawthorne suburb of Chicago)*» и др.).

Достаточно условно, в связи с теоретическим характером соответствующих специальных понятий, к категории **искусственный локус / конструкция** могут быть отнесены, в частности, следующие термины-эпонимы в качестве вербализаторов: «*Ishikawa Diagram*», «*Gantt Chart*», «*Pyramid of Maslow*» (Management Dictionary 2024).

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что частотной категорией понятий предметной сферы «менеджмент», репрезентируемой англоязычными эпонимичными терминоединицами, является **идеальный феномен**, значительно менее частотна категория понятий **искусственный локус / конструкция**. Не представлены в выборке такие категории понятий, как **объект/явление естественной среды, естественный локус, вещество, материал, инструмент, характеристика, механизм**. Все это во многом обусловлено особым фундаментально-теоретическим характером управленческой науки, ее отдаленностью от природной

среды, а также отсутствием привязки к каким-либо техническим средствам.

Библиографический список

1. *Алимурадов О.А.* Заметки о концептуальных категориях: структура и языковая объективация // Когнитивные исследования языка. 2011. № 9. С. 146–157.

2. *Алимурадов О.А.* Концепт и лингвистическая семантика. Значение, смысл, концепт и интенциональность: система корреляций: монография. Saarbruken: LAP Lambert, 2011. 316 с.

3. *Болдырев Н.Н.* Процессы концептуализации и категоризации в языке и роль в них имен абстрактной семантики // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство. Сер. «Studia philologica» М.: Институт языкознания РАН, 2009. С. 38–50.

4. *Лату М.Н.* Особенности возникновения и функционирования однокомпонентных и многокомпонентных терминов. 2015. № 1–1 (43). С. 104–108.

5. *Новодранова В.Ф., Бондарчук Г.Г.* Аналогия как механизм категоризации // Когнитивные исследования языка. 2015. № 22. С. 97–102.

6. *Новодранова В.Ф., Дудецкая С.Г.* Концептуальная интеграция и аналогия как когнитивные механизмы метафоризации (на материале русской стоматологической терминологии) // Metaphor as means of knowledge Communication. International Symposium: book of abstracts. 2016. С. 182–183.

7. *Раздубев А.В., Арсаханова М.А.Х., Унатлокова Л.С.* Манифестация категории «пространство» в номинациях травянистых растений (на материале русского языка) // Вестник Пятигорского государственного университета. 2022. № 2. С. 72–76.

8. *Решетняк Н.В.* Рассуждения о «Европейской революции»: диалектика Жозефа де Местра в свете метафизической категории провидения // Фридрих Гёльдерлин и идея Европы. Коллективная монография по материалам IV Международной конференции по компаративным исследованиям национальных языков и культур. Платоновское философское общество. Санкт-Петербург, 2017. С. 254–262.

9. *Степин В.С., Елсуков А.Н.* Методы научного познания. Минск: Вышэйш. школа, 1974. 152 с.

10. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. Категоризация [Электронный ресурс]. Режим доступа:

https://epistemology_of_science.academic.ru/302/категоризация (дата обращения: 08.04.2024).

Источники

1. Management Dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.12manage.com/management_dictionary.html (дата обращения: 01.04.2024).

CONCEPTUAL CATEGORIES REPRESENTED BY THE ENGLISH-LANGUAGE EPONYMIC TERMS OF THE «MANAGEMENT» SUBJECT FIELD

N.N. Gorbunova

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk

Categorization is one of the key cognitive mechanisms underlying the development of the semantics of terminological units. The article reveals the frequently used and less common categories of notions, which are represented by eponymic terms of the subject area «management» in the modern English language. In the course of the work, such a frequently used category of notions of the subject area «management» as the ideal phenomenon is highlighted; the category of notions artificial locus / construction appears to be much less frequent, to which some terms can be conventionally attributed. Eponymic terms practically do not represent all other categories of notions.

Key words: term, terminology, category of notions, representation, management, categorization.

Об авторах:

Горбунова Наталья Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры профессионально-ориентированного английского языка Пятигорского государственного университета; e-mail: gorbunova@pgu.ru.

**РОЛЬ ТЕРМИНОЭЛЕМЕНТОВ-КОЛОРАТИВОВ
В ФОРМИРОВАНИИ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ОППОЗИЦИЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ
МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ)**

А.А. Горжая

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь

Цвет играет важную роль в жизни человека, что не может не отражаться в соответствующей лексике, в том числе терминологической, – терминах с цветовым компонентом – колоративом. В статье выявляется значение терминоэлементов-колоративов в процессе формирования терминологических оппозиций. В качестве материала послужили медицинские термины современного английского языка. В ходе работы определяется возможность образования эксплицитных и имплицитных семантических оппозиций по базовому аспекту номинации «цвет» в рамках медицинской терминологии с выделением более и менее частотных, а также основных используемых цветов.

Ключевые слова: термин, терминоэлемент, цвет, колоратив, терминологическая оппозиция, медицинская терминология.

Цвет – это одно из важных составляющих жизни человека, он является одним из значимых источников информации. Люди передают свои эмоции и чувства с помощью цветовой гаммы в одежде, украшениях, интерьере и т.д., у каждого есть любимый цвет, что не может не отражаться в соответствующей лексике в языке, в том числе терминологической. Цветономинации сопутствуют развитию практически каждой конкретной лингвокультуры, отражая в своей системной организации ее приоритеты и ценностные акценты. Например, как свидетельствует Т.В. Бочкарева, главную ценность для древнеанглийской лингвокультуры имели цветономинации, обладавшие значениями света, блеска, с одной стороны, и тьмы и тусклости, с другой. Первая группа колоративов коррелирует с героическим и/или божественным мирами, в то время как номинации второй группы характеризуют атрибуты хаоса. В силу этих особенностей, некоторым основным древнеанглийским колоративам был присущ синкретизм семантики – собственно цветное значение

было трудноотделимо от сопутствующих компонентов семантики, в том числе оценочных (таково, например, древнеанглийское «*hwit*» – «белый» или «светлый») [Бочкарева 2007]. Из семантического синкретизма древнеанглийских колоративов, на наш взгляд, проистекают два важных следствия. Прежде всего, синкретизм семантики способствует развитию у цветономинаций сопутствующих оценочных значений или созначений (как, например, у древнеанглийского «*dim*», обозначавшего, помимо «неясный, тусклый», еще и «скрытый», а также «греховный, дьявольский») (Online Etymology Dictionary 2024), и из этой системы далее развилась функциональная триада, присущая современным цветообозначениям, – дескриптивная, классификационная и коннотативная функции [Biggam 2018]. Такая функциональная полифония превратила колоративы в популярнейший объект изучения для лингвистов, культурологов, философов и др.

Полифункциональная природа цветономинаций, в свою очередь, полагаем, способствовала их широкому использованию в структуре терминологических единиц. Термины могут содержать в себе цветовой компонент – терминокомпонент-колоратив, и медицинские термины здесь не являются исключением. Термины с компонентами-колоративами достаточно частотны в медицинской сфере, и они могут вступать в разного рода семантические оппозиции по базовому аспекту номинации «цвет».

Целью настоящего исследования выступает анализ роли терминокомпонентов-колоративов в формировании терминологических оппозиций в рамках медицинской терминологии современного английского языка. Термины с компонентом-цветообозначением в сфере медицины предполагают наличие компонента, образованного по базовому аспекту номинации «цвет». Именно по этому аспекту номинации термины могут вступать в эксплицитные и имплицитные семантические оппозиции [Алимурадов, Лату 2008; Алимурадов, Раздубев 2016; Лату, 2015; Маджаева, Байдашева 2019 и др.], в связи с чем представляется возможным определить частотность таких оппозиций и каталогизировать их. Закономерности, выявляемые на базе медицинской терминологии современного английского языка, как показывают другие наши исследования, экстраполируются и в другие терминосистемы, в том числе – в терминосистемы, функционирующие в других языках [Горжая и др. 2022; Раздубев и др. 2021].

Методы исследования включают метод сплошной выборки для отбора терминов с терминоэлементами-колоративами медицинской

сферы в современном английском языке, методы дефиниционного, семантического и компонентного анализа для определения возможности возникновения оппозиции, а также методики количественного подсчета для выделения частотных и менее частотных терминологических оппозиций.

Материалом для анализа послужили отобранные методом сплошной выборки терминологические единицы медицинской сферы, включающие компонент-колоратив, общим объемом 250 терминоединиц, взятые из различных терминологических словарей и глоссариев, а также интернет-порталов по медицинской тематике.

В рамках исследования нас интересуют, прежде всего, эксплицитные терминологические оппозиции, построенные на базовом аспекте номинации «цвет», несмотря на то, что имплицитные (фактически невыраженные) терминологические оппозиции также представлены в значительном количестве в рамках анализируемой выборки (20% массива терминов, например, такие единицы, как «**glakuoma**» (от древнегреч. гл. «glakoo» – «становиться голубым», «голубая окраска зрачка»), «**indigo-child**» («индиго-ребенок»), «**yellow**», «**jaundice**» («желтуха»), «**melancholia**» – «депрессия / эндогенная депрессия / замкнутость», «**greenstick fracture**» – «перелом по типу «зеленой ветки»», или «ивового прута»; «**purpura**» – «пурпура»; «**white matter**» – «гной» (Medical Dictionary; Multitran 2024) и т.д. не имеют противоположного по значению термина).

Наиболее важным представляется возникновение *полных оппозиций* по семантике цвета (18% терминологической выборки), в частности, противопоставления темных и светлых цветов (черного – белого, серого – белого, темно-красного – ярко-красного и др.), например: «**black cataract**» («черная катаракта») – «**white cataract**» («белая катаракта»); «**black head / blackhead**» («черный угорь») – «**white head / whitehead**» («белый угорь, милиум»); «**black fever / black sickness**» («Visceral leishmaniasis») («горная лихорадка, черная лихорадка») – «**white fever / white sickness**» («alcoholic delirium») («белая лихорадка») (формальное противопоставление, так как разные виды болезней); «**black lung disease**» («болезнь черных легких», «антракоз») – «**white lung disease**» («болезнь белых легких», «асбестоз»); «**grey matter**» («серое вещество мозга») – «**white matter**» («белое вещество мозга»); «**bright red blood**» («артериальная кровь») – «**dark-red blood / dark blood**» («венозная кровь») (Medical Dictionary; Multitran) и др..

Значительно более частотны (57% выборки) *частичные оппозиции* по аспекту номинации «цвет», при которых цвета противопоставляются лишь частично («синий – зеленый – желтый», «синий – серый / черный»,

«синий – белый», «желтый – белый», «зеленый – желтый», «красный – белый» и др.), например: «**blue fever / blue disease**» («врожденный порок сердца синего типа»; «голубая болезнь») – «**green disease**» («зеленая болезнь – гипохромная анемия», состояние также было известно как «*morbus virgineus*») – «**yellow fever**» («желтая лихорадка»); «**blue baby syndrome**» («метгемоглобинемия, цианоз») – «**grey baby syndrome / grey syndrome**» («*chloramphenicol toxicity*») / «**black baby syndrome**» («черные малютки», новорожденные с потемнением кожи); «**blue toe syndrome**» («синдром голубого пальца») – «**white toe syndrome**» («синдром белого пальца»); «**green nail syndrome**» («синдром зеленого ногтя») – «**yellow nail syndrome**» («синдром желтого ногтя»); «**corpus luteum**» («желтое тело») – «**corpus albicans**» («белое тело / беловатое тело») (Medical Dictionary; Multitran) и т.д.

Особой группой частичных терминологических оппозиций выступает противопоставление красных и белых кровяных клеток, а также соответствующих явлений, болезней и т.д., например: «**erythropoiesis**» («эритроцитопоз») – «**leukopoiesis**» («лейкопоз»); «**erythrocytogenesis**» («эритроцитогенез», «эритропоз») – «**leucocytogenesis**» («лейкоцитогенез», «лейкопоз»); «**bright red blood**» («артериальная кровь») – «**blue blood / black blood**» («венозная кровь»); «**erythrocytosis**» («эритроцитоз») – «**leucocytosis**» («лейкоцитоз»); «**erythroderma**» («эритродерма», «эритродермия») – «**leukoderma**» («лейкодерма», «лейкодермия», «дисхромия кожи»); «**erythrosarcoma**» («эритросаркома») – «**leucosarcoma**» («лейкосаркома»); «**erythremia**» («эритремия», «эритроцитемия») – «**leukemia**» / «**leukaemia**» («лейкемия», «лейкоз»); «**erythronemia**» («эритронемия») – «**leukanemia**» («пролейкемия»); «**erythrocytapheresis / erythropheresis**» («эритроферез») – «**leukapheresis**» – «лейкаферез / лейкоферез»; «**erythroplakia**» («эритроплакия») – «**leukoplakia**» («лейкоплакия»); «**red cell**» («эритроцит») / «**erythrocyte**» («эритроцит», «красная кровяная клетка») – «**white cell / leucocyte**» («лейкоцит», «белая кровяная клетка»); «**erythralgia / erythromelalgia**» («эритромегалия», «эритромелалгия») – «**leucomelalgia**» («лейкомелалгия»); «**erythredema**» («эритредема / акродиния») – «**leucodema**» («лейкодема»); «**absolute red blood cell level**» («уровень красных клеток крови») – «**absolute white blood cell level**» («уровень белых клеток крови»); «**red blood cell**» («красная клетка крови / красное кровяное тельце (клетки крови)»; «**white blood cell**» – «лейкоцит / белая клетка крови» – присутствует белый цвет, так как лейкоциты – это белые кровяные клетки; «**red blood cell count / red blood count (RBC) red cell count**» – «подсчет эритроцитов»; – «количество эритроцитов / картина красной крови / красные кровяные клетки / эритроциты»; «**white blood cell count**» – «количество лейкоцитов / уровень

лейкоцитов в крови / лейкоцитарная формула»; «**red cell adherence**» («адгезия эритроцитов / сдвиг эритроцитов») – «**white blood cell adherence**» («адгезия лейкоцитов»); «**red cell agglutination**» («агглютинация эритроцитов») – «**white cell agglutination**» («агглютинация лейкоцитов»); «**red cell aplasia**» («красноклеточная аплазия») – «**pure white cell aplasia**» («белоклеточная аплазия»); «**red cell concentrate**» («эритроцитный концентрат») – «**white cell concentrate**» («лейкоцитный концентрат»); «**red blood cell disorder**» («болезнь красных кровяных телец») – «**white blood cell disorder**» («болезнь лейкоцитов»); «**red cell folate**» («фолат эритроцитов») – «**white cell folate**» («фолат лейкоцитов»); «**red blood cell abnormality**» («изменение количества эритроцитов») – «**white blood cell abnormality**» – «изменение количества лейкоцитов / изменение лейкоцитарной формулы»; «**red blood cell casts**» («эритроцитарные цилиндры») – «**white blood cell casts**» – «лейкоцитарные цилиндры»; «**red blood cell differential**» («эритрограмма», «эритроцитарная формула») – «**white blood cell differential**» («лейкограмма», «лейкоцитарная формула») (Medical Dictionary 2024; Multitran 2024) и т.д.

Кроме того, некоторые частичные оппозиции по семантике цвета выстраиваются в *градуальные оппозиции* (5% терминологической выборки), каждая пара терминов из которых может быть выделена отдельно, а вместе они образуют цепочку проявления цвета, например, способности различать разное количество основных цветов (из трех – красного, синего и желтого (RYB – red, yellow and blue): «**achomasia / achromatopsia / achromatism**» («ахромазия», «ахроматопсия», «цветовая слепота») – «**monochromasia / monochromatopsia / monochromatism**» («монохромазия», «монохроматопсия», «способность различать только один основной цвет») – «**dichromasia / dichromatopsia / dichromatism**» («дихромазия», «дихроматопсия», «способность различать только два основных цвета») (Medical Dictionary 2024; Multitran 2024).

Наглядно соотношение между разными типами терминологических оппозиций показано на диаграмме (см. Диаграмму 1).

Диаграмма 1 – Соотношение терминологических оппозиций, возникающих между терминами с терминоэлементами-колоративами

Таким образом, мы приходим к выводу о преобладании частичных эксплицитных терминологических оппозиций (57% выборки), возникающих на основе противопоставления семантики цвета, содержащейся в терминоэлементах-колоративах, по сравнению с имплицитными (20%) и полными эксплицитными семантическими оппозициями. В наименьшей степени (5%) представлены градуальные эксплицитные оппозиции.

Библиографический список

1. Алимуратов О.А., Лату М.Н. Особенности терминологической номинации: когнитивно-семантический подход (на материале китайской и английской терминологии боевых искусств) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008. № 1–2 (1). С. 6–13.
2. Алимуратов О.А., Раздубев А.В. Некоторые антропоцентрические параметры терминологической номинации (на материале терминов-эпонимов сферы нанотехнологий) // Когнитивные исследования языка. 2016. № 27. С. 580–591.
3. Бочкарева Т.В. Система цветообозначений в древнеанглийском языке // Наименования цвета в индоевропейских языках: системный и исторический анализ. М.: КомКнига, 2007. С. 112–125.
4. Горжая А.А., Кажарова Д.С., Тасуева С.И. Семантические оппозиции, вербализуемые посредством терминокомпонентов-

колоративов в англоязычных ботанических терминономинациях // Вестник Пятигорского государственного университета. 2022. № 2. С. 141–146.

5. Лату М.Н. Особенности отражения логических категорий во внутренней форме терминологических единиц // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 2 (43). С. 100–106.

6. Маджаева С.И., Байдашева Э.М. Термины с компонентом цветообозначения в языке медицины [Электронный ресурс] // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 38 (2). С. 219–226. Режим доступа: <http://doi.org/10.18413/2075-4574-2019-38-2-219-226> (дата обращения: 01.04.2024).

7. Раздубев А.В., Горжая А.А., Эфендиева Р.А. Терминоэлементы-колоративы в номенклатурной номинации растений // Вестник Пятигорского государственного университета. 2021. № 4. С. 185–195.

8. Biggam C.P. Is It All Guesswork? Translating Colour Terms across the Centuries // Progress in Colour Studies: Cognition, Language and Beyond / Lindsay W. MacDonald, Carole P. Biggam, Galina V. Paramei (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2018. P. 167–178.

Источники

1. Dim. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.etymonline.com/search?q=dim> (дата обращения: 01.04.2024).

2. Medical Dictionary. The Free Dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://medical-dictionary.thefreedictionary.com/> (дата обращения: 01.04.2024).

3. Multitran [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.multitran.com> (дата обращения: 01.04.2024).

THE ROLE OF COLORATIVE TERM ELEMENTS IN THE FORMATION OF TERMINOLOGICAL OPPOSITIONS (BASED ON THE MATERIAL OF ENGLISH-LANGUAGE MEDICAL TERMINOLOGY)

A.A. Gorzhaya

North-Caucasus Federal University, Stavropol

Colour plays an important role in human life, which cannot but be reflected in the relevant lexis, including terminological units with a colour component – a colourative. The article reveals the meaning of colourative terminological elements in the process of forming terminological oppositions. The medical terms of the modern English language have served as the research material. In the course of the work, the author determines the possibility of the formation of explicit and implicit semantic oppositions on the basic aspect of the nomination «colour» within the framework of medical terminology with the allocation of more and less frequent oppositions, as well as the main colours used.

Key words: term, terminological element, colour, colourative, terminological opposition, medical terminology.

Об авторах:

Горжая Алеся Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Северо-Кавказского федерального университета; e-mail: alesya_gorzhaya@mail.ru.

УДК 81'42

ВИЗУАЛЬНО-ГРАФИЧЕСКИЙ ОБЛИК ТЕКСТА И АВТОРСКАЯ ИНТЕНЦИЯ

Е.А. Губина

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

В статье вводится разграничение текстов с гибким и жестким графическим исполнением. В текстах с жестким графическим исполнением визуально-графическая сторона становится одним из средств выражений авторских интенций и реализации авторского

замысла, а потому ее искажение при копировании текста рассматривается как «порча» этого текста.

Ключевые слова: параграфемика, метаграфемика, авторская интенция, авторский замысел, текст, графическое исполнение текста.

При анализе визуально-графического облика конкретного текста целесообразно учитывать противопоставление двух его сторон: самого текста и его графического исполнения. Текст представляет собой устойчивый, абстрактный паттерн, тогда как графическое исполнение – это то, каким образом этот паттерн материально воплощен на странице или мониторе. В письменном тексте эти два аспекта разделены, так как в обычном случае некоторый текст может иметь несколько различных графических исполнений и при этом не утрачивает своей самоидентичности.

Различие между текстом и его графическим представлением характерно для функционирования любого письменного текста, который копируется и/или переиздается. Рукописные копии одного текста являются разными его графическими исполнениями, тем более что в контексте рукописной культуры абсолютно точное копирование текста невозможно: рукопись создается в единственном числе, ее переписывание неизбежно создает текст с другим графическим исполнением, пусть даже этот текст максимально приближен к оригиналу и визуальные свойства своего оригинала последовательно сохраняет [Пожидаева 2022]. Печатная культура вводит принцип тиражирования текста, то есть изготовления множества его идентичных копий. Однако это не устраняет различия между текстом и его частным графическим исполнением: перепечатка текста в составе другого издания неизбежно создает условия для трансформации его визуально-графической стороны. При этом важно, что такая трансформация, будучи существенной, обычно не рассматривается как ведущая к «порче» текста. В условиях электронной коммуникации подобная трансформируемость визуально-графического облика текста усиливается еще больше. В этом случае целенаправленно менять облик текста (например, его масштабирование, цвет шрифта, фона, гарнитуру, размер графем, длину строки, расстояние между строками, и т. д.) в значительной части случаев может уже сам читатель. В технологическом плане это объясняется спецификой связи между текстом и его носителем. Если в рукописной и печатной культурах текст неотторжим от поверхности страницы, то в электронной письменной культуре такой связи нет: монитор – это своего рода

«универсальная поверхность», которая используется для презентации любой (не только текстовой) информации.

К сожалению, существующие схемы анализа визуально-графического облика текста (см., например, [Баранов, Паршин 2018]) разграничение между текстом и его графическим исполнением не учитывают. Текст рассматривается как целостность, обладающая совокупностью равнозначных, как бы принадлежащих к одной плоскости свойств, качеств, структурных визуально-графических характеристик. При этом имплицитно подразумевается, что все эти свойства для интерпретации текста, а также понимания авторского замысла одинаково важны. Признание того факта, что черты, формирующие визуально-графический облик конкретного текста, не всегда исходят от автора и определяются его интенциями, позволило бы сделать анализ более глубоким.

В плане типологии можно противопоставить тексты с гибким графическим исполнением и тексты с жестким графическим исполнением. Эти две группы текстов последовательно противопоставляются на основании таких признаков, как 1) роль визуально-графических черт в авторском замысле, 2) особенности коллективного авторства, 3) допустимость варьирования при воспроизведении текста, 4) отношение к универсальной и/или дискурсивной графической норме.

Текст с гибким графическим исполнением полностью исключает или в очень значительной степени ограничивает использование возможностей графического варьирования. Именно к таким речевым произведениям в наибольшей степени применимо представление о тексте как абстрактном паттерне, то есть уникальной последовательности фонем/графем, слов, предложений.

Автор является «хозяином» текста как абстрактного паттерна, но не его графического исполнения. Подавляющее большинство параграфических признаков (выбор гарнитуры, размера графем, длины строк и т. д.) с точки зрения авторского замысла оказываются привнесенными, случайными и не значимыми. Текст с гибким графическим исполнением, пусть и неосознанно, создается с учетом неконтролируемого, произвольного варьирования его внешнего облика при издании и тиражировании. Именно к текстам с гибким графическим исполнением относится утверждение Ж. Женетта о том, что визуально-графические свойства текста являются элементом паратекста или, точнее, издательского перитекста [Jenette 1997, p. 33–36].

Черты конкретного графического исполнения текста являются в некотором смысле случайными и определяются коллективно, с участием редакторов, дизайнеров, иллюстраторов, которые вносят в итоговый облик текста самостоятельный и оригинальный вклад. Хотя участники процесса материализации текста могут соотноситься с авторским замыслом, эпохой создания текста, его жанром и т. д., принимаемые ими решения не зависят от авторской воли; в подавляющем большинстве случаев по отношению к авторскому замыслу такие решения безразличны.

При воспроизведении визуально-графический облик текста может свободно варьироваться, и это не приводит к «порче» текста, утрате его существенных свойств и разрушению авторского замысла.

Варьирование графики текста отсутствует или используется ограниченно. Если оно присутствует, то осуществляется минимально и в соответствии с принципами универсальной или дискурсивной графической нормы. Источником решений, касающихся визуально-графического структурирования текста, автор не является. Это справедливо для большинства научных текстов (особенно публикуемых в сборниках, устанавливающих особые требования к оформлению текста и его компонентов). Четкие дискурсивные признаки присущи поэтическому дискурсу, для которого членение на строки – признак чисто графический – является практически обязательным (ср. наблюдения М.Л. Гаспарова о значимости членения на строки для определения текста как стихотворного [Гаспаров 2001, с. 12–19]).

Тексты с жестким графическим исполнением не допускают модификаций при его воспроизведении. Ярким примером таких текстов являются реклама и экспериментальные литературные тексты (ср. произведения Г. Аполлинера, Э.Э. Камингса, А. Вознесенского, А. Белого, Б. Пильняка, «лесенку» В. Маяковского).

Текст включает совокупность значимых визуально-графических черт, которые исходят от автора и несут значимую нагрузку: участвуют в смыслообразовании, структурировании, выражении коннотативных и экспрессивных значений, формируют авторский стиль. Визуально-графические свойства таких текстов нельзя относить к паратексту (издательскому перитексту) в том смысле, как это понимал Ж. Женетт, они являются компонентами авторского замысла.

Если текст является продуктом коллективных усилий, то мы все равно можем говорить о наличии цельного замысла, на воплощение которого работают все черты текста, включая черты визуально-

графические. Усилия участников материализации текста с точки зрения этого общего замысла скоординированы.

Тексты с жестким графическим исполнением при их копировании предполагают точное воспроизведение оригинала, поскольку их визуально-графические свойства являются частью авторского замысла. Изменение визуально-графического облика воспринимается как «порча» текста, в результате которой текст утрачивает значимые для него характеристики. Поскольку в таких текстах существенны все или почти все визуально-графические параметры, то они функционируют скорее как рисунки, нередко включая в свой состав изображения, однако этот признак не следует переоценивать. Жестким графическим исполнением может обладать текст, который не содержит изображений, но активно и значимым образом эксплуатирует возможности параграфического варьирования.

В тексте с жестким графическим исполнением возможности графического варьирования используются более активно и нестандартно. Варьирование графического облика текста либо обусловлено целями коммуникации, либо носит ярко выраженный окказиональный, экспериментальный характер и является чертой авторского стиля.

Граница между двумя описанными типами текстов, по всей видимости, является размытой, однако эти два типа противопоставляются друг другу довольно последовательно. Одним из факторов, формирующих это значимое различие, является то, используют ли их авторы возможности визуально-графического варьирования облика текста для нестандартной реализации своих интенций.

Библиографический список

1. Баранов А.Н., Паршин П.Б. О метаязыке описания визуализаций текста // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2018. Т. 17, № 3. С. 6–15.

2. Гаспаров М.Л. Русский стих начала XX века в комментариях. М.: Фортунa Лимитед, 2001. 288 с.

3. Пожидаева А.В. Способы копирования и цитирования в производстве западноевропейской книжной миниатюры IX–XII вв.: опыт поиска классификации // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2022. № 1. С. 43–60.

4. Jenette J. Paratexts: thresholds of interpretation. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 427 p.

VISUAL-GRAPHIC APPEARANCE OF THE TEXT AND THE AUTHOR'S INTENTION

E.A. Gubina

Southern Federal University, Rostov-on-Don

The article introduces the distinction between texts with flexible and rigid graphic arrangements. In texts with a rigid graphic arrangement, the visual-graphic aspect becomes one of the means of expressing the author's intentions and conveying the author's message, and, therefore, its distortion when copying a text is considered as «damage» to this text.

Key words: paragraphemics, metagraphemics, author's intention, author's message, text, graphic execution of the text.

Об авторах:

Губина Елена Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Южного федерального университета; e-mail: eagubina@sfedu.ru.

УДК 81'42

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ СУБЪЕКТА ПОВЕСТВОВАНИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВЫМЫСЛА

А.И. Дзюбенко

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

В статье рассмотрены прагматические установки образа автора и повествователя и их роль в реализации художественного вымысла. Доказано, что игровое пространство, конструируемое в нарративе постмодернистского художественного текста, характеризуется постоянным переключением коммуникативных регистров, которое реализовано на основе прямого обращения к читателю, его фоновым знаниям и прецедентным феноменам.

Ключевые слова: прагматическая установка, художественный вымысел, образ автора, повествователь, нарратив, фоновые знания.

Проблематика изучения субъектной организации повествования в художественном тексте, включая выяснение роли говорящего, параметрирование нарративной категории автора, выявление и описание разноуровневых характеристик рассказчика и повествователя, остается актуальной в сфере науки о языке вот уже несколько десятилетий. Привлечение исследовательских результатов из других областей гуманитарного знания (философии, психологии, социологии, истории и пр.) обуславливает в лингвистике формирование целого ряда методологических подходов к выяснению специфики функционирования субъекта повествования в художественном тексте. На основе концепции образа автора, выдвинутой В.В. Виноградовым, и теории диалогичности художественного мира, обоснованной М.М. Бахтиным, лингвисты приходят к мысли о необходимости выяснения языковой локализации автора в тексте [Дымарский 1999], что, в свою очередь, диктует понимание автора как эстетико-художественного феномена, который играет активную роль в художественном тексте [Чудаков 1980]. Безусловно, наиболее убедительной и непротиворечивой остается концепция «точек зрения» Б.А. Успенского [Успенский 2000], объединившая виноградовское и бахтинское понимание категории автора.

Прагматические установки субъекта повествования напрямую обуславливаются в своем формировании критериями, применяемыми к художественному вымыслу как таковому. Так, Дж. Серль указывает, что «фикциональные высказывания, имеющие форму утверждений, не отвечают ни одному из условий аутентичного утверждения (условиям искренности, ответственности, способности чем-то подтвердить свои слова)» [Цит. по: Женетт 1998, с. 371]. Безответственность и неубежденность субъекта повествования в отношении предмета речи представляет собой онтологическую доминанту художественного текста, что, в свою очередь, определяет и «уравнивание» субъекта повествования и персонажа такого текста. Тем не менее, художественный текст не обладает абсолютной свободой в плане отношения к окружающей читателя реальности, даже если мы имеем дело с фантастикой, т.к. автор обязан считаться с правдоподобием, а иногда и с собственно действительностью.

Децентрализация субъекта повествования представляет собой конституент организации художественного мира как такового. Ж. Женетт отмечает в этой связи, что отличие фикционального рассказа от фактуального состоит в соотношении не персонажа с повествователем или рассказчиком, а субъекта повествования с

внетекстуальным объектом – автором как биографической личностью. Поэтому даже если текст изначально является фактуальным, сама по себе неидентичность собственно автора и субъекта повествования переводит фактуальный текст в фикциональный: «Даже в том случае, если <...> текст не содержит ни единой ошибки или выдуманного факта, он уже в силу одной только последовательной нетождественности автора и рассказчика (пусть даже анонимного) бесспорно принадлежит к фикциональному типу рассказа» [Женетт 1998, с. 398]. Разумеется, на прагматическом уровне такая установка фиксируется как в сфере авторского замысла, так и в авторских интенциях, оказывающих влияние на структурно-смысловую организацию художественного текста.

Очевидно, что критерий ответственности автора за словесно-речевые действия в художественном тексте не может быть с большой степенью адекватности применен к постмодернистским игровым практикам, реализуемым в художественных текстах, для которых характерна как смена коммуникативных регистров, так и трансформация образов автора, рассказчика и повествователя, а также, под воздействием этих трансформаций, и персонажей. Правомерно утверждение М.Н. Липовецкого: «Образ героя в постмодернизме создается по логике конструирования образа автора-творца. И наоборот: образ автора в постмодернистском тексте нарочито уравнивается в правах с персонажем. Приемов здесь множество: от совпадения имени героя с именем биографического автора <...> до расщепления авторского сознания на “подголоски”, принадлежащие как повествователю, так и персонажам <...>, либо же прямой тяжбы между автором и героем...» [Липовецкий 1997, с. 31].

Материалом нашего исследования выступает текст романа Дж. Фаулза «Любовница французского лейтенанта» (впервые опубликован в 1969) (Фаулз 1969; Fowles 1969), представляющий собой один из значимых образцов постмодернистского нарратива, в котором прагматические установки субъекта повествования направлены на выявление новой семантики в известных формах, в том числе, и в формах функционирования образа автора, повествователя, рассказчика. Языковая игра в этом художественном тексте мыслится как актуализация таких повествовательных стратегий, которые направлены на конструирование не только художественного вымысла, определяющего событийность, но и самого нарратива как процесса рассказывания о вымышленном художественном мире. На границе этих повествовательных стратегий возникает игровое пространство,

которое расширяет прагматический потенциал художественного вымысла.

Дж. Фаулз реализует прагматическую установку образа автора, направленную на утверждение правоты этого субъекта повествования, через прямое обращение к читателю и его представлениям о мире, например: «Хуже восточного ветра в заливе Лайм ничего не бывает – этот залив отхватил самый большой кусок от нижней части ноги, которую Англия выпростала в юго-западном направлении, – и любой зевака выдвинул бы не одну серьезную гипотезу по поводу парочки, которая прохаживалась по набережной Лайм-Риджиса, маленького древнего эпонима этого огрызка, на редкость ветреным и пронизывающим утром позднего марта 1867 года» (Фаулз 1969) / «An easterly is the most disagreeable wind in Lyme Bay – Lyme Bay being that largest bite from the underside of England's outstretched southwestern leg – and a person of curiosity could at once have deduced several strong probabilities about the pair who began to walk down the quay at Lyme Regis, the small but ancient eponym of the inbite, one incisively sharp and blustery morning in the late March of 1867» (Fowles 1969). В приведенном здесь макроконтексте образ автора объективирован через позицию всеведения, обоснованную обращением к любому / всякому / другому (а значит, к диалогизации эстетической коммуникации, по М.М. Бахтину): «и любой зевака выдвинул бы не одну серьезную гипотезу по поводу парочки». Примечательно, что в тексте оригинала маркером обращения к читателю и сознанию Другого выступает следующее высказывание: «*and a person of curiosity could at once have deduced several strong probabilities about the pair*», что подтверждает реализацию авторской иронии в отношении наблюдателя, автономного в отношении самого субъекта повествования.

Образ автора реализован и посредством прямого введения в контекст авторского «Я»: «Примитивный, но достаточно сложный; слоноподобный и при этом изящный; тонкие изгибы и формы, как у Генри Мура или Микеланджело; весь из чистой прозрачной соли, само олицетворение массы. Я преувеличиваю? Возможно. Но меня легко проверить, поскольку Кобб почти не изменился со времени моего описания, в отличие от Лайма, поэтому, если развернуться лицом к берегу, проверка будет выглядеть некорректной» (Фаулз 1969) / «Primitive yet complex, elephantine but delicate; as full of subtle curves and volumes as a Henry Moore or a Michelangelo; and pure, clean, salt, a paragon of mass. I exaggerate? Perhaps, but I can be put to the test, for the Cobb has changed very little since the year of which I write; though the town of Lyme has, and the test is not fair if you look back towards land» (Fowles

1969). Образ автора манифестирован здесь через употребление вопросительного высказывания, обращенного напрямую к читателю «Я преувеличиваю?» / «I exaggerate?», создающего иллюзию диалога субъекта повествования и его адресата.

Дж. Фаулз конструирует в своем романе и другой субъект повествования – повествователя, который манифестирован не посредством обнажения традиционных правил организации повествования, а посредством нарушения этих правил. Разумеется, именно таким ходом становится наличие альтернативных развязки и финала романа, но художественный вымысел функционирует и на уровне макро- и микроконтекстов, обуславливая существование повествователя как «маски» создателя художественного текста. Повествователь вовлекает читателя в конструирование художественного мира посредством прямого обращения к фоновым знаниям и воображению читателя, что заметно, например, в следующем фрагменте: «Даже сегодня цвета одежды этой дамы многие сочли бы смелыми, но надо учесть, что мир тогда с удивлением открывал для себя анилиновые красители, и женский пол, компенсируя всевозможные запреты, требовал от наряда не столько скромности, сколько блеска» (Фаулз 1969) / «The colors of the young lady's clothes would strike us today as distinctly strident; but the world was then in the first fine throes of the discovery of aniline dyes. And what the feminine, by way of compensation for so much else in her expected behavior, demanded of a color was brilliance, not discretion» (Fowles 1969). Повествователь здесь имплицитен, однако его объективация квалифицируется через употребление в тексте перевода вводного сочетания «надо учесть» при отсутствии отсылки к читательскому восприятию в тексте оригинала.

Отметим также, что повествователь как субъект повествования у Дж. Фаулза объективирует и постоянное обращение к прецедентным феноменам, например: «Само собой разумеется, Чарльз не имел ни малейшего представления о том, что в это самое время в библиотеке Британского музея один бородатый немецкий еврей тихо работал и что его труды в этих величественных стенах принесут столь яркий красный плод» (Фаулз 1969) / «Needless to say, Charles knew nothing of the beavered German Jew quietly working, as it so happened, that very afternoon in the British Museum library; and whose work in those somber walls was to bear such bright red fruit» (Fowles 1969). Безусловно, декодирование данного фрагмента не может быть удачным, если читатель, вслед за имплицитным повествователем, обращающимся исключительно к фоновым знаниям адресата, не сможет

идентифицировать «одного бородатого немецкого еврея» («*the beavered German Jew*») как Карла Маркса, работавшего в библиотеке Британского музея над своим фундаментальным трудом «Капитал», а в «*столь ярком красном плоде*» («*such bright red fruit*») не распознает коммунистическую идеологию, сформировавшуюся под влиянием этой книги.

Таким образом, прагматические установки субъекта повествования в реализации художественного вымысла реализованы у Дж. Фаулза через трансформацию восприятия читателя происходящего в художественном тексте с позиций современника событий художественного мира и с позиций современника самого автора – человека XX в., а постоянное переключение коммуникативных регистров при конструировании образа автора и повествователя свидетельствует о создании игрового пространства, в котором художественный вымысел оказывается имплицитным и эксплицитным одновременно.

Библиографический список

1. Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX-XX вв.). СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. 284 с.
2. Женетт Ж. Фигуры = Figures: Работы по поэтике: в 2-х т.; пер. с фр. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 2. 472 с.
3. Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм: Очерки исторической поэтики: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1997. 318 с.
4. Успенский Б.А. Поэтика композиции. СПб.: Азбука, 2000. 352 с.
5. Чудаков А.П. В.В. Виноградов и теория художественной речи первой трети XX века // Виноградов В.В. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. С. 285–315.

Источники

1. Фаулз Д. Женщина французского лейтенанта [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://teleserial.club/knigi/32727-zhenschina-frantsuzskogo-leytenanta/?ysclid=lrj0jpvaw13519560> (дата обращения: 25.02.2024).
2. Fowles J.R. The French Lieutenant's Woman [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://anylang.net/ru/books/en/zhenshchina-francuzskogo-leytenanta/read> (дата обращения: 25.02.2024).

PRAGMATIC GUIDELINE OF THE SUBJECT OF THE NARRATION IN THE IMPLEMENTATION OF FICTION

A.I. Dzyubenko

Southern Federal University, Rostov-on-Don

The article examines the pragmatic attitudes of the image of the author and narrator and their role in the implementation of artistic fiction. It has been proven that the gaming space constructed in the narrative of a postmodern literary text is characterized by a constant switching of communicative registers, which is implemented on the basis of a direct appeal to the reader, his background knowledge and precedent phenomena.

Key words: pragmatic guideline, fiction, image of the author, narrator, narrative, background knowledge.

Об авторах:

Дзюбенко Анна Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков Южного федерального университета; e-mail: aidzyubenko@sfedu.ru.

УДК 82-1/-9

ТРАВЕЛОГ: ПУТЕШЕСТВИЕ В КАШГАРИЮ С Ч. ВАЛИХАНОВЫМ

Г.Ж. Досмаганбетова

*Евразийский государственный университет им. Л.Н. Гумилева,
Астана*

В данной статье исследуется травелог Чокана Валиханова, а именно, его поездка в Кашгарию. Автор описывает впечатления Ч. Валиханова от путешествия, знакомит читателей с культурой и обычаями местного населения. Статья позволяет окунуться в атмосферу Кашгарии и ознакомиться с уникальными чертами этого места. Отдельное внимание уделено стратегиям и особенностям травелога Ч. Валиханова и анализу особенностей коммуникации между различными этносами в условиях восточной культуры.

Ключевые слова: травелог, Кашгария, Ч. Валиханов, путешествие, автор.

Чокан Валиханов – известный казахский ученый и путешественник XIX века, который совершил множество удивительных путешествий по Центральной Азии и Монголии. Одним из самых ярких и запоминающихся путешествий Ч. Валиханова было его путешествие в Кашгарию. Кашгария – древний город в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая, который считается одним из центров средневековой культуры Центральной Азии. Ч. Валиханов отправился в путешествие в Кашгарию с целью изучения местной культуры, обычаев и жизни местных жителей. Путешествие началось с долгой и утомительной поездки через пустыни и горы, таинственные и загадочные для многих исследователей. По дороге в Кашгарию Ч. Валиханов встречал местных жителей, познавая их быт и обычаи, и делая записи о своих наблюдениях. По прибытии в Кашгарию Ч. Валиханов был поражен ее величием и красотой. Город оказался полон древних мечетей, красивых дворцов и узких улочек, которые вели в старинные кварталы. Местные жители радушно встретили путешественника и поделились с ним информацией о своей жизни и обычаях [Сатпаева 1987, с. 16]. Ч. Валиханов провел в Кашгарии долгое время, покидая город лишь для коротких экскурсий в окрестности. В ходе своих исследований он собрал множество материалов, которые позднее использовал для написания своих книг и научных статей. Путешествие в Кашгарию стало для Ч. Валиханова не только увлекательным приключением, но и ценным опытом, который помог ему лучше понять и оценить жизнь и культуру народов Центральной Азии. Пребывание в этом древнем городе оставило яркие воспоминания в сердце ученого и вдохновило его на дальнейшие открытия и исследования [Маханова 2024].

Ч. Валиханов описывал свою поездку в Кашгарию с помощью различных литературных стратегий и приемов. Во-первых, он использовал живую и яркую детализацию, чтобы передать читателю атмосферу и красоту этого места. Он описывал запахи, звуки, цвета и вкусы, чтобы сделать свои описания максимально реалистичными. Кроме того, Ч. Валиханов передаёт своё личное отношение к происходящему, чтобы сделать повествование более эмоциональным и убедительным. Он делился своими мыслями, чувствами и впечатлениями от поездки, что делало его рассказ ближе и понятнее для читателя: *«Здесь, среди пустынных пейзажей Кашгарии, я ощущаю себя ничтожным, но в то же время бесконечно свободным в своих мыслях и*

переживаниях» (Валиханов 1968, с. 148). Также автор в своем описании использовал сравнения, метафоры и другие литературные приемы, чтобы сделать текст более выразительным и запоминающимся. Он создавал образы и ассоциации, чтобы вызвать у читателя определенные эмоции и ассоциации с посещенным им местом: *«Пейзаж Кашгарии был как сон, где реальность смешалась с мифом, а слоны древности окутали своими берегами даже самые мелкие детали местного бытия»*, *«Встречи с жителями бывали как погружения в бурлящий котел культур, где старинное и новое переплеталось в уникальном танце времени и судеб»* (Валиханов 1968, с. 151).

Путевые записки о Кашгарии Чокана Валиханова отличаются реалистичным и живым описанием природы, людей, их обычаев, обрядов, повседневной жизни и истории этого региона. Они также содержат исследования и анализ культуры и общественной жизни Кашгарии. Стоит отметить, что в своих путевых записках о Кашкаррии Чокан Валиханов описывал различные аспекты жизни этого общества, включая: политическую организацию кашкаров и их обычаи правления, систему социальной стратификации и иерархии в обществе, религиозные верования и обряды кашкаров, традиции и обычаи в семейных отношениях и брачных обрядах, экономическую жизнь и организацию труда в обществе, культурные особенности кашкарского народа, такие, как их язык, музыка, танцы и народные обряды. Как представляется, записки автора о Кашкаррии можно использовать как источник для изучения этносоциологии и этнографии этого народа.

Стоит также выделить такие особенности травелога Ч. Валиханова, как объективность и точность описания. Он стремился передать все детали и особенности мест, которые посещал: *«Совсем другой ландшафт, другая природа окружают степняка. Там свобода, счастье и между зверями, и птицами божьими. Широкая река или необъятное озеро тихо струят свои гладкие и светлые воды; утки, гуси, лебеди гордо плавают на водах, поднимают гомон, шум, но все это дружно... Никто никому не мешает. Легкая чайка роскошно купается в лазури небес. Степной жаворонок поет свою песню на высоте и сладко трепещет крыльями»* (Валиханов 1985, с. 18).

Фрагмент текста, который приведен выше, как и последующие цитаты, обладает несколькими интересными лингвистическими аспектами. Рассмотрим его с разных точек зрения.

1. Семантический и стилистический анализ. Автор передает образ степной местности и ее живой природы, ассоциируя ее с концепциями свободы, счастья и гармонии. Он использует образы природы -

широкие реки, озера, уток, гусей, лебедей, чаек, жаворонков - для передачи ощущения красоты и мира; описание природы пропитано метафорами и эпитетами, создающими образ степи как места свободы и гармонии. Автор использует выразительные средства, такие как повторы («другая...», «свобода...», «воды...», «никто...»), что добавляет ритмичности и эмоциональной насыщенности.

2. Лингвокультурологический анализ. В этом фрагменте текста отражается типичное для казахской литературы представление о степи как символе свободы, красоты и гармонии. Описанные автором образы обитателей степного ландшафта соответствуют традиционной казахской культуре, ассоциируемой с богатой и красочной природой.

3. Глубокий анализ культуры и обычаев народов. В своих травелогах Ш. Валиханов подробно описывал культуру, обычаи и традиции народов, с которыми он встречался во время своих путешествий. Его наблюдения представляют собой глубокий анализ и сравнение различных культур: *«Часу во втором приехал в караван сын коменданта в сопровождении одного андижанского купца и ильбеги, который, как видно, считался ловким малым и употреблялся во всех случаях, требующих ума и сметливости. Напоив гостей чаем и угостив хорошим пилавом, мы приступили к переговорам. Кокандцы предполагали, [что] у нас огромное богатство и никак не хотели поверить, что мы в Кашигаре дали зекету только 124 золотых и потому непременно хотели посмотреть вьюки»*. В данном отрывке произведения мы видим, как автор передает информацию о прибытии в караван сына коменданта в сопровождении купца и ильбеги, который считался ловким и умным. Автор описывает начало переговоров и взаимоотношения между персонажами, и дает описание происходящего, пропитанного фактичностью и нейтральным языком, характерным для повествовательной прозы. Фразы довольно просты и лаконичны, что создает ощущение объективности. Автор использует минимум выразительных средств, сконцентрировавшись на передаче фактической информации о происходящем.

В тексте отражена типичная для этой культуры ситуация переговоров восточных купцов и торговцев, отражающаяся в обмене вежливостями, угощениях и предположениях о богатстве. Также, упоминание о зекете (дань, налог), платном сборе, характерен для исторических и торговых аспектов восточных обычаев и культуры.

4. Литературный стиль. Травелоги Ч. Валиханова отличаются литературным стилем и художественной выразительностью. Он использовал яркие и образные сравнения, что делало его произведения увлекательными для читателей: *«Затем комендант объявил, что нас он*

считал за татар и слышал от дикокаменных киргиз, что мы посланы от русских осматривать земли. На прощанье Мамразык попросил, чтобы ему мы дали подзорную трубку, сказав, что мы можем ехать куда нам угодно, и если мы пожелаем, то для препровождения нас даст он своих сипаев и поручит нас покровительству бия Найманбая, и тотчас же познакомил нас с этим киргизом. Напившись чаю из изломанной чашки и пообедавши крошеным по-киргизски мясом, наконец мы уехали, а датха обещал послать сына своего для произведения зекета» (Валиханов 1985, с. 20). Данный фрагмент текста представляет собой интересный материал для лингвистического анализа. Автор описывает встречу и общение с местными жителями, в том числе с комендантом и другими представителями восточной культуры. Текст содержит информацию о восприятии татар как героев, а также о предположениях о цели их приезда, что отражает социокультурные аспекты взаимодействия различных этнических групп. Стилистически описание происходящего в фрагменте выражено фактичностью и нейтральным языком, характерным для повествовательной прозы. Автор использует простые и доступные фразы, создавая ощущение объективности и достоверности описываемых событий. Также в данном фрагменте представлено взаимодействие с представителями восточной культуры, их обычаи и традиции, а также специфика коммуникации в данной культурной среде. Упоминание о чае, обеде, чашке, традиционных блюдах и о своего рода хозяйственных и социальных обязательствах отражает специфику восточной культуры и ее традиций.

5. Познавательная ценность. Травелоги Ч. Валиханова не только увлекательны для чтения, но и имеют большую познавательную ценность. Они содержат много интересной информации о различных странах, народах и их истории: *«Вообще власть кокандцев поддерживается только особенной политикой и уступчивостью, к которой нынешний комендант, по-видимому, очень привык. Для поддержания своей власти он имеет аманатов из хорошей фамилии, поддерживает посредством подарков и наущений постоянную вражду между начальниками родов. С этой целью он возвысил Османа, вступив с ним в родство, и посредством его наказывает других киргиз, неповинующихся. Для возбуждения большого рвения Османа он называет пансадом и датхой, что льстит самолюбию этих киргиз; с бугу обращается дружески, награждая по возможности щедро их биев. Политика Мамразыка основана на долголетнем опыте. Во время кипчаков Алимбек-датха, нынешний кокандский визирь, враждуя с кипчаками, ушел на Нарын и поднял всех киргиз»* (Валиханов 1985, с. 20). В данном отрывке основное внимание уделяется описанию политики и тактики удержания власти коменданта. Автор указывает, что комендант поддерживает свою

власть с помощью аманатов, подарков, наставлений и разжигания вражды между начальниками родов. Аманаты из хорошей фамилии использовались для удержания власти и лояльности. Также упоминается возвышение Османа, который пользуется влиянием на непокорных киргиз, а также называется пансадом и датхой для подстрекательства его рвения. Описание в данном отрывке проникнуто нейтральным языком, что характерно для научно-публицистического стиля. Фактический и объективный подход автора позволяет передать информацию о политике коменданта с достоверностью. Уточняющие детали и длинные предложения способствуют выразительности текста и передаче конкретной информации. К тому же данный отрывок отражает типичные для восточной культуры методы поддержания власти и устойчивых социальных отношений. Например, использование подарков, родственных связей и разжигание вражды являются характерными методами обеспечения лояльности среди начальников родов. Такие аспекты политики и общественных отношений специфичны для данной этнической и культурной группы.

6. Откровенность и честность. Ч. Валиханов всегда был откровенен и честен в своих описаниях. Он не стеснялся говорить о негативных сторонах тех или иных мест, что делало его тревелогичнее еще более ценными для читателей: *«Что за неряшество, что за грязь: один берёт воду и моет своё лицо в той же чашке, из которой моется, наконец, кончив мытьё, берёт эту же воду в рот, полощет и выплёвывает, ещё передаёт /чашку с водой/ другому – тот делает то же и передаёт третьему и т. д., пока не обойдёт всю эту компанию и /вода/ не обратится в чёрную краску... На улице несколько китайцев сидели на корточках – я долго не мог понять, что они делают. Наконец встаёт один из них и начинает одеваться... Нечего говорить об атмосфере такой улицы»* (Валиханов 1985, с. 21). Автор создает живописные образы, прибегая к детальному описанию, что придает тексту выразительность и колорит. Автор использует элементы сарказма и удивления, зачастую с отрицательной коннотацией, что придает описываемым сценам определенную драматичность и эмоциональный заряд. В этом фрагменте отражена специфика местной гигиенической культуры того времени, привычки и традиции людей в использовании воды. Описание поведения китайцев также содержит культурные особенности и традиции данной этнической группы.

Одной из основных особенностей тревелога Чокана Валиханова является тщательное описание мест, которые он посещал во время своих путешествий. Он был необычайно проникновен и внимателен к

деталюм, что позволяло читателям ощутить атмосферу исследуемых им мест: *«Мои шаги в песках бескрайних как будто шепчут мне истории древних культур, живших и умиравших здесь веками, встречи с мудрецами местных племен, посиделки на коврах в тени арканов, шелест длинных халатов – вот что делает это путешествие незабываемым и уникальным. Каждый день в Кашгарии – это открытие чего-то нового, непознанного, загадочного. Эти моменты стали самыми ценными в моей жизни, украшают ее яркими красками восточных рассветов»* (Валиханов 1968, с. 162). Кроме того, в травелогe Ч. Валиханова прослеживается не только повествование о фактах и местах, но и его личные размышления, наблюдения и анализ. Он делился не только внешними впечатлениями, но и своими мыслями, эмоциями и пониманием местной культуры: *«Очарование востока – в его таинственности. Восток, как мираж, сулит сражение мечт и желаний, прошлого и настоящего. Медленно он расстилает свои шелковые покрывала на песках времени»* (Валиханов 1968, с. 163).

Таким образом, путешествие в Кашгарию с Ч. Валихановым открывает перед нами удивительный мир не только этнического и культурного многообразия, но и языковой разнообразности этого региона, являясь материалом для изучения языковых процессов и межкультурных взаимодействий. Особенностью травелога Чокана Валиханова является глубокая проникновенность в каждую деталь путешествия, живое описание окружающего мира и богатство внутреннего мира автора, что делает его произведения уникальными и захватывающими для читателей.

Библиографический список

1. *Сатпаева Ш.К.* Чокан Валиханов и русская литература. Астана: Жазушы, 1987. 184 с.
2. *Маханова Г.Б.* Жанр путевого очерка в русской и казахской литературах [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.rusnauka.com/17_PMN_2014/Philologia/8_170372.doc.htm (дата обращения: 10.04.2024).

Источники

1. *Валиханов Ч.Ч.* Собр. соч. Т. IV. Алма-Ата: Издательство Академии наук, 1968. 528 с.
2. *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Том 3. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. 416 с.

TRAVELOGUE: TRIP TO KASHGARY WITH SH. WALIKHANOV

G.Zh. Dosmaganbetova

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana

This article examines Shokan Walikhanov's travelogue, namely, his trip to Kashgaria. The author describes Sh. Walikhanov's impressions from the trip, introduces readers to the culture and customs of the local population. The article allows you to plunge into the atmosphere of Kashgaria and get acquainted with the unique features of this place. Special attention is paid to the strategies and features of travel writer Sh. Walikhanov and analysis of the characteristics of communication between different ethnic groups in the conditions of Eastern culture.

Key words: travelogue, Kashgaria, Sh. Walikhanov, travel, author.

Об авторах:

Досмаганбетова Гулсим Жангазыевна – магистр педагогических наук, докторант кафедры русской филологии Евразийского государственного университета им. Л.Н. Гумилева; e-mail: gulya0603@mail.ru.

УДК 81'42:32

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Дж.М. Дреева, А.Ф. Кокоева

*Северо-Осетинский государственный университет
им. К.Л. Хетагурова, Владикавказ*

Статья посвящена рассмотрению различных подходов к содержанию понятия «концептуальная метафора», ее роли и применения в политическом дискурсе. В результате проведенного исследования установлено, что политический дискурс как основа социального взаимодействия представляет собой совокупность различных коммуникативных актов и характеризуется определенными социокультурными факторами. В качестве усиления эмоционального эффекта текста в политическом дискурсе находят широкое применение концептуальные метафоры.

Ключевые слова: концептуальная метафора, когнитивная метафора, дискурс, политический дискурс, сфера-источник, сфера-мишень.

В последнее время термин «дискурс» стал центром междисциплинарных исследований. Многообразие определений дискурса как лингвистического феномена связано с различными подходами ученых к определению данного понятия.

Целью нашего исследования является рассмотрение содержания понятия «концептуальная метафора», ее роли и применения в политическом дискурсе.

Данная цель обусловила постановку следующих задач:

- теоретическое описание термина «политический дискурс»;
- определение роли концептуальной метафоры в политическом дискурсе.

Материалом для теоретической базы исследования послужили работы, Т. ван Дейка, Дж. Лакоффа и М. Джонсона, А.П. Чудинова и др.

Для решения поставленных задач в работе применяются методы анализа и синтеза, а также метод обобщения.

Анализ теоретической литературы и количество исследований дискурса свидетельствуют о многозначности рассматриваемого феномена и о парадигмальном характере дискурса. Правомерным можно считать высказывание В.З. Демьянкова, который считает, что «<...> дискурс стал специальным термином наук о человеческой духовности» [Демьянков 1995, с. 250].

Дискурс представляет собой сложное единство языковых компонентов и интенциональной природы самого текста. Основатель теории дискурса французский лингвист Э. Бенвенист определяет дискурс как «речь, присваиваемую говорящим» [Бенвенист 1974, с. 292]. С опорой на труды ученого можно утверждать, что любая воспроизведенная речь имеет конкретную цель, а инструментом для реализации этой цели служит язык.

Согласно Бенвенисту, материализация мысли отражает отношение говорящего к обсуждаемому предмету. Иными словами, посредством языка говорящий выражает свое отношение к обсуждаемому предмету, вследствие чего его речь представляет собой субъективированный акт, отражая индивидуальный взгляд на рассматриваемый предмет [Бенвенист 1974].

Функциональность дискурса проявляется в его социальном контексте, и макросоциальные феномены, такие как традиции,

идеология, культура тоже активно воспроизводятся в дискурсе. Так Т. ван Дейк отмечает, что помимо коммуникативного явления, дискурс характеризуется социокультурными факторами. Голландский лингвист рассматривает его как «речевой поток, вбирающий в себя многообразие социальных особенностей как коммуниканта, так и коммуникативной ситуации, в которой происходит общение» [Дейк 1989, с. 3].

Следовательно, можно констатировать, что дискурс традиционно рассматривается не просто как социальное явление, а как процесс, требующий определенной системности и предполагающий наличие ситуативных компонентов, факторов, общедоступных для участников коммуникации.

Политический дискурс как особая разновидность дискурса рассматривает коммуникативный акт как с лингвистической, так и прагматической точки зрения. Так, А.Н. Баранов утверждает, что политический дискурс, помимо изучения политической среды общества, представляет собой «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях» [Баранов 1997, с. 108]. На основе данного определения ученого можно сделать вывод, что основной целью политического дискурса является завоевание внимания слушателей, доказательство своих взглядов и позиций. Однако, политический дискурс, согласно интерпретации А.П. Чудинова, занимается более глубоким исследованием взаимосвязи между различными компонентами коммуникации, «создает условия для выработки оптимальных тактик политической деятельности» [Чудинов 2007, с. 44].

А.П. Чудинов обозначает в качестве главной задачи политического дискурса выстраивание коммуникации таким образом, чтобы создать оптимальные условия для политической деятельности.

Российские ученые акцентируют внимание на том, что параметры внеязыковой социальной действительности имеют в дискурсе не менее важное значение. Так, Дж.М. Дреева и Т.А. Болатов отмечают, что высказывание, рассматриваемое как часть дискурса помимо системных языковых единиц содержит в себе «пресуппозиции, которые отражают его экстралингвистическую составляющую» [Дреева, Болатов 2023, с. 65].

Обобщая вышеизложенное, можно утверждать, что дискурс – это и есть реализация социальных отношений в языковой плоскости.

Особенность политического дискурса состоит в том, что он имеет значительный прагматический потенциал, в силу чего в нем важную

роль играют стилистические средства, усиливающие эмотивный потенциал текста и оказывающие соответствующее влияние на эмоциональную сферу суггеренда. К подобным средствам относится когнитивная, или концептуальная, метафора.

Для определения объема понятия «концептуальная метафора» важно замечание А.П. Чудинова, который выделяет четыре широких разряда политической метафоры:

- «антропоморфная метафора, согласно которой человек моделирует политическую реальность по своему подобию;
- природоморфная метафора, природа служит человеку моделью для создания различных областей реальности;
- социоморфная метафора, политический мир формируется подобно другим сферам социальной деятельности человека;
- артефактная метафора, по аналогии с артефактами люди метафорически моделируют и политическую сферу» [Чудинов 2007, с. 31].

Важным для нашего исследования представляется то, что А.П. Чудинов в своей работе рассматривает когнитивную метафору как «способ мышления, средство постижения, рубрикации, представления и оценки какого-то фрагмента действительности, при помощи сценариев, фреймов и слотов» [Чудинов 2007, с. 59].

Отметим, что утверждение лингвиста содержит указание на то, что метафоры служат своеобразным компонентом для осмысления поступающей информации, а само понимание действительности всецело зависит от способностей и потенциала человеческого мышления.

Сущность когнитивной метафоры, согласно определению американских лингвистов Дж. Лакоффа и М. Джонсона, состоит в «осмыслении и переживании явлений одного рода в терминах явлений другого рода» [Лакофф, Джонсон 1990, с. 9].

Исходя из приведенного суждения, можно предположить, что когнитивная метафора обладает потенциалом, позволяющим человеческому сознанию концептуализировать сложные абстрактные явления путем перевода их в материальную плоскость.

Когнитивная метафора начинает функционировать при столкновении двух концептуальных пространств: сферы-мишени и сферы-источника. Следовательно, сфера-мишень – это концептуальный домен, подвергающийся осмыслению, а сфера-источник представляет собой концепт, при помощи которого происходит процесс воздействия на конечный объект. Однако, науке пока неизвестно, как именно происходит процесс взаимодействия этих

двух доменов. Основной причиной отсутствия ясного представления процесса метафоризации Лакофф и Джонсон называют «отсутствие общепринятого метаязыка представления знаний для целей описания функционирования языка» [Лакофф, Джонсон 1990, с. 10].

Следовательно, несмотря на отдельные попытки ученых внести ясность в описание структуры фрейма, вопрос представления семантической информации в самих компонентах фрейма остается открытым и малоизученным.

Концептуальная метафора играет ключевую роль в восприятии информации как единой системы. Так, по определению Д.В. Шапочкина, «организующим стержнем этой системы становится та или иная метафорическая модель» [Шапочкин 2012, с. 150]. Т.е. метафоры представляют собой не обособленные компоненты, а единую и неделимую систему.

Анализ теоретической литературы позволяет нам сделать вывод о том, что дискурс представляет собой сложный, комплексный феномен, детерминированный не только лингвистическими, но и экстралингвистическими факторами. Дискурс как основа социального взаимодействия реализуется различными коммуникативными актами, которые наиболее ярко проявляются в политическом дискурсе.

Сопоставив определения политического дискурса, отметим, что его основной характеристикой является выдвигание позиции говорящего, оказание влияния на реципиента, в целях завоевания и удержания власти. Политический дискурс, будучи междисциплинарным явлением, представляет собой сложный объект исследования, в рамках которого язык выступает как механизм обеспечения координации между властью и обществом. В силу своей поликодовости, многофункциональности и динамичности он имеет особое значение в рамках когнитивной лингвистики,

Исходя из результатов проведенного анализа, можно предположить, что именно политический дискурс является основой для реализации когнитивных метафор и их интерпретации. Метафоры усиливают эмотивный потенциал текста и оказывают определенное манипулятивное воздействие на познавательную сферу слушателя. Изучение содержания понятия «концептуальная метафора» и ее роли в политическом дискурсе занимает ключевое место в современной теории когнитивной метафоры, но очень многие аспекты теории когнитивной метафоры малоизучены.

Метафора всегда бинарна, т.к. процесс метафорического проецирования состоит из двух когнитивных компонентов –

«источника» и «цели», однако, вопрос о том, как именно протекает процесс метафоризации предметов, т.е. взаимодействия доменов источника и цели, остается дискуссионным.

Библиографический список

1. Баранов А.Н. Политический дискурс: прощание с ритуалом // Человек. 1997. № 6. С. 108–118.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Под ред. Ю.С. Степанова. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
3. Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца XX века. М. 1995. С. 239–320.
4. Дейк Т.А. Язык, познание, коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
5. Дреева Дж.М., Болатов Т.А. Способы реализации поэтической и эмотивной функций языка в современном англоязычном песенном дискурсе // Язык и культура, 2023. № 63. С. 60–77.
6. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 1990. 256 с.
7. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. М.: Наука, 2007. 256 с.
8. Шапочкин Д.В. Политический дискурс: Когнитивный аспект: монография. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2012. 260 с.

CONCEPTUAL METAPHOR IN POLITICAL DISCOURSE

Dzh.M. Dreeva, A.F. Kokoeva

North Ossetian State University, Vladikavkaz

The article is devoted to the consideration of various approaches to the content of the concept of «conceptual metaphor», its role and application in political discourse. As a result of the study, it was established that political discourse as the basis of social interaction is a set of various communicative acts and is characterized by certain sociocultural factors. Conceptual metaphors are widely used in political discourse to enhance the emotional effect of a text.

Key words: conceptual metaphor, cognitive metaphor, discourse, political discourse, source sphere target sphere.

Об авторах:

Дреева Жанетта Мурзабековна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков для неязыковых специальностей, профессор кафедры романо-германских языков Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова; e-mail: dshanetta@mail.ru.

Кокоева Альбина Феликсовна – аспирант кафедры романо-германских языков Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова; e-mail: albina.kokoeva@yandex.ru.

УДК 811.112.2:82-92

SCHLÜSSELWÖRTER UND SCHLAGBILDER IM AKTUELLEN DEUTSCHSPRACHIGEN KI-DISKURS

I.J. Jesan, E.A. Kovtunova

Staatliche Universität Sankt Petersburg, Sankt Petersburg

Im vorliegenden Beitrag wird die kontextuelle Semantik und das Emotionalisierungspotenzial von diskursiven Schlüsselwörtern und Schlagbildern untersucht, die an der Konstruktion des deutschsprachigen massenmedialen KI-Diskurses teilnehmen. Emotionalisierte Erläuterung, Metaphorisieren, Dramatisierung, Vergleich, Kontrast werden als massenmediale persuasive Autorenstrategien an aktuellen Beispielen beschrieben.

Schlüsselwörter: Mediendiskurs, Autoren/Akteure, Wissensvermittlung, KI, «stochastischer Papagei», Emotionalisierung.

Im Fokus der vorliegenden Untersuchung stehen Schlüsselwörter und Schlagbilder im aktuellen KI-Mediendiskurs. Wir gehen davon aus, dass «Diskurse multidimensional [sind], sie bestehen aus einer Fülle von bedeutungs- und funktionstragenden Elementen, die von Wörtern über Bilder, Raumformen bis zu Handlungen reichen» [Warnke 2008, S. 43]. Über Definitionen und Funktionen von Schlagwörtern s. ausf. [Jesan, Kovtunova 2019], [Jesan, Kovtunova 2022].

Es wird auch «[...] an historischen wie auch aktuellen Bildern [gezeigt], dass diese ganz ähnlich wie Schlagwörter verwendet und somit zu “Schlagbildern” werden können. Allerdings sind derartige Schlagbilder weniger eindeutig als sprachliche Zeichen und werden deshalb häufig

durch begleitende Texte (wie Untertitel) kontextualisiert und vereindeutigt» [Niehr 2014, S. 53].

Die Analyse stützt sich auf Methoden der Diskurslinguistik, und zwar auf die diskurslinguistische Mehr-Ebenen-Analyse (DIMEAN). Bei der Medienanalyse muss nicht außer Acht gelassen werden, dass «Diskurslinguistik [...] ein sprachwissenschaftliches Verfahren zur Analyse sozialer Praktiken der Hervorhebung und Verteilung von Wissen» [ist] [Warnke 2008, S. 40]. Mit Recht weist H. Burger darauf hin, dass «Fachsprachen und Fachkommunikation [...] in den letzten Jahren zunehmend Beachtung gefunden [haben]. Dabei ging es [...] zunehmend auch um die “fachexterne” Kommunikation zwischen Fachleuten und “Laien” sowie um die Popularisierung von Fachwissen in den Massenmedien» [Burger 2014, S. 361].

In dem Beitrag geht es darum, die für den aktuellen fachexternen medialen KI-Diskurs zentralen Vokabeln (Schlüsselwörter) und Schlagbilder zu analysieren. Die Analyse wurde anhand von Online-Medientexten (DWDS-Zeitungskorpora) und einem von den Autorinnen erstellten Text- und Podcast-Korpus durchgeführt. Die «Autoren» von fachexternen Texten sind in unserem Textkorpus Experten und Journalisten, die in den Massenmedien als Vermittler von KI-Fachwissen fungieren. Diese können auch als Akteure «in Anlehnung an die übliche sozialwissenschaftliche Terminologie» bezeichnet werden, denn sie «verwenden Sprache, um Wissen zu erzeugen, weiterzutragen, zu bestätigen, zu bekämpfen oder auch in Frage zu stellen» [Warnke 2008, S. 40].

Exemplarisch wäre für diesen Beitrag das Schlagwort und gleichzeitig das mediale Bild vom «stochastischen Papageien» zu nennen, die symbolisch für den ChatGPT und andere Sprachmodelle stehen. Seit November 2022 wurden in den Medien zahlreiche Materialien veröffentlicht, darunter auch Interviews mit Experten für künstliche Intelligenz, in denen erklärt wird, wie ChatGPT funktioniert und wo seine Grenzen liegen. Künstliche linguistische Intelligenz wird in derartigen Veröffentlichungen als «stochastischer Papagei» bezeichnet, weil das Programm wiederholt, was zuvor gesagt und geschrieben wurde.

Der Duden definiert «stochastisch» als «vom Zufall abhängig» («griechisch *stochastikós* – mutmaßend») und belegt das Lemma mit solchen Verwendungsbeispielen wie «stochastische Prozesse», «die Nutzung stochastischer Methoden», «eine stochastisch verteilte Größe» (Duden). Diese wie auch automatisch berechnete typische Verbindungen zu «stochastisch» (DWDS) weisen auf den fachspezifischen neutralen und objektiven Gebrauch des Lexems (Mathematik, Geometrie usw.) hin.

Die metaphorische Neubildung «stochastischer Papagei» wurde von E.M. Bender, einer Linguistin an der Universität von Washington, eingeführt. Ihre Arbeit mit einem Team von Koautoren «On the Dangers of Stochastic Parrots: Can Linguistic Models Be Too Big?» löste im März 2021 eine große öffentliche Resonanz und Polemik zwischen Gegnern der breiten Einführung von KI in allen Bereichen der Gesellschaft und einer Gruppe von Menschen aus, die keine Angst vor der Hypothese der technologischen Singularität haben [Bender et al 2021].

Sowohl die etablierten deutschen Medien wie «*Der Spiegel*», «*Die Süddeutsche Zeitung*» etc. wie auch die sozialen Netzwerke bedienen sich dieser Bild-Metapher, um ein neues und viel diskutiertes Phänomen zu visualisieren. Der Einsatz dieses Bildes soll u. E. in Medientexten vor allem Aufmerksamkeit erregen und Emotionen vermitteln, indem die Wirkabsicht des Autors vorausgesetzt wird. Um diese These zu untermauern, kann man sich den Untersuchungen im Bereich Werbesprache zuwenden. Nach N. Janich dienen «Bilder [...] laut Werbepsychologie als wichtiger Blickfang, werden auch beiläufig meist zuerst wahrgenommen und schneller als Texte inhaltlich erfasst. Sie können besser emotionale Inhalte vermitteln» [...] [Janich 2005, S. 60].

Im Mediendiskurs finden sich auch viele plausible Definitionen dieses Begriffs, z. B.: «AI-Textgeneratoren werden auch “stochastische Papageien“ genannt, weil sie mit Wahrscheinlichkeiten arbeiten und nachplappern, was sie als Input vorgesetzt bekamen» (Der Tagesspiegel, 24.02.2023, DWDS). «“Stochastische Papageien“ nennt ein Team um die KI-Forscherin Timnit Gebru, bis Anfang Dezember 2020 Co-Leiterin der Abteilung für Ethik in der KI bei Google, diese Sprachmodelle» (Der Tagesspiegel, 22.01.2023, DWDS). Im Aufsatz von G. Hamann und J. Lindern, der den Titel «Etwas größenwahnsinnig» trägt, wird sowohl auf positive als auch negative Aspekte der neu entwickelten Sprachmodelle hingewiesen. Im folgenden Beispiel wird das Potenzial der KI negiert: «Das erinnert an die Idee, wonach Sprachmodelle stochastische Papageien sind, die nur neu zusammenpuzzeln, was in ihren Trainingsdaten steht» (Die Zeit, 14.12.2023, DWDS). In den angeführten Kontexten wird sichtbar, dass die emotive Semantik der Neubildung von den benachbarten metaphorischen Emotiven wie «nachplappern», «zusammenpuzzeln» u. a. unterstützt wird und einer Realisierung der den fachexternen Diskursen immanenten Autorenstrategien der vereinfachten Erläuterung, der Emotionalisierung, des Metaphorisierens, des Vergleichs u. a. dient.

Die Autoren von Medientexten bedienen sich bewertend-emotionalisierender Formulierungen, was auch in den folgenden Beispielen zum Ausdruck kommt. Im nächsten Textbeispiel wird die KI im

Zusammenhang mit einem effektiven Zeitmanagement als «großartig» bewertet: «Aber meine Haltung ist: Stochastische Papageien sind großartig, sie sparen Zeit» (Die Zeit, 14.12.2023, DWDS). In diesem Textabschnitt werden «stochastische Papageien» zum Gegenstand der Bewunderung gemacht.

Zur persuasiven Emotionalisierung des KI-Diskurses tragen unter anderem auch die Titel von Veröffentlichungen bei, die klipp und klar formuliert werden: «KI killt Social-Media-Stars» (Der Tagesspiegel, 04.03.2024, DWDS), «Photoshop war gestern, KI ist heute» (Der Tagesspiegel, 04.03.2024, DWDS). Im obigen Beispiel nutzt der Autor den Kontrast: Photoshop von «gestern» wird KI von «heute» gegenübergestellt. Durch den Vergleich kann die neue KI-Domäne mit einem alltäglichen Erfahrungsbereich in Verbindung gesetzt werden: «KI als Karriereweg» (Der Tagesspiegel, 02.03.2024, DWDS).

All die Formulierungen sind nicht komplex. «Fachliche Themen, besonders aus wissenschaftlichen Bereichen, können in den Medien nur präsentiert werden, wenn die fachimmanente Komplexität des Gegenstandes für das Laien-Publikum reduziert wird. Zentrale sprachliche Verfahren, die eine solche Reduktion erlauben und die zugleich zur alltäglichen Sprachpraxis gehören, sind Vergleiche und Metaphern» [Burger 2014, S. 367]. Diese These von H. Burger beweist auch die erfolgreiche mediale “Karriere“ der Bild-Metapher «stochastischer Papagei».

Des Öfteren werden auch die potenziellen Gefahren, die der Einsatz der KI mit sich bringen kann, in den Blick genommen. Dabei haben sowohl Emotionalisierung als auch Dramatisierung der Darstellung einen gewissen Wert: «KI kann die öffentliche Meinungsbildung beeinflussen», so die Autorin E. Humprecht im Beitrag «Die Macht gefälschter Bilder» (Der Tagesspiegel, 29.02.2024, DWDS).

Nach einem in der Werbesprache geläufigen Analysemodell (ausführlicher dazu s. [Janich 2005, S. 66]) kann auch die Abbildung eines «stochastischen Papageien» charakterisiert werden. In der Regel handelt es sich um ein Foto bzw. ein stehendes (formreales) buntes Bild (z. B. ein Foto eines Papageien). Die Bildinhalte sind meistens wirklich, da werden tatsächlich existierende Papageienarten, z.B. Kakadus abgebildet. Manchmal werden mit Hilfe des Bildgenerators DALL-E Bilder eines fiktionalen «stochastischen Papageien» mit einem extra Untertitel veröffentlicht. Bereichernd für die Analyse der Text-Bild-Relation kann auch der Beitrag von H. Stöckl sein, wo Beziehungen zwischen sprachlichen und materiellen Bildern analysiert werden [Stöckl 2004].

Damit eine intensivere Wirkung auf den Rezipienten erreicht wird, greift der Textproduzent zu den beschriebenen persuasiven Strategien, die

mit Hilfe von diskursiven Schlüsselwörtern und Schlagbildern realisiert werden können.

Literatur

1. *Albrecht S.* ChatGPT und andere Computermodelle zur Sprachverarbeitung – Grundlagen, Anwendungspotenziale und mögliche Auswirkungen [Электронный ресурс]. 21. April 2023 Hintergrundpapier Nr. 26. Режим доступа: [https://www.bundestag.de/resource/blob/944148/30b0896f6e49908155fcd01d77f57922/20-18-109-](https://www.bundestag.de/resource/blob/944148/30b0896f6e49908155fcd01d77f57922/20-18-109-Hintergrundpapier-data.pdf)

Hintergrundpapier-data.pdf (дата обращения: 15.04.2024).

2. *Bender E.M., Gebru T., McMillan-Major A., Shmitchell S.* On the Dangers of Stochastic Parrots: Can Language Models Be Too Big? [Электронный ресурс] // Conference on Fairness, Accountability, and Transparency Conference on Fairness, Accountability, and Transparency (FAccT '21). 2021. Virtual Event, Canada. ACM, New York, NY, USA, 2021. P. 610–623. Режим доступа: <https://doi.org/10.1145/3442188.3445922> (дата обращения: 15.04.2024).

3. *Jesan I., Kovtunova E.* Das Phänomen Resilienz in aktuellen öffentlichen Diskursen // Sprache – Text – System. Leck: Brill, V&R unipress, 2022. S. 139–152.

4. *Jesan I., Kovtunova E.* Spitznamen deutscher Politiker im Mediendiskurs // Kommunikative Praktiken in sozialen Kontexten. Sprachliche Mittel im Einsatz. Berlin: LIT Verlag, 2019. S. 69–86.

5. *Janich N.* Werbesprache. Tübingen: Narr Francke Attempo, 2005. 271 S.

6. *NiehrTh.* Einführung in die Politolinguistik. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2014. 191 S.

7. *Stöckl H.* Die Sprache im Bild – das Bild in der Sprache: zur Verknüpfung von Sprache und Bild im massenmedialen Text: Konzepte, Theorien, Analysemethoden. Berlin: Walter de Gruyter, 2004. 434 S.

8. *Warnke I.H.* Text und Diskurslinguistik // N. Janich (Hg.) Textlinguistik. Tübingen: Narr Francke Attempo, 2008. S. 35–52.

Quellen

1. Duden: Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.duden.de/rechtschreibung/stochastisch> (дата обращения: 10.04.2024).

2. DWDS: Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 10.04.2024).

KEY WORDS AND KEY IMAGES IN THE CURRENT GERMAN-SPEAKING AI DISCOURSE

I.J. Jesan, E.A. Kovtunova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg

This article examines the contextual semantics and emotionalisation potential of discursive keywords and key images that are used in the construction of the German-language mass media AI discourse. It describes emotionalised explanation, dramatisation, metaphorisation, comparison and contrast as mass media persuasive authoring strategies using current examples.

Key words: Media discourse, authors/actors, knowledge transfer, AI, «stochastic parrot», emotionalisation.

Об авторах:

Езан Ирина Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: i.ezan@spbu.ru.

Ковтунова Елена Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: e.kovtunova@spbu.ru.

УДК 821.111

ВИЗУАЛЬНАЯ ПОЭТИКА ХРОНОТОПА В ЭКРАНИЗАЦИИ ТРИЛОГИИ М. ПИКА «ГОРМЕНГАСТ»

Д.Н. Замышляева

*Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
Москва*

Статья посвящена анализу экранизации трилогии М. Пика «Горменгаст». Предметом изучения становится фильмический образ замка Горменгаст, его воздействие на диегезис, сюжет и символику.

Горменгаст как эстетический комплекс соответствует замковому хронотопу в интерпретации М.М. Бахтина: «замок» как структура пространства и времени, очерчивающая внешние границы и устанавливающая внутренние законы диегезиса. Автор задается вопросом о сохранении авторского «я» в киноадаптации.

Ключевые слова: хронотоп, замок, готика, Мервин Пик, жанр, поэтика, экранизация, детектив.

Мервин Лоренс Пик (1911–1968) – писатель, драматург и художник, одна из наиболее ярких и самобытных фигур английской литературы. Magnum opus М. Пика – трилогия «Горменгаст» – является шедевром неоготической литературы XX века, в котором переплетаются фантазия, гротеск, абсурд и глубочайший психологизм. В трилогию вошли следующие романы: «Титус Гроан» («Titus Groan», 1946), «Горменгаст» («Gormenghast», 1950) и «Одиночество Титуса» («Titus Alone», 1959) (Пик 2022, 2023а, 2023б). Трилогия характеризуется жанровым многообразием, вызванным наличием черт, принадлежащих к разным сюжетно-стилевым комплексам. Тем не менее, в качестве ключевых художественных элементов неизменно выделялись особая «атмосфера» и «настроение» текста. «Исключительное обилие и пространность пейзажных вставок» [Луценко 2006, с. 176], «вещный образ замка» [Гусева 2014, с. 108], мистика места, одуховторенность предметного мира, мотивы и тропы фэнтези – все это детерминанты диегезиса, имеющие хронотопическую природу. Именно «слияние пространственных и временных примет в осмысленном конкретном целом» [Бахтин 2012, с. 340] реализуется в трилогии Пика посредством замка Горменгаст.

Замок в трилогии Мервина Пика «Горменгаст» – не только центральный образ, но и начало условной системы координат художественной реальности, которую создает автор. Замок Горменгаст существует по своим законам и категориям, в том числе пространственно-временным: внутреннее и внешнее, верх и низ, запад и восток, далекое и близкое, «свое» и «чужое», дневное и ночное, свет и тьма, которые особо значимы в готической эстетике. Замку Пика присущи такие хронотопические качества как герметичность, замкнутость, изолированность: жизнь господ и слуг статична, они не курсируют между «замком» и внешней средой, присутствует эффект обособленности.

Вес прошлого замка «давит» на пространство, заставляя персонажей, подчиняться многовековому кодексу традиций – Ритуалу. Свод устаревших практик вынуждает всех обитателей замка

участвовать во вздорных и абсурдных церемониях, поэтому тема наследия является одной из ключевых в трилогии. Вокруг права быть Хранителем Ритула и, соответственно, замка, выстраивается конфликт, направляющий развитие романного действия.

На сегодняшний день существует лишь одна киноадаптация трилогии, представленная в виде четырехсерийного телевизионного минисериала производства BBC – «Темное королевство» («Gormenghast», 2000). Экранизация, несомненно, является триумфом дизайна, настроения и характера и, безусловно, доказывает, что произойдет, если создать уникальную постановку в театральном стиле и применив ее к масштабному фэнтезийному фильму.

Поиск подходящего экранного воплощения замка Горменгаст стал одной из ключевых задач режиссера Энди Уилсона (Andy Wilson), который взялся за адаптацию трилогии. Внешний вид всего кинопроизведения является доминирующим, поскольку замок Горменгаст сам по себе является главным персонажем. Уилсон вспоминает: «Я нашел картину Макса Эрнста под названием «Весь город» («The Entire City», 1936). Для меня это был Горменгаст. Он выглядел по-восточному, как какой-нибудь китайский город на высокогорных равнинах, тибетский город Лхаса или что-то в этом роде. По стечению обстоятельств Эстель (Эстель Даниэль, продюсер фильма – Д.З.) была в Индии со своим мужем. Она привезла фотографию буддистского монастыря в Ладакхе на высокогорных равнинах Индии. Нам обоим пришла в голову одна и та же идея» [Behind The Scenes of «The Gormenghast»]. Таким образом, уже на уровне чистой изобразительности работа над воплощением визуального образа Горменгаста представляла богатейший материал для формирования эстетической и дискурсивной системы фильма.

Стоит отметить, что Мервин Пик детство и юность провел в китайской провинции Цзянси, где познал различия мировосприятия англичан и китайцев. По воспоминаниям самого Мервина Пика, «Китай оставался основным влиянием, постоянным фоном для большей части его писательской деятельности и живописи, поэзии и иллюстраций» (здесь и далее перевод наш – Д.З.) [Mervyn Peake]. Замкнутое, окружённое стенами пространство европейской зоны и строгие порядки британской школы, где учился Мервин, нашли отражение в образе замка Горменгаст. Этот факт учитывает и Энди Уилсон, визуализируя Горменгаст на экране. Архитектура замка и внутренний ландшафт составляют развернутую живописную панораму китайского Запретного города. Атмосфера печали и запустения достигается внутренним убранством замка.

Циклопичность элементов интерьера усиливает герметичность, закрытость и изолированность замка. Ощущение останковки времени в замке достигается благодаря стилевому и визуальному решению. Замок Уилсона предстает моделью «лабиринта», узкие ходы и коридоры которого обозначают не только переплетения судеб киногероев, но и полный опасностей их путь к разгадке тайны жестоких преступлений.

Уилсон раскрывает художественную природу Мервина Пика через внутреннее убранство замка, аллюзивно отсылающее к великим художникам XX века: флаги замка в стиле полотен В. Кандинского, скульптуры, напоминающие работы Ж. Миро, стенная роспись в духе П. Клее.

Особый интерес вызывают созданные костюмы, представляющие уникальный синтез культур и эпох. В костюмах персонажей присутствуют элементы и викторианского стиля, и эдвардианского, и поздневикторианской моды. В костюмах некоторых персонажей присутствуют элементы китайской традиционной одежды Ханьфу, которая, помимо одежды, включает в себя несколько видов самых разнообразных аксессуаров, таких, как головные уборы, украшения, юпеи и ручные веера.

Таким образом, можно сделать вывод, что в киноадаптации «Темное королевство» именно замок Горменгаст закладывает важнейшие закономерности развертывания экранного повествования. «Замок», будучи пространственно- временной репликой чужой памяти, воспроизводит образы и события прошлого, но не имеет будущего. Пространство и время «замка» в сочетании с детективной интригой актуализирует в сюжете тему наследия. Режиссеру удалось не только воссоздать элементы герметичности и обособленности замка Горменгаст, но и сохранить авторское «я» Мервина Пика в экранизации.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. *Формы времени и хронотопа в романе Т. 3: Теория романа*. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 340–512.
2. Гусева Е.В. Особенности категории воспринимаемости художественного текста с символической составляющей // *Международный научно- исследовательский журнал*. 2014. № 1. С. 108–110.
3. Луценко Р.С. Лингвокультурологические основы работы над текстом художественного произведения (на примере реализации

концепта «Пейзаж» в английской литературе XIX-XX вв.) // Интеграция образования. 2006. № 3. С. 176–179.

4. Behind The Scenes of «The Gormenghast» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.eskimo.com/~rkj/weekly/aa060500b.htm> (дата обращения: 14.04.2023).

5. Mervyn Peake. The Official Site [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mervynpeake.org/china.html> (дата обращения: 14.04.2023).

Источники

1. Пик М. Титус Гроан. М.: Лайвбук, 2022. 550 с.
2. Пик М. Горменгаст. М.: Лайвбук, 2023а. 760 с.
3. Пик М. Титус Один. М.: Лайвбук, 2023б. 324 с.

THE VISUAL POETICS OF THE CHRONOTOPE IN THE SCREEN VERSION OF M. PEAKE'S TRILOGY «GORMENGHAST»

D.N. Zamyshlyeva

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow

The article is devoted to the analysis of the screen version of M. Peake's trilogy «Gormenghast». The subject of the study is the filmic image of Gormenghast Castle, its impact on diegesis, plot and symbolism. Gormenghast as an aesthetic complex corresponds to the castle chronotope in the interpretation of M. Bakhtin: «castle» as a structure of space and time, delineating external boundaries and establishing internal laws of diegesis. The author wonders about the preservation of the author's «I» in the screen version.

Key words: chronotope, castle, Gothic, Mervyn Peake, genre, poetics, screen version, detective.

Об авторах:

Замышляева Диана Николаевна – ассистент кафедры иностранных языков Сочинского института филиала Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, аспирант Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы (г. Москва); e-mail: di.zamyshlyeva@gmail.com.

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ДОМИНИРОВАНИЯ АДРЕСАНТА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

И.А. Зюбина

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Статья посвящена коммуникативной стратегии доминирования, являющейся амбивалентной коммуникативной гиперстратегией. Анализ российского и британского политического дискурса позволил выявить наличие как привычной конфронтации, так и кооперации при намеренном проявлении доминирования адресантом.

Ключевые слова: доминирование, амбивалентность, политический дискурс, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, адресант, адресат.

Цель исследования – показать механизм функционирования коммуникативной гиперстратегии доминирования на примере коммуникативной ситуации политического дискурса.

Доминирование – это центральное свойство личности, выражающееся в потребности управления, контроля, подавления, преобладания, собственного предпочтения. В настоящее время исследование данного феномена является актуальным для всех наук, так или иначе связанных с человеком и его деятельностью. В лингвистике феномен доминирования находит отражение в смежных понятиях. Так, с позиции функциональной прагмалингвистики акцент ставится на изучении намеренной коммуникативной деятельности, направленной на реализацию подавления адресата или его манипулирование [Зюбина 2021; Murphy 2014; Зюбина, Матвеева, Лесняк 2015]. С позиции скрытой прагмалингвистики проводятся исследования немотивированного речевого поведения адресанта в аспекте уверенности / неуверенности [Zheltukhina, Zyubina 2018; Матвеева, Зюбина 2017; Matveeva, Zyubina 2018]. В юридической лингвистике центральное место занимает проблема изучения инвективного потенциала конфликтного высказывания [Золотаренко 2013; Меликян, Трофимова 2019; Никишин 2020; Меликян 2019], а в психолингвистике анализируется реакция адресата на такие высказывания [Балясникова 2015; Ватлецов 2020; Кусоцкая 2017].

С позиции коммуникативистики мы считаем доминирование амбивалентной коммуникативной гиперстратегией, поскольку анализ языкового материала (парламентских выступлений в Государственной Думе РФ и в Парламенте Великобритании) показал наличие как привычной конфронтации, так и кооперации при намеренном проявлении адресантом доминирования в политическом дискурсе. Приведем фрагмент коммуникативной ситуации из британского политического дискурса:

«During my time as the MP for Richmond Park, I have received dozens of reports of Thames Water's negligence. In 2020, more than 1,200 homes in Richmond were left without central heating or hot water for five days when water from a burst pipe ingressed the gas network. Last year, a burst water main on the Manor Circus roundabout went unattended for days, delaying the completion of roadworks that were causing chaos in the area. My residents in north Kingston have had to make their peace with constant congestion caused by an unending series of emergency repair works – all because this failing water giant cannot get its act together. That is just a mere snapshot of the chaos that Thames Water causes for my constituents every day» (Olney 2024) – «За время моего пребывания на посту члена парламента от Ричмонд-Парка я получил десятки сообщений о халатности “Thames Water”. В 2020 году более 1200 домов в Ричмонде остались без центрального отопления и горячей воды на пять дней, когда вода из прорвавшейся трубы попала в газовую сеть. В прошлом году прорыв водопровода на кольцевой развязке “Manor Circus” оставался без присмотра в течение нескольких дней, что задержало завершение дорожных работ, которые вызвали хаос в этом районе. Моим жителям в северном Кингстоне приходилось мириться с постоянными пробками, вызванными бесконечной чередой аварийно-ремонтных работ – и все потому, что этот терпящий неудачу водный гигант не может собраться с силами. Это всего лишь краткое описание хаоса, который “Thames Water” каждый день создает для моих избирателей» (перевод наш – И.З.).

Первый коммуникативный ход («During my time as the MP for Richmond Park, I have received dozens of reports of Thames Water's negligence. In 2020, more than 1,200 homes in Richmond were left without central heating or hot water for five days when water from a burst pipe ingressed the gas network. Last year, a burst water main on the Manor Circus roundabout went unattended for days, delaying the completion of roadworks that were causing chaos in the area. My residents in north Kingston have had to make their peace with constant congestion caused by an unending series of emergency repair works») реализует одновременно

кооперационную тактику указания на личную причастность (подвид стратегии самопрезентации – демонстрация осведомленности) и кооперационную тактику формулирования проблемы (подвид стратегии самопрезентации – демонстрация интеллектуальных способностей). Одновременно адресант реализует конфронтационную тактику критики действий оппонента (стратегия неодобрения оппонента). В следующем коммуникативном ходе («all because this failing water giant cannot get its act together») происходит реализация кооперационной тактики разъяснения сложных вопросов (подвид стратегии самопрезентации – демонстрация интеллектуальных способностей) и конфронтационной тактики критики действий оппонента (стратегия неодобрения оппонента). И в заключительном коммуникативном ходе («That is just a mere snapshot of the chaos that Thames Water causes for my constituents every day») реализуется конфронтационная тактика критики действий оппонента (стратегия неодобрения оппонента) наряду с кооперационной тактикой указания на личную причастность (подвид стратегии самопрезентации – демонстрация осведомленности).

Перечислим основные языковые средства реализации выделенных тактик: инклюзивное личное местоимение «I» («I have received dozens of reports»); инклюзивное притяжательное местоимение «my» («During my time as the MP for Richmond Park»; «My residents in north Kingston; for my constituents»); лексемы с отрицательной семантикой («negligence»; «unattended»; «chaos»; «failing»); количественные числительные («more than 1,200 homes»; «for five days»).

Таким образом, анализ коммуникативной ситуации британского политического дискурса позволяет проиллюстрировать механизм функционирования коммуникативной гиперстратегии доминирования. Выявлено, что в отдельном коммуникативном ходе адресант одновременно может реализовывать и кооперационные, и конфронтационные коммуникативные тактики определенных стратегий доминирования, что свидетельствует об амбивалентности гиперстратегии доминирования. Исследование данной гиперстратегии позволяет распознавать и адекватно реагировать на конфронтационное доминирование адресанта и учит реализовывать кооперационные эффективные воздействующие стратегии в повседневной коммуникации.

Библиографический список

1. *Балясникова О.В.* Опыт психолингвистического исследования значения одного из ключевых слов конфликтного текста // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 13(4). С. 22–27.

2. *Ватлецов С. Г.* Инвектива как эстетика и ритуал отождествления // Русская речь. 2020. № 3. С. 7–21.

3. *Золотаренко Т.А.* Уровни инвективной сущности // Вестник Волгоградского государственного университета. 2013. № 3. С. 142–145.

4. *Зюбина И.А.* Национальная специфика доминирования в речевом поведении политиков // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 4. С. 51–61.

5. *Зюбина И.А., Матвеева Г.Г., Лесняк М.В.* Коммуникативные стратегии манипулирования в парламентском дискурсе // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2015. № 4. С. 187–192.

6. *Кусоцкая Е.С.* Типология и языковая репрезентация коммуникативных реакций на оскорбления в контексте американского общественно-политического дискурса // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2017. № 14 (4). С. 583–598.

7. *Матвеева Г.Г., Зюбина И.А.* Письменный текст: подходы к выявлению скрытой прагматики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2018. Т. 17. № 2. С. 26–32.

8. *Матвеева Г.Г., Зюбина И.А.* Речевое поведение авторов исходного и переводного текстов: прагмалингвистический аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2017. Т. 16, № 3. С. 103–111.

9. *Меликян В.Ю.* Методология и практика юридизации инвективной лексики // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия. 2019. № 9. С. 5–26.

10. *Меликян В.Ю., Трофимова В.А.* О лингвистическом статусе феномена «коммуникативное давление» // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия. 2019. № 9. С. 27–35.

11. *Никишин В.Д.* Объекты судебной лингвистической экспертизы: новые вызовы криминогенной интернет-коммуникации // Вестник университета им. О.Е. Кутафина. 2020. № 6(70). С. 79–88.

12. *Murphy J.* (Im)politeness during Prime Minister's Questions in the U.K. Parliament // Pragmatics and Society. 2014. № 5. P. 76–104.

13. Zheltukhina M., Zyubina I. Individual speech behavior of Russian-speaking prosecutors in the 19-20th centuries: A case study in implicit pragmatics // *Lege artis. Language yesterday, today, tomorrow. The journal of University of SS Cyril and Methodius in Trnava*. Warsaw: De Gruyter Poland. 2018. № III (2). P. 251–306.

Источники

1. Olney S. Thames Water: Contingency Plans [Электронный ресурс] // Hansard. Volume 747: 15.03.24. Режим доступа: <https://hansard.parliament.uk/commons/2024-03-15/debates/E666A453-DB02-46BD-ADA4-B1339A985A59/ThamesWaterContingencyPlans> (дата обращения: 7.04.2024).

AMBIVALENCE OF ADDRESSER DOMINANCE IN POLITICAL COMMUNICATION

I.A. Zyubina

Southern Federal University, Rostov-on-Don

The article is devoted to the communicative strategy of dominance which is an ambivalent communicative hyperstrategy. Analysis of the Russian and British political discourse revealed the presence of both habitual confrontation and cooperation with the intentional manifestation of dominance by the addresser.

Key words: dominance, ambivalence, political discourse, communication strategy, communication tactics, addresser, addressee.

Об авторах:

Зюбина Ирина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации Южного федерального университета; e-mail: iazyubina@sfedu.ru.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ТЕКСТЫ ГЮНТЕРА ГРАССА В СТРУКТУРЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ

П.Ф. Иванов

*Сочинский институт Российского университета Дружбы народов
имени Патриса Лумумбы, г. Сочи*

Художественный дискурс произведения Г. Грасса «Луковица памяти» образует сложные интертекстуальные связи с предыдущими произведениями этого автора. Многообразие прецедентных текстов, цитат, квазичитат, аллюзий, реминисценций обеспечивают универсальную диалогичность текстов данного автора, таким образом, представляют некий мегатекст или сверхтекст. Большое количество самоцитат приходится на самое известное произведение Грасса – «Жестяной барабан».

Ключевые слова: прецедентный текст как средство образности, текстовая аллюзия, самоцитация, биографический контекст в организации структуры произведения Грасса, «раздвоение» сознания рассказчика как художественный прием.

Почти девять лет прошло с того апрельского дня, как ушел из жизни мэтр немецкой литературы, автор трилогии «Жестяной барабан», лауреат Нобелевской премии по литературе 1999 года Гюнтер Грасс. Тем не менее, невозможно себе представить современную немецкую литературу без этого беспокойного гения, писателя-политика и «совести нации», по выражению нашего российского критика И.В. Млечиной.

Актуальность нашего исследования обусловлена необходимостью углубленного изучения художественного дискурса, обладающего индивидуально-авторскими особенностями. На данный момент защищены несколько диссертаций по изучению творчества Гюнтера Грасса, среди них следует отметить работы А.В. Добряшкиной [Добряшкина 2005], К.С. Застелы [Застела 2012], С.Н. Сатовской [Сатовская 2014], однако почти все исследователи концентрировали свое главное внимание на литературоведческих вопросах.

Опираясь на методы лингвистического и литературоведческого анализа М.М. Бахтина, мы смогли представить в нашем диссертационном исследовании многоплановость образа автора,

выявить диалогичность авторского голоса в произведениях известного немецкого писателя Г. Грасса «Луковица памяти» (немецкое оригинальное название – «Beim Häuten der Zwiebel»), «Мое столетие» («Mein Jahrhundert»).

В нашем исследовании мы выделили в качестве средств художественной образности присутствие в произведениях Г. Грасса многочисленных элементов «прецедентных текстов» [Караулов 2007], самоцитат, аллюзий, которые являлись материалом нашего анализа художественного дискурса Грасса, с применением методов интерпретации, концептуального и интертекстуального анализа.

Само понятие прецедентного текста было введено в научный обиход Ю.Н. Карауловым. Ученый дает прецедентному тексту следующее определение: «Назовем прецедентными тексты, значимые для той или иной личности в познавательном или эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. широко известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 2007, с. 216]. Следует отметить некоторые аспекты данного термина. «Во-первых, прецедентными следует считать не только общеизвестные тексты. Таковым иногда является текст совершенно неизвестный современникам. Например, многие стихотворные произведения А.С. Пушкина воспринимаются как оригинальные (или даже включены в корпус «прецедентных» для носителей русской культуры), на самом же деле они имели свои прецедентные дискурсы-прототипы. Во-вторых, признаки значимости, общеизвестности и повторяемости присущи не только так называемым прецедентным текстам, но и любым единицам языка: от фонемы до слова и фразеологизма, то же можно сказать и о паремическом корпусе (поговорок, пословиц, притч)» [Борботько 2002, с. 6–8].

Вслед за понятием прецедентного текста вводятся понятие прецедентного высказывания, прецедентного имени, прецедентного феномена и прецедентной ситуации [Красных 1997]. Согласно Б.М. Гаспарову можно выделить несколько уровней прецедентности: «Носитель языка осознает, что некоторые из аспектов его памяти имеют сугубо индивидуальный, сугубо личный характер; некоторые другие – принадлежат более или менее узко и четко очерченному кругу «своих», разделяющих тождественный опыт...; о третьих с уверенностью можно сказать, что они имеют хождение в широкой и неопределенной по составу среде» [Гаспаров 1996, с. 99–100].

Прецедентные тексты могут быть и невербальными (например, произведения живописи, скульптуры, музыки, архитектуры). Корпус прецедентных текстов меняется в ходе исторического развития языкового коллектива. Теория прецедентности активно разрабатывалась в трудах таких ученых, как Ю.Н. Караулов, В.В. Красных, Д.Б. Гудков, Г.Г. Слышкин, Н.А. Фатеева и др. Так, например, Г.Г. Слышкин выделяет в качестве основных элементов прецедентного дискурса следующие смысловые группы прецедентных текстов: 1) политические плакаты, лозунги и афоризмы; 2) произведения классиков марксизма-ленинизма и руководителей советского государства; 3) исторические афоризмы; 4) классические и близкие к классическим произведения русской и зарубежной литературы, включая Библию; 5) сказки и детские стихи; 6) рекламные тексты; 7) анекдоты; 8) пословицы, поговорки, считалки; 9) советские песни; 10) зарубежные песни [Слышкин 2000].

Прецедентный текст вносит свой вклад в формирование содержания всего дискурса, органично вплетаясь в ткань другого контекста, как бы теряя свой основной смысл, но обретая взамен другой.

Биографический контекст образует основной фон произведения Г. Грасса «*Beim Häuten der Zwiebel*». Этот контекст представлен автором в виде личных воспоминаний, включающий большой отрезок германской истории, начиная с 1938 г. по 1958 г. Самосознание, по мнению М.М. Бахтина, уже само по себе достаточно, чтобы разложить монологическое единство художественного мира, но при условии, что герой как самосознание действительно изображается, а не выражается [Бахтин 1929]. Что и происходит в произведении Г. Грасса: автор сталкивает свое собственное «Я» с сознанием своего двойника. Начиная с первой главы, можно проследить эволюцию авторского самосознания, авторского восприятия окружающей реальности и изменения сознания двойника – второго «Я», выраженного чаще всего местоимением «Он», от восторженно-мальчишеского восприятия побед немецкого оружия на Восточном фронте до неприятия нацистской идеологии фашизма и осуждения войны.

Таким образом, можно проследить и прочувствовать процесс взросления этого двойника, с которым автор вступает в диалог. Эту раздвоенность авторского сознания можно проследить на протяжении всего произведения, например: «Еще в последние годы Вольного города – мне было десять – мальчик с моим именем и фамилией вполне добровольно вступил в «Юнгфольк», детскую организацию, которая являлась подготовительной ступенью для «Гитлерюгенда». Нас

называли «волчатами». Я попросил, чтобы на Рождество мне подарили форму с пилоткой, галстуком, ремнем и португеей» (Грасс 2008, с. 50). При этом Грасс ни разу не заявлял, что виноват только лишь нацистский режим или руководители Третьего Рейха. В попытке оправдаться, он жестоко винит самого себя, вот как он пишет об этом: «Ссылка на неведение не оправдывает меня перед лицом того осознаваемого факта, что я был частью системы, спланировавшей, организовавшей и осуществившей уничтожение миллионов людей. Даже если согласиться, что на мне нет прямой вины, нельзя избавиться от тяжкого осадка, который просто так не спишешь на коллективную ответственность» (Грасс 2008, с. 146). В памяти вспоминающего свое прошлое прототипа автора чередуются обрывки воспоминаний о начале войны с подробным описанием родительского дома, улиц пригорода г. Данциг, исчезнувшего с карты современной Польши, отношений с родителями и первой любви. Мне, как читателю, было интересно отследить постепенный переход мыслей главного героя от абсолютного принятия фашистской идеологии к сомнениям, и, в конечных главах после пребывания в лагере для военнопленных в Бад Айблинге, к поискам правды и чувстве совинности.

Мы попытались условно сгруппировать прецедентные тексты, выявленные в авторском дискурсе на несколько смысловых рядов:

а) ссылки на известные произведения немецких и европейских писателей (в том числе сказки братьев Гримм, сказки Г.Х. Андерсена, произведения И.В. фон Гёте, известные произведения Э.М. Ремарка и др.), большое количество имен художников и скульпторов (что неудивительно, т.к. Грасс сам был известен как художник), б) библейские афоризмы, в) большое количество песен и стихотворений периода правления национал-социалистов в Германии, г) рекламные тексты и слоганы, д) автопрецеденты – т.е. ссылки на собственные произведения, опубликованные ранее, е) отрывки политического дискурса – так называемые квазицитации (воспроизводимые части текста или всего текста в умышленно измененном виде, умышленные изменения той языковой формы, в которой текст сохранился в памяти носителя данной культуры). Многие из этих прецедентных элементов приобретают авторскую индивидуализацию и образуют в дискурсе Г. Грасса специфическую концептуальную идиосистему, воплощенную во множестве авторских символов и характерных высказываний.

Произведение Грасса «Жестяной барабан», получившее известность после 1958 года, чаще всего фигурирует в качестве прецедентного дискурса, например: «Странник на жизненном пути... я

неизменно спотыкался о «Жестяной барабан»; эта книга начала отбрасывать свою тень еще до того, как была заключена в переплет и разошлась по всему миру. Мой словоохотливый герой Оскар Мацерат... оказался таким же понятливым учеником, как и я, начавший – без горба и пригодной для романа биографии – работу в качестве практиканта» (Грасс 2008, с. 330). Автопрецедентный концепт Оскар Мацерат именуется разными способами: горбатый герой, медийный магнат, мой словоохотливый герой.

Разноименование представляет собой выражение концепта через посредство разных концепторов – проявление дискурсивного полиморфизма, что в итоге дает индивидуально-авторское содержание понятия, обращая его в идиоконцепт. Особенно это явление характерно для концепта самого автора-повествователя, представленного многочисленными концепторами: «Я», «мальчик в коротких штанах и гольфах» («mittelgroßer Bengel in kurzen Hosen»), «обожженное дитя войны» («gebranntes Kriegskind»), «маменькин сынок» («Muttersöhnchen»), «безбожный католик» («der gottlose Katholiker»), «свидетель Истории» («Zeitzeuge») и т.д.

Г. Грасс был призван в армию в конце 1944 года, а именно в сентябре. Солдатский быт, условия жизни новобранцев, издевательства старших по званию над молодыми рядовыми достоверно воспроизведены в авторском дискурсе. При этом автор использует сленговые обороты, такие как «Göringsspende», «jemandem die Hammelbeine langziehen», «hopsgehen», «die Stalinorgel», «jemanden zur Sau machen», «Gewehr ist die Braut des Soldaten».

Объемные отрывки политизированного дискурса представлены как часть мировоззрения молодого человека, выросшего в условиях господства фашистской идеологии национал-социализма. Оказавшись после призыва в частях СС, молодой человек не испытывает никакого чувства смущения или сомнений, например: «Auch ging von der Waffen SS etwas Europäisches aus; in Divisionen zusammengefaßt kämpften freiwillig Franzosen, Wallonen, Flamen und Holländer, viele Norweger, Dänen, sogar neutrale Schweden an der Ostfront in einer Abwehrschlacht, die, so hieß es, das Abendland vor der bolschewistischen Flut retten sollte» (Grass 2006, S. 126).

В некоторых случаях автор использует пародию в качестве прецедентного текста, в которой Г. Грасс иронично имитирует сказочный зачин, включая характерные повторы: «Und so könnte ein Märchen beginnen, das ich nicht geschrieben habe... Allenfalls hätte Hans Christian Andersen solch ein Märchen erfinden können: es war einmal ein

Schrank, in dem die Erinnerung in Kleiderbügel hing...Und so wurde das Märchen wirklich...Und so ging das Märchen weiter» (Grass 2006, S. 457).

Выявленные нами прецедентные элементы художественных произведений Г. Грасса выполняют текстообразующие функции, являясь и материалом дискурса, и средством презентации и осмысления автобиографических ситуаций. Прецедентные элементы высказываний в художественном дискурсе автора точно передают духовную атмосферу времени, исторический фон, служат цементирующим звеном в композиции произведения, подключают читателя к диалогу с автором, выступают как свернутые метафоры, как символы времени, как репрезентанты концептов. Десятки имен писателей, политиков, деятелей искусства, европейских художников, скульпторов, упоминаемых в «Луковице памяти», не случайны для данного произведения.

В своем интервью, данном для немецких радиожурналистов в августе 2006, Г. Грасс пророчески предупреждал об угрозах, которые несет возрождающийся фашизм и национализм: «Я критиковал и порицал определенные социальные проблемы в Федеративной Республике Германии. Я также по-прежнему придерживаюсь мнения, что такому человеку, как Курт Георг Кизингер, который был одним из лидеров нацистов, не следовало бы становиться федеральным канцлером. И я не собираюсь отказываться от своих слов. Это оценки, которые я также сделал на основе своего жизненного опыта. Я принадлежу к этому обоженному поколению, и очень рано, постепенно, по мере роста моих политических взглядов и знаний, я извлек из этого свои выводы. Если меня хотят упрекнуть в этом, что ж, тогда я должен принять этот упрек, только я не готов ни от чего отказываться, и я буду продолжать высказываться как писатель, и как гражданин» (перевод примера наш – П.И.).

Библиографический список

1. *Бахтин М.М.* Проблемы творчества Достоевского. Ленинград: Прибой, 1929. 244 с.

2. *Борботько В.Г.* Прецедентные тексты и дискурс-алфавит в аксиоматике языковой личности // Языковая личность в условиях межкультурной коммуникации. Материалы лингв. конференции. М.: МГСУ, 2002. С. 6–8.

3. *Гаспаров Б.М.* Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. С. 99–100.

4. *Добряшкина А.В.* Гротеск в творчестве Гюнтера Грасса: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 160 с.

5. *Застела К.С.* Интеграция иностилевых включений в структуру литературного текста (на материале немецкой прозы): дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2012. 195 с.

6. *Иванов П.Ф.* Лингвокультурная динамика концептов в дискурсе Г. Грасса: автореф. дисс. канд. филол. наук. Майкоп, 2015. 18 с.

7. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ / URSS, 2007. 264 с.

8. *Красных В.В.* Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований // Язык сознание коммуникация. № 2. 1997. С. 5–12.

9. *Сатовская С.Н.* Автобиографизм в творчестве Г. Грасса в контексте авторского образа мира и истории Германии: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2014. 212 с.

10. *Слышкин Г.Г.* От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Академия, 2000. 125 с.

Источники

1. *Грасс Г.* Луковица памяти. М.: Иностранка, 2008. 592 с.

2. *Grass G.* Beim Häuten der Zwiebel. Göttingen: Steidl Verlag, 2006. 480 S.

3. *Grass G.* Mein Jahrhundert. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2006. 384 S.

TEXTE VON GÜNTER GRASS WERKEN IN DER STRUKTUR VON PRÄZEDENZDISKURSES

P.F. Ivanov

*Russische Universität für die Völkerfreundschaft Zweigstelle der
Moskauer Universität in Sotschi*

Der künstlerische Diskurs von G. Grass «Beim Häuten der Zwiebel» bildet komplexe intertextuelle Beziehungen zu früheren Werken dieses Autors. Die Vielfalt der Präzedenzfälle, Zitate, Quasi-Zitate, Anspielungen, Reminiszenzen sorgen für eine universelle Dialogizität der Texte dieses Autors und stellen somit einen Megatext oder Supertext dar. Eine größere

Anzahl von Selbstziten fällt auf das berühmteste Werk von Grass – «Die Blechtrommel».

Schlüsselwörter: Präzedenztext als Mittel der Bildlichkeit, Textanspielung, Selbstzitat, biographischer Kontext in der Organisation der Struktur von Grass' Werk, «Verdoppelung» des Bewusstseins des Erzählers als künstlerische Technik.

Об авторах:

Иванов Павел Филиппович – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Сочинского института филиала Российского университета Дружбы народов имени Патриса Лумумбы; e-mail: pavel987-53@mail.ru.

УДК 81'367.625.43=112.2

МОДАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРИЧАСТИЙ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА)

А.Г. Калинина

Кубанский государственный университет, Краснодар

В данной статье рассматриваются модальные характеристики Partizip I и Partizip II в художественном тексте. Автор обращается к категории текстовой модальности, опираясь на труды отечественных и зарубежных исследователей. Практическим материалом служат примеры причастий из романа Гюнтера Грасса «Die Blechtrommel».

Ключевые слова: авторская модальность, субъективно-оценочная модальность, категория текста, лингвистика текста.

Исследование текстообразующих возможностей языковых единиц, их роль в реализации основных текстовых категорий находятся в центре внимания многих исследователей. Среди ведущих текстовых категорий наряду с когезией и когерентностью, проспекцией и ретроспекцией, актуальным членением текста занимает категория модальности. Модальность является предметом исследования языкознания и логики, прагматики и лингвистики текста. Для логики модальность является существенным признаком суждения как формы мышления. «Пожалуй, нет другой категории, о языковой природе и составе частных значений которой высказывалось бы столько различных и противоречивых точек зрения, как о

категории модальности» [Панфилов 1977, с. 37]. Большинство авторов в состав категории модальности включаются значения, самые разнородные по своей сущности, функциональному назначению и принадлежности к уровням языковой структуры, «так что при этом категория модальности лишается какой-либо определенности» [Панфилов 1977].

В рамках лингвистики текста выделяются несколько важных линий исследования текста и одну из первых позиций занимает вопрос исследования модальности художественного текста. Категория модальности как понятийная категория связана с важными аспектами бытия и его преломлением в сознании и языке [Тураева 1994]. В основе этой категории лежат универсальные категории логики, организующие рациональное сознание. На них наслаиваются оценочные и эмоционально-экспрессивные оттенки смысла. Категория модальности рассматривается как категория, состоящая из целевой коммуникативной установки автора и категории оценки.

В лингвистике текста различают модальность высказывания и модальность текста. Как отмечает З.Я. Тураева, между этими модальностями нет полного изоморфизма. В основе и той и другой категории лежат понятия действительного, возможного, необходимого и их оценка говорящим. Модальность высказывания характеризуется мономодальностью (субъект оценки не изменяется). Для текстовой модальности характерна смена субъекта на всем протяжении повествования, что позволяет нам говорить о полимодальности текста. Полимодальность характерна для таких типов повествования, в которых постоянно меняется фокус, т. е. происходит смена точек зрения. В таких случаях повествование передается то от имени автора, то от имени героя.

Модальность высказывания и текстовая модальность могут быть противопоставлены еще по одному критерию: эксплицитность и имплицитность. Средства выражения модальности высказывания, по замечанию З.Я. Тураевой, давно изучены, и картина представляется ясной: ядром языковой категории модальности является наклонение, коммуникативные и структурные типы предложений, лексические и лексико-грамматические средства [Тураева 1994]. Если эксплицитное выражение модальности высказывания не подвергается сомнениям ученых, то текстовая модальность и средства ее выражения непрерывно находятся в стадии изучения. По мнению многих ученых (З.Я. Тураева, О.И. Москальская, И.Р. Гальперин) можно говорить об эксплицитном и имплицитном выражении текстовой модальности.

Модальность как текстовая категория впервые получила освещение в работе И.Р. Гальперина «Текст как объект лингвистического исследования». Исследователь рассматривает модальность текста как основную текстовую категорию. Основным признаком модальности – выражение отношения говорящего к действительности. Такое отношение может быть выражено различными средствами: лексическими, грамматическими, интонационными, композиционными. В связи с этим модальность признается категорией, которая «присуща языку в действии, т. е. речи, и поэтому является самой сущностью коммуникативного процесса» [Гальперин 2007, с. 114]. Гальперин обращает внимание на то, что понятие модальности включает в себя объективно-модальное и субъективно-модальное значения. «Объективно-модальное значение выражает характер отношения, сообщаемого к действительности, субъективно-модальное значение выражает отношение говорящего к сообщаемому» [Гальперин 2007, с. 114].

При изучении субъективно-оценочной модальности целесообразно говорить о фразовой и текстовой модальности. Фразовая модальность выражается грамматическими или лексическими средствами. Текстовая модальность «реализуется в характеристике героев, в своеобразном распределении предикативных и релятивных отрезков высказывания, в предложениях, в умозаключениях, в актуализации отдельных частей текста и в ряде других средств» [Гальперин 2007, с. 115]. Субъективно-оценочная модальность проявляется наиболее ярко в тех произведениях или в тех отрывках произведения, где более или менее видна личность автора, представлено его мироощущение, его вкусы и представления [Гальперин 2007]. Невозможно говорить о субъективно-оценочной модальности на основе единичного употребления языкового средства. В процессе повествования формируется своеобразное модальное поле, элементами которого становятся субъективные модальные оценочные значения повествователя. «Создавая воображаемый мир, художник слова не может быть беспристрастен к этому миру ... либо прямо, либо косвенно выражает отношение к нему» [Гальперин 2007, с. 115]

Роман Гюнтера Грасса «Жестяной барабан» (1959) является одним из ярких произведений мировой литературы. Уже много десятилетий язык романа привлекает внимание исследователей всего мира. При изучении языка романа в первую очередь обращает внимание на себя смена автора повествования. Начало повествования от имени главного героя сменяется на рассказ от 3-го лица, где главный герой становится участником событий. Каждый раз автор-рассказчик или автор-герой,

описывая события, выражает отношение к этим событиям. И практически в каждом описании, диалоге или монологе мы встречаем большое количество причастий. Наряду с яркими темпоральными, аспектуальными характеристиками, причастия, по нашему мнению, являются средствами выражения авторской модальности, а именно субъективно-оценочной модальности. Приведем некоторые примеры:

(1) «*Dennoch ziehe ich diese **fotografierte** Langeweile dem anstößigen Schnappschuß späterer Jahre vor...*» (Grass, S. 60).

(2) «*Weder gelang es mir, mit unermüdlichem Schrei das Tapetenmuster zu löschen, noch mit zwei **langgezogenen**, auf und ab **schwellenden**, sich steinzeitlich mühsam aneinander **reibenden** Tönen Wärme bis Hitze zu erzeugen, endlich den Funken springen zu lassen, der nötig gewesen wäre, die **zundertrockenen**, **tabakrauchgewürzten** Gardinen vor den beiden Fenstern des Wohnzimmers zu dekorativen Flammen werden zu lassen*» (Grass, S. 80).

Partizip II примера (1) звучит в речи главного героя Оскара. Это начало романа, когда герой, перелистывая страницы фотоальбома, вспоминает свою жизнь. В примере (2) Оскар дает оценку своей способности разбивать голосом стекло: *langgezogen* – тянущиеся, протяженные, не имеющие завершения звуки; *schwellenden* – нарастающие, громкие; *reibenden* – соприкасающиеся (трущиеся) друг с другом, провоцирующие тепло и жару.

(3) «*und all das **zersungene** Glas, durchsichtige Glas, hauchdünn **geatmete** Glas...*» (Grass, S. 750).

Тема разбитого голосом героя стекла не раз возникает в романе. Это символ протеста главного героя. В примере (3) Partizip II «*zersungen*» и «*geatmet*» имеют характеристику протеста, возмущения главного героя. Этот отрывок взят из последних строк романа, когда Оскар подводит некоторые итоги жизни. Как результат возмущения героя «распетое», «тонко выдутое стекло», но еще не разбитое, как символ надежды на лучшее.

Причастия в приведенных примерах, по нашему мнению, могут являться языковым средством выражения авторской модальности художественного текста, а именно субъективно-оценочной модальности. Говорящий, в нашем случае Оскар-герой и Оскар-рассказчик, всякий раз, описывая ситуацию и отношение к ней, вкладывает свой опыт, знания, мнение, ценностные предпочтения, т.е. «осуществляет модальную локализацию события» [Нефедов 2007, с. 8]. Вместе с этим происходит «авторизация содержания своей мысли, что находит, в свою очередь отражение в системе разнообразных языковых средств модальности» [Нефедов 2007, с. 8]. В нашем языковом материале такими языковыми средствами являются причастия.

Библиографический список

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007. 144 с.
2. Нефедов С.Т. Коммуникативная модальность и эпистемические модальные компоненты в немецком языке (синхрония и диахрония). СПб.: Изд-во С.-Петербур. Ун-та, 2007. 201 с.
3. Панфилов В.З. Категория модальности и её роль в конституировании структуры предложения и суждения // Вопросы языкознания. 1977. № 4. С. 37–48.
4. Тураева З.Я. Лингвистика текста и категория модальности // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 105–114.

Источники

1. Grass G. Die Blechtrommel. Göttingen: Steidl, 1997. 783 S.

TEMPORAL CHARACTERISTICS OF GERMAN PARTICIPLES

A.G. Kalinina

Kuban State University, Krasnodar

This article deals with the modal characteristics of Partizip I and Partizip II in a fiction text. The author refers to the category of textual modality, relying on the works of domestic and foreign researchers. Examples of participles from the novel «Die Blechtrommel» by Gunter Grass serve as practical material.

Key words: authorial modality, subjective-evaluative modality, text category, text linguistics.

Об авторах:

Калинина Анна Григорьевна – старший преподаватель кафедры немецкой филологии Кубанского государственного университета, e-mail: anna_kalinina_80@inbox.ru.

РОЛЬ АВТОРА В ПЕРЕДАЧЕ КУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА РОМАНА Б. ШЛИНКА «ОЛЬГА»

О.П. Каребина

*Филиал Южного федерального университета в г. Геленджик,
Геленджик*

Доклад посвящен изучению роли автора в передаче культурного контекста и его компонентов на примере романа «Ольга» немецкого писателя Бернхарда Шлинка. Рассмотрены некоторые, наиболее важные, на наш взгляд, концепты, послужившие основой для передачи культурного контекста не только этого романа, но и других произведений автора, панорамно воспроизводящих прошлое Германии XX века.

Ключевые слова: автор, компонент, культурный контекст, концепты германского сознания.

Немецкий писатель Бернхард Шлинка занимает особое место в современной западной прозе. Его первые литературные опыты начинаются в конце восьмидесятых годов, а российской публике имя писателя стало известно только в середине девяностых, когда на экранах кинотеатров появился фильм, поставленный по одноименному роману «Der Vorleser» («Чтец», 1995), вызвавший неоднозначную реакцию зрителей и одновременно интерес к творчеству автора.

В лекциях по эстетике «Gedanken über das Schreiben» («Мысли о писательстве», 2010), прочитанных в университете Хайдельберга, Б. Шлинка говорит о трех центральных темах своего творчества: это – прошлое, любовь, родина. Он пишет о нацизме и холокосте, последствиях Второй мировой войны и ставит проблему личной ответственности [Кудрявцева 2015, с. 90].

Практически во всех своих произведениях Б. Шлинка не забывает о чувстве «коллективной вины», которого впервые коснулся в своём эссе «Recht – Schuld – Zukunft» («Право – вина – будущее», 1988). Как дипломированный юрист, судья, профессор, Б. Шлинка не мог не знать, что право не признаёт такого понятия. Но он сам принадлежал ко «второму поколению», как называют в Германии родившихся на исходе или после войны. И чувство «коллективной вины» наложило

особую печать на судьбы представителей этого поколения [Ионкис 2016].

Отражение автором ключевых событий эпохи, богатой историческими катаклизмами, побуждает к более детальному изучению художественного текста Б. Шлинка, направленному на рассмотрение роли автора в передаче культурного контекста, позволяя лучше понимать особенности современного литературного процесса, что обуславливает актуальность данной статьи.

Цель статьи состоит в исследовании компонентов культурного контекста и способа их передачи автором. На материале одного из последних романов Б. Шлинка «Olga» («Ольга», 2018) рассмотрим авторские отсылки к важнейшим концептам германского сознания, при помощи которых автор придаёт неповторимый колорит своим произведениям.

Как отмечают некоторые исследователи, для творческой манеры Б. Шлинка характерны такие черты, как чуждость риторике и сдержанность в повествовании, эмоциональное воздействие на читателя, суггестивность текста, открытость концовки, допускающая различное толкование описанных событий [Кудрявцева 2015, с. 89]. При этом связывающей нитью является концептуальная организованность повествования, поскольку «концепты возникают в сознании человека не только как намеки на возможные значения, но и как отклики на предшествующий языковой опыт человека в целом – поэтический, прозаический, научный, социальный, исторический и т.п.» [Лихачёв 1997, с. 280].

Интерпретация текста, в особенности художественного, представляется как постепенный переход от эксплицитно выраженных форм к глубинным системам знания, представляющим общую базу знаний носителей языка. Кроме языковых знаний она включает знания о ситуации, контексте, фоновые знания, социальные и культурные стереотипы и т. д., часто определяемые как культурный контекст.

Культурный контекст художественного произведения может включать следующие компоненты (рис. 1): роль автора в передаче культурно значимой информации и культурную традицию данного этноса, которая понимается широким плане как знания и ценности, накопленные тем или иным народом. Иными словами, существует некая экстракультурная реальность, в рамках которой, автор, опираясь на культурную традицию, создает произведение культуры, используемое потребителем.

Культурный контекст		
автор	культурно-значимая информация (концепты)	культурная традиция (концепты)

Рисунок 1– Компоненты культурного контекста

Концепту в данной схеме отводится роль кода, на котором зашифровывается и дешифруется высказывание субъектом сознания [Зинченко 2001, с. 24]. Адекватная расшифровка кода/концепта возможна при владении потребителем/читателем произведения культурой знаний, на которых культурная традиция основана, что и составляет культурный контекст художественного произведения. Сюда также необходимо включить и автора текста, носителя той или иной культуры, передающего со своей субъективной точки зрения культурную информацию, в которой, возможно, присутствует оценка [Голубева 2010, с. 9].

Как уже отмечалось, ярким примером значимости автора в передаче культурного контекста тех или иных исторических событий на концептуальной основе могут служить произведения Б. Шлинка. В романе «Ольга», охватывающем целое столетие немецкой истории, Б. Шлинк представляет прошлое Германии в виде панорамы, размышляя о периоде нацизма, его истоках и последствиях, соединяя при этом отдельные сюжетные линии, знакомые по его прошлым произведениям. Здесь также отчетливо проявился основной, на наш взгляд, в творчестве автора концепт «коллективной вины» или «немецкой вины» за две войны, развязанные Германией в прошлом веке.

При анализе связи между нацизмом и национальным прошлым, явных параллелей между идеями Бисмарка и Гитлера автор приходит к выводу, что именно Бисмарк, чей памятник пыталась уничтожить Ольга, оказался ключевой фигурой в становлении идеологии Третьего рейха, а растущая одержимость Германии мировым господством стала главной причиной её взлёта и падения. Именно Бисмарка, а не Гитлера обвиняет главная героиня за формирование в сознании немцев мифологического концепта о собственном величии и всемогуществе (Шлинк 2019).

Понимание национального превосходства (концепт «Deutschland über alles») проявляется в самом начале романа довольно странным образом, когда у маленькой девочки неожиданно умирают родители и её забирает бабушка. Первое, что она решает сделать, это подобрать

внучке немецкое имя вместо славянского, причём любое от Эдельтруды до Хильдегарды или Хельги. «Но внучка воспротивилась. Когда бабка пыталась растолковать ей, почему немецкое имя лучше, чем славянское, Ольга смотрела на неё пустыми глазами» (Шлинк 2019, с. 11).

Лейтмотив романа – мысль о величии Германии, о её господстве на мировой арене – настолько заразительна, что охватывает и саму Ольгу. На протяжении всего взросления она постоянно ощущает ущербность из-за своего «негерманского» происхождения, ещё и потому, что автор обращает свой пристальный взгляд на типичные черты немцев, отличающие их от других наций, связывая Фатерланд с *концептом немецкой «арийской» души* и с теми культурными пространствами, в которых она формируется.

Ольга полюбила Герберта, который «гордился и Германией – молодой империей с молодым императором, гордился, и своими родителями, и поместьем своей семьи» (Шлинк 2019, с. 17). Описывая сына Ольги, Б. Шлинк снова выделяет значимые детали: Айк воплощает собой идеального немца: «высокий, белокурый, голубоглазый, с открытым лицом, стройный, по-спортивному подтянутый, обходительный» (Шлинк 2019, с. 110).

Концептуальную организованность повествования подтверждает введение в сюжет ещё одного персонажа в другом историческом контексте. Этот молодой человек увлечен идеями студенчества 1968 года, и, кажется, ступает на опасную дорогу, увлекшись борьбой против старых традиций, стремясь создать новое общество. Ольга беспокоится за Фердинанда, он не чужой для неё, потерявшей мужа и сына. Когда-то, после Второй мировой войны Ольга помогала его матери в починке и шитье одежды для всей семьи. Сейчас, по мнению Ольги, Фердинанд может быть охвачен очередной волной надежды на грядущее немецкое величие, как когда-то в прошлом, и Герберт, и Айк.

Здесь Б. Шлинк выстраивает важную связь персонажей: дед – отец – внук, подтверждая её и женской линией: Ольга и её внучка Адельгейда, очень напоминающая свою бабушку. «Но я не прощаюсь с Ольгой. Я никогда с ней не распрощаюсь... Как хорошо, что в чертах Адельгейды я снова узнаю черты Ольги!» – словами Фердинанда заканчивает автор свой роман (Шлинк 2019, с. 252). Так на судьбе разных поколений прослеживается актуализация ключевых мифологических концептов германского сознания в их связи с национальной историей [Алексеев, Кукуева 2019, с. 252].

Исходя из того, что «знание культурного контекста призвано распознать определенные оттенки смысла, с помощью чего

воспроизводятся важнейшие характеристики концепта» [Голубева 2010, с. 11], можно сделать вывод о том, что концепт одновременно является и компонентом культурного контекста, и способом, при помощи которого автор воссоздаёт, передаёт и интерпретирует культурный контекст.

В заключение следует отметить роль Б. Шлинка в передаче культурного контекста романа «Ольга» как заслуживающую самой высокой оценки, поскольку:

1. Позиция автора при передаче культурно-значимой информации явно связана с культурной традицией, где концепту отводится значимая роль кода.

2. Автор показывает отдельные моменты истории, повлиявшие на судьбы людей, воссоздавая панорамную картину происходящего, как определяющего жизнь нации в целом.

3. Верность трём центральным темам творчества (прошлое, любовь, родина) в полной мере подтверждается автором и в романе «Ольга».

Библиографический список

1. *Алексеев П.В., Кукуева Г.В.* Мифология XX века в романе Бернхарда Шлинка «Ольга» [Электронный ресурс] // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 4 (77). С. 295–297. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mifologiya-xx-veka-v-romane-bernharda-shlinka-olga> (дата обращения: 04.04.2024).

2. *Голубева К.Г.* Исследование культурного контекста как основа для определения смысловых составляющих концепта в художественном тексте (на материале романа В. Скотта «Вейверли» [Электронный ресурс] // Известия ВГПУ. 2010. № 2. С. 8–12. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-kulturnogo-konteksta-kak-osnova-dlya-opredeleniya-smyslovyh-sostavlyayuschih-kontsepta-v-hudozhestvennom-tekste-na> (дата обращения: 04.04.2024).

3. *Зинченко В.Г.* Система «культура» и «культурная коммуникация» // Межкультурная коммуникация. Н. Новгород: изд-во НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2001. С. 21–27.

4. *Ионкис Г.* Явление Бернхарда Шлинка [Электронный ресурс] // Литературный европеец. *Monatliche Zeitschrift des Verbandes russischer Schriftsteller in Deutschland*. 2016. № 49. Режим доступа: <https://le-online.org/mosty/mosty-articles/364-n49-mosty-ionkis> (дата обращения: 04.04.2024).

5. Кудрявцева И.Н. Бернхард Шлинк: рассказывая истории [Электронный ресурс] // МНИЖ. 2015. № 4 (35). С. 89–93. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/bernhard-shlink-rasskazyvaya-istorii> (дата обращения: 04.04.2024).

6. Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М.: Academia, 1997. С. 280–286.

Источники

1. Шлинк Б. Ольга. Пер. с нем. Г.В. Снежинской. СПб.: Азбука, Азбука – Аттикус, 2019. 256 с.

DIE ROLLE DES AUTORS BEI DER VERMITTLUNG DES KULTURELLEN KONTEXTES IM ROMAN «OLGA» VON B. SCHLINK

O.P. Karebina

*Zweigstelle der Südlichen Föderalen Universität in Gelendzhik,
Gelendzhik*

Der Beitrag widmet sich der Untersuchung der Rolle des Autors bei der Vermittlung des kulturellen Kontextes und seiner Komponenten am Beispiel des Romans «Olga» des deutschen Schriftstellers Bernhard Schlink. Es werden einige der unserer Meinung nach wichtigsten Konzepte betrachtet, die als Grundlage für die Vermittlung des kulturellen Kontextes nicht nur dieses Romans, sondern auch anderer Werke des Autors dienen, in denen die deutsche Vergangenheit des XX. Jahrhunderts in panoramischer Weise wiedergegeben wird.

Schlüsselwörter: Autor, Komponente, kultureller Kontext, Konzepte des germanischen Bewusstseins.

Об авторах:

Карбина Ольга Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры естественных и гуманитарных наук филиала Южного федерального университета в г. Геленджик, e-mail: karebina@yandex.ru.

ПРИНЦИП ЗОЛОТОГО СЕЧЕНИЯ В АСПЕКТЕ ПСИХОПОЭТИКИ: ОСОБЕННОСТИ АКТУАЛИЗАЦИИ

В.А. Кияшко

Кубанский государственный университет, Краснодар

В исследовании проанализированы особенности актуализации принципа Золотого сечения в аспекте психопоэтики. Указаны теоретические характеристики психопоэтики как самостоятельной дисциплины, целью которой является анализ взаимодействия автора литературного произведения и адресата художественного дискурса посредством текста. Рассмотрена взаимосвязь психопоэтики и гармонии художественного текста, которая представлена актуализирующимся принципом Золотого сечения. Приведен эксперимент по воздействию принципа Золотого сечения на подсознание читателей, интерпретированы и представлены его результаты. В исследовании сделан вывод о влиянии актуализации принципа Золотого сечения на выбор читателями поэтического произведения.

Ключевые слова: филология, психолингвистика, психопоэтика, художественный текст, поэзия, стихи, Золотое сечение, принцип Золотого сечения.

Золотое сечение представляет собой, по определению, сформулированному Т.П. Чаговец [Чаговец 2018, с. 49], «обозначение гармоничных пропорций, при котором целое (с) так относится к своей большей части (а), как большая к меньшей (в), то есть в математическом выражении: $c/a = a/v$ ». Отношение одной части к другой равно числу Фибоначчи, значение которого – 1,6. Традиционно Золотое сечение без труда обнаруживается в визуальных произведениях искусства, в частности – в архитектуре (древнегреческий храм Парфенон в Афинах, Греция; собор Парижской Богоматери в Париже, Франция; Исаакиевский собор в Санкт-Петербурге, Россия); живописи («Джоконда» Леонардо да Винчи, 1503–1505; «Александр Сергеевич Пушкин в селе Михайловском», 1875); скульптуре («Аполлон Бельведерский» Джованни-Анжело Монторсоли, ок. 330 г. до н. э.). Тем не менее, принцип Золотого сечения актуализируется не только в указанных видах искусства, но и в литературных произведениях. Так,

Э.К. Розенов [Розенов 1982] утверждает, что Золотое сечение было обнаружено в стихотворном произведении М.Ю. Лермонтова «Бородино» [Розенов 1982], а И. В. Гаенкова [Гаенкова 2015] отмечает, что принцип Золотого сечения актуализируется в том, как соотносятся друг с другом части «Преступления и наказания» Ф.М. Достоевского. Несмотря на существующие исследования в области реализации принципа Золотого сечения в литературном творчестве, в настоящий момент не существует работ, в которых были бы систематически описаны особенности актуализации данного принципа. В настоящем исследовании предпринята попытка систематизации, обобщения и представления реализации феномена Золотого сечения в поэтических произведениях. Рассмотрение особенностей реализации принципа Золотого сечения представляется актуальным с точки зрения филологии и литературы в связи с тем, что он, проявляясь в художественном тексте, выполняет, по словам Э.К. Розенова [Розенов 1982], следующие функции:

- разделение произведения на смысловые части;
- выделение кульминации произведения;
- подчеркивание главной мысли, формирующей идею художественного произведения;
- эмоциональное воздействие на реципиентов художественного дискурса.

Исследование вопроса актуализации принципа Золотого сечения показало, что его включение в канву художественного произведения является эвристическим, так как в мемуарах, опубликованных переписках авторов литературных произведений не было найдено подтверждений намеренному использованию данного принципа при написании текстов. Данный факт перекликается с утверждением Э.К. Розенова о том, что стихотворные произведения, в которых актуализируется принцип Золотого сечения, оказывают воздействие на эмоциональную сферу читателей, что происходит на подсознательном уровне [Розенов 1982]. Исследованием влияния художественных произведений на эмоциональное состояние адресатов литературного дискурса занимается психолингвистика, которая, по словам Н.В. Сапрыгиной [Сапрыгина 2012, с. 207], выступает как «наука, изучающая психологические и лингвистические аспекты речевой и речемыслительной деятельности...». Психолингвистика стала основой для развития отдельного направления в филологических исследованиях, получившего название психопэтики. Специфика данного направления заключается в том, что в его рамках исследуются поэтические произведения и их влияние на подсознание читателей.

Одним из признанных исследователей в области психопоэтики является Е.Г. Эткинд. Данный ученый отмечает, что под психопоэтикой следует понимать «соотношение мысль – слово» [Эткинд 1999, с. 211], где мысль рассматривается не только как результат мыслительной деятельности человека, но и результат всей деятельности человека в течение жизни, совокупности всех его действий, которые привели к тому, что литературное произведение имеет тот или иной план содержания и план выражения, что соответствует эмоциональному состоянию творца в момент его написания.

На основании этого была сформулирована гипотеза исследования: актуализация принципа Золотого сечения носит эвристический характер и не зависит от периода написания литературного произведения, его жанра и языка, на котором оно создано, а также тематической принадлежности. Актуализация принципа Золотого сечения оказывает эмоциональное воздействие на подсознание читателей, что проявляется в неосознанном выборе тех произведений, которые кажутся им наиболее гармоничными.

В связи с этим следует рассмотреть гармонию с точки зрения ее значимости для литературного произведения. Гармония выступает в качестве одной из древнейших категорий, которая позволяет человеку определять наиболее эстетичные элементы окружающей действительности, соотнести их с идеалами, продиктованными законами гармонии. Литературные произведения, в особенности – поэтические, как правило, отличаются гармоничностью построения текста. К.Э. Штайн, рассматривая особенности гармонии поэтического произведения, утверждает, что гармония, с точки зрения поэтического творчества, представляет собой «соотношение всех языковых и неязыковых элементов, которое приводит к его непрерывности (слитности, непроницаемости), имеющей эстетическую значимость» [Штайн 2006, с. 88]. Представленное определение исследователя соотносится с постулатами Е.Г. Эткинда о психопоэтике. Данный ученый обращал внимание на то, что мысль, представленная в литературном произведении, является результатом всей мыслительной деятельности человека в течение жизни, а также совокупности всех внутренних процессов, протекающих в его психике, находящих свое отражение в тексте. К.Э. Штайн также говорит о том, что гармония проявляется в совокупности языковых и неязыковых элементов, из которых выстраивается текст поэтического произведения. Связь представленных утверждений указывает на тот

факт, что гармония может возникать под влиянием психических процессов, происходящих в сознании автора текстов.

На данном этапе исследования мы обращаемся к австрийской поэзии конца XIX – начала XX века. Материалом исследования послужили следующие произведения:

– Johann Nepomuk Vogl «Auf der Brücke» // Иоганн Непомук Фогль «На мосту»;

– Nikolaus Lenau «Schilflieder» // Николаус Ленау «Песни в камышах»;

– Nikolaus Lenau «Herbstentschluss» // Николаус Ленау «Осеннее решение»;

– Nikolaus Lenau «Winternacht» // Николаус Ленау «Зимняя ночь»;

– Ferdinand von Saar «Drahtklänge» // Фердинанд фон Саар «Телеграфные нити»;

– Arthur Schnitzler «Orchester des Lebens» // Артур Шницлер «оркестр жизни»;

– Hugo von Hofmannsthal «Ein Traum von großer Magie» // Гуго фон Гофмансталь «Мечта о большой магии»;

– Karl Kraus «Zusammenhänge» // Карл Краус «Тыловые подробности»;

– Theodor Däubler «Der Atem der Natur» // Теодор Дойблер «Дыхание природы»;

– Stefan Zweig «Überglänzte Nacht» // Стефан Цвейг «Лучезарная ночь» (Золотое сечение. Австрийская поэзия XIX-XX вв.).

Для полноты представления об особенностях каждого стихотворного произведения они были представлены на немецком языке, являющимся языком оригинала, и на русском языке в литературном переводе. При этом на данном этапе исследования мы обращаемся к текстам произведений на русском языке. Для подтверждения гипотезы исследования был проведен эксперимент, который заключается в том, что экспериментальной группе предложено было выбрать из перечисленных произведений те, которые оказывают на них наибольшее эмоциональное воздействие. В состав экспериментальной группы вошли студенты Кубанского государственного университета факультета романо-германской филологии в количестве 35 человек.

Участники экспериментальной группы прочли предложенные стихотворные произведения и отметили оказавшие наиболее сильное эмоциональное воздействие. Результаты опроса свидетельствуют о том, что наибольшее эмоциональное воздействие оказали на участников

экспериментальной группы произведения И.Н. Фогля «На мосту» и Стефана Цвейга «Лучезарная ночь». Они получили по 12 голосов экспериментальной группы или 34,3%. Это указывает на тот факт, что именно выбранные стихотворные тексты оказали наибольшее воздействие на эмоциональную сферу читателей. Для того, чтобы проверить гипотезу, обратимся к выбранным стихам и определим, наблюдается ли в них актуализация принципа Золотого сечения.

Чтобы проверить актуализацию данного принципа, необходимо сосчитать количество строк в произведении, а затем разделить количество получившихся строк на число Фибоначчи равное 1,6. Данная величина берется в связи с тем, что представляет собой идеальное отношение одной части целого к другой. Получившийся порядковый номер строки, предположительно, является Золотым сечением. Точное определение того, актуализируется ли принцип Золотого сечения, требует анализа плана содержания поэтического произведения. В случае, если в получившейся строке присутствует кульминационный момент произведения, смена настроения текста, разделение текста на смысловые части, подчеркивается основная мысль, заложенная в произведении, это будет означать, что принцип Золотого сечения актуализуется.

В стихотворном произведении И.Н. Фогля «На мосту» 16 строк. Разделив 16 на 1,6, получаем 10. То есть, мы предполагаем, что Золотое сечение приходится именно на 10 строку. Рассматривая план содержания текста, мы отмечаем, что в нем идет речь о чувствах лирического героя к девушке, к которой он обращается. При этом в первой части произведения, до 10 строки, представлено описание пейзажа, вида, который открывается повествователю с моста. В 10 строке происходит смена повествования, фокус смещается с описания пейзажа на лирического персонажа и его возлюбленную: описывается жизнь героя, на которую она взирает. Кроме того, первая часть – пейзаж – беспокойная река, бурные волны является аллегорией на жизнь лирического персонажа, что представлено во второй части произведения – жизнь, как река, неудержимая, бурная. Отметим также, что в первой части представлен неизменный элемент – звезда, которая всегда, несмотря на волны, остается на беспокойной глади воды. Тот же образ транслируется и во второй части произведения – после 10 строки. Теперь он представлен девушкой, которая всегда присутствует в жизни лирического персонажа, невзирая на жизненные трудности, которые встречаются на пути повествователя. Первая и вторая части стихотворного произведения разделены 10 строкой, на которую и приходится Золотое сечение. Таким образом, мы можем говорить о том,

что в данном стихотворении актуализируется принцип Золотого сечения.

Второе произведение, отобранное участниками экспериментальной группы – «Лучезарная ночь» Стефана Цвейга. Проанализируем данное стихотворение в соответствии с тем же алгоритмом, который был продемонстрирован при работе с первым произведением. Произведение насчитывает 12 строк. При делении общего количества строк на число Фибоначчи, равное 1,6, мы получаем 7,5. Предполагаем, что в 7 строке обнаружится Золотое сечение. Для подтверждения гипотезы рассмотрим план содержания стихотворного текста. В стихотворении представлен ночной пейзаж. Лирический герой описывает землю, которая будто готовится к вечному празднику, о чем и говорится в 7 строке произведения. На подготовку к вечному празднику указывают элементы, упомянутые в тексте: «простор, не ведающий темноты», «земля...в платье подвенечном». Именно в 7 строке представлено то событие, к которому готовится природа в описанную ночь, что, как мы полагаем, и является кульминацией данного произведения. Таким образом, мы видим, что кульминация представлена именно в 7 строке, которая, по нашему предположению, содержала Золотое сечение. На основании совокупности представленных фактов мы можем говорить о том, что в проанализированном стихотворном произведении актуализируется принцип Золотого сечения.

Анализ выбранных стихотворений подтверждает гипотезу о том, что в стихотворных произведениях актуализируется принцип Золотого сечения, влияя на подсознание участников экспериментальной группы, так как они не обладали сведениями о том, что в текстах, которые представлены им к прочтению, может быть обнаружен данный принцип. Это указывает на тот факт, что актуализация принципа Золотого сечения действительно носит эвристический характер, так как данные тексты были написаны различными поэтами – И.Н. Фогль и С. Цвейг. Более того, И.Н. Фогль создал проанализированное стихотворное произведение в XIX веке, в то время как произведение С. Цвейга было создано в XX веке. Стихотворение И.Н. Фогля «На мосту» относится к категории любовной лирики, так как во второй части стихотворения появляется девушка, сопровождающая лирического персонажа. Тематическая направленность произведения С. Цвейга «Лучезарная ночь» – философская лирика. Это указывает на тот факт, что принцип Золотого сечения эвристически актуализируется в стихотворных произведениях, имеющих различную тематическую направленность.

Таким образом, на основании представленных результатов эксперимента мы можем говорить о том, что гипотеза исследования подтвердилась.

Библиографический список

1. Чаговец Т.П. Словарь терминов по изобразительному искусству. Живопись. Графика. Скульптура: учебное пособие. СПб.: Планета музыки, 2018. 176 с.
2. Розенов Э.К. Статьи о музыке: Избранное. М.: Музыка, 1982. 271 с.
3. Гаенкова И.В. «Золотое сечение» в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» [Электронный ресурс] // Educatio. 2015. № 5 (12). Режим доступа: <https://e.lanbook.com/journal/issue/299335> (дата обращения: 03.04.2024).
4. Сапрыгина Н.В. Психолингвистика художественного текста. Коммуникация автора и читателя. Одесса: Астропринт, 2012. 342 с.
5. Эткинд Е.Г. Внутренний человек и внешняя речь. М.: Языки славянской культуры, 1999. 448 с.
6. Штайн К.Э. Гармония поэтического текста. Склад. Ткань. Фактура. Ставрополь: Издательство СГУ. 2006. 645 с.

Источники

1. Золотое сечение. Австрийская поэзия XIX-XX вв. / Сост. В.В. Вебер и Д.С. Давлианидзе. М.: Радуга, 1988. 816 с.

THE PRINCIPLE OF THE GOLDEN RATIO IN THE ASPECT OF PSYCHOPOETICS: FEATURES OF REALIZATION

V.A. Kiyashko

Kuban State University, Krasnodar

The study analyzes the features of actualization of the Golden Ratio principle in the aspect of psychopoetics. The theoretical characteristics of psychopoetics as an independent discipline are indicated, the purpose of which is to analyze the interaction of the author of a literary work and the addressee of an artistic discourse through the text. The interrelation of psychopoetics and harmony of a literary text is considered, which is represented by the actualizing principle of the Golden Ratio. An experiment on the effect of the Golden Ratio principle on the subconscious of readers is

presented, its results are interpreted and presented. The study concludes that the actualization of the Golden Ratio principle has an impact on readers' choice of a poetic work.

Key words: philology, psycholinguistics, psychopoetics, literary text, poetry, poems, the Golden Ratio, the principle of the Golden ratio.

Об авторах:

Кияшко Вероника Александровна – ассистент кафедры немецкой филологии Кубанского государственного университета; e-mail: kiyaschkoveronika@mail.ru.

УДК 81'23:82-1

РИТМИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА КАК ПРИЕМ АВТОРСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ВОСПРИЯТИЕ ТЕКСТА ЧИТАТЕЛЕМ

В.А. Кияшко, Н.Ю. Фанян

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье описаны особенности ритма как одного из элементов поэтического текста, который позволяет читателю декодировать образную систему, созданную автором стихотворного произведения на основании того, что ритм отображает свойства и качества автора, а особенности прочтения текста делают читателя участником творческого процесса, наполняющего поэтическое произведение смыслами. Описан ритм как мера гармонического построения текста. Сделан вывод о роли влияния ритма поэтического текста на его восприятие читателем.

Ключевые слова: поэтический дискурс, ритм, ритмическая организация текста, гармония поэтического текста, интерпретация поэтического произведения.

Ритм представляет собой один из наиболее характерных признаков, отличающих поэтические произведения от иных типов художественных текстов. О.Н. Гринбаум рассматривает ритм как структурную основу стиха. Исследователь утверждает, что под ритмом принято понимать правильное чередование, повторяемость одинаковых элементов [Гринбаум 2012]. Именно эта цикличность, по мнению ученого, является основой гармонии. При этом исследователь

отмечает тот факт, что гармонизирующая цикличность присуща как естественным процессам, протекающим в природе, так и направленной деятельности человека, к примеру, трудовой. Ю.М. Лотман резко противопоставляет ритмы природные и ритмы, присущие объектам, созданным человеком.

Ю.М. Лотман, рассматривая ритм как категорию искусствоведения, утверждает, что он закодирован во всех предметах искусства его автором [Лотман 1970]. Задача читателя заключается в том, чтобы декодировать информацию, передаваемую при помощи ритмической организации произведения. Под ритмичностью стиха Ю.М. Лотман понимает «циклическое повторение разных элементов в одинаковых позициях, с тем чтобы приравнять неравное и раскрыть сходство в различном, или повторение одинакового, с тем чтобы раскрыть мнимый характер этой одинаковости, установить отличие в сходном» [Лотман 1970, с. 113]. Исследователь говорит о том, что для автора ритм создаваемого поэтического произведения задан его собственными представлениями, творческими интенциями, креативным замыслом. Читатель же в свою очередь получает некую загадку, представленную в виде чередующихся элементов поэтического произведения. По словам Ю.М. Лотмана, одна из основных функций ритма в стихе – смысловоразличающая [Лотман 1970]. При этом в качестве смысловоразличительных могут выступать те языковые элементы, которые в своем повседневном употреблении такую функцию не выполняют. Ю.Н. Тынянов также отмечает взаимодействие автора и читателя произведения на уровне его ритма [Тынянов 1977].

Анализ поэтического текста проводится с опорой на такие его характеристики, как смысл произведения, воздействие, оказываемое текстом на слушателя, развитие сюжета стихотворного текста, эстетические свойства текста, подразумевающие использование лексических и синтаксических средств выразительности, а также степень логичности изложенного.

Ритмичность текста может быть представлена в сочетаемости каждого из перечисленных элементов поэтического произведения. Так, ритм стихотворения может быть выражен на уровне плана содержания, проявляясь в сюжетной канве, а может быть представлен и на уровне плана выражения, то есть тех языковых средств, которые использованы для создания образной системы текста.

Читатель в процессе восприятия художественного текста оказывается подвержен различным эмоциям, в число которых входят симпатия к лирическим героям, неприятие описанных ситуаций,

сострадание, радость. Представленные ощущения являются результатом воздействия поэтического произведения на эмоциональное состояние читателя, а именно – совокупностью ритмической организации текста, лексико-синтаксических и композиционных особенностей.

Ритм поэтического текста воспринимается адресатами поэтического дискурса неосознанно, не на уровне понимания и осмысления, а на уровне ощущений и эмоциональных переживаний, возникающих в результате восприятия произведения. При этом ритм поэтического текста играет важную роль в понимании его содержания читательской аудиторией. Ритмическая природа текста призвана облегчить его прочтение и смысловую наполненность.

В восприятии поэтического текста немаловажную роль играет способность читателя к работе с художественным произведением. Так, восприятие ритмики текста может часто диктоваться скоростью его прочтения. В соответствии с результатами исследований Л.С. Выготского, восприятие поэтического произведения во многом напоминает восприятие музыкального произведения, которое может быть понято только в том случае, если будет проигрываться в определенном темпе и с соблюдением определенной ритмической организации произведения [Выготский 1996]. Как прослушивание сонаты не произведет на слушателя впечатление и не сможет передать ее особенности, если будет сыграна по нотам, так и поэтическое произведение, представленное вне ритмической структуры, не может в полной мере передать авторские интенции и оказать воздействие на читателя. Тем не менее, каждое музыкальное произведение сопровождается комментариями композитора, что является своеобразной инструкцией для исполнителя музыкального произведения, который выступает в качестве посредника между композицией и аудиторией. Стихотворные же произведения, в отличие от музыкальных, могут быть прочитаны человеком с любым уровнем подготовки к восприятию художественного текста. Некоторые исследователи утверждают, что поэтический текст не обладает своего рода указателями читателям по тому, как его стоит читать и анализировать, тем не менее, мы придерживаемся представления о том, что именно ритм стихотворения выступает в качестве «ключа» к его прочтению и пониманию. Несомненно, поэтический текст в процессе анализа необходимо рассматривать как совокупность структурно-композиционных элементов, тем не менее, ритм, по нашему мнению, является дополнительным фактором, который помогает воспринимать и понимать поэтическое произведение.

Помимо этого, анализируя особенности ритмической организации поэтического текста, следует отметить, что в ритме могут отражаться особенности личностных психических свойств и качеств автора произведения.

Способность воспринимать поэтический текст во многом зависит от того, как будет организован процесс чтения. Целесообразным представляется неоднократное обращение к поэтическому тексту. Так, на первом этапе, во время первого прочтения происходит восприятие как содержания текста, так и его ритмической организации, что оказывает воздействие также на эмоциональное состояние читателей. Во время второго прочтения уровень интенсивности влияния на эмоциональную сферу читателей снижается, что позволяет обратиться к анализу языковой ткани поэтического произведения. По утверждению З.И. Хованской, первичное прочтение и восприятие поэтического текста не позволяет читателям обратиться к языковой и композиционной составляющим стихотворения [Хованская 1980]. Повторное же его прочтение позволяет отвлечься от эмоционального наполнения и рассмотреть языковую ткань текста в связи с тем, что эмоциональное в сознании читателей ослабевает, уступая место рациональному.

Первое прочтение поэтического произведения позволяет читателю воспринимать произведение на уровне чувственного восприятия, на подсознании. Читатель, обращаясь к художественному тексту, не осознает, почему тот или иной текст звучит ритмично, четко, и читается без усилий и препятствий. Текст, в котором не прослеживается четкая ритмическая структура, может создавать сложности в его прочтении. Именно поэтому поэтические произведения читаются и воспринимаются гораздо легче, нежели прозаические тексты.

М.Ю. Лотман, рассматривая особенности ритмики поэтических текстов, отмечает, что читатель стихотворения находится в состоянии сотворчества, создавая собственный образ произведения, ориентируясь при этом на те особенности художественного текста, которые позволяют читателям разгадывать образы, которые были задуманы автором поэтического произведения [Лотман 1970]. На основании этого становится понятно, что читатель, вне зависимости от уровня его подготовленности, также принимает на себя роль исследователя, основной целью которого является поиск ритма стиха, ведь он, по утверждению А. Белого, является целеустремлением. При этом А. Белый отмечает, что читатель может найти ритм, только

обратившись к самому себе и к тому, как звучит поэтический текст в его прочтении [Белый 1992].

Ритмическая структура стихотворного произведения во многом связана с гармонической организацией текста. Это проявляется в том, что каждая отдельная строфа текста выступает в качестве «меры самоограниченного развития поэтической мысли» [Гринбаум 2012]. По словам О.Н. Гринбаума, «конструктивным принципом, лежащим в основе историко-литературного становления (формирования) и регенерации (воспроизведения) строфы русского классического стиха, является принцип золотого сечения (универсальный закон художественной формы)» [Гринбаум 2012, с. 61].

Строфа стихотворного произведения выступает в качестве отдельно взятого системного образования, характеристикой которого выступает единство двух следующих элементов: структурного, который представляет собой совокупность строк и слогов, а также динамического, который и отображает ритм произведения. Строфа обладает эстетическим потенциалом, а тот уровень, на котором этот потенциал реализуется, оценивается и декодируется читателем в процессе прочтения поэтического произведения.

Таким образом, на основании представленной информации мы приходим к выводу о том, что ритм выступает в качестве элемента поэтического произведения, позволяющего декодировать авторское видение образа текста и оказать влияние на читателя поэтического текста.

Библиографический список

1. *Белый А.* Поэзия слова. СПб.: Эпоха, 1992. 134 с.
2. *Выготский Л.С.* Психология искусства. М.: Искусство, 1996. 536 с.
3. *Гринбаум О.Н.* Основы математико-гармонического анализа поэтических текстов. СПб.: СПбГУ, 2012. 172 с.
4. *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 220 с.
5. *Тынянов Н.Ю.* Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 574 с.
6. *Хованская З.И.* Анализ литературного произведения в современной французской филологии. М.: Высшая школа, 1980. 303 с.

DIE RHYTHMISCHE ORGANISATION DES POETISCHEN TEXTES ALS ANNAHME DER EINFLUSS DES AUTORS AUF DIE WAHRNEHMUNG DES TEXTES DURCH DEN LESER

V.A. Kiyashko, N.Y. Fanyan

Staatliche Kuban Universität, Krasnodar

Der Artikel beschreibt die Merkmale des Rhythmus als eines der Elemente des poetischen Textes, das es dem Leser ermöglicht, das vom Autor des Gedichts geschaffene figurative System zu dekodieren, basierend darauf, dass der Rhythmus die Eigenschaften und Qualitäten seines Autors anzeigt, und die Merkmale des Lesens des Textes machen den Leser zum Teilnehmer eines kreativen Prozesses, der das poetische Werk mit Bedeutungen füllt. Der Rhythmus wird als Maß für die harmonische Konstruktion des Textes beschrieben. Es wurde festgestellt, wie wichtig der Einfluss des Rhythmus des poetischen Textes auf seine Wahrnehmung durch den Leser ist.

Schlüsselwörter: poetischer Diskurs, Rhythmus, rhythmische Organisation des Textes, Harmonie des poetischen Textes, Interpretation des poetischen Werkes.

Об авторах:

Кияшко Вероника Александровна – ассистент кафедры немецкой филологии Кубанского государственного университета; e-mail: kiyaschkoveronika@mail.ru.

Фанян Нелли Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры французской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: nellyfanian@mail.ru.

**КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ В ДИАХРОННОМ КЛЮЧЕ:
КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА «TRAUM»
В НАРОДНОМ ТВОРЧЕСТВЕ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ
НА ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКУЮ КАРТИНУ МИРА**

Ю.В. Кокора

*Северо-Кавказский филиал Российского государственного
университета правосудия, Краснодар*

Е.Н. Лучинская

Кубанский государственный университет, Краснодар

В данной статье рассматривается процесс становления концептуальной метафоры «Traum» в немецкой поэтической картине мира и её влияние на индивидуально-авторское восприятие действительности. В качестве материала для анализа были выбраны произведения немецкого фольклора, а также работа немецкого классика И.В. фон Гёте. Целью данного исследования является выделение семантических единиц, свойственных немецкой лингвокультуре. Посредством когнитивно-семантического и сравнительного анализов нам удалось установить связь между народной и индивидуально-авторской метафорой. Полученные данные позволили сделать вывод о неразрывной связи индивидуального и общего, в котором смысловая часть сохраняет свое ядро вне зависимости от интерпретации метафоры.

Ключевые слова: концептуальная метафора, символ, поэзия, концепт, семантическая единица, фольклор, поэтическая картина мира.

Концептуальная метафора является основой образного мышления и указывает на наличие абстрактных категорий в сознании человека. Основой когнитивной метафоры является образ, формируемый из материальной единицы (предмета) и его ассоциативной семантической составляющей. Объединение предмета и его переносного или ассоциативного значения (или ряда значений) порождает символ. В зависимости от степени употребляемости в речи символ может быть индивидуально-авторским (оказиональным) и

общекультурным. Формирование символов и их хранение в концептосфере языка является основной функцией концептуальных метафор.

Рассмотрение концептуальной метафоры «Traum» в немецком языковом сознании следует начать с анализа смежных с изучаемой концептосферой символов в народном творчестве. Выделение концептуальных метафор сначала в немецком фольклоре, затем – в поэтическом дискурсе указывает на первостепенность общеэтнического самосознания, находящего позднее отражение в индивидуально-авторском восприятии [Карасик 2004, с. 21].

Лексема «Traum» является многозначной в немецком языке и объединяет в себе два значения: «Wunsch» (желание, мечта) и «Nachtruhe» (сновидение). Многозначность лексемы оказывает влияние и на состав семантических единиц концептуальной метафоры: происходит объединение нескольких символов под одной смысловой доминантой.

Для более детального рассмотрения одной из семантических единиц («Nachtruhe»), следует прибегнуть к морфологическому анализу. Абстрактное существительное «Nachtruhe» является сложным по своей структуре, имеет две корневые основы: «Nacht» («ночь») и «Ruhe» («спокойствие»), что позволяет ему расширить степень своей апеллируемости в когнитивном отношении, так как данную лексему можно интерпретировать не только в качестве «сновидения», но и посредством дословного перевода – «ночное спокойствие». Данная интерпретация способна коррелировать с народной немецкой песней «Abend wird es wieder», что позволяет нам причислить семантический элемент «Nachtruhe» к числу смысловых единиц, формирующих концепт «Traum». Рассмотрим на отрывках из народной песни степень релевантности и репрезентацию символов, относящихся к рассматриваемой языковой единице:

«**Abend** wird es wieder,
Über Wald und Feld
Säuselt **Frieden** nieder
Und es **ruht** die **Welt**.
Nur der **Bach** ergießet
Sich am **Felsen** dort,
Und er braust und fließet
Immer, immer fort.
Und kein Abend bringet
Frieden ihm und **Ruh**,

«Снова опустится вечер
На леса и поля,
Снова наступит мир,
И отдохнет земля.
Лишь сквозь скалы льется
Ручей все быстрее и быстрее.
Он то журчит, то смеется
Над участью странной своей:
Вечер ему не приносит
Спокойствия и тиши,

Keine Glocke klinget
Ihm ein **Rastlied** zu.
So in deinem Streben
Bist, mein Herz, auch du:
Gott nur kann dir geben
Wahre **Abendruh**».

(Röhrich, Brednich 1965, S. 19).

Звук колокола не вторит
Волнам его души.
Друг мой, твои исканья
Подобны шуму ручья.
Пусть Бог твое сердце наполнит
Дыханьем ушедшего дня».

(Перевод наш – Ю.К.).

В данной народной песне нами были выделены следующие лексемы, формирующие концептуальную метафору «Nachtruhe»: «Abend», «Frieden», «Welt», «ruhen», «Bach», «Felsen», «Ruh», «Rastlied», «Abendruh». Как можно увидеть из представленных единиц, большинство из них имеет номинативную функцию. Среди выделенных семантических элементов к числу культурно-значимых символов можно отнести: «Bach», «Felsen», «Abendruh». Последний символ является совокупностью таких семантических единиц как «Abend», «Ruh», «Frieden», однако выбран нами как контекстуально объединяющая семантическая единица.

Концептуальная метафора «Bach» («ручей») является олицетворением ищущего человека, сердце которого, подобно ручью, не знает покоя. «Felsen» – «скалы», через которые течет ручей, символизируют испытания на пути «странника». «Abendruh» – центральный символ народной песни, передающий значение «душевного спокойствия», приносящего тишину в повседневные хлопоты. Понятие «Abend» играет значимую роль в немецкой лингвокультуре. Оно символизирует не только конец дня, но и начало долгожданного отдыха, наступление спокойствия («Ruh»). Отсюда смежные по смыслу народные и общекультурные реалии: «Heiligabend» (Сочельник), «Abendbrot» (ужин) и т. д.

Вербализация перечисленных символов происходит аллегорично, все рассмотренные смысловые единицы являются семантическими составляющими концепта «Traum» в значении «Nachtruhe» и посредством своей образности способствуют формированию концептуальной метафоры.

Таким образом, концептуальная метафора «Traum» в рассмотренной народной песне может быть представлена центральными символами «Bach», «Abendruh» и «Felsen».

Народный образ ручья, соотнесенный на основе смежности с внутренним состоянием человека, находит отражение в поэзии. В целом, вода как поэтический образ часто является стилистическим

символом многих произведений лирического жанра. В одном из стихотворений немецкого классика И.В. фон Гёте «An den Mond» образ реки также представлен аллегорически:

«Fließe, fließe, lieber Fluss!
Nimmer werd ich froh;
So verrauschte Scherz und Kuss,
Und die Treue so».
(Goethe 2022, S. 60).

«Лейся, мой ручей, стремись!
Жизнь уж отцвела;
Так надежды пронеслись;
Так любовь ушла».
(Жуковский 2000, с. 63).

В данном отрывке образ реки сравнивается с быстротечностью жизни, в пучине которой пронеслись самые дорогие сердцу моменты. Важно отметить, что в процессе перевода русский классик В.А. Жуковский заменил образ реки на ручей, что, вероятно, было сделано с целью сохранения стихотворного размера (четырёхстопного хорей). Данная замена не повлияла на семантическое наполнение стихотворения, ручей остается образом бренности жизни. Однако абстрактная часть символа «Fluss» отличается от символа «Bach», представленного в народной песне: если в первом источнике метафора «Bach» подвергалась «очеловечиванию», то в стихотворении И.В. фон Гёте она развивается линейно: «РЕКА» – «ВОДА» – «ГЛУБИНА» – «БЫСТРОТЕЧНОСТЬ» – «ЖИЗНЬ». Исходя из перечисленных элементов, сравнение смысловых единиц также происходит на основе номинативных ассоциатов. Преемственность концептуальной метафоры «Вода», являющейся общей для обоих символов, объединяет последние в значении «быстротечность», подразумевающим в народной песне темперамент, в авторском стихотворении – бренность бытия. Однако единение данных символов на основе общего когнитивного признака «скорость» позволяет соотнести данные символы под одной смысловой доминантой. В обоих случаях семантические единицы относятся к концептуальной метафоре «Nachtruhe»: в первом примере символ «Bach» противопоставлен «Abendruh» и является его антиподом, проводящим границу между движением и статичностью. Во втором отрывке смысловой элемент «Fluss» также несет в себе идею движения и когнитивно соотносится с изучаемой метафорой на основе контекста: действие произведения происходит ночью, лирический герой мысленно беседует с луной, размышляет о собственной жизни. Последние строки стихотворения указывают нам на ночное время – период, когда он может задуматься над тем, что действительно важно, соприкоснуться с тайной всего сущего:

«Was, von Menschen
nicht gewusst
Oder nicht bedacht,
Durch das Labyrinth
der Brust
Wandelt in der Nacht»
(Goethe 2022, S. 60).

«Все, о чем мы
в вихре дум
И не вспомним днем,
Наполняет праздный
ум
В сумраке ночном».
(Левик 1967, с. 105) .

«То, о чем не
задумывается
человек и что
неведомо ему,
бродит ночью по
лабиринту его
души».
(Кокора 2023, с. 79).

Таким образом, рассмотрев способы репрезентации метафоры «Nachtruhe», мы можем сделать вывод о принадлежности выделенных символов к концептуальной метафоре «Traum», т. к. «Nachtruhe» является одним из основных семантических значений данной метафоры, а также сам способен становиться концептуальной метафорой на уровне контекста.

Библиографический список

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: ГНОЗИС, 2004. 389 с.
2. Кокора Ю.В. Концепт «Traum» в немецкой художественной картине мира (на материале стихотворений И.В. Гёте) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2023. № 4 (327). С. 76–83.

Источники

1. Григорьев В.П. Поэтика слова. М.: Наука, 1979. 343 с.
2. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В двадцати томах, Т. 2. Стихотворения 1815–1852 гг. М.: Языки русской культуры, 2000. 840 с.
3. Левик В.В. Из европейских поэтов. М.: Художественная литература, 1967. 295 с.
4. Brednich L.W., Röhrich L. Deutsche Volkslieder: Texte und Melodien. B. 1. Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1965. 939 S.
5. Goethe J.W. Goethes Sämtliche Werke. Stuttgart: Cotta Nachf., 2022. 325 S.

KONZEPTIONELLE ENTWICKLUNG IN DIACHRONIE: DIE KONZEPTIONELLE METAPHER «TRAUM» IN VOLKSLIEDERN UND IHR EINFLUSS AUF DAS INDIVIDUELLE WELTBILD DES AUTORS

Y.V. Kokora

Die Nord-Kaukasische Filiale der Russischen Staatlichen Universität der Justiz, Krasnodar

E.N. Lutschinskaya

Staatliche Kuban-Universität, Krasnodar

Dieser Artikel untersucht den Entstehungsprozess der konzeptionellen Metapher «Traum» im deutschen poetischen Weltbild und ihren Einfluss auf die individuelle Wahrnehmung des Autors. Als Material für die Analyse wurden deutsche Volkslieder sowie das Werk des deutschen Klassikers J.W. von Goethe ausgewählt. Das Ziel dieser Forschung besteht in der Hervorhebung semantischer Einheiten, die der deutschen Sprachkultur eigen sind. Durch kognitiv-semantische und vergleichende Analysen ist es uns gelungen, eine Verbindung zwischen der Volksmetapher und Autorenmetapher herzustellen. Die erhaltenen Ergebnisse ermöglichten uns zum Fazit kommen, dass es eine untrennbare Verbindung zwischen dem Individuellen und Allgemeinen gibt. In diesem Zusammenhang behält der semantische Teil seinen Kern von der Interpretation der Metapher unabhängig.

Schlüsselwörter: konzeptionelle Metapher, Symbol, Poesie, Konzept, semantische Einheit, Volkslied, poetisches Weltbild.

Об авторах:

Кокора Юлия Васильевна – преподаватель Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия; e-mail: kokora98@bk.ru.

Лучинская Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего и славяно-русского языкознания Кубанского государственного университета; e-mail: bekketsam@yandex.ru.

МЕДИАТЕКСТ И ЕГО АВТОР: ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

А.Е. Коляда

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье рассматриваются особенности интерпретации медийного текста в современном медиапространстве. Делается вывод о том, что условия медиакommunikации влияют не только на изначально заложенные автором смыслы, но и способствуют приращению новых, что определяет границы интерпретации текста СМИ.

Ключевые слова: медиатекст, интерпретация, мультимодальность, гипертекстуальность, интерактивность, медиапространство.

Автор текста СМИ может играть различные роли в медийном пространстве: принимать участие в описываемых событиях, выступать сторонним наблюдателем, активно комментировать, занимать нейтральную позицию, агитировать, полемизировать, анализировать, исследовать, иронизировать, информировать [Александрова, Распопова 2021]. Со стороны адресанта оказывается воздействие на когнитивную сферу адресатов – формируется информационная картина мира. Однако современному медийному пространству присущи определенные дистинктивные признаки, в частности, мультимодальность, гипертекстуальность и интерактивность, которые могут влиять на интерпретацию содержания журналистского текста.

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что изменение роли медиатекста диктует необходимость изучения особенностей его интерпретации. В медиатексте могут возникать пропозиции, которые, возможно, не были заложены автором публикации. В связи с этим цель нашего исследования состоит в изучении способов приращения дополнительных смыслов в процессе интерпретации медиатекста в условиях мультимодальности, гипертекстуальности и интерактивности медийного пространства. Материалом для исследования послужили тексты СМИ немецкоязычных онлайн-версий журнала «Der Spiegel» и газеты «Die Zeit».

Необходимо отметить, что категорию автора можно включить в систему основных текстопорождающих элементов, которые образуют

«интенциональное поле» медиатекста, так как автор является носителем концепции медийного текста [Дускаева, Цветова 2012, с. 20]. Со стороны адресанта медиатекста осуществляется воздействие на когнитивную сферу реципиентов, предопределяется полнота восприятия информации и имплицитируются задаваемые смыслы и оценочные ориентиры. Для этого авторы могут прибегать к различным формам языкового манипулирования: лексическому, грамматическому, фонетическому, стилистическому для скрытого воздействия на когнитивную сферу адресата и на его поведение [Алиханова, Заиева 2021].

Для воздействия на адресатов медиатекста авторами также используются композиционно-стилистические средства: тип изложения информации, средства описания событий, способы анализа и рассуждения, различные виды цитирования, а также обращение к прецедентным текстам [Попов 2015]. На стилистическом уровне может использоваться стилистическая конвергенция – наслаивание различных стилистических средств в одном текстовом фрагменте, что позволяет имплицитировать авторскую оценку и усилить воздействие на аудиторию [Алиханова, Заиева 2021].

Важно подчеркнуть, что в условиях всемирной медиатизации и глобализации значительно преобразились роли адресатов: читатели превращаются из объектов в субъекты, так как имеют возможность прокомментировать и проявить свое отношение к предоставляемой информации за счет интерактивности медийного дискурса. Кроме того, гипертекстуальность медиатекста приводит к его нелинейности, многовекторности и открытости, что «влияет не только на трансляцию изначально заложенных в тексте смыслов, но и способствует приращению новых» [Коляда, Четыркина 2023, с. 156]. Мультимодальные аспекты медийного дискурса могут способствовать возникновению новых контекстов, которые зарождаются в медийных текстах и усиливаются языковым кодом. Совокупность этих признаков предопределяет, на наш взгляд, процесс декодирования информации в медиатексте, который не всегда обусловлен авторскими интенциями.

Рассмотрим, как вышеупомянутые признаки могут влиять на процесс интерпретации, на примере медиатекстов из онлайн-версий журнала «Der Spiegel» и газеты «Die Zeit».

Анализ медиатекстов, которые содержат мультимодальные элементы (Der Spiegel 2023a, 2023b, 2023c), показывает, что смысл передаваемого сообщения не всегда соотносится с визуальной информацией, а некоторые визуальные компоненты могут усиливать языковой код.

Следующий текст СМИ иллюстрирует процесс приращения дополнительных смыслов в гипертекстуальном медиапространстве (Der Spiegel 2024a). Так, статья о предъявляемых обвинениях политику Дэниелю Халебе обеспечивает выход в гипертекст – «Der AfD-Bundesvorstand will derweil selbst ein Parteiausschlussverfahren vorbereiten lassen». В гипертексте описывается ситуация о внутривнутрипартийных разногласиях – «Die AfD wird aktuell von mehreren Skandalen erfasst» (Der Spiegel 2024b), поднимается контекст о связях политика с правыми организациями – «Im Fokus der Ermittlungen der Staatsanwaltschaft Würzburg stehen Halembas Verbindungen zur Burschenschaft Teutonia Prag zu Würzburg, der der Abgeordnete angehört» (Der Spiegel 2023d), а также рассматриваются обстоятельства шпионажа внутри партии «Альтернатива для Германии» – «In der Spionageaffäre um seinen Mitarbeiter gerät Maximilian Kraus auch in der eigenen Partei zunehmend unter Druck» (Der Spiegel 2024c).

При анализе медийного дискурса было обнаружено, что интерактивные условия медиакоммуникации также влияют на интерпретацию артикулируемого события. Это положение иллюстрирует медийный текст (Die Zeit 2024a), где возможность комментирования для адресатов приводит к тому, что основной информационный повод – вынесение приговора экоактивистам, опрыскавшим краской Бранденбургские ворота, дополняется в ветке комментариев следующими темами: обоснованность приговора – «Warum nur Bewährungsstrafen?»; порядок и расходы на возмещение ущерба – «Müssen die drei verurteilten Personen die Kosten von 110.00 EUR jetzt bezahlen? Eine entsprechende Information fehlt in dem Beitrag»; защита памятников культуры – «Ich finde Kulturgegenstände (inkl. Architektur) sind off limits. Das muss die Gesellschaft klar vertreten, folglich auch bestrafen»; защита климата и окружающей среды – «Ich hoffe das in ein paar Jahrzehnten, die jungen Menschen von jetzt, die dann an der Macht sind, Klimatribunale einrichten, um die Politiker für die Verschleppung des Klima- und Umweltschutzes zu belangen».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что возможности интерпретации медийного текста, помимо авторских интенций, могут быть детерминированы мультимодальностью, гипертекстуальностью и интерактивностью медиапространства. Современные условия медиакоммуникации влияют не только на изначально заложенные автором смыслы, но и способствуют приращению новых, что определяет границы интерпретации текста СМИ читателями.

Библиографический список

1. *Александрова А.А., Распопова С.С.* Самоидентификация автора в современном медиатексте // Челябинский гуманитарий. 2021. № 4. С. 38–46.

2. *Алиханова П.М., Заиева Т.М.* Стилистическая конвергенция в современном медиатексте // Научные междисциплинарные исследования. 2021. № 5. С. 161–167.

3. *Коляда А.Е., Четыркина И.В.* Лингвистическое конструирование события и оценки в гипертекстуальном медийном пространстве // Язык и литература в синхронии и диахронии: материалы международной научной конференции. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2023. С. 148–159.

4. Медиатекст как полиинтенциональная система: сборник статей международного научно-практического семинара / ответственные редакторы Л.Р. Дускаева, Н.С. Цветова. СПб.: СПбГУ, 2012. 250 с.

5. *Попов Е.А.* Подходы к изучению гипертекста // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2015. № 1. С. 167–171.

Источники

1. Der Spiegel. 2023a. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.spiegel.de/wirtschaft/unternehmen/patricia-schlesinger-rbb-chefin-katrin-vernau-prangert-fuehrungsstil-von-ex-intendantin-an-a-b980fcfc-66a4-4839-a73f-cd0be2b27126> (дата обращения: 12.04.2024).

2. Der Spiegel. 2023b. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/stephan-weil-und-hendrik-wuest-werfen-olaf-scholz-blockade-bei-planungsbeschleunigung-vor-a-40eaef5e-c7eb-4cff-b18b-7b1381b80149> (дата обращения: 10.04.2024).

3. Der Spiegel. 2023c. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.spiegel.de/wirtschaft/volker-wissing-zum-49-euro-ticket-autohersteller-koennten-kunden-ticket-spendieren-a-448e391d-7277-4a85-bc79-8ee219b94e0f> (дата обращения: 03.04.2024).

4. Der Spiegel. 2023d. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/daniel-halemba-bundesafd-fordert-parteiausschluss-des-bayerischen-abgeordneten-a-b954ab72-dbbf-4e1e-aa3b-b3daab01671a> (дата обращения: 24.04.2024).

5. Der Spiegel. 2024a. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/afd-daniel-halemba-verzichtet-auf-landtagsauftritte-und-gibt-fraktionsaemter-ab-a-2eb4b579-dbe2-493f-877f-225ddf6e0854> (дата обращения: 24.04.2024).

6. Der Spiegel. 2024b. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/daniel-halemba-afd-plant-ausschlussverfahren-gegen-bayerischen-abgeordneten-a-c2d7bed8-da02-4c61-a4fa-ad4b7faf6d4d> (дата обращения: 24.04.2024).

7. Der Spiegel. 2024c. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.spiegel.de/politik/maximilian-krah-afd-will-ihn-aus-dem-fokus-nehmen-doch-er-darf-spitzenkandidat-bleiben-a-a1b91e54-da9b-4983-b987-9e2f5b569368> (дата обращения: 24.04.2024).

8. Die Zeit. 2024a. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.zeit.de/gesellschaft/2024-04/letzte-generation-berlin-brandenburger-tor-urteil-amtsgericht> (дата обращения: 25.04.2024).

MEDIA TEXT AND ITS AUTHOR: INTERPRETATIVE ASPECT

A.E. Kolyada

Kuban State University, Krasnodar

The article discusses the peculiarities of interpretation of the media text in the modern media space. It is concluded that the conditions of media communication affect not only the meanings originally implied by the author, but also contribute to the increment of the new ones which define the boundaries of interpretation of the text.

Key words: media text, interpretation, multimodality, hypertextuality, interactivity, media space.

Об авторах:

Коляда Антон Евгеньевич – аспирант кафедры общего и славяно-русского языкознания, ассистент кафедры немецкой филологии Кубанского государственного университета; e-mail: anton.kolyada.99@mail.ru.

ОККАЗИОНАЛИЗМЫ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ (НА ПРИМЕРЕ СУБСТАНТИВИРОВАННЫХ ПРИЧАСТИЙ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

С.В. Кондракова

Минский государственный лингвистический университет, Минск

Статья посвящена определению особенностей реализации прагмакоммуникативного потенциала окказиональных субстантивированных причастий в немецкоязычных художественных текстах. Функционирование окказиональных субстантивированных причастий продиктовано прагматикой данного типа текстов, заключающейся в создании образности и экспрессивности.

Ключевые слова: окказионализмы, субстантивированные причастия, немецкий язык, прагматика, художественный текст, образность, экспрессивность.

Автор художественного текста, получая разнообразную информацию из реального мира, перерабатывает и воссоздает ее в конструируемом мире своего текста преимущественно через художественные образы. И это согласуется с тем, что в данном типе текстов нет целеустановки исключительно на объективную передачу информации – сообщение: его текстоформирование должно иметь своим продуктом воздействие, т.е. такое представление сообщаемого содержания, которое вызывало бы у адресата или реципиента определенные образы, эмоции, оценки, сопереживание или отторжение и т.д. Тем самым информация художественного текста превращается по ходу его создания в единый комплекс тематического и эмоционально-экспрессивно-оценочного содержания, т.е. такого содержания, в котором общий прагматический эффект воздействия достигается за счет взаимодействия коммуникативной функции передачи информации со стилистическими функциями – экспрессивной, эмотивной, эстетической, контактной и др. [Колшанский 1975]. Пронизывающие текст, идущие от этих различных функций коннотации и реализуют в их совокупном проявлении прагматическую установку на воздействие, будучи объединяемы интенцией автора. Только так в художественном тексте может

решаться в полной мере задача «эмоционально-образного воздействия» как прагматическая установка автора [Солганик 2005, с. 25].

Вполне закономерно, что автор художественного текста производит, в соответствии с установкой на воздействие, выбор и организацию речевых средств таким образом, чтобы они не просто передавали смысл, но и стимулировали эмоциональную реакцию адресата [Баталов 2004], что проявляется «в широком употреблении наиболее выразительных и эмоционально-окрашенных языковых единиц» [Кожина 1993, с. 210].

Образность и экспрессивность, являясь неизменными «спутниками» художественного текста, активно участвуют в окказиональном производстве субстантивированных причастий, свидетельством чему служат нижеприводимые контексты:

«Dennoch bleibe sie für immer meine Stuttgarter Erfahrung, und im Grunde ginge ich noch jetzt als **Verhungernder** durch diese Stadt» (Kelling 2004, S. 111).

«Vielleicht hatten die **Vermögenden** und **Besitzenden** und **Wohlhabenden**, die schon so lange vermögend, besitzend und wohlhabend waren, ... nicht so viel Unrecht wie allgemein behauptet wurde» (Forte 2004, S. 185).

В первом контексте номинация в виде субстантивированного причастия *Verhungernder* «голодающий» опирается на метафору, потому что речь идет не о голоде как таковом, а о «голоде» описываемого лица на новые впечатления о Штутгарте по отношению к живущему в нем прежнему впечатлению, при этом временной границей между прежним и настоящим служит наречие *jetzt*.

Второй фрагмент выстроен по схеме соотнесенности признака и его носителя через диаду обычное причастие – субстантивированное причастие: «*vermögend* – *Vermögende*» («состоятельные, имущие»); «*besitzend* – *Besitzende*» («владеющие»); «*wohlhabend* – *Wohlhabende*» («состоятельные, зажиточные»). Все это построение базируется на синонимии, реализуя вариативный повтор с функцией интенсификации, наращивания смысловых оттенков для особого подчеркивания именно этого звена текстовой информации.

Интересным представляется следующий текстовый фрагмент:

«Die Überschwemmung, sagte er, als er ... im Hinterzimmer seiner Kneipe saß und sich mit ein paar Gläsern aufgemuntert hatte. <...> Drei Tage Landestrauer, nicht einen Pfennig Umsatz, aber die fixen Kosten laufen weiter. Da fragt keiner nach. In der Zeitung waren Bilder, wie sie die **Abgegluckerten** beerdigt haben. Eine Menschenmenge! Die hätten sich

bestimmt gern nachher ihren Kummer runtergespült, aber war ja Landestrauer!» (Kant 1995, S. 90).

Введение в речь говорящего лица при создании его языкового портрета субстантивированного причастия «die Abgegluckerten» («захлебнувшиеся») в качестве используемой им номинации жертв наводнения характеризует говорящее лицо – владельца трактира – негативно. Он сетует на свои убытки, вызванные наводнением, и не выражает при этом никакого сочувствия к погибшим людям. Наоборот, его эмоции и оценки проявляются в том, что он называет всех утонувших небрежно-уничижительно «Abgegluckerte», т.е. результативно собирательным просторечным именем, и в то же время рассчитывает на позитивное понимание со стороны адресата. Это является использованием со стороны автора приема характеристики ситуации не им самим, а через одного из непосредственных участников события с перекладыванием на него задания оценки случившегося и ожиданием отторжения такой оценки реципиентом информации. Прагматика фрагмента и состоит в возбуждении неприязни к жадному хозяину трактира.

В рассмотренных случаях интерпретации подверглись как субстантивированные причастия-номинации лица, так и субстантивированные причастия-обозначения не-лица, чего-то неодушевленного. Последние особенно объемно представляют смысл, поэтому заслуживают дополнительного внимания, особенно в свете того, что среди таких имен много окказионализмов. Наглядны следующие фрагменты текстов:

«Ich besaß die Kapazität nicht, auch nur Spuren über Rain Uttos vergangene Tage in Erfahrung zu bringen: Uns stand keine gemeinsame Sprache zur Verfügung, das **Vorgefallene** auch nur bruchstückhaft in Worte zu kleiden» (Jungk 1996, S. 67).

«Die Magnolienbäume blühten nur an wenigen Tagen im Jahr, dann saß er auf einer der Bänke, um die allzu rasch vergehenden und wie in einer Traumbewegung schwebend herabfallenden Blütenblätter im Gedächtnis zu halten, denn im Sommer waren das nur zwischen Licht und Wurzeln schwankende, grünverhangene, sehr knorrige, fast schwarze Bäume vor dem leichten, hellen Wasser des Brunnens, das nun die Aufmerksamkeit auf sich zog als das ununterbrochen **Bewegte** und doch **Bleibende**» (Forte 2004, S. 300).

Оба контекста демонстрируют сжатие объемной информации в использованных субстантивированных причастиях. Номинация «das Vorgefallene» («произошедшее») в первом контексте, анафорически ориентированная, коррелирует по смыслу с предшествующим

словосочетанием «*vergangene Tage*» («прошедшие дни»). В этой коррелятивной линии связи много имплицитного, принуждающего адресата догадываться о неких событиях в прошлом, поскольку сама номинация указывает на их суммарность.

Второй контекст имеет по сравнению с первым более сложное построение. Будучи выдержан в адъективном стиле, он содержит много определений – прилагательных и причастий, обрисовывая образную картину сочетания летних красок природы и водяных струй фонтана. Вокруг этого авторская рефлексия подводит к заключению о том, что является вечным в своем существовании и движении: это и воплощается в субстантивированных причастиях «*das ununterbrochen Bewegte*» («непрерывно движущееся»), «*das doch Bleibende*» («все же остающееся») в конечной позиции фрагмента. Таким контрастным выдвиганием вечно постоянного и вечно движущегося, именно фигурой антитезы в ее конечном звене, создается особый прагмакоммуникативный эффект: на этом звене должно задержаться внимание адресата.

Таким образом, в художественных текстах окказиональная субстантивация причастий отвечает задаче отражения свойств этого типа текстов – образности, эмоциональной оценочности, в целом экспрессивности.

Библиографический список

1. *Баталов О.Г.* Когнитивно-функциональный аспект окказионального словообразования в художественном тексте: дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2004. 242 с.
2. *Кожина М.Н.* Стилистика русского языка: учебник для педагогических институтов. М.: Просвещение, 1993. 223 с.
3. *Колшанский Г.В.* Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: Наука, 1975. 231 с.
4. *Солганик Г.Я.* Стилистика текста: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2005. 256 с.

Источники

1. *Forte D.* *Auf der anderen Seite der Welt.* Frankfurt a. Main: Fischer Verlag GmbH, 2004. 343 S.
2. *Kant H.* *Die Aula.* 1. Aufl. Berlin: Aufbau-Verlag GmbH, 1995. 463 S.
3. *Jungk P.S.* *Die Unruhe der Stella Federspiel.* München: Paul List Verlag, 1996. 242 S.

4. Kelling G. Jahreswechsel. Frankfurt a. Main: Suhrkamp Verlag, 2004. 167 S.

OKKASIONALISMEN IN DEN TEXTEN DER SCHÖNGEISTIGEN LITERATUR (AM BEISPIEL DER SUBSTANTIVIERTEN PARTIZIPIEN DER DEUTSCHEN SPRACHE)

S.V. Kondrakova

Minsker Staatliche Linguistische Universität, Minsk

Der Artikel behandelt die Besonderheiten bei der Realisierung des pragmatischen und kommunikativen Potentials von den substantivierten Partizipien in der schöngeistigen Literatur auf Deutsch. Das Funktionieren von okkasionellen substantivierten Partizipien hängt mit Pragmatik des gegebenen Texttyps zusammen, die in der Schaffung der Bildlichkeit und der Expressivität besteht.

Schlüsselwörter: Okkasionalismen, substantivierte Partizipien, das Deutsche, Pragmatik, der schöngeistige Text, Bildlichkeit, Expressivität.

Об авторах:

Кондракова Светлана Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики немецкого языка Минского государственного лингвистического университета; e-mail: s_kondrakova@mail.ru.

УДК 82-1:52

КОЗЫРЕВСКАЯ ТЕОРИЯ ОБ ЭНЕРГИИ ВРЕМЕНИ В ЛИРИКЕ О.А. ОХАПКИНА (СТИХОТВОРЕНИЕ «НА ВОЗДВИЖЕНЬЕ»)

А.Г. Корсунская

Военный институт физической культуры, Санкт-Петербург

В статье представлен анализ неопубликованного стихотворения О.А. Охупкина «На Воздвиженье», обнаруженного в личном архиве поэта в 2019 году его вдовой Т.И. Ковальковой. Текст создан в контексте увлеченности поэтом теорией известного отечественного астрофизика Н.А. Козырева об энергии времени. Стихотворение является

репрезентативным для анализа в плане постановки вопроса о существовании и специфике раскрытия козыревской темы в лирике Охапкина. Увлеченность Охапкина козыревской теорией продолжалась многие годы. Отчетливо тема встречается на протяжении более чем 10 творческих лет. В статье ставится вопрос о том, что изучение эстетической категории времени в лирике Охапкина представляется возможным только в контексте научных взглядов Козырева. Исследование проводилось посредством герменевтического и сравнительно-исторического методов.

Ключевые слова: О.А. Охапкин, Н.А. Козырев, козыревская тема в лирике О.А. Охапкина, ленинградский самиздат, «На Воздвиженье», художественное время, художественное пространство, теория времени, личный архив, архив поэта.

О.А. Охапкин является одним из авторов ленинградского самиздата, поэтому многие из его произведений только открываются широкому читателю. Так, в 2021 году в личном архиве поэта найдена рукопись до настоящего момента неопубликованного стихотворения «На Воздвиженье» (Личный архив О.А. Охапкина). Текст написан в 1973 году:

«Взгляни, душа, во тьму! В её разъяты –
Там в небесах, летящих по ночам,
Воздвигся Крест, и, как бы на Распятье,
Пять звёзд горят недремлющим очам.

Они отверсты нам подобно ранам
Спасителя и в жуткой высоте
Распластаны таинственным распланом
В своей неизъяснимой высоте.

И Лебедь имя им. Дорогой Млечной,
Сияющей в заброшенности над
Сентябрьской тишиной, где листопад
Предобразует неотцветный сад.
Они восходят ввысь Голгофой вечной.

И нижняя небес обновлена.
Отряхивая всё, что отдышало,

Сад за окном роняет вздохи на
Земную грудь, чтоб счастье не мешало.

И ты, душа, взойдя любовью мест
Незнаемых в космическом сиротстве,
Не агница ль, ведомая на крест,
Когда и сам Господь Крестом в юродстве!»

(Личный архив О.А. Охапкина)

Заголовочный комплекс стихотворения имеет посвящение – Н.А. Козыреву. Соответственно произведение относится к кругу текстов, посвященных известному отечественному астрофизику и другу поэта. Имя Н.А. Козырева в отечественной науке часто ассоциируется с разработанной им научной гипотезой о физических свойствах времени: «Время, кроме пассивного свойства «длительности», измеряемого часами, обладает еще активными свойствами, благодаря которым время может воздействовать на ход событий» [Козырев 2019b]; «Звезды не охлаждаются до равновесия с окружающим пространством, потому что этому препятствует текущее время. Значит, огромные массы вещества звезд перерабатывают время и превращают его в излучение» [Козырев 2019a].

Козыреву принадлежит ряд научных открытий в области астрономии, которые он совершил, будучи сотрудником Пулковской обсерватории. Среди коллег ученый слыл гениальным наблюдателем. Именно внимательное и кропотливое изучение космического пространства и небесных тел позволили Козыреву открыть вулканизм на Луне.

Под влиянием Н.А. Козырева у О.А. Охапкина сформировалось представление о художественном времени, идеи известного отечественного астрофизика насквозь пронизывают тексты поэта. Но контекст влияния Н.А. Козырева представляется значительно шире, и в аспекте художественного видения оказывается пространство поэтических текстов О.А. Охапкина. Так, в ряде стихотворений намечается явное расширение художественного пространства до космических пределов. Таким образом, круг текстов, созданных О.А. Охапкиным в контексте теории об энергии времени, насчитывает более сотни произведений, что дает основания говорить о наличии козыревской темы в лирике поэта.

При этом важно понимать, что в творчестве О.А. Охапкина космическое и библейское взаимосвязаны, и теория Н.А. Козырева о физических свойствах времени не является в данном случае магистральной линией.

Уже в первой строфе стихотворения «На Воздвиженье» художественное пространство расширяется до вселенских масштабов,

охватывая земное и космическое. Структура художественного пространства отсылает к библейской иерархии небес: «Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет (в теле ли – не знаю вне ли тела – не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба» (2 Кор 12:2) (Толкования на Апостола Павла).

«Первое небо:

И нижняя небес обновлена.

Отряхивая всё, что отдышало,

Сад за окном роняет вздохи на

Земную грудь, чтоб счастье не мешало.

Второе небо – космос:

Пять звёзд горят недремлющим очам...

И Лебедь имя им...»

Лебедь является одним из созвездий северного полушария. Оно также имеет название Северный крест, так как его звёзды расположены крестообразно. Таким образом, Северный крест в космическом пространстве – знак «вечной Голгофы».

И неслучайно православный праздник Воздвижения Креста Господня (27 сентября – по новому стилю), которому и приурочил Охупкин создание стихотворения, отмечается осенью. Осеннее увядание природы сопровождает Воздвижение Креста Господня, будто с распятием на кресте Спасителя в траур погружается весь мир, скорбь становится вселенской. Но вслед за воскресением Христа природа вновь возрождается весной. Таким образом, бесконечно повторяющийся цикл смены времен года ассоциируется с «Голгофой вечной».

Священник Владимир Соколов отметил: «Даже унылый осенний пейзаж в его [Охупкина] описании – это невидимый метафизический образ видимого бытия. Исторический экскурс – это не ссыла на факт или событие, а пророческое прозрение в будущее, где прошлое и будущее связаны в единый узел Провиденциальной целью бытия» [Соколов 2019].

«Третье небо – образ духовного мира:

И ты, душа, взойдя любовью мест

Незнаемых в космическом сиротстве...»

(Личный архив О.А. Охупкина)

Заключительная строфа стихотворения является аллюзией на проповедь апостола Павла: «Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, – сила Божия» (Толкования на Апостола Павла).

«И ты, душа ...

Не агница ль, ведомая на крест,
Когда и сам Господь Крестом в юродстве!»

Вечный библейский сюжет о распятии Христа становится частью мироздания, ассоциативен явлениям природы и даже запечатлен в космическом пространстве. «Стихотворение Охапкина “На Воздвиженье” – о личном кресте. Глубокая религиозность поэта была не принята и не понята многими современниками, но его душа на земной отчизне горела “любовью мест неизвестных” и неуклонно стремилась в надмирный мир, – в третье небо» [Охапкин 2019].

Библиографический список

1. *Козырев К.В.* Солнце – неядерная звезда // Наука. Вселенная. Теории. 2019а Режим доступа: <http://kvkozyrev.org/publications/5-nonnucl.html> (дата обращения: 18.04.2024).

2. *Козырев Н.А.* Причинная или несимметричная механика в линейном приближении [Электронный ресурс]. 2019b. Режим доступа: <http://pora.zavantag.com/stati/n-a-kozirev-prichinnaya-ili-nesimmetrichnaya-mehanika-v-linejn/main.html> (дата обращения: 11.04.2024).

4. *Охапкин О.* Крестовоздвижение [Электронный ресурс]. 2019. Режим доступа: <http://russculture.ru/2019/09/27/олег-охапкин-крестовоздвижение/> (дата обращения: 11.04.2024).

5. *Соколов В.* Певец иного бытия [Электронный ресурс]. 2019. Режим доступа: <https://russculture.ru/2019/владимир-соколов-певец-иного-бытия/> (дата обращения: 18.04.2024).

Источники

1. Личный архив О.А. Охапкина¹.

2. Толкования на Апостола Павла [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://azbyka.ru/biblia/in/?2Cor.12:2&r> (дата обращения: 18.04.2024).

¹ Личный архив хранится у вдовы поэта Т.И. Ковальковой; материалы, представленные в статье, публикуются с её разрешения – А.К.

**KOZYREV'S THEORY OF THE ENERGY OF TIME
IN THE LYRICS OF O.A. OKHAPKIN
(THE POEM «ON THE ASCENSION»)**

A.G. Korsunskaya

Military Institute of Physical Culture, St. Petersburg

The article presents an analysis of the unpublished poem «On the Exaltation» by O.A. Okhapkin, discovered in the poet's personal archive in 2019 by his widow T.I. Kovalkova. The text was created in the context of the poet's fascination with the theory of the famous Russian astrophysicist N.A. Kozyrev about the energy of time. The poem is representative for analysis in terms of raising the question about the existence and specificity of Kozyrev's theme in Okhapkin's lyrics. Okhapkin's fascination with the Kozyrev theory continued for many years. Distinctly the theme is found during more than 10 creative years. The article raises the question that the study of the aesthetic category of time in Ohapkin's lyrics seems possible only in the context of Kozyrev's scientific views. The research was conducted by means of hermeneutic and comparative-historical methods.

Key words: O.A. Ohapkin, N.A. Kozyrev, Kozyrev's theme in O.A. Ohapkin's lyrics, Leningrad samizdat, «On the Exaltation», artistic time, artistic space, time theory, personal archive, poet's archive.

Об авторах:

Корсунская Анастасия Геннадьевна – кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка Военного института физической культуры; e-mail: akulik1@yandex.ru.

УДК 81'42:82

**ПРАГМАТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА:
МОДАЛЬНОСТЬ И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ПЕРСОНАЖА**

А.В. Кузнецова

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Статья посвящена рассмотрению прагматического потенциала художественного текста в аспекте текстовой модальности. На материале повести А.С. Пушкина «Пиковая дама» доказано, что

ценностные ориентации персонажа, актуализирующие характеристики авантюрно-героического литературного сверхтипа, отражают на лексическом, синтаксическом и текстовом уровнях противоречивость образа Германна, а также манифестируют путем объективации различных видов текстовой модальности основополагающую роль Случая в сюжете.

Ключевые слова: художественный текст, текстовая модальность, ценностные ориентации, прагматика, А.С. Пушкин, «Пиковая дама».

Модальность рассматривается современной лингвистикой не только как одна из важнейших коммуникативно-прагматических категорий текста и дискурса, но и как текстообразующий фактор, обуславливаемый авторской оценочностью [Солганик 2009] и определяющий рецептивно-интерпретативную деятельность читателя. В художественном тексте модальность выражает отношение к событийности и персонажам, ценностные ориентации которых составляют понятийный центр художественного мира, созданного в соответствии с авторским замыслом. Очевидно, что системная организация ценностных смыслов обуславливается во многом именно текстовой модальностью, которая, как указывает Л.Г. Бабенко, характеризуется отсутствием четкости и стройности модальных значений, вследствие чего «наблюдается их пересеканность и взаимодействие» [Бабенко 2009, с. 134]. Текстовая модальность характеризуется динамикой трансформаций в художественном тексте, что в определенной степени затрудняет анализ реализации модальных средств [Хинтиikka 1981, Солганик 1984]. Текстовую модальность формирует авторская интенциональность как такое коммуникативное намерение говорящего, которое определяется акцентированием когнитивной деятельности субъекта на конкретном предмете [Куцевич 2016]. Е.В. Падучева правомерно подчеркивает, что сфера проявления текстовой модальности – и авторская, и персонажная зоны повествования, которые охватывают различные текстовые уровни [Падучева 2001].

Персонажи могут быть объединены в крупные «сверхтипы», обнаруживающие в известной степени повторяемость характеристик, во многом определяемых не только жанром произведения, но и ценностными ориентациями героев. В концепции М.М. Бахтина [Бахтин 2000] и Е.М. Мелетинского [Мелетинский 1994] особое место занимает авантюрно-героический сверхтип, основополагающей чертой которого является активное участие в смене жизненных положений, он готов к достижениям, борьбе, стремится победить.

Авантюрно-героический персонаж ощущает себя избранником, но его цели могут быть очень разнообразными, они располагаются на всем протяжении ценностной шкалы – «от служения народу, обществу, человечеству до эгоистически своевольного и не знающего границ самоутверждения, связанного с хитрыми проделками, обманом, а порой с преступлениями и злодействами» [Хализев 2000, с. 162].

Текстовая модальность в координатах реализации авантюрно-героического сверхтипа эксплицирована в авторской и персонажной зонах повествования, при этом наиболее интересны случаи, когда авторская оценка остается нейтральной в отношении ценностных ориентаций персонажа. В таком случае рецепция и интерпретация художественного образа читателем обнаруживает обширный когнитивный потенциал на основании знаний о персонаже, полученных читателем самостоятельно.

Материалом нашего исследования выступает повесть А.С. Пушкина «Пиковая дама», в которой очевиден жанровый синкретизм, обусловливаемый как авторской интенциональностью и художественным замыслом, так и многомерностью ценностных ориентаций главного героя. Как указывает В.В. Виноградов, структура субъекта в «Пиковой даме» не только подвижна – она «вообще лишена точно очерченной “субъективности” <...> Образ субъекта так же неуловим, противоречив и загадочен, как сама действительность повествования» [Виноградов 1980, с. 210]. Германн у Пушкина – бесспорно, представитель авантюрно-героического сверхтипа. М.М. Бахтин связывал авантюрное начало с решением задач, продиктованных «вечной человеческой природой – самосохранением, жадной победы и торжества, жадной обладания, чувственной любовью» [Бахтин 1979, с. 138]. Неслучаен здесь и мотив игры (карточная игра, игра Случая), т. к. авантюризм в целом обусловлен в своем развитии игровыми импульсами, свойственными человечеству. Однако ценностные ориентации Германна сложнее – он жаждет власти, но желает достичь ее через материальное благополучие, которое, в соответствии с рациональной направленностью собственного характера, желает обрести через расчет, но в игре. Конечно, налицо противоречивость персонажа, и эту противоречивость А.С. Пушкин манифестирует в тексте повести, прежде всего, с помощью текстовой модальности. Например, в следующем макроконтексте текстовая модальность маркирована рядом разноуровневых средств: «Германн был сын обрусевшего немца, оставившего ему маленький капитал. Будучи твердо убежден в необходимости упрочить свою независимость, Германн не касался и

процентов, жил одним жалованьем, не позволял себе малейшей прихоти. Впрочем, он был скрытен и честолюбив, и товарищи его редко имели случай посмеяться над его излишней бережливостью. Он имел сильные страсти и огненное воображение, но твердость спасала его от обыкновенных заблуждений молодости. Так, например, будучи в душе игрок, никогда не брал он карты в руки, ибо рассчитал, что его состояние не позволяло ему (как сказывал он) жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее, – а между тем целые ночи просиживал за карточными столами и следовал с лихорадочным трепетом за различными оборотами игры» (Пушкин 1960, с. 242). В приведенном контексте лишь одно высказывание принадлежит самому персонажу (с авторским уточнением «как сказывал он») – «его состояние не позволяло ему жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее», в то время как основной текстовый объем – это авторская зона повествования, в которой текстовая модальность маркирована вводными словами («впрочем», «например»), лексемами и лексическими сочетаниями с семантикой оценки, степени проявления признака («маленький капитал», «твердо убежден», «упрочить независимость», «излишней бережливостью»), разноуровневой реализацией контрастивности и противопоставления («сильные страсти и огненное воображение, но твердость»; «не брал он карты в руки... целые ночи просиживал за карточными столами и следовал с лихорадочным трепетом за различными оборотами игры»). Отметим в этой связи, что именно эта контрастивность и составляет семантическое ядро текстовой модальности в реализации ценностных ориентаций персонажа как представителя определенного литературного сверттипа. И на основании анализа маркеров текстовой модальности невозможно отнести Германна ни к романтическим героям (он эмоционален, но не в такой степени, как романтические герои, и расчетлив, что не может быть характеристикой романтических героев), ни к антигероям (его злодейство случайно: он не собирался убивать графиню).

Противоречивость ценностных ориентаций персонажа обнаруживается и в тех контекстах, которые выстроены по принципу градации, например: «Он <Германн> был спокоен; сердце его билось ровно, как у человека, решившегося на что-то опасное, но необходимое <...> В сердце его отозвалось нечто похожее на угрызение совести и снова умолкло. Он окаменел» (Пушкин 1960, с. 248). В приведенном фрагменте градация маркирована лексемами и лексическими сочетаниями «был спокоен» – «нечто похожее на угрызение совести и снова умолкло» – «окаменел». Отметим здесь и лексему «сердце», повторенную

дважды, в конце фрагмента перед читателем – герой бессердечный, окаменевший.

Текстовая модальность выступает своего рода индикатором движения сюжета – его динамика может наблюдаться только тогда, когда одно основание логического высказывания трансформируется в другое: невозможное становится возможным (алетический сюжет); дурное оборачивается благом (аксиологический сюжет); запрет нарушается (деонтический сюжет); тайное становится явным (эпистемический сюжет); прошлое становится настоящим (темпоральный сюжет); «здесь» превращается в «нигде» и обратно (пространственный сюжет). В отношении реализации ценностных ориентаций Германна как отчасти представляющего авантюрно-героический сверхтип можно говорить о том, что А.С. Пушкиным в «Пиковой даме» использованы так или иначе элементы всех сюжетов. Другое дело, что ничто из того, что реализовано в том отрезке жизненного пути Германна, который освещает повесть, не приносит ощутимого результата. При всей плодотворности алетической или эпистемической модальности и вспомогательной, но значимой роли других видов модальности в сюжете «Пиковой дамы» самым важным остается Случай, который прихотливо руководит жизнью и судьбой героя, ставя под сомнение его ценностные ориентации, которые и изначально были двойственны.

Текстовая модальность, являясь важнейшей коммуникативно-прагматической категорией, организует прагматику художественного текста, способствуя адекватной авторскому замыслу интерпретации текстовых смыслов и декодированию ценностных ориентаций персонажей.

Библиографический список

1. *Бабенко Л.Г.* Лингвистический анализ художественного текста. М.: Флинта; Наука, 2009. 496 с.
2. *Бахтин М.М.* Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 336 с.
3. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. Сб. избр. тр. М.: Искусство, 1979. 423 с.
4. *Виноградов В.В.* Избранные труды. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 366 с.
5. *Куцевич Ю.А.* Интенция в философии и лингвистике // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2016. № 11–12 (60). С. 128–132.

6. Мелетинский Е.М. О литературных архетипах. М.: РГГУ, 1994. 134 с.

7. Падучева Е.В. Модальность сквозь призму дейксиса // Традиционное и новое в русской грамматике: сб. статей, посвященный памяти Веры Арсеньевны Белошапковой. М.: ИНДРИК; 2001. С. 184–197.

8. Солганик Г.Я. К проблеме модальности текста // Русский язык. Функционирование грамматических категорий. Виноградовские чтения XII-XIII. М.: Наука, 1984. С. 173–186.

9. Хализев В.В. Теория литературы. Изд. 2-е. М.: «Высшая школа», 2000. 398 с.

10. Хинтиikka Я. Виды модальности // Семантика модальных и интенциональных логик. М.: Прогресс, 1981. С. 41–59.

Источники

1. Пушкин А.С. Пиковая дама: повесть / Пушкин А.С. Собр. соч. в 10-ти т. М.: Гос. изд. худ. лит., 1960. Т. 5. С. 233–262.

PRAGMATICS OF A LITERARY TEXT: MODALITY AND VALUE ORIENTATIONS OF THE CHARACTER

A.V. Kuznetsova

Southern Federal University, Rostov-on-Don

The article is devoted to the consideration of the pragmatic potential of a literary text in the aspect of text modality. Based on the story by A.S. Pushkin has proven that the character's value orientations, which actualize the characteristics of the adventurous-heroic literary supertype, reflect the inconsistency of Hermann's image at the lexical, syntactic and text levels and also demonstrate the fundamental role of Chance in the plot as the objectification of various types of textual modality.

Key words: literary text, text modality, value orientations, pragmatics, A.S. Pushkin, «The Queen of Spades».

Об авторах:

Кузнецова Анна Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной и зарубежной литературы Южного федерального университета; e-mail: avkuznetsova@sfnedu.ru.

КОНЦЕПЦИЯ «АВТОРСТВО» КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПРЕДПОСЫЛКА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ТЕРМИНА «ПАРАТЕКСТУАЛЬНОСТЬ» В РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

А.В. Куцевалова

Кубанский государственный университет, Краснодар

В данной статье рассматривается проблема авторства как лингвокультурная и социокультурная предпосылка возникновения феномена паратекстуальности. Паратекстуальность как концепция привлекла значительное внимание различных дисциплин и ее точное определение остается многогранным. В работе рассматриваются различные лингвистические и социокультурные перспективы, чтобы прояснить, как понятие авторства выступает в качестве основополагающего элемента для развития и интерпретации паратекстуальных элементов.

Ключевые слова: паратекстуальность, авторство, раннее Новое время, гуманизм, автор.

Человек раннего Нового времени по-прежнему находится в поисках самоидентификации, ищет определения «своей» и «чужой» общности [Чупрына 2020]. Он стремится осознать своё место в мире, границы которого неожиданно значительно расширились. В масштабе огромного мира человек осознаёт свою ничтожность, которую стремится преодолеть, доказав собственное право на то, чтобы быть услышанным, понятым современниками, в том числе посредством паратекста [Станиславова 2020].

В общественной мысли и образовании раннего Нового времени распространяется гуманизм как «новый способ мышления, связанный с изменением взгляда на место человека в мире, на границы и возможности его активности в сфере науки, искусства, морали и политической жизни» [КФС 2008: 4]. В качестве социокультурной ценности начинают понимать здоровье человека, что соотносится со свойственным данному периоду «особым культом красоты и совершенства, а также стремлением к достижению созданных идеалов» [Пиддлубный 2019].

Автор в раннее Новое время осознаёт себя как личность, обладающую немаловажным знанием и желающую транслировать это

знание адресату. У него возникает желание сформировать в глазах читателя собственный образ и с его помощью воздействовать на адресата, желание создать оригинальное произведение и проследить, чтобы оно было воспринято именно так, как требуется автору [Евтухов 2016]. И это изменение авторского самосознания тоже способствует формированию паратекста. Паратексты – это текстовые элементы, которые окружают и сопровождают основной текст, формируя восприятие и интерпретацию читателя. К таким элементам относятся заголовки, предисловия, вставки, сноски и другие элементы, расположенные на полях основного текста. Паратексты выполняют роль привратников, направляя вовлеченность читателей и формируя их ожидания [Женетт 1998].

Ученые предлагают различные определения паратекстуальности, каждое из которых подчеркивает разнообразные аспекты ее природы и функции. Ж. Женетт определил паратексты как «пороги», которые являются посредниками между текстом и его читателями, оказывая значительное влияние на восприятие основного текста [Женетт 1998]. Опираясь на концепцию Женетта, такие ученые, как У. Эко, подчеркивают семиотические аспекты паратекста, рассматривая его как семиотический код, передающий дополнительные слои смысла [Эко 1998].

В отличие от него, Г. Яусс рассматривал паратекстуальность с точки зрения рецепции, фокусируясь на роли паратекстов в формировании читательских ожиданий и интерпретаций [Jausс 1982].

Ученые представили различные точки зрения на изучение паратекстуальности, что отражает глобальное значение этого явления. В России диалогическая теория М.М. Бахтина сыграла важную роль в понимании динамического взаимодействия между первичными текстами и их паратекстуальным окружением [Бахтин 1975].

Авторство, традиционно ассоциирующееся с созданием текста и правом собственности на него, включает в себя целый спектр значений, выходящих за рамки индивидуального авторства. В лингвокультурном плане авторство подразумевает лингвистический авторитет, когда стиль автора придает тексту отличительность и связность. В социокультурном плане авторство переплетается с понятиями оригинальности, авторитета и культуры, формируя читательские ожидания и восприятие. Различные теоретические рамки, включая «Смерть автора» Р. Барта и «Функцию автора» М. Фуко, предлагают нюансы в понимании текучести и множественности авторской идентичности [Станиславова 2020].

Возникновение паратекстуальности неразрывно связано с концепцией авторства, поскольку авторы и издатели стратегически используют паратекстуальные элементы для утверждения авторитета, формирования восприятия и согласования смыслов. В этой связи стоит отметить, что существуют некоторые подходы к пониманию симбиоза понятий «авторство» и «паратекстуальность»:

1. Намеренный подход: данная точка зрения подчеркивает «намеренную паратекстуальность». Автор сознательно занимается разработкой паратекстуальных элементов, манипулируя читателями, чтобы повлиять на интерпретацию текста читателями. Примером намеренной паратекстуальности является «Бледный огонь» Владимира Набокова, где предисловие и комментарии определяют понимание читателями загадочной поэмы (Набоков 2014).

2. Теория рецепции: теоретики рецепции утверждают, что непосредственно сами читатели активно договариваются о значениях через взаимодействие с паратекстуальными подсказками, тем самым совместно создавая значение текста. Читатели интерпретируют паратексты, такие как интервью и дополнительные материалы, чтобы расширить «повествовательную вселенную».

3. Социокультурный подход: с социокультурной точки зрения паратекстуальность отражает более широкие культурные дискурсы, которые формируют литературное производство и рецепцию. Паратекстуальный аппарат, окружающий канонические тексты, такие как пьесы Шекспира, показывает исторические сдвиги в редакторской практике и читательских ожиданиях.

В заключение следует отметить, что понятие авторства служит лингвокультурной и социокультурной предпосылкой для возникновения паратекстуальности в литературе. Рассматривая различные подходы к пониманию авторства и паратекстуальности, данная статья проясняет многогранную взаимосвязь между созданием, восприятием и интерпретацией текста. Следует также отметить, что феномен паратекстуальности тесно переплетается с лингвокультурными и социокультурными факторами, отражая сложное взаимодействие между языком, культурой и обществом. В результате изменяется сам подход к тексту, расширяются его границы, он становится более обширным и ёмким понятием, включающим, наряду с лингвистическими, экстралингвистические, коммуникативные, культурные составляющие [Меламедова 2009].

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М.: Худ. лит., 1975. 502 с.
2. Евтухов И.О. Становление понятия «права человека» в период Раннего Нового времени // Чтения к 80-летию со дня рождения проф. Ю.К. Некрасова (1935-2006): мат. всерос. науч. конф. Вологда: ВГУ, 2016. С. 21-24.
3. Женетт Ж. Фигуры: в 2 т. Т. 1-2. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. 944 с.
4. КФС - Краткий философский словарь / А.П. Алексеев, Г.Г. Васильев и др.; под ред. А.П. Алексеева. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. 496 с.
5. Меламедова Е.А. Паратекстовые элементы в англоязычной научной и научно-популярной литературе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2009. 22 с.
6. Пидлубный Р.А. Здоровье человека: эволюция философских идей от Средневековья до Нового времени // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки. 2019. № 2. С. 82-93.
7. Станиславова И.Л. Философия Нового времени в поисках внутреннего мира человека // Вестник МГЭИ. 2020. № 2. С. 178-188.
8. Чупрына Ю.А. О проблеме самоидентификации человека Раннего Нового времени на примере полемистов Речи Посполитой // История. Историки. Источники: электронный научный журнал. 2020. № 2. С. 56-63.
9. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. 432 с.
10. Jauss H.R. Toward an Aesthetic of Reception. Minneapolis: MN University of Minnesota Press. 1982. 357 p.

Источники

1. Набоков В. Бледный огонь. М. Corpus, 2014. 311 с.

**DAS KONZEPT DER «AUTORSCHAFT» ALS SPRACHKULTURELLE
UND SOZIOKULTURELLE VORAUSSETZUNG
FÜR DIE ENTSTEHUNG DES BEGRIFFS «PARATEXTUALITÄT»
IN DER FRÜHEN NEUZEIT**

A.W. Kuzewalowa

Staatliche Kuban-Universität, Krasnodar

In diesem Artikel wird das Problem der Autorschaft als linguokulturelle und soziokulturelle Voraussetzung für die Entstehung des Phänomens der Paratextualität behandelt. Das Konzept der Paratextualität hat in verschiedenen Disziplinen große Aufmerksamkeit erregt, und seine genaue Definition ist weiterhin vielschichtig. In diesem Beitrag werden verschiedene linguistische und soziokulturelle Perspektiven untersucht, um zu klären, wie das Konzept der Autorschaft als grundlegendes Element für die Entwicklung und Interpretation paratextueller Elemente wirkt.

Schlüsselwörter: Paratextualität, Autorschaft, frühe Neuzeit, Humanismus, Autor.

Об авторах:

Куцевалова Анастасия Валерьевна – преподаватель кафедры немецкой филологии Кубанского государственного университета; e-mail: kucevalova1304@gmail.com.

УДК 811.112.2'367.635'342.3(045)

**ПОТЕНЦИАЛ ЧАСТИЦ ПРИ МОДИФИКАЦИИ АВТОРОМ
ТЕКСТА ДИРЕКТИВНОЙ СЕМАНТИКИ КОСВЕННЫХ
ПОБУЖДЕНИЙ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА**

Н.В. Куценко

Минский государственный лингвистический университет, Минск

В статье рассматривается роль частиц немецкого языка при реализации директивного намерения посредством косвенных речевых актов. Анализ проведен на материале восьми групп частиц, выделяемых на основе объективных признаков. Автор текста использует данные языковые единицы для уточнения семантики

высказывания. Частицы позволяют подчеркнуть отдельные аспекты ситуации общения, релевантные для адресанта, и способствуют тем самым успешной реализации интенции побуждения.

Ключевые слова: директивные речевые акты, частицы, интенция, языковые средства, прагматическая функция.

Одним из важных аспектов исследования текста является рассмотрение прагматического потенциала высказываний. Автор сообщения стремится построить общение таким образом, чтобы собеседник вывел имплицитные смыслы [Тагиль 2014]. Для этого выбираются соответствующие языковые средства, обеспечивающие тонкую нюансировку намерений автора. Одним из таких средств в немецком языке являются частицы, которые участвуют в формировании речи [Thurmair 1989]. А.В. Аверина полагает, что данные слова влияют на иллокутивный тип высказывания, в результате чего «говорящий может манипулировать ходом разговора, участвуя в структурировании дискурса» [Аверина 2023, с. 201]. Кроме того, посредством частицы говорящий «посылает адресату своего рода коммуникативную инструкцию для правильной, ситуативно адекватной интерпретации сообщаемого» [Беляев 2020, с. 44].

В исследовании мы опираемся на классификацию И.П. Тагиля, который на основе объективных признаков выделяет следующие группы частиц: 1) подтверждения и идентификации; 2) ограничения; 3) усиления и увеличения; 4) выделения; 5) ослабления; 6) обобщения; 7) временных отношений; 8) дополнения [Тагиль 2017].

Интерес представляет прагматический потенциал частиц в выражении директивной интенции автора текста посредством косвенных речевых актов. Для анализа было отобрано по 7 примеров, репрезентирующих каждую группу языковых единиц. Таким образом была сформирована выборка из 56 примеров косвенных побуждений с различными частицами. Источником стали произведения художественной литературы начала XXI века.

Анализ практического материала свидетельствует о том, что посредством частиц *подтверждения и идентификации* («also», «auch», «denn», «doch», «eben», «gerade», «ja», «nun», «schon», «zwar») автор текста может указать на очевидность необходимости действия, например:

«*Du weißt doch, dass wir uns beeilen sollten*» (Blobel 2004, S. 245) – «*Ты же знаешь, что нам надо поторопиться*» (перевод примеров наш – Н.К.).

Частица «*doch*» («же») используется здесь для напоминания, подчеркивания необходимости поторопиться, усиливая тем самым настоятельность побуждения.

При помощи частиц «ограничения» («*aber*», «*allein*», «*beinahe*», «*bloß*», «*erst*», «*etwa*», «*fast*», «*ganz*», «*ja*», «*nahezu*», «*noch*», «*nur*», «*selbst*», «*ziemlich*») автор текста акцентирует внимание на том, что действие должно быть выполнено с учетом определенных условий и требований, например:

«*Können Sie mir das Ergebnis nicht am Telefon durchgeben? Also, in zwei Tagen, denn das ist dringend*» (Hesse 2000, S. 78) – «Вы не можете мне сказать результат по телефону? **Итак**, через два дня, так как это срочно».

Частица «*also*» («итак») является средством связи реплик и содержит косвенное побуждение. В данном случае эта языковая единица используется в сочетании с указанием на конкретный срок выполнения ожидаемого действия.

Частицы усиления и увеличения («*aber*», «*auch*», «*bereits*», «*besonders*», «*bloß*», «*denn*», «*doch*», «*durchaus*», «*etwa*», «*ganz*», «*gar*», «*gerade*», «*geradezu*», «*höchst*», «*immer*», «*mal*», «*noch*», «*schon*», «*sehr*», «*selbst*», «*so*», «*sogar*», «*überaus*», «*überhaupt*», «*weil*», «*weit*», «*weitaus*», «*zu*») служат для усиления настоятельности косвенного высказывания, например:

«*Ich würde mir wünschen, dass du die westliche Schwarz-Weiß-Zeichnung von Intelligenz und Dummheit stärker differenzierst, besonders, wenn du mit mir sprichst*» (Hesse 2000, S. 116) – «Я бы хотела, чтобы ты больше дифференцировала западное «черно-белое» понимание ума и глупости, **особенно**, если ты разговариваешь со мной».

Прагматическая функция высказывания состоит в побуждении изменить позицию собеседника относительно некоторых понятий европейского мировосприятия. Частица «*besonders*» («особенно») эксплицирует, что точка зрения адресата неприятна говорящему, который акцентирует на этом внимание с просьбой избежать подобного при дальнейшем общении.

Посредством частиц выделения («*besonders*», «*doch*», «*eben*», «*erst*», «*etwa*», «*gerade*», «*ja*», «*nur*», «*zumal*») автор высказывания фиксирует определенный аспект в ситуации общения, например:

«*Du kannst sie noch nachholen, sie ist eben weggegangen*» (Blobel 2004, S. 245) – «Ты еще можешь ее догнать. Она **только что** ушла».

Используя частицу «*eben*» («как раз, только что»), говорящий подчеркивает, что собеседница ушла недавно и еще есть возможность ее догнать. Таким образом, данная языковая единица участвует в выражении коммуникативной интенции.

С помощью частиц *ослабления* («etwas», «ganz», «nicht eben», «nicht einmal», «nicht gerade», «recht», «schon», «zwar») автор текста снижает настоятельность косвенного побуждения, например:

«Sie erhob sich. „Soll ich dir Bossi schicken? Hast du *nicht etwas dagegen?*“». (Remim 2007, S. 357) – «Она поднялась. “Мне прислать тебе Босси? Ты *ничего ведь не имеешь против?*”».

Для смягчения категоричности косвенного побуждения коммуникант использует вопрос с частицами ослабления «*nicht*» («не», «ничего») и «*etwas*» («что-то», «ведь»).

В исследуемом материале частицы *обобщения* («auch», «ganz und gar», «immer», «nur», «überhaupt») служат для обозначения повторяемости действий, например:

«Du vergisst *immer* mich anzurufen» (Hesse 2000, S. 54) – «Ты *всегда забываешь* мне позвонить».

Используя частицу «*immer*» («всегда», «постоянно»), автор текста выражает собеседнику, который все время забывает позвонить, упрек, побуждая его тем самым изменить поведение.

Указание на *временные отношения* («bereits», «erst», «noch», «schon») эксплицирует, когда должно быть выполнено действие, например:

«Ich vertraue euch beiden. Ihr sollt *bereits* die alten Streitigkeiten begraben und euch gegenseitig vertrauen» (Blobel 2004, S. 87) – «Я доверяю вам обоим. Пришло время *уже* забыть ваши старые разногласия и доверять друг другу».

Посредством языковой единицы «*bereits*» («уже») говорящий усиливает настоятельность высказывания, содержащего посыл незамедлительного выполнения косвенного побуждения.

Частицы *дополнения* («auch», «beispielweise», «noch», «so», «überhaupt») позволяют автору текста подчеркнуть, что есть достаточно основания для осуществления чего-либо, например:

«Wollen wir Daniel besuchen? Wir können *noch* die Fahrkarten besorgen». «Wir haben Unterricht, das gibt nur Ärger» (Blobel 2004, S. 156) – «Навестим Даниеля? Мы можем *еще* приобрести билеты». «У нас занятия, будут только неприятности».

В данном примере частица «*noch*» («еще») служит коннектором, указывающим на связь между двумя событиями, когда говорящий сообщает о возможности реализации двух действий по очереди.

Таким образом, проведенное исследование свидетельствует, что частицы играют важную роль при реализации косвенных директивных речевых актов. Данные языковые единицы позволяют автору текста подчеркнуть важность определенных обстоятельств, служат

установлению логической связи, помогают усилить или ослабить настоятельность побуждения, указывают на повторяемость событий, показывают срочность действия.

Библиографический список

1. *Аверина А.В.* Дифференциация частиц в немецком языке. Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т.16. № 1. С. 199–206.

2. *Беляев А.Н.* Заметки о статусе частиц в немецком языке. Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т.13. № 4. С. 43–46.

3. *Тагиль И.П.* Грамматика немецкого языка. 7 изд., испр., перераб. и доп. С-Петербург: КАРО, 2017. 480 с.

4. *Thurmair M.* Modalpartikeln und ihre Kombinationen. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1989. 306 S.

Источники

1. *Blobel B.* Voll das Leben. München: Egmont Schneider, 2004. 375 S.

2. *Hesse H.* Über das Glück. Frankfurt: Suhrkamp Verlag, 2000. 143 S.

3. *Remim N.* Neue Romane. Gondeln aus Glas: Commissario Trons dritter Fall. München; Reinbek bei Hamburg: Kindler, 2007. 365 S.

DAS POTENTIAL VON PARTIKELN BEI DER MODIFIKATION DER DIREKTIVEN SEMANTIK DER INDIREKTEN AUFFORDERUNGEN VON DEM TEXTAUTOR IN DER DEUTSCHEN SPRACHE

N.W. Kutsenko

Minsker Linguistische Universität, Minsk

Im Artikel wird die Rolle der Partikeln in der deutschen Sprache bei der Umsetzung indirekter Sprechakte untersucht. Die Analyse erfolgt anhand von acht Partikelgruppen, die auf der Basis objektiver Merkmale identifiziert werden. Der Autor verwendet diese sprachlichen Einheiten, um die Semantik der Äußerung zu präzisieren. Partikeln ermöglichen es, bestimmte Aspekte der Kommunikationssituation zu betonen, die für den Adressaten relevant sind, und tragen so zur erfolgreichen Umsetzung der Sprechabsicht bei.

Schlüsselwörter: direktive Sprechakte, Partikeln, Intention, sprachliche Mittel, pragmatische Funktion.

Об авторах:

Куценко Надежда Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики немецкого языка Минского государственного лингвистического университета; e-mail: nwkutsenko@gmail.com.

УДК 811.111

РЕФЕРЕНТНЫЙ АЛГОРИТМ ФИЛОСОФСКОГО ТЕКСТА

М.Н. Левченко

Государственный университет просвещения, Москва

В настоящей статье рассматривается вопрос, связанный с возможностями реализации языковыми средствами основных философских понятий и категорий, а именно референтного алгоритма сложного вида текста – философского и вариантом его перевода на русский язык. Проведенный лингвистический анализ доказал универсальность всех текстовых референтов, которые находятся в одном семантическом поле данного типа текста и участвуют в создании концептуального пространства повествования в текстах двух языков.

Ключевые слова: философский текст, понятие, категория, референт и референтные сигналы.

Одной из характерных черт философского текста, отличающей его от любого другого текста, является спекулятивность, «в которой предметное мышление движется и артикулируется в самом себе, ... то есть в понятии» [Гадамер 1991, с. 123]. При этом философия как дисциплина сопоставляется с наукой с одной стороны [Валиев, Егорова 2010], литературой и поэзией с другой [Гадамер 1991, с. 116, 126].

К сходным с наукой аспектам Д.Ф. Валиев и Ю.А. Егорова в статье «Философия и наука: сходства и отличия» относят теоретическую форму философии, общие цели, кумулятивный характер, переход к проблемной ориентации и другие [Валиев, Егорова 2010]. Г. Гадамер относит к общей черте в поэзии и философии способность в философской речи замыкаться на себя и при этом оставаться

автономной. Другими словами, их роднит отстояние от обыденного словоупотребления [Гадамер 1991].

Настоящая работа ориентируется на анализ работы немецкого философа И. Канта с учетом языковой реализации такой важной для философского текста характеристики как референтность. В представленной статье анализируются текстовый сегмент из произведения И. Канта «Kritik der reinen Vernunft» и его классический вариант перевода на русский язык, выполненный Н. Лосским, взятый из второй части «Transzendentaler Methodenlehre» / «Трансцендентальное учение о методе» и второй главы («Zweites Hauptstück») – второй параграф «Der Kanon der reinen Vernunft» / «Канон чистого разума» (Кант 2006). В статье уделяется внимание не особенностям перевода указанных текстов, а возможностям экспликации ресурсами языка в текстах двух языков их основных текстовых референтов.

В процессе анализа указанного отрывка философского произведения И. Канта к типологическим референтным свойствам философского текста был отнесён выбор референтов, роль которых в работе философа выполняют различные спекулятивные понятия и категории, например, трансцендентальная идея, понятие, антиномия чистого разума, идеал, дисциплина чистого разума и пр.

В анализируемом параграфе «Der Kanon der reinen Vernunft» / «Канон чистого разума» к текстовым референтам относятся: «Vernunft» / «разум», «Kanon» / «канон», и сам автор повествования в форме первого лица. Рекуррентность референтов отражена в текстах и с помощью референтных сигналов:

– **референт «Vernunft» / разум и его референтные сигналы:** «sie» / «он», «sie» / «его», «ihr» / «него», «reine Vernunft» / «чистый разум», «sie» / «него»;

– **референт «Kanon» / канон и его референтные сигналы:** данный референт проявляется в тексте множеством повторов;

– **референт – автор повествования, «ich»** в указанном отрывке выражен прежде всего контекстуально: выбором оценочных слов («demütigend» / «унизительно», «erhebt» / «возвышает»), использованием модальных слов («vielleicht» / «быть может», «vermutlich» / «надо полагать»), риторическим вопросом.

Местоимение «wir» / «мы», использованное в последнем предложении анализируемого параграфа «Folglich, wenn es überall einen richtigen Gebrauch der reinen Vernunft gibt, in welchem Fall es auch einen Kanon derselben geben muss, so wird dieser nicht den spekulativen, sondern den praktischen Vernunftgebrauch betreffen, den wir also jetzt

untersuchen wollen» (Kant 2005, S. 49), также можно отнести к референтному сигналу выражения авторского присутствия, так как в данном случае в буквальном смысле он не передаёт объективированную позицию философа, а используется здесь в качестве стандартной формулировки научного исследования, где «я»-форма заменяется «мы»-формой. Однако, использование формы первого лица множественного числа обуславливается майевтистическим методом, с помощью которого подчёркивается скрытая мысль автора, что все сделанные в работе выводы выведены им последовательно, логично и создают не его индивидуальную концепцию мышления, а лишь отражают реальное и истинное положение вещей в пространстве разума.

При сопоставительном анализе, исследованного с позиции категории референтности указанного текста, можно заключить, что раннее сделанные выводы касательно характеристики другого философского текста [Левченко, Бирюкова 2020] применимы к обоим текстам, несмотря на некоторую усложнённость референтной структуры текста, рассмотренного в данной статье параграфа. Помимо перечисленных трех референтов, здесь также присутствует объективированное мнение автора и подчеркивается также его роль: «Hier mache **ich** eine Anmerkung» / «Здесь **я** сделаю замечание». Философ как бы разделяет информацию на объективно существующую и на ту, что помогает ему как автору произведения дать читателю инструменты для понимания истины. В процессе выделения референтных составляющих становится очевидным, что все текстовые референты находятся в одном семантическом поле, создают некое понятийное пространство вокруг размышлений о познании.

Категория референтности в рассматриваемом параграфе определяется как детерминированная, автосемантическая и полиреферентная. Отрывок из текста «Der Kanon der reinen Vernunft» / «Канон чистого разума» характеризуется наличием более выделенного авторского суждения, которое, однако, проявляется в меньшей степени через личные местоимения и в большей степени контекстуально. Типологической особенностью данной категории становится использование философских понятий и категорий в качестве основных тестовых референтов, как в немецком, так и в русском вариантах текста.

Результаты анализа референтности философского текста дают основание заключить, что к его референтным особенностям относится прежде всего имплицитное отношение автора к содержанию, выраженное оценочными и модальными словами, а также контекстом.

Проанализированный отрывок на двух языках в наибольшей степени изобилует средствами субъективного выражения при скрытой позиции автора. Все текстовые референты формируют и создают концептуальное пространство философского повествования.

Библиографический список

1. *Валиев Д.Ф., Егорова Ю.А.* Философия и наука: сходства и отличия [Электронный ресурс] // Студенческий научный форум: материалы II Междунар. студенческой науч. конф. Режим доступа: <http://files.scienceforum.ru/pdf/2010/article727.pdf> (дата обращения: 17.04.2024).
2. *Гадамер Х.Г.* Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
3. *Левченко М.Н., Бирюкова А.В.* Языковые особенности философского текста: категории персональности и референтности в «Критике чистого разума» И. Канта // Актуальные вопросы современной лингвистики: Материалы VII региональной науч.-практ. конф. М.: ИИУ МГОУ, 2020. с. 53–62.

Источники

1. *Кант И.* Критика чистого разума: пер. с нем. Н. Лосского. М.: Наука, 1999. С. 37–39.
2. *Кант И.* Сочинения на немецком и русском языках. Т. 2: Критика чистого разума / под ред. Б. Бушлинга, Н. Мотрошиловой. М.: Наука, 2006. С. 998–1001
3. *Kant I.* Kritik der reinen Vernunft. М.: Изд-во «Астрель», 2005. С. 49–50.

THE REFERENCE ALGORITHM OF THE PHILOSOPHICAL TEXT

M.N. Levchenko

State University of Education, Moscow

This article discusses the issue related to the possibilities of implementing the basic philosophical concepts and categories by linguistic means, namely the reference algorithm of a complex type of text – philosophical and a variant of its translation into Russian. The conducted linguistic analysis proved the universality of all text referents that are in the

same semantic field of this type of text and participate in the creation of a conceptual narrative space in texts of two languages.

Key words: philosophical text, concept, category, referent and reference signals.

Об авторах:

Левченко Марина Николаевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой германской и романской филологии Государственного университета просвещения; e-mail: prof_levchenko@mail.ru.

УДК 81'373.47:82-3

КАТЕГОРИЯ ЭКСПРЕССИВНОСТИ И ЕЕ КОМПОНЕНТЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ Э.М. РЕМАРКА

Н.О. Линке, Ю.П. Нечай

Кубанский государственный университет, Краснодар

На материале языка прозы Э.М. Ремарка проводится анализ такого сложного и многогранного понятия как категория экспрессивности. Отмечается, что данная категория, вводя в текст эмоциональный компонент, инкорпорирует личность автора в самом произведении. Установлено, что экспрессивность может выражаться фонологическими, морфологическими, лексическими и синтаксическими средствами. Делается вывод о том, что многоплановость этой категории позволяет писателю передать эмоциональную наполненность текста, свое отношение к содержанию, а также воздействовать на эмоциональную, интеллектуальную и волевою сферы читателя.

Ключевые слова: Категория экспрессивности, функции языка, средства выражения экспрессивности, художественный текст, эмоциональный компонент.

Поведение любого человека зиждется на эмоциях, которые оказывают существенное влияние на восприятие им окружающего мира, расширение его кругозора, приобретение новых знаний и умений, а также на повседневные поступки. Эмоции и чувства с древних пор занимали умы человечества, тем не менее, до настоящего времени единая психологическая теория эмоций учеными не

представлена. Такое положение вещей особо затруднительно для лингвистики, в компетенцию которой входят и вопросы языкового отображения данной категории. Достаточно интересный практический материал для исследования экспрессивности в художественном тексте и возможности ее сохранения при переводе с немецкого языка на русский язык, представляет художественная проза Э.М. Ремарка. Многие исследователи рассматривают его как одну из самых колоритных фигур в истории немецкой литературы. Теплые и холодные краски в его произведениях создают особую цветовую гамму, которая побуждает читателя иначе воспринимать окружающий мир, понимать его, сопереживать, грустить или радоваться.

Дальнейшая разработка категории экспрессивности актуальна и потому, что вплоть до настоящего времени дескриптивное представление способов и приемов передачи экспрессивного потенциала и художественно-изобразительных функций лексических, грамматических и синтаксических средств недостаточно [Маслечкина 2009].

Исследование феномена экспрессивности в языке неразрывно связано, как известно, с рассмотрением проблемы функций языка. В модели Карла Бюлера функция языка понимается как отношение. В его схеме 4 элемента: 1) конкретное языковое явление, 2) предмет, 3) отправитель, 4) получатель. К. Бюлер пишет о тройственной функции языка: репрезентативная – сообщение, экспрессивная – выражение эмоций, апеллятивная – побуждение к действию [Бюлер 1993].

На таком же понимании тройной функции модели К. Бюлера основана широко распространенная модель функций языка Романа Jakobson, которую он предложил, упорядочивая понятийный аппарат языка поэтических произведений. Р. Jakobson привел, подобно К. Бюлеру, схему речевой коммуникации: адресант, адресат, контекст, сообщение, контакт, код. Все функций языка определяются Р. Jakobsonом как ориентации (отношения): 1) референтивная – ориентация на контекст (референт), 2) экспрессивная – ориентация на адресанта, 3) конативная – ориентация на адресата. Помимо трех основных функций языка, Р. Jakobson также выделяет и добавочные: фатическую – ориентация на контакт, метаязыковую – ориентация на код, поэтическую – ориентация на сообщение, магическую (разновидность конативной функции) – обращение говорящего к потусторонним силам [Jakobson 1975].

Значительный вклад в рассмотрение этой проблемы внес еще один отечественный ученый – А.А. Реформатский. Он выделял:

1) номинативную; 2) коммуникативную; 3) экспрессивную функции языка [Реформатский 1996].

Мы придерживаемся позиции В.А. Масловой, которая представляет экспрессивность не только в виде определения, но и характеризует специфику ее присутствия в самом тексте, понимая под данной категорией систему (набор) использованных в тексте языковых средств. Данная система позволяет наиболее выразительно представить содержание текста и отношение автора к нему, вследствие чего усилить воздействие на эмоциональную, интеллектуальную и волевою сферы реципиента. Общая экспрессивность текста представляет собой интеграционный результат таких его свойств, как эмотивность, оценочность, образность, интенсивность, стилистическая маркированность, структурно-композиционные особенности текста [Человеческий фактор в языке 1991].

Категория экспрессивности инкорпорирует личность автора в самом произведении. Мы солидарны с мнением о том, что элементы воздействия и эстетические компоненты, закодированные в виде определенных структур, оказывают значительное влияние на разум и восприятие читателя. Реализация эстетической функции происходит параллельно с другими, например, прагматической и коммуникативной. Автор воплощает определенную информацию в тексте с помощью эмоционального воздействия, которое проявляется в использовании различных языковых уровней. Наиболее общепринятыми способами отражения художественного образа считают синтаксические и лексические изобразительные средства, стилистические приемы [Рамазанова, Хасбулатова, Курбанова 2017].

Писатель воссоздает, моделирует вторую действительность, которая существует наравне с реальностью, пропуская ее через призму своего восприятия. В лингвистике экспрессивные средства подразделяются исследователями, как известно, на несколько групп: фонологические, морфологические, лексические, синтаксические.

Фонологические средства выражения экспрессивности значительно проявляются в устной речи, монологической или диалогической, и представляются в виде интонации, а также длительности звука. Сюда же относится темп речи говорящего, его тембр, ритмико-интонационные паузы. Примером фонологического средства в повседневной жизни может служить звукопись, входящий звонок и т.д. В художественной прозе используется прием усиления – аллитерация, например: «Der Wald verschwindet, er wird *zerstampft*, *zerfetzt*, *zerrissen*» (Remarque 1971, S. 49) – «Лес исчезает на наших глазах,

снаряды вбивают его в землю, разносят в щепки, рвут на клочки» (Ремарк 1959, с. 56).

Основную функцию в морфологической категории выполняет аффиксация, например:

- суффиксы: «Teufelei» («чертовщина»), «Rütteln» («встряска»), «Feigling» («трус»), «Sträflingen» («арестант»);

- полусуффиксы: «Sauhund» («собака» груб.), «Unglücksvogel» («несчастливчик»), «Totenvogel» («сыч домовый»), «Spaßvogel» («озорник»);

- префиксы: «Urfeind» («заклятый враг»), «uranständig» («очень порядочный»), «hypernervös» («очень нервный»);

- полупрефиксы: «Hundearbeit» («тяжелый труд»), «kernbrav» («очень смелый»), «hinterbringen» («доносить»), «Himmelangst» («смертельный страх»).

Все оттенки, которые вносят эти морфемы, отличаются от использования обычных слов тем, что за счет отдельных элементов, они способны пробудить в читателе больше эмоций как в положительном смысле, так и в отрицательном.

Группа, представляющая лексические носители экспрессивности, относится к самой широкой категории, так как ее пласт не ограничивается лишь одной составляющей. Лексические средства включают в себя эмоционально окрашенные прилагательные, существительные, глаголы. Кроме того, в эту группу входят фразеологические выражения и другие структуры. Однако, собственную эмотивность слово зачастую получает от другого компонента. Например, прилагательное «müde» означает «усталый», чтобы усилить эту нейтральную лексему, автор прибегает к использованию существительного «Hund(e)», которое в роли полупрефикса придает основному прилагательному экспрессивное значение: «hundemüde» – изможденный, изнуренный. Существительное «Angst» («страх») не трудно усилить с помощью того же существительного, например, «Todesangst», «Herzensangst», «Heidenangst». Перевод приведенных примеров будет во многом зависеть от контекста, однако лексема «страх» трансформируется в «ужас», «смертельный страх», «сильный страх», например: «...während sie den Dienst am Staate als das Größte bezeichneten, wussten wir bereits, dass die Todesangst stärker ist. Wir wurden darum keine Meuterer, keine Deserteure, keine Feiglinge...» (Remarque 1971, S. 12) – «...они все еще твердили, что нет ничего выше, чем служение государству, а мы уже знали, что страх смерти сильнее. От этого никто из нас не стал ни бунтовщиком, ни дезертиром, ни трусом...» (Ремарк 1959, с. 24).

Экспрессивные глаголы встречаются намного реже, чем отмеченные части речи. Экспрессивную модификацию глагола необходимо рассматривать изначально на синонимической цепочке, а потом уже отдельно в коммуникативной ситуации, например, глагол «sehen» означает «смотреть, глядеть». Слово является экспрессивно-нейтральным. Искусственная цепочка поможет обладать эмоционально-окрашенными оттенками слова: «sehen» – «schauen» – «blicken» – «bemerken» – «betrachten» – «gucken» – «kieken». Из этого следует, что в представленном ряду каждый синоним имеет две семы, одна из которых передает главное значение слова, другая же – интенсивность, степень окрашенности, стиль. Но каждая из этих лексем будет придавать контексту особый эмоциональный семантический оттенок, например: «Das Mädchen hörte nicht auf sie. Es schaute den Geiger an» (Remarque 1991, S. 55) – «Девочка не слушала ее. Она *смотрела* на скрипача» (Ремарк 2005, с. 68).

Выразительность рассматривается как одна из главных составляющих фразеологизмов. Фразеологизмы обладают двумя основными свойствами: они не соответствуют принятой норме и претерпевают языковые аномалии. В первом случае эти единицы являются основным идентификатором признаков, выделяющихся из других на основании функционирующего элемента, другими словами, фразеологические единицы отклоняют социально или же индивидуально принятую языковую норму. Например, выражение «Schwein haben» / «свинью иметь» нельзя переводить дословно, иначе получится искажение смысла. Данный фразеологизм соответствует немецкому выражению «Glück haben» / «везти кому-либо». Во втором случае, процесс фразообразования по своей природе является аномалией, например, слово «Schwede» / «швед» в сочетании со словом «alt» / «старый» превращается во фразеологическое высказывание, обозначающее «старина», в значении «alter Schwede» / «приятель, товарищ». Довольно широкий пласт художественной прозы Э.М. Ремарка составляют фразеологические единицы, например: «Mir wurde angst und bange» (Remarque 1991, S. 114) – «У меня затряслись поджилки» (Ремарк 1981, с. 270).

Более высокую частотность экспрессии можно найти, по нашим наблюдениям, в синтаксисе. Например, инверсия помогает писателю выделить определенные члены предложения, заострить внимание читателя на них: «Die Cholera rotten wir aus – dabei ist das eine harmlose Krankheit gegen ein bisschen Krieg» (Remarque 1991, S. 135) – «Холеру мы искоренили, а ведь это – безобидное явление по сравнению с небольшой войной» (Ремарк 2005, с. 178).

Таким образом, большая роль при создании когерентного текста с гармонично вплетенными в него средствами художественной выразительности отводится его стилистической форме, которая способствует не только логической организации, но и последовательному упорядочению всех его элементов. В распоряжении писателя находится широкий спектр разнообразных и дополнительных элементов этой многоплановой категории, позволяющей ему передать как эмоциональную наполненность, содержание текста, так и свое отношение к нему, а также воздействовать на эмоциональную, интеллектуальную и волевую сферы читателя.

Библиографический список

1. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М.: Прогресс, 1993. 504 с.
2. Маслечкина С.В. Передача экспрессивности в произведениях М.А. Булгакова и Э.М. Ремарка: автореф. дис. канд. филол. наук. М., 2009. 26 с.
3. Рамазанова Д.А., Хасбулатова Х.М., Курбанова З.Г. Экспрессивность в художественном тексте и способы ее выражения // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2017. № 3. С. 86–91.
4. Реформатский А.А. Введение в языковедение. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.
5. Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности / В.Н. Телия, Т.А. Графова, А.М. Шахнарович и др. М.: Наука, 1991. 214 с.
6. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 198–250.

Источники

1. Ремарк Э.М. Возлюби ближнего своего. М.: АСТ, 2005. 709 с.
2. Ремарк Э.М. На Западном фронте без перемен. М.: Правда, 1959. 173 с.
3. Ремарк Э.М. Три товарища. Санкт-Петербург: Лениздат, 1981. 401 с.
4. *Remarque E.M. Drei Kameraden. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1991. 585 S.*

5. *Remarque E.M.* Im Westen nichts Neues. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1971. 215 S.

6. *Remarque E.M.* Liebe Deinen Nächsten. – Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1991. 453 S.

DIE KATEGORIE DER AUSDRUCKSKRAFT UND IHRE KOMponentEN IN BELLETRISTIK VON E.M. REMARQUE

N.O. Linke, Ju.P. Nechay

Staatliche Kuban-Universität, Krasnodar

Basierend auf dem Material der Prosasprache von E.M. Remarque wird ein so komplexes und vielschichtiges Konzept wie die Kategorie der Ausdruckskraft analysiert. Es wird darauf hingewiesen, dass diese Kategorie, die dem Text eine emotionale Komponente verleiht, die Persönlichkeit des Autors in das Werk selbst einbezieht. Es wurde festgestellt, dass Ausdruckskraft durch phonologische, morphologische, lexikalische und syntaktische Mittel ausgedrückt werden kann. Es wird gefolgert, dass die Vielseitigkeit dieser Kategorie es dem Autor ermöglicht, die Emotionalität des Textinhalts und seine Einstellung zum Inhalt zu vermitteln und auch die emotionale, intellektuelle und willentliche Sphäre des Lesers zu beeinflussen.

Schlüsselwörter: Ausdruckskategorie, Sprachfunktionen, Mittel der Ausdrucksformen, literarischer Text, emotionale Komponente.

Об авторах:

Линке Надежда Олеговна – магистрант факультета РГФ Кубанского государственного университета; e-mail: linke16@list.ru.

Нечай Юрий Петрович – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии Кубанского государственного университета; e-mail: nechay_ur@mail.ru.

ТЕКСТОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ИСТОЧНИК ПОПОЛНЕНИЯ ЭМОТИВНОГО ФОНДА ЯЗЫКА

З.И. Ломина

Кубанский государственный университет, Краснодар

В конкретной ситуации общения человек использует как лингвистические, так и экстралингвистические знания, которые содержат весь опыт индивида.

А.Г. Баранов

В статье предлагается исследование по созданию формальной когнитивной теории естественного языка. В рамках функционально-прагматической концепции текста человек рассматривается как система переработки информации, а высшей семиотической сущностью выступает его текстовая деятельность и текст как её процесс и продукт. Перспективны направления, нацеленные на поиск концептуальных образований, представляющих знания, эмоции и чувства в виде единого репрезентационного формата – когниотипической модели общения.

Ключевые слова: текстовая и познавательная деятельность, знания, когнитивная модель, эмоциональный опыт, эмотивное содержание.

В научном мире уже довольно прочно утвердились исследовательские позиции, направленные на определение статуса текста и текстовой деятельности, на обозначение статических и динамических тенденций их развития. И вряд ли найдутся те, кто не согласится с выдвиганием тезиса о комплексном отражении организации текста в парадигме отношений «автор – текст – реципиент» и выделением трёх функционально-прагматических компонентов текста: пропозиционального/когнитивного, модального и текстуального. Данный формируемый набор когнитивных моделей является инвариантом познавательной деятельности индивида [Баранов 1988, 1993; Кибрик 1987; Степанов 1997; Щедровицкий 1995 и др.]. А параметры текстуальности согласно научным выводам [Beaugrande 1985; Баранов, Щербина 1992 и др.] способствуют

восприятию текста в целом и создают фондовый каркас как результат жизненного опыта поколений. Каждый новый текст является продуктом их совместной деятельности, а каждый отдельный текст содержит в себе информацию о других текстах. Понимание текста трактуется как восхождение к прожитому опыту и заключается в конструировании когерентной смысловой структуры текста и её интеграции с когерентной картиной мира субъекта понимания. Это составляет суть интертекстуальности и наиболее значимо в процессе семиозиса.

Межличностная, научная, информационная, художественная разновидности текстовой деятельности, а в дальнейшем разбиении деонтические, аксиологические и эпистемические текстотипы [Баранов 1993] позволяют ставить вопрос о соотношении фрагмента действительности с инвариантами познавательной деятельности. В нашем исследовании предпочтение отдаётся не «многознанию, а многопониманию» [Богин 1986].

Исходя из этого, когниотипическая модель общения (в смысле создания и понимания текста) представляется достаточно убедительной и перспективной. Как показывают новейшие научные подходы, в частности, построение и восприятие текста базируется не столько на иерархическом заполнении некой абстрактной схемы конкретными языковыми элементами, сколько на воспроизведении, комбинировании, «сшивании» готовых, хранящихся в памяти языковых фрагментов или информативных блоков [Гаспаров 1996, с. 129].

Согласно такой трактовке понимания взаимодействия человека с действительностью и с некоторым абстрагированием фактов социального опыта предметной области, перед исследователем возникает фрагмент социализированного внеязыкового знания, который при возникновении коммуникативной ситуации «обрастает» ассоциациями и устойчивыми сочетаниями, «устойчивыми предложениями» с определёнными смыслами как элементами мира. Человек не только усваивает этот опыт, но и формирует на его основе свои личностные смыслы. Они, как правило, организуются в культурно-символические гештальты, этнокультурные и социокультурные планы применительно к различным видам оценочных отношений. Например, к хорошему и плохому в природе, рождению и смерти и др. Это, в свою очередь, ведёт к разработке ценностных доминант, а методика изучения их в языке базируется на

понятии «концепт» и представляет собой систему исследовательских процедур [Карасик 1996, с. 4–7].

Известно, что знания о мире в нашем сознании организованы в виде абстрактных ментальных единиц вокруг некоторого концепта. А любой концепт, представляющий собой многомерное смысловое образование, содержит, по мнению Ю.С. Степанова, помимо понятийной части облигаторно и эмоциональный элемент, оценки, образы, ассоциации и др., характерные для данной культуры [Степанов 1997, с. 41]. Существуют также особые виды концептов, ядром которых являются базовые эмоции – эмоциональные концепты, которые, в свою очередь, образуют собственные «концептуализированные предметные области» [Апресян 1995; Вежбицкая 1996 и др.].

Мысль о способности эмоционального опыта, как и любых знаний человека о мире, накапливаться, храниться, кодироваться знаковыми средствами, воспроизводиться и адекватно восприниматься окружающими оказалась для когнитивной лингвистики актуальной и плодотворной. Эмоции очень реальны и интенсивны, и всё-таки они вытекают, скорее всего, из когнитивных интерпретаций окружающей действительности. Этот факт перехода от знания к эмотивной оценке отмечался еще М. Бахтиным [Бахтин 1979, с. 247].

Преобразование фрагмента эмоционального опыта человека в эмотивное содержание связано с существованием механизма перекодировки частной ситуации, послужившей эмоциональным стимулом другой, более общей и распространённой, ведущей к формированию социокультурных эмоциональных смыслов.

В результате языковой перекодировки эмоциональных концептов появляется формулировка определённого круга тем текста, которые связаны с эмоциональными ситуациями и очерчивают границы их существования. Так возник термин «*эмотема*», впервые введенный в научный оборот В.И. Болотовым. Согласно ученому, *эмотема* определяется как «отрезок текста, смысл которого или форма выражения содержания являются источником эмоционального воздействия» [Болотов 1981, с. 18]. Далее этот термин успешно разрабатывается в научном сообществе другими учеными. В языке категория эмоциональности трансформируется в категорию *эмотивности*. Согласно В.И. Шаховскому, под *эмотивностью* понимается «имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики, отражённые в семантике языковых единиц социальные и

индивидуальные эмоции» [Шаховский 1987, с. 24]. Эмотивность выражается двусторонним представлением: имеет план содержания, основывающийся на субъективной оценочности, и план выражения, представленный категорией экспрессивности.

Потребность ориентации в мире вынуждает интерпретаторов, в свою очередь, проводить «выборку» из множества текстов, с которыми им приходится сталкиваться. А поскольку опыт повторяется в некоторых ситуациях, то они становятся типичными и начинают восприниматься как эмоционально маркированные, где в качестве маркеров, могут рассматриваться предметы и явления, относящиеся к определенной предметной концептуальной области. Идея создания моделей типичных ситуаций легла в основу серии исследований эмоциональных концептов как набора прототипических ситуаций, «сценариев развития эмоций» [Апресян 1995, с. 370], «сценариев чувств» [Вежбицкая 1996, с. 394]. Предполагается, что эмоциональные концепты задаются типичными для известных переживаний ситуациями, и эти ситуации могут быть описаны посредством ментальных сценариев, дающих возможность вычленения в тексте не только опредмеченных эмоциональных состояний, но и распредмеченных эмоциональных концептов.

В данном исследовании ставится цель выявления унифицированных характеристик текстов определённого жанра. Согласно классификации С.В. Ионовой, следует различать два уровня эмотивного содержания как основных параметров оценочного состояния, а именно: *эмотивный фон* и *эмотивную тональность*. Особенностью эмотивного содержания текстов является тесное переплетение эмоций обоих уровней. Формальная сторона эмотивного содержания представляется *эмотивной окраской* [Ионова 1998, с. 6–10]. Позволим себе кратко охарактеризовать эти явления.

Эмотивный фон – совокупность знаний об эмоциональном мире человека как объективно существующей реальности, которые формируются в виде стереотипов, группируются по предметным областям и воплощаются в представлениях об эмоционально маркированных ситуациях, которые входят в когнитивное пространство индивида.

Эмотивная тональность – вид субъективной модальности в тексте, проявляющийся в выражении эмоционального состояния говорящего, его эмоционального отношения к фактам речи или в оказании эмоционального воздействия на адресата.

Эмотивная окраска – это поверхностная структура континуального многослойного содержания в виде последовательности языковых единиц, представляющих дискретные фрагменты этого содержания.

Таким образом, *эмотивная окраска* понимается как комплекс языковых и текстовых средств, используемых автором для кодирования эмоционального содержания. Она линейна и является способом материального выражения многомерного эмоционального содержания.

В анализе *эмотивного содержания* текстов нами используется методика информационных подходов, ориентируемых на исследование внутреннего строения целого текста и иерархию его единиц. Данный подход соотносится с различными методиками когнитивного анализа, оперирующими понятиями макроструктуры, макропропозиции, модели ситуации, концепта, фрейма, «когниотипа» [Баранов 1997, с. 8] и др. В эти понятия включаются не только абстрактные знания о стереотипных ситуациях, но и личностные знания носителей языка. Определение эмотем в процессе коммуникации, как нам представляется, даёт возможность выявлять эмоциональную часть прагматических задач автора путем вывода формализованных знаний, а эмотивный концепт – рассматривать в качестве основы толкования фрагментов различных знаний.

Различная соотнесённость обеспечивает существование разнообразных вариаций её реализации (в нашем случае, например, рассмотрение предметной области «*Туризм в Германии*» в немецкой и русской публицистике). Текстом по туризму нами принимается такая единица, которая имеет в своем семантическом наполнении проблемы взаимоотношений человека и окружающей среды, маркируемыми социальной направленностью с различной степенью оценки.

Когнитивное содержание любой предметной области основывается на «массиве текстов» культуры. Тексты данной предметной области существуют в рамках медиакультуры и представлены в виде коммуникативного процесса, который отличает не потребителя информации, а языковую личность, включенную в данный процесс. Это является способом накопления, фиксации и передачи социокультурного опыта. Сами тексты, слагаемые в действительности из множества частных жизненных ситуаций (туризм, экология туризма, виды туризма и др., а также, услуги, предложение, сервис, размещение, поездка на чем-л., куда-л. и др.) основываются на комплексах объективных знаний, репрезентирующих данное явление в природе в иерархической зависимости [Ломинина 1999, с. 120].

Пользуясь данной классификацией и осуществляя сегментацию рынка, туристские фирмы выявляют группы клиентов, объединенные по тем или иным признакам. Каждому из рыночных сегментов должно соответствовать специфическое туристское предложение. Такой подход позволяет не только удовлетворить имеющийся спрос, но и формировать его.

Обобщая сказанное, отметим, что выявленные особенности подтверждают концептуально положение о специфике когнитивного компонента? о его неполной реализации в конкретных текстах, подчёркивают разный статус ситуаций вхождения коммуникативных ситуаций в тематическую структуру текста наравне с рациональными темами. Они позволяют не только конкретизировать существующие параметры и их функции, но и обозначить прагматические установки для выражения и передачи эмоционального состояния автора и оказания такого же воздействия на читателя.

Язык выступает здесь в качестве «системы ресурсов для выражения смыслов в текстовой деятельности» [Баранов 1997, с. 5], а она сама является источником пополнения эмотивного фонда языка. Выделенные элементы текста, понимаемые как маркеры эмоций, подчёркивают высокую степень плотности эмотивной ткани, определяют эмоции фонового и тонального уровней содержания.

Библиографический список

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка). М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 472 с.
2. Баранов А.Г. Когнотиичность текста // Жанры речи. 1997. С. 4–12.
3. Баранов А.Г. Текст в функционально-прагматической парадигме. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 1988. 90 с.
4. Баранов А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов н/Д: Рост. гос. ун-т, 1993. 182 с.
5. Баранов А.Г. Динамические тенденции в исследовании текста // *Stylistika*. Vol. IV. 1995. С. 54–69.
6. Баранов А.Г., Щербина Т.С. КО-КО методология. Методическое пособие для учителей иностр. языка. Краснодар: Педобщество, 1992. 50 с.
7. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 416 с.

8. *Богин Г.И.* Типология понимания текста. Калинин: КГУ, 1986. 86 с.
9. *Болотов В.И.* Эмоциональность текста в аспектах языковой и неязыковой вариативности. Ташкент: Фан, 1981. 116 с.
10. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
11. *Гаспаров Б.М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
12. *Ионова С.В.* Эмотивность текста как лингвистическая проблема: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1998. 19 с.
13. *Карасик В.И.* Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. трудов. Волгоград, Архангельск: Перемена, 1996. С. 3–16.
14. *Кибрик А.Е.* Лингвистические предпосылки моделирования языковой деятельности // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М.: Наука, 1987. С. 128–145.
15. *Ломинина З.И.* Предметная область как фрагмент развивающихся знаний // Когнитивность метаязыковых субстанций. М., Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 1999. С. 118–129.
16. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
16. *Шаховский В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: ВГУ, 1987. 192 с.
17. *Щедровицкий Г.П.* Синтез знаний: проблемы и методы. Избранные труды. М.: Шк.Культ.Полит., 1995. С. 634–666.
18. *Beaugrande R. de.* Historical overview. Handbook of Discourse Analysis. Vol. 1. L.: Academic Press, 1985. P. 41–70.

TEXTAKTIVITÄT ALS QUELLE DER AUFFÜLLUNG DES EMOTIVEN SPRACHFONDS

Z.I. Lominina

Staatliche Kuban-Universität, Krasnodar

Im Beitrag wird eine Studie zur Erstellung einer formalen kognitiven Theorie der natürlichen Sprache vorgeschlagen. Der Mensch gilt als ein System der Informationsverarbeitung im Rahmen des funktional-pragmatischen Textbegriffs, und das höchste semiotische Wesen ist als seine Textaktivität und der Text als deren Prozess und Produkt betrachtet. Moderne vielversprechende Richtungen, die auf die Suche nach

konzeptuellen Formationen abzielen, haben die Wissen, Emotionen und Gefühle in Form eines einzigen repräsentativen Formats – eines kognitiven Kommunikationsmodells darzustellen.

Schlüsselwörter: Textaktivität, kognitive Aktivität, Kenntnisse, kognitives Modell, Emotionserfahrung, emotiver Inhalt.

Об авторах:

Ломинина Зоя Ильинична – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Кубанского государственного университета; e-mail: zojalominina58@yandex.ru.

УДК 82-31/.32

ИЛЛЮЗОРНОСТЬ ВОЗМОЖНОСТИ БЕЗОЦЕНОЧНОГО ОПИСАНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ

Н.В. Лучкина, С.А. Мирзоева, И.Ю. Проценко

*Ростовский государственный медицинский университет,
Ростов-на-Дону*

В данной статье рассматривается иллюзорность возможности безоценочного описания в художественном тексте. Анализ романа Д. Данилова «Описание города» убеждает нас в том, что воспроизводить городские реалии абсолютно бесстрастно невозможно. Оценочность присутствует как в отборе объектов, на которых фиксируется авторский взгляд, так и в использовании лексических средств для их описания.

Ключевые слова: описание, городские реалии, оценочность, художественный текст.

Начнем с постановки проблемы: возможно ли автору художественного текста самоустраниться и избежать оценочности, не проявляя собственного отношения к описываемому объекту? Материалом для исследования стал роман Д. Данилова «Описание города». Писатель ставит перед собой задачу посетить некий город десять-двенадцать раз и описать его. За время недолгих визитов необходимо породниться с городом и даже полюбить его. Автор использует странное выражение: город должен «войти ему в печенки» (Данилов 2012). Может быть, это проявление авторской иронии? Это выражение скорее свидетельствует о том, что человеку надоело что-то.

Фразеологизм «ты у меня в печенках сидишь» (Данилов 2012) свидетельствует вовсе не о симпатии к человеку или какому-либо объекту.

Д. Данилов пытается подвести теоретическое обоснование используемого им метода, называя его «новой визуализацией», и объясняет, что прежнее значение литературы утрачено. Писатель считает, что «литературное прямое высказывание изрядно (а скорее всего, окончательно) «девальвировано», поэтому избирает направление в описании, названное им «новой визуализацией», хотя предполагает, что это «не вернет русскую литературу с периферии в центр общественного внимания, не сделает ее зеркалом российского общества» [Данилов 2011]. Рецензент М. Пимченко считает, что Д. Данилову удастся классическое для художественной прозы самоустранение [Пимченко 2017].

Обратимся к анализу художественного текста, чтобы понять, удалось ли автору избежать оценочности в описании и «самоустраниться».

Роман «Описание города» не имеет сюжета. В нем нет героев, кроме автора. Вернее, героем является город неподалеку от Москвы и опознанный читателями как Брянск, хотя автор прибегает к своеобразному способу названия всех городских реалий, используя многословные обозначения улиц, площадей, гостиниц и пр. Например: улица, «названная именем видного деятеля большевизма»; гостиница, «название которой совпадает с названием одного из областных центров Украины»; бульвар, «названный именем деятеля времен Гражданской войны»; река, «названная в честь санитарно-гигиенической процедуры» (Данилов 2012) и т. д.. Можно было бы такой способ топонимики принять как литературную игру, но эти бесконечные повторы приводят к тому, что каждый раз читатель спотыкается о них, стараясь скорее проскочить эти странные урбанонимы. На наш взгляд, уже в них проявляется оценочное отношение автора к объектам описания. Иначе, как относиться к тому, что главная улица в городе названа «в честь одного из величайших в мировой истории злодеев» (Данилов 2012)? Писатель приезжает к месту, «название которого состоит из двух слов. Первое обозначает элемент рельефа местности, второе – некое состояние, примерно как Овраг Беспамятства, только не овраг и не беспамятства. Оба слова пишутся с больших букв, потому что это место считается мемориальным» (Данилов 2012).

Аксиологичность описания, на наш взгляд, проявляется уже в отборе лексических средств: большое количество сниженной лексики,

наводящие уныние эпитеты; многочисленные лексические повторы, подчеркивающие непривлекательность города; эмоционально-оценочные слова – все это воссоздает авторское видение провинциального города. На протяжении всего романа в описании города доминирует безрадостная цветовая гамма. В большинстве случаев различаются лишь оттенки серого: «серые дома, серая земля, серовато-белый снег, серое небо. Но не одинаково серые, а разных оттенков серого» (Данилов 2012). Тот же безрадостный фон создают погодно-климатические условия, причем в любое время года. Зимой в городе царит «атмосфера тоскливой предвечерней зимней скуки», городская среда в это время года «серо-унылая» (Данилов 2012). В марте «грязно, мокро, слякотно»; в апреле – «грязь и пыль»; в мае – «нечто среднее, желтовато-сероватая погода, серовато-желтоватый мутный день»; в июле – «лютное солнце, дикая жара» (Данилов 2012). Повсюду царит «стихия грязи» (Данилов 2012).

Сам отбор описываемых реалий свидетельствует об оценочности авторского видения. При чтении романа задумываешься: неужели все настолько непривлекательно в этом городе? Оказывается, писатель руководствуется следующими принципами: выбирать для описания «странные» города, обращать внимание на «странные» объекты и явления и на «странных» людей. М. Пимченко считает, что делает он это с блеском. Главное – противопоставить свой текст скуке и бессмысленности дискурса советского путеводителя [Пимченко 2017]. Надо сказать, что веселее читателю не становится, хотя отличие этого художественного текста от советского путеводителя налицо.

Д. Данилов на каждом шагу находит странные объекты и явления. Во время каждого из своих приездов писатель неизменно посещает одно из мест в центре города, где когда-то жил известный, а затем забытый писатель, и от его дома остался лишь фрагмент разрушенной стены. Но никаких изменений там не происходит, и автор удивляется, что это место в центре города остается невостребованным. Место, на котором должен стоять дом под номером 47, пустует почти три десятилетия.

На детской площадке читатель видит «группу уродливых бетонных полукруглых фрагментов, выкрашенных блеклыми красками», что сам писатель называет «хреновинами» (Данилов 2012). По его предположению, создатели этого уродливого сооружения думали, что детям понравится там бегать и прятаться между этими «хреновинами», совершая среди них «какие-нибудь гадкие поступки» (Данилов 2012). Предположение о том, что дети будут совершать непременно «гадкие поступки» (Данилов 2012), вовсе не является

беспристрастным. Оценивается даже то, что не подлежит непосредственному наблюдению.

Фиксирует глаз писателя «безобразное здание гостиницы, загаженные тротуары, серые пятиэтажки, безобразное здание кинотеатра, стойко-убогие домики частного сектора, диковатость и заброшенность улиц»; «холмистую землистую пустоту, усеянную каким-то мусором»; «перекошенный, завалившийся на один бок автобус» (Данилов 2012). И едет этот автобус «мимо хрен знает чего», мимо какого-то «серого бетонного сооружения без окон» (Данилов 2012). Для усиления впечатления о неудобствах посещаемого города автор прибегает к многочисленным лексическим повторам, и мы видим «неудобные скамеечки без спинок, на которых неудобно сидят люди» (Данилов 2012).

Под стать уродливым городским реалиям и люди. Автор замечает пожилую женщину, роющуюся в мусорнике, грязного бомжа, пьяных матерящихся подростков, парня и девушку «в состоянии алкогольного опьянения средней тяжести»; редкостно неопрятного таксиста, который давно не брит и не мыт; мужиков, обсуждающих особенности употребления водки вместе с пивом и по отдельности; болельщиков, принесших с собой на стадион водку (Данилов 2012).

Залюбовался писатель в этом городе лишь голубем кофейно-белого цвета и после нескольких посещений обнаружил, что красива центральная площадь города со сквером посередине. Все остальное убого, серо, уныло и не приспособлено для комфортного проживания людей.

Безусловно, глаз человека отличается от фотокамеры. В чем состоит отличие человеческого взгляда от механического устройства? «Особенность фиксации взгляда на предмете в отличие от фотокамеры – избирательность как в смысле концентрации на том, что привлекает внимание, так и в смысле способа рассматривания объекта и обращения с ним», – читаем мы в монографии Н.А. Симбирцевой [Симбирцева 2017, с. 114]. Приведем еще один аргумент, подтверждающий невозможность безоценочного описания чего-либо. Французский философ М. Мерло-Понти дал определение тому, что есть «зримое»: «Зримое – это есть то, что считывается посредством некоего особого человеческого зрения, “третьего глаза”, преобразующего информацию в соответствии с личностными особенностями» [цит. по: Симбирцева 2017, с. 118]. Личностные особенности видения автором описываемых объектов очень ощутимы, так как он время от времени рефлексировал по поводу увиденного.

Читатель является как будто свидетелем постоянной внутренней речи автора.

Один и тот же объект может быть описан совершенно по-разному, в зависимости от того, кому принадлежит взгляд. Так случилось, что в ныне фантомном доме под номером 47 города Брянска проживал более ста лет назад писатель Л.И. Добычин. Им тоже был написан роман, посвященный городу, который называется «Город Эн». Если мы сравним описания одного и того же города, сделанные в разные эпохи, то, конечно, обнаружим между ними колоссальную разницу. И не только потому, что это разные эпохи. У Л.И. Добычина город описан в восприятии ребенка, для которого это была привычная среда. В ней он вырос и не знал ничего другого. А через много десятилетий в этот город приехал столичный житель с заданием самому себе описать город, создав художественный текст. Он знаком с текстом Л.И. Добычина и даже сам удивляется разнице их восприятия одного и того же. Так, Д. Данилов вовсе не находит сохранившуюся с того времени церковь «пузатенькой» (Данилов 2012), как об этом написал Л.И. Добычин. Но ведь описание города детства окрашено эмоциями, которые существовали у него в нежном возрасте. Любопытно было бы узнать: смог бы Л.И. Добычин опознать в описаниях Д. Данилова свой город детства спустя целый век? К сожалению, сделать это невозможно.

В заключение следует сказать, что отбор автором описываемых реалий, особенность его видения, характер используемых лексических средств свидетельствуют о высокой доле субъективности. Последняя фраза романа: «Надо как-нибудь так сделать, чтобы больше сюда не приезжать» (Данилов 2012) – убеждает нас в том, что писателю не удалось полюбить описываемый город, хотя нас хотят уверить в обратном.

Библиографический список

1. Данилов Д. К новой визуальности [Электронный ресурс] // Октябрь. 2011. № 11. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/october/2011/11/k-novoj-vizualnosti.html> (дата обращения 30.03.2024).

2. Пимченко М. Дмитрий Данилов. Двадцать городов [Электронный ресурс] // Звезда. 2017. № 6. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2017/6/dmitrij-danilov-dvadczat-gorodov.html> (дата обращения 30.03.2024).

3. Симбирцева Н.А. Специфика культурологической интерпретации (тексты культуры и читатели). Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т., 2017. 273 с.

Источники

1. Данилов Д. Описание города [Электронный ресурс] // Новый мир. 2012. № 6. Режим доступа: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2012/6/opisanie-goroda.html (дата обращения 30.03.2024).

THE ILLUSIVENESS OF THE POSSIBILITY OF NON-EVALUATIVE DESCRIPTION IN FICTION

N.V. Luchkina, S.A. Mirzoeva, I.U. Protsenko

Rostov State Medical University, Rostov-on-Don

This article considers the illusiveness of the possibility of non-evaluative description in a fiction text. Analysis of D. Danilov's novel «Description of the City» assures us that it is impossible to reproduce urban realities absolutely impartially. Evaluative nature is present both in the selection of objects on which the author's view is fixed and in the use of lexical means to describe them.

Key words: description, urban realities, evaluativeness, fiction text.

Об авторах:

Лучкина Наталья Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка № 1 Ростовского государственного медицинского университета; e-mail: luchkina7@mail.ru.

Мирзоева Сусанна Амбарцумовна – старший преподаватель кафедры русского языка № 1 Ростовского государственного медицинского университета; e-mail: samirzoeva@yandex.ru.

Проценко Ирина Юрьевна – старший преподаватель кафедры русского языка № 1 Ростовского государственного медицинского университета; e-mail: ir.protsenko@yandex.ru.

**КАТЕГОРИЯ «САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ»
В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ:
ХАРАКТЕРИСТИКА И ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ БЕЛОРУССКОГО ПОРТАЛА «ZVIAZDA.BY»)**

О.В. Лущинская

Минский государственный лингвистический университет, Минск

В статье внимание уделяется рассмотрению реализации дискурс-категории «самоидентификация» в медийном дискурсе, функционирующем в онлайн-среде. Данная категория непосредственным образом связана и, по сути, синонимична категории «адресант» (автор текста). В качестве примеров используются медиатексты белорусского портала «zviazda.by» Издательского дома «Звязда».

Ключевые слова: медийный дискурс, дискурс-категория, самоидентификация, белорусский портал «zviazda.by» Издательского дома «Звязда».

В медийном дискурсе находят реализацию ряд категорий, среди которых одной из ключевых выступает дискурс-категория «самоидентификация», имеющая непосредственное отношение к автору медиатекста. Отметим, что категории дискурса представляют собой его обобщающие характеристики, отражающие как формальные, так и содержательные параметры любого институционального типа дискурса, т.е. связаны с коммуникативной ситуацией, реализуемой в его содержании, коммуникантами, а также с лингвистическими средствами, которые помогают передать содержание сообщения.

Существуют разные классификации категорий дискурса, однако, рассмотрев предлагаемые типологии категорий, можно сделать вывод, что большинство исследователей указывают на наличие таких из них, как адресат, адресант, время, пространство, интертекстуальность, интересубъектность и др., а также ряд категорий, связанных с жанрово-стилистическими характеристиками дискурса.

В настоящей статье внимание сфокусировано на дискурс-категории «самоидентификация», которая показывает, как автор репрезентирован в тексте посредством знаковой номинации или же

через ту информацию, которую он выбрал для освещения в тексте / медиатексте. Подчеркнем, что автором сообщения может быть как отдельный субъект, так и коллективный автор (два и более субъекта). По утверждению М.Ю. Казак, «базовыми признаками текстовой категории образа автора является наличие в тексте оппозиции «свой – чужой», ориентация на речевой опыт целевой аудитории, использование элементов, репрезентирующих картину мира адресата и характеризующих его стиль жизни и социальный статус» [Казак 2012, с. 328].

В научной литературе можно найти разные классификации этой категории. С учетом степени присутствия адресанта в текстовой ткани определяются три типа коммуникатора: *персонифицированный*, *обобщенный* и *деперсонифицированный* автор [Щелкунова 2004]. Принимая во внимание понятие объема и статуса коммуниканта, предлагаются следующие типы автора: *персональный / коллективный*, *частный / публичный / социальный* [Муравьева 2002]. Согласно еще одной концепции в категории адресанта можно выделить оппозицию: *человек социальный* и *человек частный* [Солганик 2010].

Адресант может быть отражен в тексте имплицитно или эксплицитно, и это зависит от жанра или формата. Применительно к медийному дискурсу следует принимать во внимание именно жанр: информационное сообщение или аналитический текст. В информационных медиатекстах основной акцент делается на передачу новости, события, факта без комментария со стороны журналиста, соответственно, автор репрезентирован имплицитно, то есть через соответствующую подачу информации, отобранных им мнений и цитат, на которые он ссылается, статистических данных, экстралингвистической информации, в частности, визуальной и др. Если же речь идет об аналитическом материале, в котором уже в определенной степени присутствует мнение пишущего и которое выражается при помощи соответствующих языковых средств (личных местоимений, оценочных вводных конструкций и др.), то автор эксплицитно присутствует в тексте, и аудитория может предположить его отношение и оценку к освещаемому событию. При продуцировании медиатекста журналист «отбирает обладающие новостной ценностью факты действительности, осуществляет их интерпретацию в соответствии с имеющимися у него структурами знания, сформированными культурой, идеологией, системой ценностей данного общества» [Баженова 2015, с. 33].

Рассмотрим некоторые примеры репрезентации категории «самоидентификация» в белорусском медийном дискурсе и в качестве

эмпирического материала выберем белорусский портал «zviazda.by» Издательского дома «Звезда».

Реконструировать дискурс-катеґорию «самоидентификация» и определить языковой и речевой портрет автора можно, анализируя непосредственно сами сообщения и их информационное наполнение (факты, цитаты, статистика, выбранные иллюстрации и др.). В большинстве медиатекстов авторы не называют себя. Но можно заключить, что журналисты, пишущие материалы на политическую, экономическую, общественную и др. тематику, компетентны в этой сфере: ссылаются на соответствующие президентские указы, постановления, законы, юридические документы, приводят конкретные статистические данные по определенным вопросам, используют разные факты, мнения как экспертов в той или иной области, так и обычных людей, о которых пишут. Они ориентируются в событиях, которые происходили раньше в политической или общественной жизни страны, а также в мировом контексте.

Анализ информационных сообщений показывает, что они написаны в 3-м лице в единственном или множественном числе, что позволяет авторам достаточно объективно представлять информацию, используя соответствующие лингвистические средства. В то же время, иногда медиаспециалисты могут идентифицировать себя с аудиторией, используя личные местоимения 1-го лица множественного числа, но это характерно, в большей степени, для аналитических материалов или тех публикаций, где журналисты отражают свое мнение.

В медиатекстах автор может отождествлять себя с аудиторией, для которой предназначено сообщение, и в этой связи использует личные местоимения, в частности – «мы» и производные от него. Приведем пример для демонстрации сказанного. *«Ковер с лебедями на стене, вытинанки на окнах; за стеклом серванта – сервиз, который доставали только по большим праздникам, теплая печь, где так приятно полежать зимой с книжкой... Все это было в детстве многих из нас»* (Дом в миниатюре). Автор хочет подчеркнуть, что у него и предполагаемой аудитории было много общего в детстве, выделенное в примере словосочетание это подтверждает. В этом же материале автор использует много прямой речи, цитат людей, о которых пишет, а не свой текст. Его цель – передать информацию из первых уст, чтобы читающие могли проникнуться рассказами участников события и его атмосферой. Отметим также, что об авторе сообщения можно узнать, обратив внимание, как он выстраивает текст, какие именно использует

факты или иную информацию, помещает ли в содержание публикации фотографии, видеоинформацию и др.

Приведем еще один пример из материала «Каким должно быть экологическое просвещение?» от 13.02.2024: *«То, что человек является частью природы и его нельзя противопоставлять ей – будто понятно каждому. Хотим мы или нет, но мы живем за счет окружающих природных ресурсов. И вопрос их рационального использования архиважный»* (Каким должно быть экологическое просвещение?). В данном примере мы также видим, что автор относит себя к читательской аудитории, показывая, что все мы зависим от природы и влияем на нее.

На белорусском портале в разных рубриках достаточно много материалов, которые строятся, главным образом, на информации, передаваемой самими участниками события (от первого лица), и в публикации практически отсутствует авторский текст. Журналист как бы находится в тени, но он определенным образом выстраивает траекторию медиатекста, соблюдая логику предъявления информации. В материале мы не видим вопросов со стороны журналиста, но, читая сообщение, блоки которого связаны тематически и по смыслу, можно предположить, какие вопросы до этого задавались героям публикации. Так, в материале «Татьяна Филимонова: быть родителями – это очень интересно» (от 19.01.2024) на первый взгляд кажется, что весь текст – это монолог героини. Однако внимательно вчитавшись, замечаешь, что каждая новая мысль (новый информационный блок в тексте) предваряется обобщенной авторской фразой, например: «время находится на все, что действительно важно», «быть мамой легко, когда рядом надежный мужчина», «главный секрет – личный пример» и др. (Татьяна Филимонова). Читатель понимает, что для построения текста автор заранее нацелил героиню на темы, которые хотел осветить в тексте, продумал соответствующие вопросы, а далее, получив информацию, оформил ее в связный медиатекст. Информацию, которую пишущий посчитал наиболее важной и на которую хотел обратить внимание аудитории, в самом тексте выделил заливкой бежевого цвета. Подчеркнем, что это является особенностью оформления материалов на данном портале.

На белорусском портале «zviazda.by» Издательского дома «Звезда» в разных его рубриках преобладающими жанрами выступают информационные. Соответственно, автор в медиатекстах отражен имплицитно. Читающий может воссоздать портрет журналиста, определить его заинтересованность в освещаемом событии, компетентность в том или ином вопросе, теме, отношение к сообщаемому на основе, как уже неоднократно подчеркивалось,

используемых цитат, приведенной статистики, отобранных фактов и др. Кроме того, помещенные автором в текст фотографии, также несут определенную информацию о событии, способствуя его лучшему прочтению, пониманию и интерпретации.

Библиографический список

1. *Баженова Е.Ю.* Дискурсивные стратегии представления информации в новостных текстах британских СМИ: на материале качественных Интернет-газет: дис. ... канд. филол. наук. Благовещенск, 2015. 181 с.
2. *Казак М.Ю.* Специфика современного медиатекста // Лингвистика речи. Медиастилистика. М.: Флинта, 2012. С. 320–334.
3. *Муравьева Н.В.* Язык конфликта. М.: Изд-во МЭИ, 2002. 263 с.
4. *Солганик Г.Я.* Основы лингвистики и речи. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2010. 128 с.
5. *Щелкунова Е.С.* Публицистический текст в системе массовой коммуникации. Воронеж: Родная речь, 2004. 189 с.

Источники

1. Дом в миниатюре: Девушка придумала, как сохранить теплые воспоминания детства [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://zviazda.by/ru/news/20240229/1709188708-dom-v-miniature-devushka-pridumala-kak-sohranit-teplye-vozpominaniya> (дата обращения: 22.04.2024).
2. Каким должно быть экологическое просвещение? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://zviazda.by/ru/news/20240213/1707809752-kakim-dolzno-byt-ekologicheskoe-prosveshchenie> (дата обращения: 22.04.2024).
3. Татьяна Филимонова: быть родителями – это очень интересно [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://zviazda.by/ru/news/20240119/1705647705-tatyana-filimonova-byt-roditelyami-eto-ochen-interesno> (дата обращения: 22.04.2024).

THE CATEGORY «SELF-IDENTIFICATION» IN MEDIA DISCOURSE: CHARACTERISTICS AND PECULIARITIES OF REPRESENTATION (ON THE EXAMPLE OF THE BELARUSIAN PORTAL «ZVIAZDA.BY»)

O.V. Luschinskaya

Minsk State Linguistic University, Minsk

In this article attention is paid to the consideration of the discourse category «self-identification» and its representation in media discourse which functions in the online surrounding. The mentioned category is related and used synonymously with the category «addressee» (the author of the text). Examples from media texts of the Belarusian portal «zviazda.by» of the Publishing House «zviazda» are used to demonstrate the realization of the category «self-identification».

Key words: media discourse, discourse category, self-identification, the Belarusian portal «zviazda.by» of the Publishing House «Zviazda».

Об авторах:

Луцинская Ольга Владимировна – доктор филологических наук, доцент, проректор по научной работе Минского государственного лингвистического университета; e-mail: olgalu805@gmail.com.

УДК 811.112.2

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ИМПЛИЦИТНОЙ АГРЕССИИ В РОМАНЕ Х. ШТРУНКА «EIN SOMMER IN NIENDORF»

А.С. Малеева

Кубанский государственный университет, Краснодар

Человек в своей речи часто использует не прямые средства для выражения того, что хочет сообщить. Примером использования не прямых языковых средств является имплицитная языковая агрессия. В статье анализируются языковые средства, выражающие скрытую агрессию, а также дается характеристика такого феномена, как имплицитная агрессия.

Ключевые слова: имплицитная агрессия, речевая агрессия, художественный текст, прагматика.

Современное общество отличается высоким уровнем проявления агрессии, в том числе и на вербальном уровне. Под речевой агрессией понимают «целенаправленное коммуникативное действие, ориентированное на то, чтобы вызывать негативное эмоционально-психологическое состояние у объекта речевого воздействия» [Седов 2005], «использование языковых средств для выражения неприязни, враждебности; манера речи, оскорбляющая чье-либо самолюбие, достоинство» [Стилистический энциклопедический словарь русского языка 2006, с. 340]. Языковая агрессия может быть открытой и воздействовать на индивида эксплицитно, а также она может быть скрытой, имплицитной.

Объектом нашего исследования является имплицитная агрессия, предметом – средства ее выражения в художественной тексте, материалом исследования является роман современного немецкого писателя Хайнса Штрукка «Ein Sommer in Niendorf» (Strunk 2022).

Под имплицитной агрессией понимают «использование в речи определенного набора манипулятивных тактик, воздействующих на эмоционально-психологический фон сообщения, воспринимаемого адресатом, и апеллирование к ментальным схемам косвенных сообщений» [Громова 2019, с. 152]. В.Ю. Апресян трактует имплицитную агрессию как «замаскированную, неявно выраженную, языковую агрессию» [Апресян 2003].

В коммуникации имплицитная агрессия выражается намеками, искажением фактов, скрытыми угрозами, ироничными замечаниями, насмешками. Кроме этого, можно отметить и другие формы выражения этого феномена, такие как игнорирование, уход от ответа, перебивание, а также резкую смену темы.

К вербальным проявлениям имплицитной агрессии ученые относят такие грамматические явления, как использование императивов, риторических вопросов в не прямой функции. Вопросы, «маскирующие» агрессию, используются в коммуникации с целью упрекнуть или задеть адресата, а также придать словам определенную негативную окраску.

«Heerscharen behelmter Fahrradsenioren ziehen an ihm vorbei. Bei den Alten, denkt Roth, wirken Schutzmaßnahmen besonders affig. Was gibt es denn da noch groß zu schützen?» (Strunk 2022, S. 11) – «Мимо него проезжают толпы пожилых велосипедистов в шлемах. На стариках, думает Рот, средства защиты смотрятся особенно глупо. Было бы, что защищать!» (здесь и далее перевод примеров наш – А.М.).

В приведенном примере автор подчеркивает пренебрежительное отношение героя к определенной ситуации, которое он описывает

через внутренний монолог героя, его мысли. Также эта фраза усиливается через прагматически окрашенную частицу *denn*. Важно отметить, что использование частиц может содержать в себе скрытое агрессивное значение. Такие частицы часто используются в определенных синтаксических конструкциях. Приведем еще один пример использования частицы в синтаксической конструкции.

«*Scheenen Ofenthalt. Der ist nicht von hier, denkt Roth. Was ist das bloß für ein Dialekt? Er kommt nicht drauf*» (Strunk 2022, S. 9). – «Приятного отдыха. Он не местный, думает Рот. Что же это за диалект? Он его не понимает».

В этом примере «*bloß*» усиливает степень раздражения главного героя, вызванную с одной стороны диалектом, а с другой стороны (и в большей степени) это раздражение направлено на другого персонажа романа господина Бреда. Вместе с этим автор использует риторический вопрос и несобственно-прямую речь, что позволяет читателю прочувствовать эмоции героя, его мысли, отношение к другим персонажам.

Также можно выделить лексические средства выражения имплицитной агрессии. Использование слов в гиперболическом значении создает «особую раздраженно-грубоватую тональность общения» [Гловинская 2004, с. 69].

«“Was ist dadrin? ”, ächzt er grinsend “Steine, haha? ”» (Strunk 2022, S. 8) – «“Что в ней (сумке)?”, кряхтел он ухмыляясь “Камни, хаха?”».

В приведенном примере слово «*Steine*» содержит в себе значение «очень тяжело». Использование этого слова создает ложную действительность, чтобы объяснить, а, может, и оправдать свое недовольство, а также привлечь внимание к этой ситуации и к собственной персоне.

Подытоживая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что использование лексических единиц не в прямом значении, а также грамматических единиц не в прямой функции может содержать имплицитную агрессию и нести негативную эмоциональную окраску.

Библиографический список

1. Апресян В.Ю. Имплицитная агрессия в языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды Междун. конф. 2(9). Протвино: Наука, 2003. С. 32-35.

2. Гловинская М.Я. Скрытая гипербола как проявление и оправдание речевой агрессии// Сокровенные мысли: Слово. Текст.

Культура: Сб.статей в честь Н.Д. Арутюновой. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 69-76

3. Громова Н.С. Речевая агрессия в политической коммуникации: причины и последствия [Электронный ресурс] // Политическая лингвистика. 2019. № 2 (74). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevaya-agressiya-v-politicheskoy-kommunikatsii-prichiny-i-posledstviya> (дата обращения: 12.04.2024).

4. Седов К.Ф. Агрессия и манипуляция в повседневной коммуникации [Электронный ресурс] // Юрлингвистика. 2005. № 6. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/agressiya-i-manipulyatsiya-v-povsednevnoy-kommunikatsii> (дата обращения: 12.04.2024).

5. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под. ред. Н.М. Кожинной. М.: Флинта-Наука, 2006. 696 с.

Источники

1. *Strunk H.* Ein Sommer in Niendorf. R.: Rowohlt Verlag, 2022. 240 S.

MEANS OF EXPRESSING IMPLICIT AGGRESSION IN THE NOVEL «EIN SOMMER IN NIENDORF» BY H. STRUNK

A.S. Maleyeva

Kuban State University, Krasnodar

A person in his speech often uses indirect means to express what he wants to communicate. An example of the use of indirect language means is implicit linguistic aggression. The article analyses linguistic means expressing hidden aggression on the material of a fiction text, and also gives a characteristic of such phenomenon as implicit aggression.

Key words: implicit aggression, speech aggression, artistic text, pragmatics.

Об авторах:

Малеева Алина Сергеевна – старший преподаватель кафедры немецкой филологии Кубанского государственного университета; e-mail: asmaleeva@mail.ru.

ВЛИЯНИЕ САТИРЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ В РОМАНАХ ДЖОНАТАНА КОУ

Е.Г. Мартиросьян

Кубанский государственный университет, Краснодар

Т.Б. Самарская

*Краснодарский филиал Российского экономического университета
им. Г.В. Плеханова, Краснодар*

В статье дается анализ взаимосвязи между сатирой и идентичностью в романе Джонатана Коу «Какое надувательство!». Основное внимание уделяется механизмам сатиры, которые использовал писатель, и тому, как они способствуют формированию социальной и индивидуальной идентичности. Анализ сосредоточен на взаимоотношениях между «Я» и «Другим».

Ключевые слова: идентичность, сатира, Джонатан Коу, «Я», «Другой».

Книги Джонатана Коу часто воспринимают как сатирические описания современной Британии, так как они являются ярким примером того, что читатели из других стран любят называть «английским чувством юмора».

Критики уже признали, что сатирические произведения Джонатана Коу намеренно выявляют слабые стороны персонажа в социальном и личном контекстах, с целью разоблачить или разрушить обманчивость иллюзий. Помимо своей диагностической способности обнаруживать социальные, этические и политические проблемы, сатира также связана с аспектами идентичности.

Цель данной статьи – дать анализ механизмов сатиры, используемых в романе Джонатана Коу о Великобритании «Какое надувательство!» (Сое 1995), определить, каким образом эти механизмы способствуют формированию социальной и индивидуальной идентичности личности.

Среди современных исследователей нет единого мнения относительно того, кто ввел понятие «идентичность». Истоки данного понятия заложены и отражены в работах З. Фрейда. Появление

термина «идентичность» в рамках психоаналитического подхода связывают с именем Э. Эриксона. Ученый рассматривал идентичность как сложное личностное образование, имеющее многоуровневую структуру, на последнем, социальном уровне которой, идентичность определяется как конструкт, который отражает внутреннюю солидарность человека с социальными, групповыми идеалами и стандартами, и тем самым помогает процессу Я-категоризации [Эриксон 1996].

Дж. Мид рассматривал идентичность как результат социального взаимодействия. В качестве инструмента идентификации индивида с группой он ввел понятие «обобщенный Другой» [Мид 2009].

Принимая во внимание тот факт, что механизмы сатиры работают на противопоставлении, определяя сатирический объект как отличающийся от нас, вместо того чтобы отражать наши отличия от объекта сатиры, мы можем заключить, что сатирик и его объект полярны. Отсюда следует вывод о важной роли сатиры при конструировании значения «непохожести» и, следовательно, идентичности.

В романе «Какое надувательство!» Джонатан Коу исследует вопросы социальной и индивидуальной идентичности и иллюстрирует опыт общества, не обученного жить в условиях неопределенности (Коу 2011). Что касается динамики «Я-Другой», то в романе отражены две основные позиции инаковости: «Другой» как альтер-эго «Я» и «Другой» как внешний мир, проявляющийся не только в социальной и политической реальности, но также и в иллюзии реальности, усиливаемой приемом зеркала как искаженного отражения жизни.

Концепция зеркала была тщательно разработана такими философами и психоаналитиками, как Анри Валлон и Жак Лакан, которые в своих исследованиях изучили важность зеркального отражения в формировании личности. Валлон утверждал, что зеркала помогают детям развивать чувство идентичности. Его точка зрения позже повлияла на Жака Лакана, который особенно интересовался этапами формирования человеческой идентичности и личностей. Лакан развил идею отражения, изученную Валлоном, в концепцию и определил ее как этап формирования Эго, или «Я», предполагая, что «Я» создается посредством отождествления со своим собственным образом [Webster 2002]. Символ зеркала и концепция отражения повторяются в романе «Какое надувательство!», олицетворяя переход в другой мир, будь то внутренний мир или другая грань внешней реальности.

Роман представляет собой искусное сочетание двух нарративов. Во-первых, это история печально известной и богатой семьи Уиншоу, члены которой олицетворяют некоторые из главных проблем, с которыми Англии пришлось столкнуться во время премьерства Маргарет Тэтчер, такие как проблемы в национальной системе здравоохранения, лицемерие правительства, дело о торговле оружием с Ираком. Во-вторых, есть личная травма Майкла Оуэна, писателя, которому предложили написать официальную биографию Уиншоу. Следовательно, Майкл Оуэн, как персонаж и рассказчик, представляет собой связующее звено между двумя, казалось бы, разными сюжетными линиями.

Мотив зеркала в романе Коу принимает множество метафорических форм. С одной стороны, он точно отражает сюжет комедийного фильма ужасов 1961 года «What a Carve Up!», увиденного Майклом в детстве, и вскоре ему начинает казаться, что он живет в нем; а с другой стороны, две сюжетные линии, представленные в романе, отражают друг друга – история семьи Уиншоу и история Майкла Оуэна.

Истории из прошлого все еще преследуют тридцативосьмилетнего Майкла, ущербного и одинокого человека, который в определенном смысле воспринимает жизнь как обратную сторону экрана телевизора. Он остается психологически запертым в определенном моменте прошлого, потому что он не может справиться с окружающей его реальностью и найти способ вести нормальную жизнь. На этом этапе Коу выделяет дихотомии добра и зла, «Я» и «Другой».

Майкл олицетворяет собой последствия режима Маргарет Тэтчер, в то время как члены семьи Уиншоу являются олицетворением самого тэтчеризма. Противопоставляя личную жизненную борьбу Майкла безнаказанным злодеяниям Уиншоу, Коу проводит четкое различие между правителями и простыми людьми, в то же время, изображая разрушенную Британию с явной целью высмеять нынешнее состояние нации, при этом надеясь на лучшее. С этой точки зрения, политическая система, воплощенная Уиншоу, играет роль «Другого» и непосредственно влияет на формирование собственного «Я».

Критики определяют «Какое надувательство!» и как постмодернистский роман о состоянии Англии, и как Бильдунгс-роман, и как Кюнстлер-роман, в котором читатель становится свидетелем становления писателя. В книге «Какое надувательство!» мотив зеркала также проиллюстрирован с помощью зеркала, которое главный герой создал, чтобы представить себя писателем, поскольку на

протяжении всего романа Майкл часто пишет зарисовки, которые являются отражением его самого, как будто он держит зеркало перед читателем. Более того, мотив зеркала перекликается и с пародией на пародию, поскольку подражание предполагает отражение самого себя.

Кто же такой Майкл Оуэн? Он может быть символом обычного британского гражданина конца 20-го века, человека, пострадавшего от дерегулирования национальной системы здравоохранения, жертвы политической системы времен премьерства Маргарет Тэтчер, и также он является инструментом автора для создания сатиры. Противопоставляя Майкла («Я») и Уиншоу («Других»), сатира становится важным аспектом в процессе конструирования индивидуальной и социальной идентичности.

Библиографический список

1. Мид Дж.Г. Избранное: Сб. переводов. М.: ИНИОН, 2009. 290 с.
2. Эриксон Э.Г. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
3. Webster R. The cult of Lacan: Freud, Lacan and the mirror stage [Электронный ресурс]. 2002. Режим доступа: <http://www.richardwebster.net/thecultoflacan.html> (дата обращения: 06.04.2024).

Источники

1. Коу Дж. Какое надувательство! М.: Эксмо, 2011. 800 с.
2. Coe J. What a Carve Up! London: Penguin Books Ltd, 1995. 512 p.

THE INFLUENCE OF SATIRE ON THE FORMATION OF SOCIAL IDENTITY IN THE NOVELS OF JONATHAN COE

E.G. Martirosyan

Kuban State University, Krasnodar

T.B. Samarskaya

*Krasnodar Faculty of Plekhanov Russian University of Economics,
Krasnodar*

The article analyzes the relationship between satire and identity in Jonathan Coe's novel «What a Carve Up!». The main focus is on the mechanisms of satire that the writer used and how they contribute to the formation of social and individual identity. The analysis focuses on the relationship between «the Self» and «the Other».

Key words: identity, satire, Jonathan Coe, «the Self», «the Other».

Об авторах:

Мартиросьян Екатерина Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Кубанского государственного университета; e-mail: shoegirl@mail.ru.

Самарская Татьяна Богдановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры корпоративного и государственного управления Краснодарского филиала Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова; e-mail: samarskaya.t.b.kfrea@mail.ru.

УДК 81'272-057.68

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ПУТЕШЕСТВЕННИКА: АВТОРСКОЕ ОТРАЖЕНИЕ

А.В. Мартыненко

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье рассматривается языковая личность путешественника XVIII века по структуре Ю.Н. Караулова на примере писем Д.И. Фонвизина: выделяются вербально-семантический, когнитивный и прагматический уровни. Делается вывод о таких особенностях

языковой личности, как чистота русского языка, использование топонимов, экзотизмов и иностранных понятий, нацеленность на адресата, использование клише, целостная картина мира.

Ключевые слова: языковая личность, путешественник, картина мира, Ю.Н. Караулов, Д.И. Фонвизин.

К 80-м годам XX века «человек становится точкой отчета в анализе тех или иных явлений», оказывается «вовлечен в этот анализ, определяя его перспективы и конечные цели» [Кубрякова 1995, с. 212], из этого следует закономерное обращение к понятию языковой личности. В это время становится возможным постулат «за каждым текстом стоит языковая личность» [Караулов 2011, с. 210]. Языковая личность есть отражение автора в тексте.

Ю.Н. Караулов под термином «языковая личность» понимает «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [Караулов 2011, с. 207]. В этом определении отражены три аспекта анализа текста: структура, содержание, прагматика. Автор соединяет их с тремя способностями человека как субъекта речи.

Рассмотрим характерные особенности языковой личности. Ю.Н. Караулов называет следующие уровни структуры языковой личности. Первый уровень – вербально-семантический, который предусматривает для носителя свободное владение родным языком, а для ученого рассмотрение формальных средств выражения значений. Вторым уровнем – когнитивный. Его единицами являются понятия, идеи, концепты, которые сопоставляются в единую упорядоченную картину мира индивида, отражающую ценностную иерархию. Данный уровень также рассматривает интеллектуальную сферу человека, предоставляет доступ ученым к процессам сознания, познания, знанию человека через язык. Третий уровень – прагматический, включающий в себя цели личности, мотивы, интересы, установки. На данном уровне значимо осмысление реальной речевой деятельности человека, его взаимодействия с окружающими.

В.И. Карасик выделяет три плана термина «языковая (коммуникативная) личность»: ценностный, познавательный и поведенческий, которые можно соотнести с уровнями языковой личности у Ю.Н. Караулова [Карасик 2002].

Для рассмотрения языковой личности путешественника обратимся к эпистолярному жанру частного письма XVIII века, а именно к «Письмам из Франции к П.И. Панину 1777-1778 гг.» Дениса Ивановича Фонвизина (Фонвизин 1983, с. 278–310). Д.И. Фонвизин – русский писатель, статский советник, секретарь Никиты Ивановича Панина (главы русской внешней политики во время правления Екатерины II). В 1777–1778 годах Д.И. Фонвизин ездил с супругой во Францию с целью поправить здоровье и писал оттуда Петру Ивановичу Панину (брату Никиты Ивановича). Эти частные письма были опубликованы в некотором сокращении в 1806 г. (после смерти писателя) в журнале «Вестник Европы».

Начнем анализ языковой личности с изучения вербально-семантического уровня (формальных средств языка). В формальных средствах выражения значений можно выделить следующие особенности:

1. Использование языковых клише, характерных для эпистолярного текста того времени: «ваше сиятельство» (Фонвизин 1983, с. 278), «благодетель мой» (там же), «милостивый государь» (там же), «его светлость» (там же, с. 279), «нижайшее поздравление» (там же, с. 284) и т.д. Данные конструкции – свидетельства эпохи и эпистолярные универсалии.

2. Употребление устаревших слов и конструкций: «превеликая надежда» (там же, с. 278), «приуготовляет» (там же), «гульбища» (там же), «рачение» (там же, с. 283), «по причине болезни» (там же, с. 278), «один недостаток здесь чувствителен» (там же), «имел честь писать» (там же, с. 279), «будучи оным весьма много ободрен» (там же, с. 285), «генварь» (январь) (там же, с. 297) и т. д. Подобные лексемы и конструкции входили в активный словарный запас носителей русского языка XVIII века, считались общеупотребительными и являются свидетельствами эпохи.

3. Использование религиозной лексики: «господь» (там же, с. 278), «царь небесный» (там же, с. 285) и т.д., что свидетельствует о весомой религиозной составляющей картины мира языковой личности.

4. Употребление большого количества топонимов: «Монпелье» (там же, с. 278), «Дрезден» (там же, с. 279), «Лейпциг» (там же), «Франкфурт-на-Майне» (там же), «Марсель» (там же, с. 293), «Тулон» (там же, с. 284), «Спа» (там же, с. 292) и др. Данная особенность говорит о богатом жизненном опыте путешественника.

5. Иностранные понятия на языке оригинала: «la Bulled'or» (Золотая Булла) (там же, с. 279), «Bourg-en-Bresse» (город) (там же, с. 280), «la place du Peyrou» (площадь Пейру) (там же, с. 281), «aqueduc»

(водопровод) (там же) и т.д. также говорят о широте кругозора путешественника.

6. К этой же группе следует добавить и употребление экзотизмов: «курфирст» (там же, с. 279), «виконт» (там же, с. 281), «дюк» (там же, с. 292), «дюшесса» (там же) и др.

7. Пояснение непонятных читателю понятий: «Les Etats или земский суд» (там же, с. 285) и др. – в данном случае характерно для эпистолярной языковой личности, направленной на конкретного адресата и стремящейся к продуктивной коммуникации.

Следующий уровень языковой личности – когнитивный. Его единицы представляют собой идеи, понятия, концепты, которые складываются у индивида в упорядоченную картину мира, отражающую иерархию ценностей.

Можно выделить следующие темы, репрезентируемые в рассматриваемом тексте:

1. Поверхностность людей, желание казаться, а не быть: «почитают главным своим и человеческим достоинством то, что умеют говорить по-латыни»; «ученость не родит разума» (там же, с. 282), «вольность есть имя пустое» (там же, с. 284), «мыслят здесь мало, да и некогда, потому что говорят много и очень скоро» (там же, с. 287), «через слово разум... понимают они одно качество, а именно остроту его, не требуя отнюдь, чтобы она управляема была здравым смыслом» (там же, с. 294).

2. Несправедливость держателей власти: брать деньги за проезд по мостовой и не мостить дорог – «такое правосудие с чужестранцами заставило меня сделать заключение и о правосудии к подданным» (там же, с. 279); «система законов сего государства есть... здание премудрое... но злоупотребления и развращения нравов дошли теперь до самой крайности» (там же, с. 284).

3. Нечистота европейцев: горожане опаливают свинью посередине улицы – «смрад, нечистота» (там же, с. 280); «нечистота такая... переносить трудно» (там же, с. 296).

4. На родине так же хорошо, как за границей: «все рассказы о здешнем совершенстве суцая ложь, что люди везде люди, что прямо умный и достойный человек везде редок... в нашем отечестве... можно, однако, быть столь же счастливу...» (там же, с. 289).

5. Наблюдение различий – «сии мелочи составляют целую науку, занимающую время и умы большей части путешественников» (там же, с. 295).

Определим систему ценностей данной языковой личности. На первое место можно поставить любовь к родине, далее служение и пользу отечеству, затем следует ориентир на добродетель.

Мы можем сделать вывод о картине мира языковой личности. Репрезентант – патриот, ищущий пользу для своего отечества даже в частной поездке, он не преклоняется перед европейской культурой, считавшейся эталонной в то время, а старается смотреть на вещи объективно и находит, что родина в некоторых аспектах не хуже заграницы.

Ядром концепта «путешествие» для данной языковой личности является репрезентант «служба родине».

На прагматическом уровне можно выделить следующие интенции. Как мы указывали выше, языковая личность видит преимущества и недостатки посещаемых стран, ценит свои обычаи и реалии и пытается объективно смотреть на вещи и явления, адресант находит цель своей жизни в служении родине, ищет то хорошее, что можно было бы перенять у других народов. Данные постулаты имплицитно присутствуют в эпистолярном тексте, автор хочет донести до адресата мысль о служении родине, гордости за свою страну и желании быть ей полезным.

Подводя итог анализа, можно выделить следующие особенности языковой личности путешественника XVIII века.

1. Чистота русского языка, использование минимального количества заимствований, варваризмов – только в случае невозможности осуществления автором адекватного перевода.

2. Использование топонимов, экзотизмов и иностранных понятий как неотъемлемой части дискурса путешественника.

3. Нацеленность на адресата, в том числе объяснение иностранных слов для упрощения восприятия как особенность эпистолярного дискурса.

4. Использование клише как свидетельства эпистолярного дискурса.

5. Аналитичности ума – сравнение западной жизни и российской даже в частных делах.

6. Целостная картина мира и патриотизм как ведущая ценностная установка (проявляется в осознании значимости своей культуры, отсутствии модного преклонения перед западом, желании быть полезным своей стране).

7. Религиозный взгляд на мир: использование религиозной лексики и ориентир на добродетельность при оценке других людей.

Таким образом, языковая личность путешественника XVIII века даже в частных поездках думает о родине и христианской добродетели, ищет блага для своей страны, гордится своим отечеством, а также пытается донести эти темы до конкретного адресата, ориентируясь на его личность.

Библиографический список

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
2. Караулов Ю.Н. Предисловие. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Актуальные проблемы современной лингвистики. М.: Флинта, 2011. С. 207-214.
3. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. С. 144-238.

Источники

1. Фонвизин Д.И. Избранное: Стихотворения. Комедии. Сатирическая проза и публицистика. Автобиографическая проза. Письма. М.: Советская Россия, 1983. 336 с.

THE LINGUISTIC PERSONALITY OF THE TRAVELER: THE AUTHOR'S REFLECTION

A.V. Martynenko

Kuban State University, Krasnodar

The article examines the linguistic personality of the traveler of the XVIII century according to the structure of Y.N. Karaulov on the example of D.I. Fonvizin's letters: verbal-semantic, cognitive and pragmatic levels are distinguished. The conclusion is made about such features of the linguistic personality as the purity of the Russian language, the use of toponyms, exoticism and foreign concepts, targeting the addressee, the use of cliches, a holistic picture of the world.

Key words: linguistic personality, traveler, worldview, Y.N. Karaulov, D.I. Fonvizin.

Об авторах:

Мартыненко Анастасия Вадимовна – соискатель кафедры общего и славяно-русского языкознания Кубанского государственного университета; e-mail: anastashev98@mail.ru.

УДК 81'25:008:159.9

АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИИ «КУЛЬТУРНОГО ФИЛЬТРА» ДЖУЛИАНЫ ХАУС ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ РЕПЕРСПЕКТИВИЗАЦИИ И ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ АВТОРЕФЛЕКСИИ

В.А. Миловидов, Г.О. Шокин

Тверской государственный университет, Тверь

В статье на примере современных переводов англоязычной прозы рассматривается механизм реализации концепции «культурного фильтра» Дж. Хаус. В контексте феномена реперспективизации проведен анализ конкретных переводческих решений и предпринята попытка оценки качества перевода с помощью метода авторефлексии.

Ключевые слова: «культурный фильтр», реперспективизация, качество художественного перевода, переводческая авторефлексия.

Вопрос оценки качества литературно-художественного перевода не теряет своей актуальности. Анализ научных публикаций в области переводоведения приводит к выводу об отсутствии у специалистов единого подхода в этом вопросе.

В работе «Translation Quality Assessment: Past and Present» [House 2014] Джулиана Хаус отмечает, что любое утверждение о качестве перевода подразумевает представление о его природе, или, другими словами, оно предполагает теорию перевода. В свою очередь различные теории перевода неизбежно ведут к различным концепциям и способам оценки его качества ретроспективно и различными способами в перспективе. Теоретические позиции становятся возможным объединить и подвергнуть анализу, изучив, по мнению Хаус, как они учитывают и формулируют ответы на три основных вопроса:

- какова связь между оригинальным текстом и его переводом;
- как формируется взаимосвязь между (особенностями) текста (текстов) и тем, как они воспринимаются автором, переводчиком и целевой аудиторией языка перевода (реципиентами);

– какие последствия несут представления об этих отношениях, когда необходимо отличить перевод от других видов создания многоязычного текста [House 2014].

Все три вопроса вполне можно отнести к области «переводимости культур», о которой писал А.Ф. Фефелов. Данная область стала «проблематизироваться в западном переводоведении на совершенно новом основании – в сопряжении с массовой культурой в ее реальном бытии, а не в текстовом отражении, со всеми ее поведенческими стереотипами, социокультурным нормированием обыденной жизни и даже политико-экономическими реалиями» [Фефелов 2016, с. 63].

Прямое подтверждение этому тезису находим в работах Хаус, которая формулирует концепцию «культурного фильтра» как «средства для улавливания социокультурных различий в нормах и стилистических условностях между исходным и целевым социокультурными сообществами» [House 1997, p. 82]. Эта концепция подчеркивает необходимость неких эмпирических оснований для любых манипуляций переводчика с текстом оригинала произведения, от наличия или отсутствия которых зависит оценка качества перевода.

О важной роли переводчика как эксперта в сфере медиации, способного устранять некоторые формы социокультурной асимметрии и гетерогенности указывает в своей статье К.И. Леонтьева [Леонтьева 2019].

Феномен реперспективизации, определяемый применительно к литературно-художественному переводу как дискурсивный механизм конструирования или трактования сюжета, текста и контекста произведения на языке оригинала, исходя из субъектной точки зрения переводчика, отчасти сопрягается с понятием «культурного фильтра» Дж. Хаус. А. Лефевр, называя перевод «наиболее очевидным и узнаваемым видом переписывания», указывает, что он «не сможет освободиться от политических и литературных властных структур, существующих в рамках данной культуры» [Lefevere 1992, p. 9], вследствие чего если переводчики хотят, чтобы их работа была опубликована и хорошо принята целевой аудиторией, не могут игнорировать эти ограничения.

В своей статье Ф. Фарахзад использует термин «манипуляция» [Farahzad 1998], трактуемый практически идентично термину «реперспективизация». Манипуляция, по ее мнению, может быть сознательная, «намеренно осуществляемая переводчиком в силу различных социальных, политических и других факторов» и

бессознательная, суть психологический феномен, «результат действия психологических факторов» [Farahzad 1998, p. 156].

При оценке качества перевода, исходя из концепции «культурного фильтра» Дж. Хаус, возникает вопрос – что следует понимать под «манипуляцией» переводчика? Следует ли относить к манипуляциям, подробно описанным А. Берманом [Berman 1985] «деформирующие тенденции» перевода, почти неизбежно воспроизводимые переводчиком и ведущие к уменьшению вариативности перевода, а именно – рационализацию, разъяснение, качественное и количественное обеднение, разрушение ритмов, базовых сетей значений и лингвистических шаблонов и т. п.?

Причину «текстовой деформации» А. Берман видит в этноцентричной «негативной аналитике» переводчика, при этом отмечая, что этической целью акта перевода является восприятие иностранного как иностранного [Berman 1985, с. 156]. Из этого утверждения следует, что переводчик должен всячески избегать «культурного фильтра», в каких бы целях и по каким мотивам он мог бы быть применен. Решить указанную задачу по А. Берману, возможно путем психоанализа работы переводчика, неизбежно подверженного действию этноцентрических сил, и информированию его об этих силах. Метод переводческой авторефлексии является в настоящее время наиболее эффективным и едва ли не единственным методом такого «психоанализа».

Ниже приведем результат исследования практики применения «культурного фильтра» в трактовке Дж. Хаус и феномена реперспективизации на материале отрывка из рассказа английского писателя-мистика Роберта Эйкмана «Дома русских» («The Houses of Russians», 1968) в анонимном сетевом переводе и в переводе Г.О. Шокина – методом авторефлексии:

«“Do you know what that means?” he asked, pointing to the words.
I shook my head.

“The Feast of the Sheep of the Theotokos,” he said. “It is a privilege to possess such a medal. Only at the Feast are they given. They bear a blessing» (Aickman 2010).

В анонимном переводе на русский язык этот фрагмент передан следующим образом:

«–Тебе известно, что это значит? – спросил он, произнося с нажимом каждое слово.

Я покачал головой.

- День Сна Теотокос, - сказал он. - Большая честь - владеть такой медалью. Их раздают только в этот день. Они несут благословение» (Дома русских).

Конструкция «День Сна Теотокос» выглядит странно - из контекста рассказа можно понять, что речь идет о православном церковном празднике. Сам «внешний вид» номена «Теотокос» в связке с контекстом православной церкви должен был навести переводчика на мысль, что искать корни следует в греческом языке: греч. «*theotokos*» - «носящая Бога»; т.е. речь идет о празднике успения Богородицы. Исходя из этих рассуждений, приведенный в примере фрагмент переведен автором статьи как:

«- Тебе известно, что значит эта вещь? - спросил он, чеканя каждое слово.

Я покачал головой.

- Праздник Успения Богородицы, - произнес он. - Владеть такой медалью - большая честь».

В рассмотренном случае социокультурный фон переводчика выступает как фактор, обуславливающий перспективацию перевода и, соответственно, его реперспективацию. Авторефлексия, осуществляемая в логике интроспекции, заставляет переводчика «считывать» те или иные пласты контекстной информации, относящейся к культуре оригинала и культуре перевода, и включать соответствующие фильтры. Лингвоспецифические термины в оригинальном тексте практически всегда создают определенные сложности при переводе, поэтому требуют вдумчивого анализа текста и поиска межкультурных соответствий для адекватного отображения в переводе. Авторефлексия здесь выполняет роль вектора, направляющей поиска.

Подводя итог, можно сказать, что в будущем исследования межкультурной коммуникации и более обширные сравнительные исследования, относящиеся к конкретным языковым парам, могут быть использованы для придания смысла конструкциям «реперспективизация» и «культурный фильтр» при оценке качества перевода. Метод авторефлексии, как инструмент субъект-ориентированной модели перевода, применяемый для изучения мотивации переводчиков при выборе конкретных переводческих решений, может дать новый импульс исследованиям по оценке качества перевода.

Библиографический список

1. Леонтьева К.И. Когнитивные доминанты и социокультурная перспектива в художественном переводе // Вестник Тверского государственного университета. Серия Филология. 2019. № 4 (63) С. 199–210.
2. Фефелов А.Ф. Вопрос о переводимости культур в современной теории межкультурного общения (проблемы методологии) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 1 (Т. 14). С. 63–85.
3. Berman A. Translation and the trials of the foreign. La traduction comme épreuve de l'étranger. Abingdon: Routledge, 1985. P. 67–81.
4. Farahzad F. A gestalt approach to manipulation // Perspectives: Studies in Translatology. 1998. P. 153–158.
5. House J. Translation quality assessment: a model revisited. Tübingen: G. Narr, 1997. 202 p.
6. House J. Translation Quality Assessment: Past and Present. Abingdon: Routledge, 2014. 170 p.
7. Lefevere A. Translation, Rewriting and the Manipulation of Literary Fame. Abingdon: Routledge, 1992. 176 p.

Источники

1. Дома русских [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://litmir.club/br/?b=569219&ysclid=lv0aey29w0343485006> (дата обращения: 10.04.2024)
2. Aickman R. Sub Rosa: Strange Tales. Coverdale: Tartarus Press, 2010. P. 160–196.

ANALYSIS OF THE «CULTURAL FILTER» CONCEPTION (BY JULIANE HOUSE) THROUGH THE PRISM OF PERSPECTIVE SHIFT AND TRANSLATOR'S SELF-REFLECTION

V.A. Milovidov, G.O. Shokin

Tver State University, Tver

The article examines the mechanism of implementation of J. House's «cultural filter» conception using the example of modern translations of English-language prose. In the context of the phenomenon of «perspective

shift», an attempt is made to analyze specific translation solutions and estimate the quality of translation using the method of self-reflexion.

Key words: translation studies, «cultural filter» concept, the quality of translation, translator's self-reflection.

Об авторах:

Миловидов Виктор Александрович – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка, перевода и французской филологии Тверского государственного университета; e-mail: vik-milovidov@yandex.ru.

Шокин Григорий Олегович – аспирант кафедры теории языка, перевода и французской филологии Тверского государственного университета; e-mail: shokingo@mstu.edu.ru.

УДК 81'42=111

КОММУНИКАТИВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ДИСКУРСИВНОЙ ЛИЧНОСТИ В СИТУАЦИИ ПОЛЕМИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЬМЕННОГО АНГЛОЯЗЫЧНОГО НАУЧНОГО ДИСКУРСА)

М.Ю. Миронова

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург

В статье представлены результаты исследования коммуникативно-прагматической специфики полемического высказывания в письменном англоязычном научном дискурсе и выявлены характерные для данного типа речевого взаимодействия языковые средства. Определены доминантные стратегии и тактики авторов полемических высказываний, наиболее часто актуализируемые носителями английского языка при осуществлении дискурсивного события несогласия.

Ключевые слова: научный дискурс, полемика, несогласие, стратегия, тактика, коммуникативно-прагматические характеристики.

В процессе научной коммуникации ученые не только обмениваются информацией о научных открытиях, но и подвергают существующие научные положения критическому осмыслению. Результатом критической оценки может стать несогласие субъекта с

высказанной ранее точкой зрения, что находит свое выражение в полемических высказываниях.

Вслед за П.А. Черновой полемика интерпретируется в настоящем исследовании как речевое действие, реализующее оппозиционную точку зрения и направленное на наиболее эффективное выражение полемического содержания, то есть содержания, в основе которого лежит несогласие [Чернова 2009]. Под несогласием мы понимаем «любой вид критики, сомнение в правильности или приемлемости определенной позиции, возражение, опровержение» [Маслова 2007, с. 12].

Несогласие, как ведущая стратегия адресанта в ситуации полемики, реализуется в англоязычном научном дискурсе посредством ряда тактик. Прямое несогласие передается при помощи тактик возражения и опровержения и объективируется языковыми средствами соответствующей семантики («*to disagree*», «*not agree*» / «не соглашаться», «*disagreement*» / «несогласие», «*to argue*» / «спорить», «возражать», «*argument*» / «спор», «аргумент», «*objection*» / «возражение», «*not accept*» / «не соглашаться», «*to reject*» / «отрицать», «опровергать»), например: «*This objection alone seriously erodes the causation argument*» (Semantic Scholar 2024) – «Одно это **возражение** серьезно подрывает аргумент о причинно-следственной связи» (здесь и далее перевод примеров наш – М.М.).

Как показал проведенный анализ полемических высказываний прямое выражение оппозиционной позиции не характерно для научной коммуникации, поскольку может вызвать негативную реакцию адресата, а также создать угрозу «лицу» говорящего, как человеку, не соблюдающему нормы институционального общения. В связи с этим стратегия несогласия, как правило, реализуется косвенно, через тактику сомнения и тактику экспликации отрицательной характеристики объекта.

Сомнение объективируется в научных произведениях лексическими единицами с семантикой сомнения («*doubt*» / «сомнение», «*to doubt*» / «подвергать сомнению», «*doubtful*» / «сомнительный», «*to question*» / «ставит под сомнение» и др.) и предикатами возможности («*perhaps*» / «возможно», «*probable*» / «вероятный», «*probably*» / «вероятно», «*possible*» / «возможный», «*possibly*» / «возможно», «*likely*» / «вероятно», «*unlikely*» / «маловероятно» и др.), например: «*There are good reasons for questioning these assumptions*» (Semantic Scholar 2024) – «Есть веские причины **подвергать сомнению** эти предположения».

Тактика экспликации отрицательной характеристики объекта направлена на выделение его негативных характеристик.

Лингвистическими средствами реализации данной тактики выступают лексические единицы с отрицательным коннотативным компонентом, а также нейтральные в оценочном плане языковые единицы, приобретающие оценочность под воздействием контекста, например: «*Keynes's dilemma does not exist and is merely an indication of **incomplete analysis** of the nature of the data*» (Semantic Scholar 2024) – «Дилеммы Кейнса не существует, и она является лишь свидетельством **неполного анализа природы данных**». В приведенном примере оценка даётся эксплицитно посредством оценочной лексики. Таким образом, субъект оценки заостряет внимание читателя на неудовлетворительных качествах научного знания.

Несмотря на то, что полемические высказывания предполагают раскрытие негативного, подача оппозиционной точки зрения в научной речи должна соответствовать нормам общения, принятым в научном сообществе. В связи с этим, достижение основной цели, послужившей непосредственной причиной коммуникации, предопределяет достижение второстепенной цели, обусловленной необходимостью приспособиться к ситуации. Так, стратегия несогласия сопровождается в научном дискурсе **стратегией вежливости**.

Анализ полемических высказываний в англоязычной научной речи позволил установить, что одним из способов корректного представления другого (отличного от существующего) мнения является **тактика смягчения**. Тактика смягчения препятствует прямолинейности и категоричности оценок и критических суждений, что позволяет сократить интеракционные риски в общении.

В письменном англоязычном научном дискурсе тактика смягчения реализуется с помощью ряда приемов. Одним из них выступает прием **выражения сомнения/неуверенности**, объективируемый лексическими единицами с семантикой сомнения («*doubt*», «*doubtful*» и др.), средствами выражения субъективной модальности («*possibly*», «*probably*», «*likely*», «*unlikely*», «*may be*», «*to appear*», «*to seem*» и др.), конструкциями с «*not*», например: «*Whatever the validity of the oppositional approach in determining linguistic units such as phonemes and morphemes, it **seems doubtful** whether word-meanings are based on oppositions between words in the same conceptual field*» (Semantic Scholar 2024) – «Какой бы ни была обоснованность оппозиционного подхода при определении языковых единиц, таких как фонемы и морфемы, **представляется сомнительным**, основаны ли значения слов на противопоставлениях между словами в одном и том же концептуальном поле». Лексические единицы

probably и *seem* позволяют говорящему представить собственное мнение как предположение, что смягчает иллюкутивную силу несогласия.

Тактика смягчения может реализовываться и имплицитно, например, через прием **косвенного выражения мнения**. Примером могут послужить вопросительные конструкции, синтаксическая форма которых «маскирует» несогласие, например: «*Why ought one to give one's assent to experimental knowledge claims?*» (Semantic Scholar 2024) – «**Почему следует соглашаться с утверждениями об экспериментальном знании?**». Выражая формальный вопрос, вопросительное высказывание, тем не менее, имплицитно утверждает, что не следует соглашаться с утверждениями об экспериментальном знании. Вопросительная реплика субъекта дискурса указывает на истинностную оценку говорящим пропозиции и побуждает адресата подвергнуть сомнению достоверность общепринятого мнения.

Тактика смягчения реализуется и с помощью коммуникативного приема выражения **совета/рекомендации**, который дает возможность имплицитно указать оппоненту на то, что другое положение вещей является более правильным и предпочтительным, например: «*Dr. Ross would, so it seems to me, have done better to proceed directly from his ultimate premises to his final conclusion*» (Semantic Scholar 2024) – «**Доктору Россу, как мне кажется, было бы лучше перейти непосредственно от своих исходных посылок к окончательному заключению**».

Для минимизации риска коммуникативной неудачи говорящий нередко предпринимает предупреждающие действия, призванные создать у собеседника настрой на кооперацию. К ним относится **тактика поощрения (похвалы)**, когда автор употребляет лексические единицы с положительной семантикой для создания положительного эмоционального фона и смягчения категоричности последующих выражений, например: «*Interesting attempts have been made by various writers, but none of these attempts so far has, to my knowledge, been wholly successful or very useful technically*» (Semantic Scholar 2024) – «**Интересные попытки были предприняты различными авторами, но ни одна из этих попыток до сих пор, насколько мне известно, не была полностью успешной или очень полезной технически**». Положительная оценка объективируется языковыми единицами положительной семантики («*interesting attempts*» / «**интересные попытки**»).

Наблюдения за речевыми примерами полемического поведения в письменном англоязычном научном дискурсе позволили выделить основные стратегии и тактики, применяемые субъектом дискурса при выражении оппозиционной точки зрения. Установлено, что первостепенной стратегией автора полемических высказываний

является стратегия несогласия, реализуемая через тактики возражения, опровержения, сомнения. Вторичной стратегией, обусловленной необходимостью соблюдения правил социального взаимодействия, является стратегия вежливости. В число основных тактик реализации стратегии вежливости входят тактика смягчения и тактика похвалы.

Библиографический список

1. Маслова Л.Н. Выражение согласия/несогласия в устной научной коммуникации: гендерный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 27 с.

2. Соловьева Н.В. О культуре научной дискуссии или о мере «допустимого» в критических статьях // Языковая толерантность как фактор эффективности языковой политики: материалы Междунар. науч.-практ. конф. 2015. С. 116–125.

3. Чернова П.А. Языковая форма и функции полемического высказывания: на материале современного немецкого языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2009. 20 с.

Источники

1. Semantic Scholar [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.semanticscholar.org> (дата обращения: 11.04.2024).

COMMUNICATIVE ACTIONS OF A DISCOURSE PERSONALITY IN A POLEMIC SITUATION (BY THE EXAMPLE OF A WRITTEN ENGLISH SCIENTIFIC DISCOURSE)

M.Y. Mironova

Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg

The article focuses on the communicative and pragmatic characteristics of a polemical utterance in English scientific discourse and identifies its linguistic features. The aim of the research was to define the main strategies and tactics, used by the authors of polemical statements in the discourse situation of disagreement.

Key words: scientific discourse, polemic, disagreement, strategy, tactics, communicative and pragmatic characteristics.

Об авторах:

Миронова Марина Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 2 Санкт-Петербургского государственного экономического университета; e-mail: mkpr@yandex.ru.

УДК 811.11-112.22

**«ПОВЕСТЬ О ХОРОШЕМ ЧЕЛОВЕКЕ»:
АВТОБИОГРАФИЯ КАК ТИП ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ
АВТОБИОГРАФИИ БУРХАРДТА ЦИНГА (1466 Г.))**

Л.Н. Неборская

Минский государственный лингвистический университет, Минск

Автобиографический тип текста, представленный ранненововерхненемецким образцом, характеризуется рядом специфических признаков: хронологическое изложение событий, использование временных форм, маркирующих ретроспективный и синхронный характер повествования, особая авторская субъективность, которая обусловлена совпадением автора, субъекта и объекта повествования и реализуется в оценочности.

Ключевые слова: автор, биография, текст, автор, субъект, личность, ретроспективность.

Автобиография – это история жизни,
которую, как ему кажется, прожил автор.

Лорд Герберт Луис Сэмюэл

На современном этапе развития лингвистической науки определяющим для большинства исследований является деятельностно-функциональный принцип, а в качестве объекта исследований выступает языковая личность. Как междисциплинарный термин, широко используемый в рамках антропоцентрической научной парадигмы, языковая личность – это не только совокупность физических и духовных свойств человека-носителя определенных мировоззренческих ценностей и установок, но и способность производить и воспринимать речевые произведения, а также использовать язык как средство общения [Костомаров 2014, с. 199].

Авторизованная биография является в наибольшей степени личностно-ориентированным типом текста, основной целью которого является самовыражение, самопрезентация и самооценка автором себя и своей жизни, своего рода подведение ее итогов: «Автобиография является прозаическим текстом с ретроспективной установкой, посредством которого реальная личность рассказывает о собственном бытии, причём делает ударение именно на своей личной жизни, особенно на истории становления своей личности» [Лежен 1998, с. 138].

Одной из важных характеристик автобиографического текста является совпадение трех нарративных компонентов - повествователя (автора), субъекта повествования (повествователь) и объекта повествования (герой, протагонист). Возникающая в результате «субъективная сложность» [Нюбина 2010] позволяет в какой-то степени подвергнуть сомнению объективность повествования и отображаемых в нем событий. Важно отметить, что автор автобиографии воспринимает свое прошлое не так, как в момент его совершения, а уже под влиянием накопленного опыта, определенной отстраненности от прошлых событий, иногда в ситуации рефлексии.

Исследование структурно-семантических и лексико-грамматических характеристик автобиографического текста, а также описание соотношения объективного и субъективного в его содержании осуществляется на материале первой ранненововерхненемецкой автобиографии купца и автора городской хроники г. Аугсбурга Бурхардта Цинга, составленной в 1466 году. Автобиографическое жизнеописание Цинга представляет собой линейное, хронологическое отображение событий его детства, ученичества, профессионального становления и личной жизни (женитьба, рождение детей и ранняя смерть некоторых из них в младенчестве). В тексте отсутствует заголовок, однако автор информирует читателя о содержании последующего текста т.н. автокомментарием:

(1) «In dem namen gots sach ich an zu schreiben diß nachvolgend besunder buech, wie ich Burkhart Zingg von meinen kintlichen tagen gelept und wes ich mich genietet han und wie es mir gangen ist» (Die Chroniken 1866, S. 122) – «С Божьего благословения начал я писать эту особенную книгу, как я, Буркхард Цинг, жил с малых лет, к чему я стремился, и как я себя чувствовал» (перевод примеров наш – Л.Н.).

Временная последовательность событий маркируется на структурном уровне наречием «item» (лат. «также, так же, так же»), функционирующим как инициальный элемент при перечислении. Примечательным является то, что данное наречие используется также

в сочетании с другими наречиями и союзами темпоральной семантики «item darnach da», «item darnach als», «item als», «item also» («также тогда», «также после этого»):

(2) «Item darnach da man zalt 1404 jar da nam mein vater ain ander weib, der vater was genant Hans Schmid von Krumbach und was auch ain schmid, ain frummer man. ... Item darnach als man zalt 1407 jar, do was ich ain jüngling bei aifl jaren, ... Item als ich nun bei meinem herrn in der Reisnitz gewesen was 7 jar, ... Item also hueb ich mich auf und nam mein schuelbuech und bat mein schwester und iren man umb ain zerung ...» (Die Chroniken 1866, 122–125) – «И потом наступил 1404 год, и после этого взял мой отец в жены другую женщину, отца которой звали Ханс Шмид из Крумбаха, тоже кузнец, набожный человек. И потом, когда наступил 1407 год был я мальчиком одиннадцати лет. И потом, когда я был у своего хозяина в Райзнице 7 лет. И тогда отправился я и взял свой учебник и попросил мою сестру и ее мужа дать мне еду».

В той части автобиографии, в которой автор описывает свою семейную жизнь, он схематизирует отображение событий рождения и ранней смерти своих детей, используя только наречие «darnach» в 15 следующих друг за другом предложениях:

(3) «Darnach in dem jar 21 gelag mein hausfraw ainer tochter, Darnach in dem 23. jar gelag mein hausfraw ains suns, Darnach in dem 25. jar gelag mein hausfraw aber ainer tochter, ward Dorothea genant, am sant Thomas tag vor weihennachten im 26. jar. Darnach an sant Paulus tag, als er bekert ward, im 29. jar gelag mein hausfraw ains suns, wart Cunrad genant. Darnach an sant Steffans tag zu weihennächten im 30. jar starb mein erste tochter Anna» (Die Chroniken 1866, S. 136) – «После этого в 21 г. родила моя жена дочь. Потом в 23 г. родила моя жена сына. Потом в 25 г. родила моя жена дочь, назвали Доротейя, в день Святого Фомы перед Рождеством. Потом в день Святого Павла в 29 г. родила моя жена сына, назвали Конрад. Потом в день Святого Стефана в Рождество 30 г. умерла моя первая дочь Анна».

Повествование осуществляется в форме простого прошедшего времени, поскольку события автобиографии разворачиваются в ретроспективной плоскости. Однако встречаются единичные случаи употребления презентных форм при описании актуального настоящего («die ... machen», «ich gedenk») (синхронный пласт повествования) и перфектных форм («hat kauft»,) при описании действий, завершённых в прошлом и результат которых актуален в настоящем:

(4) «Dasselb unsers vaters haus hat seit kauft ain huef schmit, und sitzen noch heut bei tag vil schmit, die geseisen machen, an derselben gaßen

etc. Ich gedenk sein gar wol, daß wir da inen waren» (Die Chroniken 1866, 123) – «Дом нашего отца купил какой-то кузнец, и сегодня еще там находятся до сих пор кузнецы, которые изготавливают ножи, на той же самой улице и т.д. Я очень хорошо их помню, когда мы там внутри были».

Одной из важнейших характеристик автобиографического текста является взаимодействие объективных и субъективных факторов при описании событий жизни автора. Так, в автобиографии актуализируются личное пространство жизни автора и пространство объективной реальности (исторические, социальные и культурные события, события жизни других людей). Следует отметить, что личное пространство жизни автора формируется средствами т.н. субъективно-авторской модальности, которая направлена «не на описываемую эпоху», а «внутрь, на себя, на становление личности» автора [Голубева, Салынская 2019, с. 117]. Эксплицитным способом реализации субъективно-авторского модуса является, например, использование лексики общей оценочной семантики («liebe», «frumm», «stolz», «günstig», «übel» и др.). Так, например, при описании факта повторной женитьбы своего отца, автор противопоставляет свою умершую мать новой мачехе и тематизирует страдания маленького мальчика, явно повлиявшие на его последующую жизнь:

(5) «Item mein liebe mueter starb an ainem kind da man zalt nach Christi unsers lieben herrn gepurt 1401 jar ... Item darnach ... da nam mein vater ain ander weib, der vater was genant Hans Schmid von Krumbach und was auch ain schmid, ain frummer man. Die was ain junge stoltze frau, die was uns kinden nit günstig und hett uns hert und tet uns übel; aber sie was unserm vater lieb und geviel im wol, als noch oft und dick alten mannen junge weib wol gevallen ...» (Die Chroniken 1866, S. 122). – «Моя любимая матушка скончалась при родах в 1401 году после Рождества Христова ... И после этого взял мой отец в жены другую женщину, отца которой звали Ханс Шмид из Крумбаха, тоже кузнец, набожный человек. Она была молодой высокомерной женщиной, она не была к нам благосклонной, и обращалась с нами жестоко и зло; но она нравилась нашему отцу, так как обычно пожилым мужчинам нравятся молодые женщины».

Пространственный вектор личности автора маркируется также употреблением соотносящихся с ним личных и притяжательных местоимений «ich», «mein», «mich». Пространство объективной реальности маркируют лексемы, описывающие: 1) родственные отношения («meine liebe muetter», «drei geschwister», «brüeder», «unsere schwester», «mein hausfraw», «tochter», «sun»); 2) профессиональные

отношения: работодатель – работник («ain huefschmit»), учитель – ученик («ain schueler», «gesellen»); 3) статусно-ролевые отношения: власть – подчиненный («mein herr», «graff», «hertzogen»); профессия («pfarrer», «priester», «schreiber», «raumaister», «biderman», «kürsner») и т.д. Объективно-авторское пространство реализуется за счет использования 1) имен собственных: личные («Johannes», «Conraden», «Margreten», «Hans Schmid», «Fridrich» и др.) и географические («Memingen», «Walse», «Krainland», «Ortenpurg», «Göttenitz», «Pausenprunnen» и др.); 2) числительных, служащих для обозначения возраста или года, в котором произошло жизнеопределяющее с точки зрения автора событие.

Таким образом, в проанализированном тексте автобиографии выявляется ряд специфических признаков, характеризующих его как особый тип текста: последовательное изложение событий, особый характер темпоральности, слияние автора с субъектом и объектом повествования, преобладание субъективных факторов над объективными характеристиками.

Библиографический список

1. Голубева Т.И., Салынская Т.В. Субъективно-авторская модальность в автобиографических текстах [Электронный ресурс] // Современное педагогическое образование 2019. № 3. С. 116–120. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/subektivno-avtorskaya-modalnost-v-avtobiograficheskikh-tekstah> (дата обращения: 14.04.2024).

2. Костомаров П.И. Антопоцентризм как важнейший признак современной лингвистики [Электронный ресурс] // СибСкрипт. 2014. № 2 (58). С. 198–203. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/antropotsentrizm-kak-vazhneyshiy-priznak-sovremennoy-lingvistiki> (дата обращения: 14.04.2024).

3. Лежен Ф. Автобиография во Франции. М.: Мегатрон, 1998. 256 с.

4. Нюбина Л.М. Человек вспоминающий // Человек. 2010. № 2. С. 107–114.

Источники

1. Die Chroniken der deutschen Städte vom 14. bis ins 16. Jahrhundert. Hrsg.: C. Hegel. Fünfter Band. Leipzig: S. Hirzel Verlag, 1866. 511 S.

«A TALE OF A GOOD MAN»: AUTOBIOGRAPHY AS A TYPE OF TEXT (ON THE MATERIAL OF BURHARDT ZING'S AUTOBIOGRAPHY (1466))

L.N. Neborskaya

Minsk State Linguistic University, Minsk

The autobiographical type of the text, represented by the early New German sample, is characterised by a number of specific features: chronological narration of events, use of temporal forms marking retrospective and synchronic character of the narrative, special authorial subjectivity, which is caused by the coincidence of the author, subject and object of the narrative and is realised with evaluative language tools.

Key words: author, biography, text, author, subject, personality, retrospectivity.

Об авторах:

Неборская Лариса Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики немецкого языка Минского государственного лингвистического университета; e-mail: neborskaja@gmail.com.

УДК 82-193.1=112.2

К ВОПРОСУ ОБ АВТОРСТВЕ НАРОДНЫХ ЗАГАДОК (НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОЙ ЗАГАДКИ О СНЕГЕ НА СОЛНЦЕ)

К.А. Новикова

Кубанский государственный университет, Краснодар

В данной работе освещается вопрос о правомерности противопоставления народных и авторских энигматических текстов. На примере загадки под авторством Г. фон Фаллерслебена рассматривается процесс взаимопроникновения фольклорных и авторских форм, а также обосновывается сложность определения первоисточника энигматических текстов.

Ключевые слова: народная загадка, авторская загадка, энигматический текст, энигмат, энигматор.

В отечественном языкознании термин «загадка» в первую очередь используется для номинации жанра устного народнопоэтического творчества [Ковшова 2019; Логутенкова 2018; Митрофанова 1978; Морохин 1986; Семененко 2011; Сендерович 2008 и др.]. Однако наряду с фольклорными текстами существует целый пласт авторских (также книжных, литературных) загадок. Авторские загадки исследуются лингвистами на материале различных языков: русского [Веселова 2002, Струкова 2019], английского [Кузнецова 2008], немецкого [Новикова 2022], греческого, болгарского, турецкого [Тунин 2012]. Основными отличительными характеристиками авторских текстов являются метrorитмическая и рифмованная организация, бо́льший объем, динамичный сюжет, оценочная эмоциональность, расширение тематики энigmatов (загаданных объектов действительности), неповсеместное распространение, более узкий круг адресатов. Вопрос о генезисе авторских загадок остается нерешенным. Ряд ученых считает данные тексты литературной обработкой фольклорных загадок и подчеркивает их «неподлинность» [Аникин 1957; Митрофанова 1978; Морохин 1986; Рыбникова 1932]. Другие исследователи указывают на невозможность точного определения первоисточника той или иной загадки и полагают, что некоторые загадки, публикуемые в сборниках народного творчества, на самом деле имеют литературные корни [Tomasek 1994; Schitteck 1991; Schupp 1972].

Интересный пример взаимопроникновения фольклорных и литературных форм представляет собой загадка немецкого поэта и филолога Гофмана фон Фаллерслебена (1798–1874) о снеге на солнце:

«Es kommt der Vogel Federlos
Aus hoher Luft gezogen
Und ist auf Bäumchen blätterlos
Ganz munter hingeflogen.
Da sitzt der Vogel Federlos
Und fühlt sich recht geborgen
Und denkt: hier hast du Ruh und Rast,
Wie aber geht's ihm morgen?
Am andern Morgen hat sich gleich
Frau Mundlos hergeschwungen
Und hat den Vogel Federlos
Mit Haut und Haar verschlungen.
Nun rate, wer da raten kann!
Ihr habt es jetzt vernommen,
Und wer's errät, der soll sogleich

Dies Kränzelein bekommen» (Fallersleben b).

Данный текст является типичным образцом немецких авторских загадок XVIII – XIX вв. Загадка написана в стихотворной форме и состоит из 16 строк. К субъектам загадки относятся эксплицитный нарратор, выполняющий роль загадывающего лица, его адресат (наррататор) в роли отгадывающего лица и энигмат в роли объекта повествования. В первых 12 строках нарратор дает метафоричную характеристику энигматов, представленных в энигматоре (вопросной части загадки) характеризующими заместительными объектами: «der Vogel Federlos» используется для номинации снега, «Frau Mundlos» замещает энигмат «солнце». В последней части загадки нарратор обращается к адресату с призывом отгадать загаданный объект и обещает награду за верный ответ.

Примечательно, что Г. фон Фаллерслебен сопровождает данную загадку комментарием: «Auf eine Schlesische Volksweise». Поэт таким образом указывает на то, что его текст представляет собой «авторский пересказ» произведения народного творчества. Эта же загадка публикуется в сборнике детских песен Г. фон Фаллерслебена «Hundert Schullieder» (1848) с добавлением междометий и повторением некоторых строк, что является типичной характеристикой фольклорного песенного жанра:

«Es kommt der Vogel Federlos
aus hoher Luft gezogen
ju ja ja! ju ja ja!
aus hoher Luft gezogen
Und ist auf Bäumchen Blätterlos
ganz munter hingeflogen
ju ja ja! ju ja ja!
ganz munter hingeflogen <...>» (Hundert Schullieder).

В издании 1976 года данная загадка-песня размещается с добавлением отгадки в стихотворной форме, характерной для авторских загадок XVIII – XIX вв.:

«<...>
Mit Federlos ist der Schnee gemeint,
Der schnell von jedem Bäumlein schwindet
Und wo er sich sonst auf Erden findet,
Sobald Frau Mundlos, die Sonne, scheint» (Fallersleben 1976).

Материалом для загадки и песни Г. Фон Фаллерслебена стал известный с X столетия энигматический текст, народное происхождение которого не находит однозначного подтверждения в научных кругах. Первым письменным источником данного текста

являются рукописи из монастыря Райхенау («Reichenauer Handschrift»). В рукописях в конце сборника занимательных математических задач англо-саксонского ученого Алкуина (730–804 гг.) расположена серия загадок под названием «Веселые загадки» («Aenigmata risibilia»), среди которых находится шестистрочная загадка на латинском языке, которую считают самой древней письменно зафиксированной немецкой загадкой:

«Volavit volucer sine plumis,
sedit in arbore sine foliis,
venit homo absque manibus,
conscendit illam sine pedibus,
assavit eum sine igne,
comedit eum sine ore»
(Deutsches Rätselbuch 1972,
S. 30).

«Es flog ein Vogel ohne Federn,
er setzte sich auf einen Baum ohne
Blätter.
Es kam ein Mann ohne Hände,
Bestieg ihn ohne Füße,
briet ihn ohne Feuer,
aß ihn ohne Mund»
(перевод Ф. Шуппа).

В 1505 г. в «Страсбургском сборнике загадок» («Straßburger Rätselbuch»), первом энигматическом сборнике на немецком языке, приводится четырехстрочная версия данной загадки, в которой заместительным объектом энигмата «солнце» является уже не мужчина как в первоисточнике («ein Mann ohne Hände»), а женщина:

«Es flog ein vogel federloss
Uff ein baum blattloss
Kam die fraw mundtloss
Frass den vogel federloss»
(Schittek 1991, S. 140).

Широкое распространение после публикации в Страсбургском сборнике, аллитерационные повторы и «фольклорное» содержание представлялись в XIX в. достаточным основанием для того, чтобы считать этот текст старинной народной загадкой, а его версию в монастырских рукописях – переводом с древневерхненемецкого на латынь. Для подтверждения данной гипотезы осуществлялись переводы латинской версии на древневерхненемецкий и древнеанглийский языки [Schupp 1972; Tomasek 1994]. Однако уже с начала XX в. эта идея подвергается сомнению. Появляются научные публикации о связи загадки о снеге на солнце с заговорами римского писателя Марцелла Эмпирика и римского ветеринара Пелагония (IV – V в. н. э.). В данных лечебных заклинаниях речь идет о том, что пастухи нашли некую болезнь, упавшую с неба, подняли ее без рук, сварили без огня, съели без зубов [Jacoby 1925; Petsch 1916]. Подобные магические тексты существуют также в сербском, коптском и русском языках. Так, например, в Указателе сюжетов и сюжетных ситуаций

заговорных текстов восточных и южных славян под заголовком «“Люди” ловят болезнь, съедают без рта» описывается следующий заговор: «Болезнь падает с неба. Ее видят слепые пастухи, гонят без ног, ловят без рук, вяжут без веревок, режут без ножа, спекают без огня, съедают без уст» [Кляус 1997, с. 78]. Предположение о том, что данный заговор послужил источником возникновения рассматриваемого энигматического текста, ученые подтверждают двумя фактами:

1) Соотнесенность заместительного объекта энигмата «Птица» с энигматом «Снег» отсылает к Ветхому Завету. В Книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова (III – II вв. до н.э.) падающий снег сравнивается с опускающейся на землю птицей: «Подобно птицамъ, слетающимъ на землю, Онъ сыплете снѣгъ, и сей падаете, какъ утомленная саранча» [Книга Премудрости, с. 330].

2) В 1960 г. был опубликован Лечебник Мастера Альбранта под редакцией Г. Айса («Meister Albrants Rossarzneibuch: Verzeichnis der Handschriften, Text der ältesten Fassung»), в котором находится заговор на избавление лошадей от колик египетского ветеринара Абу Бакра на арабском языке. Содержание заговора переключается с содержанием текстов Марцелла Эмпирика и Пелагония. Также существуют доказательства того, что ветеринар занимался переработкой античных преданий [Jacoby 1925; Schitteck 1991; Schupp 1972; Tomasek 1994].

Ученые не могут дать точный ответ на вопрос о том, в какой временной период произошло преобразование заговора в шестистрочный энигматический текст на латыни и дальнейший «переход» в немецкое народное творчество. Однако вышеприведенные аргументы указывают на то, что модификация заговора происходила в монастырях или связанных с ними латинских школах, то есть в кругу людей, знакомых и с текстами заговоров, и с энигматическим жанром, а также способных к определенной интеллектуальной деятельности [Jacoby 1925; Tomasek 1994].

Анализ происхождения загадки, опубликованной под авторством Г. фон Фаллерслебена, подтверждает мысль о том, что дихотомия «народная загадка как подлинная» – «авторская загадка как вторичная, неподлинная» несостоятельна. Загадки как результат осмысления человеком действительности представляют собой богатый материал для лингвокультурологических исследований, в которых вопрос авторства конкретного текста представляется нерелевантным.

Библиографический список

1. Аникин В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1957. 240 с.

2. Веселова А.Ю. В темнице тела. Об одной загадке XVIII века // Литературный текст: проблемы и методы исследования. Мотив вина в литературе: сборник научных трудов. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. С. 6–8.

3. Кляус В.Л. Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян. Москва: Наследие, 1997. 461 с.

4. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропонимический код культуры. М.: Ленанд, 2019. 400 с.

5. Кузнецова Т.С. Загадки эксетерского кодекса в фольклорно-литературном контексте средневековья: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2008. 225 с.

6. Логутенкова О.Н. Репрезентация фольклорно-языковой картины мира русско-греческих билингвов школьного возраста средствами паремииологии и фразеологии: дис. ... канд. филол. наук, 2018. 293 с.

7. Митрофанова В.В. Русские народные сказки. Л.: Наука, 1978. 181 с.

8. Морохин В.Н. Малые жанры русского фольклора. М.: «Высшая школа», 1986. 284 с.

9. Новикова К.А. Маркеры интертекстуальности как средство выражения адресованности немецкоязычных авторских энигматических текстов конца XVIII – начала XX в. Филологические науки. Вопросы теории и практики. Издательство: Грамота, 2022. С. 3604–3609.

10. Рыбникова М.А. Загадки. Л.: Academia, 1932. 488 с.

11. Семененко Н.Н. Когнитивно-прагматическая парадигма паремической семантики (на материале русского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Белгород, 2011. 46 с.

12. Сендерович С.Я. Морфология загадки. М.: Языки славянской культуры, 2008. 208 с.

13. Струкова Т.В. Энигматические жанры русской поэзии: эволюция и типология: дис. ... док. филол. наук. Орел, 2019. 477с.

14. Jacoby A. Zum Rätsel vom Vogel federlos. Schweizerisches Archiv für Volkskunde. Band 25. Basel, 1925. S. 291–298.

15. *Petsch R.* Rätselstudien [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.digi-hub.de/viewer/image/DE-11-001674531/11/LOG_0012/ (дата обращения: 10.02.2024).
16. *Schittek C.* Die Sprach- und Erkenntnisformen der Rätsel. Stuttgart: M und P, Verlag für Wissenschaft und Forschung, 1991. 189 S.
17. *Schupp V.* Nachwort // Deutsches Rätselbuch / hrsg. von Schupp V. Reclam Stuttgart, 1972. S. 365–432.
18. *Tomasek T.* Das deutsche Rätsel im Mittelalter. Tübingen: Niemeyer, 1994. 353 S.

Источники

1. Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова, в русском переводе с кратким объяснением. СПб.: Э. Веймар, 1860. 388 с.
2. Deutsches Rätselbuch / hrsg. von Schupp V. Stuttgart: Reclam, 1972. 467 S.
3. *Fallersleben A.H.H. von.* Kinderlieder. Hildesheim/New York: Georg Olms Verlag, 1976. 280 S.
4. *Fallersleben A.H.H. von.* Es kommt der Vogel federlos [Электронный ресурс]. b. Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/04/428.htm> (дата обращения: 10.08.2023).
5. Hundert Schullieder [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.volksliederarchiv.de/liederbuch-45766-e/> (дата обращения: 10.02.2024).

ZUR FRAGE NACH DER AUTORENSCHAFT VON VOLKSRÄTSELN (AM BEISPIEL DES DEUTSCHEN RÄTSELS VOM SCHNEE IN DER SONNE)

К.А. Novikova

Staatliche Kuban-Universität, Krasnodar

Dieser Beitrag beleuchtet die Frage nach der Legitimität der Gegenüberstellung von Volksrätseln und literarischen Rätseln. Am Beispiel eines Rätsels von H. von Fallersleben wird der Prozess des gegenseitigen Durchdringens von volkstümlichen und literarischen Formen betrachtet und die Schwierigkeit der Bestimmung der primären Quelle von enigmatischen Texten begründet.

Schlüsselwörter: Volksrätsel, literarisches Rätsel, enigmatischer Text, Enigmat, Enigmator.

Об авторах:

Новикова Кристина Александровна – старший преподаватель кафедры немецкой филологии Кубанского государственного университета; e-mail: kristinanovikova2012@gmail.com.

УДК 81'25:82-1

ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТРАДУКТЕМ (НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКИХ ПЕРЕВОДОВ ПОЭЗИИ В.С. ВЫСОЦКОГО)

А.С. Овчинникова

Тула

В предлагаемой статье даётся определение понятия «традуктема», которое отграничивается от смежных понятий, таких как «переводная единица», «реалия», «полионим», «лингвосапиентема» и др. Применение метода анализа традуктемных капсул позволило выявить лингвокреативные особенности немецких традуктем, а также решить вопрос соотношения таких единиц, как лингвокультурема и традуктема. На примере русских лингвокультурем поэтических текстов В.С. Высоцкого и их соответствий в немецких переводах выявлены основные приемы межкультурной адаптации в немецких переводных текстах, предлагаемых разными переводчиками.

Ключевые слова: лингвокультурема, традуктема, межкультурная адаптация, межкультурный коммуникативный акт, В.С. Высоцкий.

В последних исследованиях в области переводоведения отмечается полидисциплинарный подход к изучению исходного и переводного текстов. Переводной художественный текст в данной статье рассматривается как результат не только языкового взаимодействия, но и межкультурного коммуникативного акта. Подобный подход вызывает переплетение ряда дисциплин: переводоведения, литературоведения, лексикологии, стилистики, межкультурной коммуникации, сравнительно-сопоставительной типологии, лингвокультурологии.

Ключевые научные проблемы лингвокультурологии поднималась неоднократно в трудах Д.С. Лихачева [Лихачёв 1984, с. 47], Ю.С. Степанова [Степанов 2004, с. 14], Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова [Верещагин, Костомаров 2005, с. 37], М.А. Олейник [Олейник 2019, с. 86–89], которые заложили методологическую основу разработки и уточнения понятия «лингвокультурема» как основной единицы лингвокультурологии. Этот термин нередко считают абсолютным синонимом таких единиц, как культуроним, полионим, концепт, лингвосапиентема и т.д.

Однако спецификой лингвокультуремы в отличие от перечисленных терминов является её принадлежность только одной культуре и одному языку, что и отличает эту единицу от культуронима, лингвосапиентемы и др. как общих понятий, принадлежащих многим культурам.

Основной единицей традулингвокультурологии предлагается считать традуктему, которая включает лингвокультурему исходного авторского текста и её соответствие в переводных текстах других лингвокультур.

Ономасиологический подход к анализу традуктем, включающих русские лингвокультуремы в поэтических текстах В.С. Высоцкого, с одной стороны, и их соответствия в иноязычном тексте, с другой стороны, позволил тщательно обработать корпус фактического материала, состоящий из немецких переводных текстов. Привлечение методов анализа и синтеза семного состава русских лингвокультурем в поэтических текстах В.С. Высоцкого и семантических компонентов соответствий в переводных немецких текстах дал возможность обнаружить несовпадение как ядерных, так и дифференциальных сем. Индуктивный метод анализа был построен на наблюдении сходств и различий русских лингвокультурем и их аналогов в иноязычных текстах с дальнейшим системным обобщением анализируемых явлений. Широко использовался также дискурсивный анализ речевых сегментов поэтических текстов В.С. Высоцкого и их соответствий в переводных текстах; а также метод сравнительно-сопоставительного анализа лингвокультурем текста оригинала и переводных немецких вариантов. Наиболее результативным для исследования традуктемных капсул стал метод межкультурной адаптации в ходе трансфера культурно-маркированных единиц в иноязычных переводных текстах, основанный на теории Г.Т. Хухуни и И.И. Валуйцевой [Хухуни, Валуйцева 2003, с. 28–35].

В предлагаемой статье русские лингвокультуремы и их немецкие соответствия анализируются с применением данных методов на

примере поэтического произведения В.С. Высоцкого «Письмо в «Очевидное – невероятное» (Vladimir Vysotsky).

Русская лингвокультура	Немецкая традиционная капсула	
Письмо в «Очевидное – невероятное»	Liebe Sendung	Offener Brief aus einem Irrenhaus
Нам <i>бермурно</i> на сердце и <i>бермурно</i> на душе!	Es ist uns <i>bermuderlich</i> ums Herz – und <i>bermudig</i> auf der Seele!	Uns <i>bermulmig</i> ist zumute! <i>Bermutet</i> uns nicht zuviel zu!
Если вы не отзоветесь, – мы напишем в «Спортлото» (Vladimir Vysotsky)	Wenn Sie nicht reagieren, schreiben wir an das «Sportlotto» (Vladimir Vysotsky)	Eilen Sie sich, sonst wir schreiben an « <i>Wer wird Millionär</i> » (Vladimir Vysotsky)

Таблица 1 – Примеры перевода культурно-маркированных единиц

Лингвокреативность традиционных, включающих названия русских передач, обусловлена трудностями восприятия русских лингвокультурных немецкими читателями и слушателями, поэтому Э. Йелинек предлагает в качестве названия первую строку исходного текста «Дорогая передача», а для названия передачи «Спортлото» дает транслитерацию русского названия. И. Голубев для названия передачи «Очевидное-невероятное» выбирает описательный перевод, для передачи лингвокультуры «Спортлото» им применён метод доместикации («*Wer wird Millionär*»). Однако в русском языке «Спортлото» и «Как стать миллионером» – это две разные лингвокультуры, поэтому подбор соответствий может быть продолжен.

В вышеуказанной таблице приведён также пример телескопных слов «*бермурно*» и «*бермурно*» в деформированном фразеологизме-лингвокультуре «мурно на душе» и их немецкие варианты. Такие лингвокультуры-окационализмы в текстах В.С. Высоцкого представляют большой интерес и дальнейшие перспективы для переводческой лингвокреативности.

Библиографический список

1. *Валуицева И.И., Хухуни Г.Т.* Межкультурная адаптация художественного текста. М.: Прометей, 2003. 170 с.
2. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. М.: Индрик, 2005. 1040 с.
3. *Лихачев Д.С.* Заметки о русском. М.: Советская Россия, 1984. 64 с.
4. *Олейник М.А.* Проблемы исследования и преподавания иностранных языков в поликультурном пространстве. Концепт «поликультуральное пространство» в современном гуманитарном знании // *Материалы Международной научно-практ. конференции.* Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2019. С. 86–89.
5. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004. 982 с.

Источники

1. Vladimir Vysotsky [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vysotsky.com> (дата обращения: 15.04.2024).

LINGUOCREATIVE FEATURES OF TRADUCTEMES (ON THE EXAMPLE OF GERMAN TRANSLATIONS OF V.S. VYSOTSKY'S POETRY)

A.S. Ovchinnikova

The proposed article defines the concept of «traducteme», which is distinguished from related concepts such as «translational unit», «reality», «polyonymy», «linguosapienteme», etc. The application of the method of analysis of traducteme capsules allowed to identify the linguocreative features of German traductemes and also contributes to solving the problem of the relationship of such units as linguocultureme and traducteme. On the example of Russian linguocultures of poetic texts V.S. Vysotsky and their correspondences in translated German are the main methods of intercultural adaptation in the German language offered by different translators.

Key words: linguocultureme, traducteme, intercultural adaptation, intercultural communicative act, V.S. Vysotsky.

Об авторах:

Овчинникова Ася Сергеевна – кандидат филологических наук, переводчик-волонтер; e-mail: asovchin@gmail.com.

**ВЫРАЖЕНИЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ
ИСХОДНОГО ТЕКСТА СТЕФАНА ЦВЕЙГА «ТОЛСТОЙ» И
ПЕРЕВОДНОГО ТЕКСТА НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК)**

Г.В. Овчинникова

*Международная полицейская академия, Тула,
Государственный университет просвещения, Москва
Музей-усадьба «Ясная Поляна», Ясная Поляна*

Цель данной статьи заключается в разграничении понятий «интертекстуальность», «интертекст» и «цитация», установлении специфики единиц «реалия» и «лингвокультурема», выявлении особенностей транскодирования русских лингвокультурем в условиях межкультурной интеракции, включающей следующий треугольник: автор произведения Стефан Цвейг, сам писатель Л.Н. Толстой и переводчик одной из первых версий текста на французском языке Жозеф Анжелоз. Полученные результаты будут интересны для дальнейших исследований как в области переводоведения, так и в области межкультурной коммуникации и лингвокультурологии.

Ключевые слова: интертекст, интертекстуальность, лингвокультурема, реалия, Лев Толстой, Стефан Цвейг, Жозеф Анжелоз.

В 1937 году Стефан Цвейг издаёт книгу «Толстой, радикальный мыслитель», которая содержит включения из произведений и дневниковых записей Л.Н. Толстого. Стефан Цвейг, полюбивший русскую литературу, мечтал приехать в Россию и изучать язык страны, родившей таких писателей, как Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский. К сожалению, в 1914 году поездка не состоялась, и Стефан Цвейг впервые приехал в Россию на юбилейные дни, посвященные 100-летию со дня рождения Л.Н. Толстого. Его визит в Ясную Поляну и впечатления, полученные от посещения музея и могилы Л.Н. Толстого, послужили толчком к написанию книги «Leo Tolstoy». В 1939 году вышел перевод книги на французский язык, выполненный Жозефом Анжелозом. В январе 2023 года парижское издательство «Либретто» в условиях пакета санкций против России

выпустило новое издание цвейговской книги-портрета о русском великом писателе во французском переводе «Tolstoï».

Австрийский писатель и тонкий психолог, считающий Л.Н. Толстого титаном мысли и великим писателем, стремится передать биографию, творчество и поиски смысла жизни Л.Н. Толстого, как можно точнее и объёмнее. Это стремление обязывает Стефана Цвейга часто обращаться к текстам произведений Л.Н. Толстого, его дневниковым записям. Это обуславливает необходимость исследования вопросов интертекстуальности, которые в данной статье впервые предлагается рассмотреть с позиций традулингвокультурологии. Данное научное направление было выделено как отдельная сфера сравнительно-сопоставительной типологии с целью сопоставления передачи особенностей иноязычных лингвокультур и их лингвокультурем в переводных текстах [Овчинникова 2022].

Отметим, что в рамках обозначенной тематики М.М. Бахтин обратил внимание на полифонию художественного текста, в ткань которого писатель мастерски вплетает тексты других авторов [Бахтин 1975].

Позже этот подход получает развитие в размышлениях Ю.М. Лотмана о том, что текст, взаимодействуя с другими текстами, порождает смысловой потенциал для интерпретации семиосферы, содержащей культурные компоненты [Лотман 1994].

Французские исследователи Р. Барт [Barthes 1973], Ю. Кристева [Кристева 2000], Пьеге-Гро [Piegay-Gros 1995], опираясь на теорию многоголосия текста М.М. Бахтина, посвящают свои исследования вопросам соотношения интертекста и интертекстуальности, но рассматривают их с точки зрения литературоведения.

В предлагаемом исследовании интертекстуальность рассматривается в ракурсе традулингвокультурологии на примере прецедентных текстов Л.Н. Толстого, исходного текста С. Цвейга и переводного французского текста «Tolstoï» (Zweig 2023).

Пристально изучая биографию Л.Н. Толстого, Стефан Цвейг обращает внимание на статью «Как и зачем жить?» (Толстой 1905), поскольку писатель всю жизнь искал ответ на вопрос в чем смысл жизни, был в поисках счастья для всего человечества, в поисках «зеленой палочки» из детской игры, придуманной Николенькой. На «зеленой палочке» написано то, как стать самому счастливому и принести счастье другим людям, уничтожив зло и войны. Л.Н. Толстого огорчал тот факт, что встречаются люди, которые и в 20,

и даже в 40 лет не задумываются зачем они живут и каково их предназначение.

Стефан Цвейг включает в свой текст размышления Л.Н. Толстого не в качестве цитаты, но как заимствованный текст из вышеуказанной статьи:

«Зачем я живу?», «Какая цель моего и всякого существования?», «Как мне надо жить?» (Толстой 1905, с. 268) – «*Warum lebe ich?*». «*Was ist der Zweck meiner und aller Existenz?*» «*Wie soll ich leben?*» (Zweig 1928, p. 37).

Немецкий перевод, выполненный Стефаном Цвейгом, отличается высокой степенью адекватности, в то время как французская версия отличается расхождением в выборе множественного числа местоимения в первом лице, что обусловлено стремлением переводчика передать соборность, типичную для русской лингвокультуры.

«*Pourquoi vivons-nous?*», «*Quel est la cause de mon existence et de toutes les autres?*», «*Comment dois-je vivre?*» (Zweig 2023, p. 12).

Цитаты Л.Н. Толстого в произведении С. Цвейга содержат немалое количество русских лингвокультурем. Французские и немецкие традуктемные капсулы, которые включают варианты их переводов представляют большой научный интерес. Перевод толстовского «непротивления злу насилием» (Толстой 1928, с. 64) в некоторых случаях передается как «non-violence», но чаще как «résistance au mal». Немалую сложность представляет поиск соответствия к лингвокультуре «земский судья» (Толстой 1928, с. 36). Во французской традуктеме «arbitre territorial» переводчик использует описательный метод, но при этом прибегает к примечанию: «fonction, instituée lors de l'émancipation des serfs, pour régler les différends entre les paysans affranchis et les propriétaires» (Zweig 2023, p. 39).

Таким образом, исследование вопросов интертекстуальности, интертекста, аллюзий, реминисценций открывает новые пути для анализа в рамках традулингвокультурологии на примере других произведений, связанных с творчеством и жизнью Л.Н. Толстого и их переводами на другие языки.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. К методологии литературоведения. М.: Художественная литература, 1975. С. 203–212.
2. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика. От структурализма к постструктурализму. М.: Прогресс, 2000. С. 427–457.

3. Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. С. 10–257.

4. Овчинникова А.С. Сопоставительный анализ лингвокультурам и их соответствий в разноструктурных языках (на примере поэтических текстов В.С. Высоцкого и их переводов на английский, немецкий, испанский, итальянский и французский языки): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Мытищи, 2022. 28 с.

5. Bartes R. *Le plaisir du texte*. P.: Seuil, 1973. 89 p.

6. Piégay-Gros N. *Introduction à l'intertextualité*. P.: Nathan Université, 1995. 186 p.

Источники

1. Толстой Л.Н. Как и зачем жить? // Полное собрание сочинений. Т. 36. М., Л.: Гос. изд-во, 1928. 770 с.

2. Zweig S. Tolstoï. Éditions V. Attinger: Paris, 1928. 233 p.

3. Zweig S. Tolstoï. Paris: Libretto. 2023. 155 p.

EXPRESSIONS OF INTERTEXTUALITY IN A LITERARY TEXT (USING THE EXAMPLE OF THE ORIGINAL TEXT OF STEFAN ZWEIG'S TOLSTOY AND THE TRANSLATED TEXT INTO FRENCH)

G.V. Ovchinnikova

*International Police Academy, Tula,
State University of Education, Moscow
Yasnaya Polyana Estate Museum, Yasnaya Polyana*

The purpose of this article is to distinguish the concepts of «intertextuality», «intertext» and «citation», to establish the specifics of the units «reality» and «linguocultureme», to identify the features of transcoding Russian linguocultures in the conditions of intercultural interaction, including the following triangle: the author of the work Stefan Zweig, the writer himself L.N. Tolstoy and the translator of one of the first French versions of Joseph Angeloz. The results obtained will be of interest for further research in the field of translation studies, as well as in the field of intercultural communication and linguoculturology.

Key words: intertext, intertextuality, linguocultureme, reality, Leo Tolstoy, Stefan Zweig, Joseph Angelos.

Об авторах:

Овчинникова Галина Витальевна – доктор филологических наук, профессор Международной полицейской академии, профессор кафедры германо-романской филологии Государственного университета просвещения, ст. научный сотрудник музея-усадьбы «Ясная Поляна»; e-mail: galinaovtchinnikova@yandex.ru.

УДК 81'42

«САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ АВТОРА» КАК КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

М.А. Олейник

Кубанский государственный университет, Краснодар

В данной статье рассматриваются коммуникативные тактики, направленные на реализацию стратегии самопрезентации автора в текстах Раннего нового времени. Коммуникативные тактики исследуются с опорой на выявление специфики корреляций «автор / произведение» и «автор / читатель». Особое внимание уделяется аспектизации эксплицитности / имплицитности реализации стратегии самопрезентации.

Ключевые слова: диахроническая лингвистика, коммуникативные тактики, коммуникативные стратегии, автор, адресат.

На современном этапе развития диахронической лингвистики, характеризующейся междисциплинарным подходом к рассмотрению языковых явлений и опирающейся на достижения исторической прагмалингвистики, когнитивной лингвистики, социалингвистики, лингвокультурологии и других лингвистических дисциплин, созданы все предпосылки для разностороннего исследования языковой личности. Антропоцентрический подход способствовал становлению проблемы «человек в языке» как важнейшей лингвистической проблемы. Человеческий фактор приобретает решающее значение в тех случаях, когда для исследователя релевантным является взаимодействие коммуникантов посредством любого текста в определённых условиях общения. Обращение к тексту в истории языка всегда многоаспектно, оно предполагает исследование закономерностей его исторического становления, логики и динамики

его взаимоотношения с иными текстами в определённом культурном пространстве, развития прагматических структур и языковых средств реализации замысла автора. Особая роль принадлежит литературному тексту, в котором специфичным образом отражается результат познания автором окружающего мира и самого себя, осознания своего места в социуме.

Развивая идеи В.В. Виноградова о том, что «образ автора» представляет собой элемент, который пронизывает весь строй художественного произведения и объединяет все качества и особенности его стиля [Виноградов 1971] современные лингвистические исследования «вывели» категорию «автора» за пределы художественного текста и обозначили лингвистическую значимость этой категории для других типов/жанров текста.

В связи с исследованием категории «автор» одним из популярных направлений стало описание способов самопрезентации автора в тексте. Наряду с термином «самопрезентация» используются термины «самоподача», «самооценка», «автохарактеристика», «самоидентификация», «самопредставление», «имидж» и др. Стратегия самопрезентации рассматривается как коммуникативное поведение, результатом которого является моделирование в когнитивном пространстве реципиента определённого образа говорящего и исследуется на материале разных текстов и дискурсов: политического дискурса [Паршина 2005; Филаткина 2015; Ширяев 2017], автобиографического дискурса [Демешкина, Толстова 2020], военного дискурса [Уланов 2014], интернет-дискурса [Дейнеко 2011] и т.д. Исследование стратегии «самопрезентации» сопряжено с выявлением тактик, посредством которых она реализуется. Под тактикой понимается конкретный этап реализации коммуникативной стратегии как совокупность приемов, направленных на решение определённой задачи.

Если в современном текстовом пространстве наиболее яркие примеры самопрезентации автора проявляются в политическом дискурсе, в рекламных текстах, в автобиографическом дискурсе, то на более ранних этапах – это были другие тексты.

Материалом для нашего исследования послужили немецкоязычные тексты 16 века. Целью явилось выявление тактик реализации стратегии «самопрезентации» автора в текстах развёрнутых заголовков на титульных страницах, в текстах посвящений и предисловий.

В центре нашего внимания – триада «автор-произведение-читатель» и взаимообусловленность между этими тремя

компонентами, которые образуют определённую коммуникативную систему [Giesecke 1998]. Следует оговорить, что принципиально важным является для нас использование по отношению ко второму компоненту триады понятия «произведение», а не «текст», поскольку именно оно позволяет обратиться к таким важным структурным элементам литературных произведений XVI века, как заголовок, развёрнутый заголовок, предисловие и посвящение.

Автор в XVI веке оказывается в своеобразных «отношениях» с созданным им произведением (романом, сборником шванков, пьесами и пр.), которые он достаточно эксплицитно выражает в текстах «развёрнутых» заголовков на титульном листе, предисловий и посвящений, используя различные тактики, которые направлены на реализацию стратегии «самопрезентации». Подчеркнём особую роль титульного листа книги с развёрнутым заголовком, который не только является неотъемлемой частью произведения. Титульный лист должен был соответствовать определённым традициям и нормам, которые складываются на книжном рынке в XVI веке. Для издателя в этот период было важно, чтобы титульная страница отражала содержательно тот образец, к которому уже привык читатель, поскольку именно содержащаяся в этой части книги информация и определяла выбор потенциального читателя «покупать / не покупать»; «интересно / не интересно» [Melters 2004, S. 104]. Подчеркнём, что понятие «образца», «стереотипизированного представления о структуре и содержании текста», «соответствия ожиданиям читателя» в этот период оказывается очень важным в силу формирующегося книжного рынка с его законами и тенденциями развития.

Анализ эмпирического материала позволил выделить две группы тактик самопрезентации: тактики в аспекте корреляции «автор/произведение» и тактики в аспекте корреляции «автор/читатель».

В аспекте корреляции «автор / произведение» реализуются две тактики:

1. Автор характеризует свое произведение и обозначает основную сюжетную линию.

2. Автор формулирует цели написания произведения.

В аспекте корреляции «автор / читатель» мы выделили 5 тактик:

1. Создание позитивного образа адресата текста.

2. Создание позитивного представления о взаимоотношениях автора и адресата.

3. Тактика дистанцирования.

4. Создание положительного представления о себе как о человеке, серьёзно размышляющем, ссылающимся на народную мудрость и Священное писание.

5. Самоумаление автора за счёт возвеличивания адресата.

Рассмотрим подробнее способы реализации перечисленных тактик.

В аспекте корреляции «автор/произведение» автор:

1) характеризует свое произведение как «новое», «полезное», «весёлое», «поучительное» и т.д. и обозначает основную сюжетную линию:

(1) «ein neüws / vor vnerhoerts Buechlein» (Roll 1903) – «новая, доселе неслыханная книжка» (перевод примеров наш – М.О.);

(2) «kurtzweilig vnd seher lustig zu lesen» (Roll 1903) – «развлекательная и весёлая книжка»;

(3) «vil güter schwenck» (Roll 1903) – «много хороших шванков»;

(4) «alsdann haben ir euch zúsamit güten herren und freunden mit disem buechlin zú ergetzen» (Roll 1903) – «вы вместе с хорошими господами и друзьями должны развеселить себя чтением этой книжонки»;

(5) «die schweren Melancolischen gemueter damit zú ermünderen» (Roll 1903) – «и тем самым развеять тяжёлое меланхолическое настроение».

Автор эксплицирует себя в тексте развёрнутого заголовка, называя своё имя:

(6) «Newlich in Druck verfertigt durch Joerg Wickram» (Knaben 1901) – «Недавно подготовлено к изданию Йоргом Викамом».

2) автор формулирует цели написания произведения:

(7) «Was aber deren jedem auß seinem fleiß erfolget, wirt hie als in einem spiegel fürgemalet und der weychen jugend nutzlich darin zú lesen, damit sich die ehrlichen gemueter unnd herrlichen ingenia nit durch boeße geselschafft verfuieren lassen» (Knaben 1901) – «А что для каждого станет следствием его прилежания, здесь отражено как в зеркале, и молодым людям полезно её (книжку) прочитать с тем, чтобы честные души и прекрасные таланты не позволили злему обществу совратить себя»;

(8) «damit die jugend, als euwer liebe kind, sich selv vor arger und boeßer gselschafft hueten moeg, den tugenden mehr dann den lastern nachdenken» (Knaben 1901) – «чтобы молодые люди, ваши любимые дети, смогли защитить себя от злого общества и размышляли больше о добродетели, нежели о грехе».

Реализация тактики усиливается противопоставлением понятий «добро/зло», «добродетель/грех». Автор, таким образом, через

экспликацию цели написания произведения имплицитно свою роль как человека, призвание которого – в улучшении общества.

Понятие «автор» в отношении к текстам XVI века требует пояснения. Вряд ли можно идентифицировать его с сегодняшним пониманием. Важно, что в исследуемый период «повествователь реализует свою авторскую сущность и функцию более полно и адекватно при условии, что предварительно он выступал как адресат» [Олейник 2006, с. 12]. Этому находим следующие подтверждения в текстах предисловий и посвящений:

(9) «an vilen mancherley orten, zu samen gesucht vnd colligiert, auch in dises Buechlin verfasst» (Frey 1896) – «во многих разных местах собраны (истории), составлены и представлены в этой книжке»;

(10) «geschrieben vnd newlich zusammen gesetzt» (Montanus 1899) – «написаны (рассказы) и недавно собраны вместе».

«Авторство» текстов в исследуемый период обнаруживает определённые особенности. С одной стороны, Средневековая литература и литература раннего Нового времени в большой своей части представлена переводной литературой, использованием и переработкой одного и того же сюжета разными авторами. С другой стороны, следует отметить, что для исследуемого периода авторство текста зачастую было не столь релевантным (не случайно появление так называемых «народных книг»). Я.-Д. Мюллер в исследовании, посвящённом ранненововерхненемецкому роману в прозе, пишет: «Кажется, что для современников наличие имени автора не столь важно. Там, где имя автора может придать тексту особую значимость в силу значимости самого автора (его сословной принадлежности, учёной степени), имя автора может быть опубликовано (дословно: «добавлено к тексту» – М.О.)» [Müller 1985, S. 27]. Следует отметить, что автор, характеризуя своё произведение, выполняет и роль, которую позже возьмёт на себя литературный критик. Как известно, в исследуемый период критическая литература ещё не имела места, но зачатки её можно рассматривать как раз и в текстах развёрнутых заголовков, посвящений и предисловий [ср.: Voesch 1977, S. 11].

Корреляция «автор-произведение» принципиальна для установления корреляции «автор-читатель». Реализуя две вышеназванные тактики, автор не только сообщает исключительно положительную информацию о своей книжке, но он стремится, тем самым, «установить связь» с читателем.

Проиллюстрируем многоплановость корреляции «автор-читатель» через использование тактик реализации стратегии самопрезентации. Эту многоплановость мы видим в системе

обращений к читателю. В тексте посвящений автор обращается, как правило, к конкретному человеку, с которым его связывают тёплые отношения, он называет его имя, зачастую – род занятий, место проживания. В аспекте корреляции «автор-читатель» тактики «создание позитивного образа адресата текста» и «создание позитивного представления о взаимоотношениях автора и адресата» реализуются часто в одном предложении. При реализации этих тактик важны оценочные прилагательные и притяжательное местоимение «mein».

(11) «Dem ersamen fürnemmen und achtbaren Martin Neuen, burger unnd wirt zů der blůmen zů Colmar, meinem insbesondere günstigen herren und gůten freündt» (Roll 1903) – «Честному, благородному и уважаемому Мартину Нойю, бюргеру и владельцу трактира “zu der blumen” в Кольмаре, моему господину, к которому я особенно благосклонен и моему хорошему другу».

(12) «Dem ersamen, kunstliebhabenden Gaspar Hanschelo, burger und des goldschmidt-handwerks zů Colmar, meinem lieben gevattern, zůvor» (Von guten 1901) – «Честному, любящему искусство Каспару Ханшелю, бюргеру и ювелиру из Кольмара, моему любимому куму».

(13) «Dem fürsichtigen und weisen herren Antoni Kůntzen, dieser zeit schultheiř zů Rufach, embeugt Joerg Wickram sein underdienstbaren grůř zůvor» (Knaben 1901, S. 5) – «Рассудительному и мудрому господину Антонию Кунцу, сейчас находящемуся в Руфахе, шлёт Йорг Викрам свой нижайший поклон».

(14) «Lieber gevatter Caspar, die gůt frůntschafft unnd bruederliche trew, so wie zůsammen gehabt, dieweil wir zů Colmar umb einander gewont haben, ist inn mir gar keins wegs aussgeloschen» (Von guten 1901, S. 119) – «Дорогой кум Каспар, крепкая дружба и братская верность, которые нас связывали, так как мы вместе жили в Кольмаре, во мне ни в коем случае не угасли».

Эта же тактика имеет место в конце текстов посвящений, где сформулированы пожелания:

(15) «Wuensch euch hiemit vil glueck unnd heil, euch und euwer neůwen eegemahelen und nach disem zergencklichen leben das ewig himmlisch reich und seligkeit. Amen» (Roll 1903, S. 4) – «Желаю Вам тем самым много счастья и здоровья, Вам и Вашей молодой супруге и после этой преходящей жизни – вечного небесного царствия и блаженства».

(16) «Wůnsch euch hiemit vil glůckseliger neůwer jor» (Knaben 1901, S. 4) – «Желаю Вам тем самым очень счастливого нового года».

(17) «Damit ir aber dannocht mein gůnstig und geneigt gemuet gegen euch in meinem abwesen spueren moechten, hab ich mich zů vil malen

bedacht, durch was mittel unnd waeg ich mich gegen euch vmb vilfaltige früntschafft [...] erzeugen wolt [...] euch und eweren suenen diss buechlin also [...] zûsamengelesen» (Von guten 1901) – «Но, чтобы Вы в моё отсутствие смогли чувствовать моё доброе расположение к Вам, я долго думал, каким способом я смог бы продемонстрировать Вам благодарность за Вашу дружбу [...] для Вас и Ваших сыновей я написал [...] эту книжку».

Пример (17) демонстрирует использование двух тактик: выражение положительного отношения к адресату и формулирование цели написания книжки.

После распространённых обращений к адресату следует собственно текст посвящения, который отделяется от обращения несколькими пробелами. Здесь реализуется тактика дистанцирования. Пустое пространство между обращением к адресату и собственно текстом посвящения является невербальным средством выражения социальной дистанцированности между автором и адресатом и подчёркивает более высокий статус адресата по сравнению с автором текста. На необходимость оставлять пустое пространство между обращением к адресату и текстом посвящения указывается в письмовниках 17 века: «Ist nun der Titul besagter massen gesetzt / so soll man die Wort nicht gleich anfügen / sondern drey oder mehr Zeilen darunter anfangen / nach dem die Person viel höheres Standes ist / als der / welcher schreibet» [Harsdörffer 1659, S. 5] – «Если обращение с указанием всех титулов написано, то следует писать не сразу, а начинать писать далее, пропустив три и более строк, так как тот, к кому обращаются, является представителем более высокого сословия, чем тот, кто пишет».

Иначе тактика дистанцирования выражается в предисловиях, обращённых к читателям:

(18) «freündlicher und guetiger leser» (Roll 1903); «früntlicher lieber leser» (Von guten 1901) – «дружелюбный и дорогой читатель»;

(19) «Hiemit, lieber leser, bewar dich gott» (Von guten 1901) – «да хранит тебя господь, дорогой читатель».

Здесь автор более сдержан в выражении эмоций и чувств, в результате достигается определённая дистанцированность между автором и незнакомым читателем.

Четвертая тактика – создание положительного представления о себе как о человеке, серьёзно размышляющем, ссылающемся на народную мудрость и Священное писание:

(20) «hab ich mich zû vil malen bedacht» (Von guten 1901, S. 119) – «Я много раз обдумывал»;

(21) «Ist mir eben gleich zů gedancken kummen» (Von guten 1901, S. 119) – «Мне именно сейчас пришла мысль».

Авторское «я» усиливается в сочетании с модальными глаголами:

(22) «ich bekennen muß» (Roll 1903, S. 3) – «Я должен признать»;

(23) «hab ich mich ... erzeigen wollen» (Roll 1903, S. 3) – «Я хотел выразить».

Автор эксплицирует своё «присутствие» в создаваемом произведении, благодаря использованию местоимения *ich*.

На фоне автора эксплицитно значимы и обладают спецификой имплицитные формы представленности автора. Здесь уместно упомянуть многочисленные цитаты, которыми пронизаны тексты Раннего нового времени. Ссылки на народную мудрость, цитаты из Священного писания отражают мировоззрение автора:

(24) «Es ist von alter har ... ein sprichwort under vilen gewesen, wenn man etwan schampere und schandtliche wort geredt, hat man gesagt „Stilla mutz, diß gehoert auff den rollwagen oder ins schiff» (Roll 1903, S. 4) – «С давних времён среди многих пословиц была пословица, если произносилось что-то недостойное и позорное, говорили: «Тихо, так говорят только в повозках и на кораблях»».

(25) «Es haben sich die alten vor langer Zeit eines gemeinen sprüchworts gebraucht, daß under allen lasteren undanckbarkeit das groest ist» (Roll 1903, S. 3) – «Много лет назад отцы наши употребляли известную пословицу о том, что среди всех грехов самый большой – неблагодарность».

Частотными случаями является употребление изречений на латыни с их переводом на немецкий. Автор демонстрирует таким образом свою эрудицию.

Цитации из Священного Писания вводятся обязательной ссылкой (до или после цитаты) на источник:

(26) «wenig dencken an die wort Christi Mathei 18: “Wer aber ergert diser geringsten einen, so an mich glauben, dem wer besser, das im ein mülstein an seinen halß gehenckt wer und wurd in die tieffe deß meers versenckt”. Und weiter spricht er: “Es muß ja ergernuß kommen; aber wee dem menschen, durch welchen ergernuß kumpt”» (Roll 1903, S. 4) – «Мало задумываются над словами Христа Матфей 18: “А кто соблазнит одного из малых сил, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской”. И далее говорит он: ибо надобно придти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит»;

(27) «Dann silber und gold hab ich nit, aber was ich hab, das geb ich; also sagt der heilig Petrus in Actis am 3. capitel» (Roll 1903, S. 3) – «Серебра

и золота нет у меня, а что имею, то даю тебе; так говорит Святой Пётр в главе 3».

Автор демонстрирует, таким образом, свою эрудицию и очень удачно использует цитаты, рассуждая о нормах поведения. Отодвигая авторское «я» в этой части текста посвящения либо предисловия на второй план, писатель опосредованно манифестирует читателю своё собственное представление о правильном поведении и морально-этических нормах, демонстрируя, тем самым, свой статус умудрённого жизнью носителя моральных норм общества.

Пятая тактика – самоумаление пишущего за счёт возвеличивания адресата – реализуется в тех случаях, когда автор использует по отношению к себе и своему произведению формы уничижительности:

(28) «auß gebrechlicheit meines groben verstands» (Roll 1903, S. 3) – «из-за слабости моего грубого разума»;

(29) «diß mein schlechts buechlein» (Knaben 1901, S. 4) – «эта моя плохая книжонка».

Самоумаление автора за счёт возвеличивания адресата соответствует этикетным нормам XVI века и демонстрирует уважение к иерархичности и нормам общения.

Таким образом, анализ триады «автор-произведение-читатель» позволил выявить тактики реализации стратегии «самопрезентации» автора. Исследование категории «автор» на материале текстов более ранних эпох открывает новые возможности для исследования динамики этой категории как в синхронии, так и в диахронии. Невозможно говорить о категории автора без категории адресата. Автор позиционирует себя определённым образом только в соотношении с адресатом, для которого создан текст. И в зависимости от текстового пространства, т. е. специфики текста, в котором автор формулирует свою позицию, сообщает что-то о себе, своей жизни и специфики текста, по отношению к которому возникает вектор «автор-адресат», обнаруживаются разнообразные языковые способы «самопрезентации». «Самопрезентация» не всегда эксплицитна. Эмпирический материал свидетельствует о том, что она чаще имплицитна, но насыщенность текста имплицитными отсылками к личности автора позволяет ему создать собственный ёмкий образ. Особый интерес вызывают способы самопрезентации, специфика которых определяется эпохой, традицией коммуникативных практик, влиянием социально-исторических и культурных факторов на выбор тактик для реализации стратегии. Категория автора – это многогранная категория, изучение которой в диахронии может стать одним из перспективных направлений.

Библиографический список

1. *Виноградов В.В.* О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. 239 с.

2. *Дейнеко П.М.* Дискурсивные стратегии самопрезентации в институциональном интернет-общении: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 25 с.

3. *Демешкина Т.А., Толстова М.А.* Коммуникативная стратегия самопрезентации в женском диалектном дискурсе (на материале автобиографических рассказов) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2020. № 24. С. 47–67.

4. *Олейник М.А.* Адресат и динамическая языковая картина мира: концепция взаимообусловленности: дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2006. 345 с.

5. *Паршина О.Н.* Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2005. 325 с.

6. *Уланов А.В.* Коммуникативные стратегии в военном дискурсе // Сибирский филологический журнал. 2014. № 4. С. 246–254.

7. *Филаткина Г.С.* Коммуникативные стратегии в политическом медиадискурсе президентов Венесуэлы, Эквадора, Бразилии: 1999-2014 гг.): дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 265 с.

8. *Ширяев Н.С.* Коммуникативные стратегии репрезентации национальной идентичности в политическом медиадискурсе (на материале английского и французского языков): дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2018. 195 с.

9. *Boesch B.* Lehrhafte Literatur: Lehre in der Dichtung und Lehrdichtung im deutschen Mittelalter. Berlin: E. Schmidt, 1977. 293 S.

10. *Giesecke M.* Der Buchdruck in der frühen Neuzeit. Eine historische Fallstudie über die Durchsetzung neuer Informations- und Kommunikationstechnologien. Mit einem Nachwort zur Taschenausgabe. Frankfurt/a.M.: Suhrkamp Verlag, 1998. 960 S.

11. *Harsdörffer G.P.* Des Teutschen Secretarii: Zweyter Theil: Oder Allen Cantzleyen / Studier- und Schreibstuben diensliches Titular- und Formularbuch. Nürnberg, 1659. 896 S.

12. *Melters J.* «Ein frölich gemüt zu machen in schweren zeiten...». Der Schwankroman in Mittelalter und Früher Neuzeit. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2004. 313 S.

13. *Müller J.-D.* Volksbuch / Prosaroman im 15. /16. Jahrhundert – Perspektiven der Forschung // Internationales Archiv für Sozialgeschichte

der deutschen Literatur. 1. Sonderheft, Forschungsreferate. Tübingen: Niemeyer, 1985.128 S.

Источники

1. *Frey J. Gartengesellschaft* [Электронный ресурс]. Tübingen, 1896. Режим доступа: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/2/26/BLV_209_Jakob_Freys_Gartengesellschaft_1556.pdf (дата обращения: 15.04.2024).

2. *Knaben - Knabenspiegel* [Электронный ресурс] // Georg Wickrams Werke. 2. Bd. Hrsg. von J. Bolte. Tübingen, 1901. Режим доступа: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/0/03/BLV_223_Georg_Wickrams_Werke_Band_2.pdf (дата обращения: 15.04.2024).

3. *Montanus, M. Schwankbücher* [Электронный ресурс]. Hrsg. Von J. Bolte. Tübingen, 1899. Режим доступа: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/0/02/BLV_217_Martin_Montanus_Schwankbücher_1557-1566.pdf (дата обращения: 15.04.2024).

4. *Roll - Rollwagenbüchlein* [Электронный ресурс] // Georg Wickrams Werke. 3. Bd. Hrsg. von J. Bolte. Tübingen, 1903. Режим доступа: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/f/f5/BLV_229_Georg_Wickrams_Werke_Band_3.pdf (дата обращения: 15.04.2024).

5. *Von guten - Von guten und bösen Nachbarn* [Электронный ресурс] // Georg Wickrams Werke. 2. Bd. Hrsg. von J. Bolte. Tübingen, 1901. Режим доступа: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/0/03/BLV_223_Georg_Wickrams_Werke_Band_2.pdf (дата обращения: 15.04.2024).

«SELBSTDARSTELLUNG DES AUTORS» ALS KOMMUNIKATIVE STRATEGIE: DIACHRONER ASPEKT

M.A. Oleynik

Staatliche Kuban-Universität, Krasnodar

Der Beitrag befasst sich mit kommunikativen Taktiken, die darauf abzielen, die Selbstdarstellungsstrategie des Autors in frühneuzeitlichen Texten zu realisieren. Die kommunikativen Taktiken werden auf der Grundlage der Identifizierung der Spezifik der Korrelationen «Autor / Werk» und «Autor / Leser» untersucht. Besonderes Augenmerk wird dabei auf die explizite bzw. implizite Umsetzung der Selbstdarstellungsstrategie gelegt.

Schlüsselwörter: diachrone Linguistik, kommunikative Taktiken, kommunikative Strategien, Autor, Adressat.

Об авторах:

Олейник Марина Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой немецкой филологии Кубанского государственного университета; e-mail: kubstunigerdep2@mail.ru.

УДК 81'246.3

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ

Е.А. Пантелеева

*Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации, Москва*

Статья посвящена описанию категории модальности как одного из сложных как лингвистических явлений, так и философских категорий. Детально рассмотрены языковые синтаксические средства выражения субъективной модальности с позиций современного осмысления вставочности и вводности в русском языке.

Ключевые слова: объективная и субъективная модальность, логическая модальность, вводные элементы, вставные элементы.

Современные научные изыскания предполагают рассмотрение двух основных направлений в исследовании категории модальности: языковое [Колшанский 1975] и логическое. Понимание модальности в логике определяется контекстуальной оценкой утверждения, тогда как в языке проявляется при помощи особых языковых конструкций (например: вводными словами: «кажется», «необходимо», «пожалуй» и др.), присоединяясь к предложениям утвердительной семантики.

Философское осознание модальности обозначено еще в трудах Аристотеля, который рассмотрел следующие модальности: «возможно, что», «необходимо, что» и их производные – «невозможно, что», «не необходимо, что» «невозможно, что» и др. Позднее И. Кант дифференцировал логические высказывания на *ассерторическое* (утверждаются или отрицаются признаки (свойства)), *проблематическое* (высказывание может быть истинным при определённых условиях) и *аподиктическое* (суждение неоспоримо).

Нынешняя логика формализует *алетические* модальности («необходимо, что»; «возможно, что») и дополнительно рассматривает *деонтические* («обязательно, что»; «разрешено, что»; «запрещено, что»), *аксиологические* («хорошо, что»; «плохо, что» и др.), *эпистемические* («верю, что»; «знаю, что»), *темпоральные* («будет так, что»; «всегда было так, что» и др.). Семантические и синтаксические характеристики таких модальных высказываний изучаются в рамках подходящих аксиоматизированных логических теорий – эпистемической логики, деонтической логики и др. [Логический словарь 1994: 143–144].

Начиная со второй половины XX века в связи с выдвинутым академиком В.В. Виноградовым понятием модальности как многообразного языкового проявления оценочной, интеллектуальной и эмоциональной, а также *волевой* деятельности человека, и попыткой поставить вводные единицы в связь с этим понятием интерес к проблеме вводных и вставных элементов стремительно возрастает. «Каждое предложение включает в себя, как существенный конструктивный признак, модальное значение, то есть содержит в себе указание на отношение к действительности» [Виноградов 1950, с. 41]. В подобных модальных высказываниях обязательно дается оценка положению дел и утверждаемым фактам, проявляется определенное отношение, выявляются причины для самого акта утверждения. Ученые-исследователи Е.И. Беляева, В.Н. Бондаренко, Г.В. Колшанский, М.В. Ляпон, Г.Я. Солганик, А.И. Останин, П.А. Лекант и др. признают присутствие оценки, которая лежит в основе данной категории или взаимодействует с ней в процессе мыслительной деятельности человека [Теория функциональной грамматики 1990; Бондаренко 1979; Колшанский 1975; Ляпон 1971; Солганик 1971; Останин 1969; Лекант 1988].

В языке категорию модальности дифференцируют на объективную и субъективную. Объективная модальность отражает объективные связи и отношения между элементами денотативной ситуации и является обязательным признаком любого высказывания, выражает отношение высказывания к действительности в плане реальности и ирреальности. Термином «субъективная модальность» обозначается формально неоднородный круг средств, используемых говорящим для выражения своего личного отношения к тому, о чем он сообщает.

К сфере субъективной модальности относятся разные аспекты интеллектуальных квалификаций и оценок, а также значения, связанные с выражением эмоциональных и волевых реакций говорящего. Субъективная модальность является факультативным

признаком высказывания, которая реализует отношение говорящего к высказываемому [Золотова 1983; Наер 2001; Русская грамматика 1980 и др.]. Становится очевидным, что субъективная модальность – это категория языка, которая имеет одним из репрезентантов в предложении вводные и вставные элементы.

«Вводные синтагмы», по мнению В.В. Виноградова, используются для «выражения разных логических и эмоционально-оценочных значений и разных стилистических квалификаций речи и отражают точку зрения говорящего: оценку высказываемой мысли или способа ее выражения» [Виноградов 1975, с. 70] и «... вместе с тем, очевидно, что модальные краски и оттенки, введением <...> синтагм, образуют как бы второй слой модальных значений в смысловой структуре высказывания, так как они накладываются на грамматический грунт предложения, уже имеющего модальное значение» [Виноградов 1975, с. 75]. В этой связи существенно мнение академика И.И. Мещанинова, указывающего на то, что «к числу <...> выделяемых в особую часть речи вводных (модальных) слов можно присоединить только такие слова, которые получили специальное назначение выступать в вводном члене субъективной оценки и закрепляются за этим членом предложения» [Мещанинов 1945, с. 74].

В синтаксической системе современного русского языка вводные и вставные элементы мы рассматриваем с общей семантикой субъективного, оценочного отношения говорящего к высказыванию. Вставные элементы с разной степенью коммуникативной заданности могут быть квалифицированы как добавочные по отношению к содержанию основного предложения и текста определенного композиционно-содержательного типа. Семантика вводных элементов реализуется набором частных значений: акцентно-утвердительные, акцентно-вероятностные, эмотивно-кваликативные, адресно-маркированные, фатические и метатекстовые вводные элементы, которые призваны отражать различные коммуникативные установки субъекта речи. Вставные элементы вносят в основное высказывание значимый для автора комментарий, без которого невозможно адекватное восприятие передаваемой информации.

В соответствии с коммуникативными установками автора текста выделяются три основных группы вставных элементов: текстопропозитивные, эмотивно-оценочные и контаминированные вставные элементы. Вставные элементы с разной степенью коммуникативной заданности и модальной информации могут быть квалифицированы как добавочные по отношению к содержанию основного предложения и текста определенного композиционно-

содержательного типа.

Вышеперечисленные вводные и вставные элементы позволяют передать языковую личность автора, его художественные убеждения, мировоззрения, эмоциональное состояние и определенные коммуникативные установки.

Библиографический список

1. *Бондаренко В.Н.* Виды модальных значений и их выражение в языке // Филол. науки. 1979. № 2. С. 58–59.

2. *Виноградов В.В.* О категории модальности и модальных словах в русском языке // Труды Ин-та русского языка АН СССР. Вып. II. 1950. С. 38–79.

3. *Виноградов В.В.* Основные принципы русского синтаксиса в «Грамматике русского языка» Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Высш. шк., 1975. 520 с.

4. *Золотова Г.А.* Вводно-модальные слова в предложении и в тексте // *Ceskoslovenska rusistika*. 1983. № 5. С. 207–211.

5. *Колишанский Г.В.* Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: Наука, 1975. 231 с.

6. *Лекант П.А.* Семантика вводных компонентов в тексте // Семантика слова и словоформы в тексте: межвуз. сб. научн. тр. М.: МОПИ, 1988. С. 3–6.

7. Логический словарь: ДЕФОРТ / под ред. А.А. Ивина, В.Н. Переверзева, В.В. Петрова. М.: Мысль, 1994. 268 с.

8. *Ляпон М.В.* Из истории выражения модальности в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1971. 27 с.

9. *Мещанинов И.И.* Члены предложения и части речи. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1945. 288 с.

10. *Наер В.Л.* Из лекций по теоретическим основам интерпретации текста. М.: Московский гос. лингв. ун-т, 2001. 78 с.

11. *Останин А.И.* О функциях некоторых вводных единиц с общим значением модально-логической характеристики // Вопросы теории и методики русского языка: труды XI зон. науч. конф. кафедр рус. яз. вузов Сред. и Ниж. Поволжья. Ульяновск: Б. и., 1969. С. 208.

12. *Русская грамматика:* в 2 т. Т. 2. Синтаксис / под ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 710 с.

13. *Солганик Г.Я.* Модальные слова. Современный русский язык. М.: Высш. шк., 1971. 512 с.

14. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / А.В. Бондарко, Е.И. Беляева, Л.А. Бирюлин и др. Ленинград: Наука, 1990. 262 с.

SYNTACTIC MEANS OF EXPRESSING SUBJECTIVE MODALITY

E.A. Panteleeva

*Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration, Moscow*

The article is devoted to the description of the category of modality as one of the complex linguistic phenomena and philosophical categories. The linguistic syntactic means of expressing subjective modality from the standpoint of modern understanding of insertion and introduction in the Russian language are considered in detail.

Key words: objective and subjective modality, logical modality, introductory elements, insertion elements.

Об авторах:

Пантелеева Елена Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент Высшей школы корпоративного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; e-mail: PanteleevaEA17@yandex.ru.

УДК 811.112.2'37

ПРОФИЛИРОВАНИЕ ОЦЕНОЧНОГО КОМПОНЕНТА В СЕМАНТИКЕ ПРОИЗВОДНЫХ ЕДИНИЦ

Ю.И. Петракова

Минский государственный лингвистический университет, Минск

Статья посвящена проблеме выбора именуемым субъектом тех фрагментов опыта, которые выступают объектом оценочного отношения. На материале метафорических наименований немецкого языка установлена зависимость между деривационной выделенностью отдельных признаков и лексико-семантической принадлежностью производящих единиц.

Ключевые слова: номинация, менующий субъект, семантическая деривация, метафора, семантический признак, оценочность.

Двойственная природа языка, на которую указывал С.О. Карцевский, сочетает в себе, с одной стороны, способность выступать средством общения между членами языкового коллектива, а с другой – возможность выражать внутренний мир отдельного индивида, его отношение к тому или иному объекту. Важную роль автора, или «творца имен», отмечает Платон в диалоге «Кратил»: залогом «правильности» имени является верная интерпретация опыта взаимодействия с называемой сущностью [Платон 1990, с. 620–629]. Не ставя перед собой цель подробного описания критериев, определяющих «правильность» имени, отметим, однако, что Платон обращает внимание на весьма важный и при этом скрытый от непосредственного наблюдения процесс классификационно-познавательной деятельности человека, который предваряет создание наименования.

Этот предязыковой этап номинации сопровождается вынесением ряда суждений о называемом объекте – логических предикатов. Далее из всей совокупности суждений именуемый субъект выбирает один или несколько «координатных в рамках системы человеческого опыта» предикатов, которые составляют семантическую основу наименования [Аддиванкин 1986, с. 7–8]. Процедура выбора характеристик, достаточных для идентификации сущности, наиболее четко прослеживается при порождении наименований, представленных производными единицами – результатами словообразования и семантической деривации.

Вторичному использованию уже имеющейся единицы для обозначения новой сущности предшествует обработка, или профилирование, содержания исходного языкового знака, в результате чего говорящий конструирует связи между уже поименованным объектом – источником номинации – и тем, что требуется назвать, – целью номинации. Эти связи могут опираться на смежность обеих сущностей: «*der Finger*» – 1. «палец» > 2. «палец перчатки»; «*das Messer*» – «нож» > «*die Messerbank*» – «подставка для ножа». Основанием отношений также могут выступать некоторые характеристики, общие для источника и цели номинации, – цвет, форма, размер, поведение и др.: «*das Gold*» – «золото» > «*der Goldfisch*» – «золотая рыбка» («цвет»); «*die Nase*» – 1. «нос» > 3. «выступ скалы» («форма»). Выбирая те или иные номинативные признаки, именуемый субъект может выносить оценочное суждение об этих характеристиках, что закрепляется в

соответствующих наименованиях: «*die Flasche*» – 1. «бутылка» > 3. (груб., руг.) «пустышка», «ничтожество»; «*der Rüssel*» – 1. «хобот» > 3. (груб.) «нос», «шнобель» и др. В первом случае конструктивные особенности бутылки – ее полая часть – становятся основанием для сравнения с заурядным, пустым человеком. Во втором случае размер и форма хобота выполняют роль когнитивной опоры для оценочной номинации части тела человека. Задача данного исследования состоит в выявлении тех фрагментов знания об исходной сущности, которые наиболее часто избираются автором для порождения оценочных наименований.

В качестве объекта исследования выбраны метафорические номинации немецкого языка, образованные на базе наименований артефактов, животных, частей тела. Данные лексические классы производящих единиц особенно интересны для анализа профилируемых признаков, поскольку включают в себя слова с денотативно-сигнификативным значением и характеризуются многоаспектностью, тесной связью с денотатом, синтетичностью [Уфимцева 1974, с. 115], [Арутюнова 1976, с. 325–356].

В результате исследования было установлено, что единицы всех исследуемых лексических классов служат базой для порождения оценочных номинаций. Семантический сдвиг сопровождается смещением фокуса внимания автора с релевантных признаков объекта на его ценностные характеристики, которые не представлены в дефиниции производящей единицы. Так, единица «*der Hammer*» – 1. «молоток» может быть использована для обозначения тяжелой, серьезной ошибки или для выражения положительной оценки: («übertragen, umgangssprachlich, häufig emotional») «Sache, Vorgang oder Person von eindrucksvoller, emotionaler Wirkung». Можно предположить, что основанием для порождения оценочных номинаций на базе исходной единицы стал семантический признак «**функция**»: удар молотка сравнивается с сильным (положительным или отрицательным) впечатлением, производимым объектом, признаком или событием (ср. с оценочными восклицаниями «*Бомба!*», «*Огонь!*» в русском языке). Помимо функции, стержневого компонента в лексическом значении артефактонимов, оцениваются и другие характеристики исходного объекта: так, семантический дериват единицы «*die Säge*» – 1. «пила» > 4. (фам.) «неприятный человек», «пила» профилирует отрицательное оценочное отношение именуемого субъекта к **звуку**, который производит пила. В метафорическом переносе единицы «*die Maschine*» – 1. «мотор»,

«двигатель» > 5. (фам.) «крупная, массивная женщина» объектом оценки становится **размер** источника и цели номинации.

Использование зоонимов в качестве оценочных метафорических номинаций свидетельствует, прежде всего, об отношении именуемого субъекта к **внешнему виду** исходного объекта: «*die Ratte*» – 1. «крыса» > 2. «неприятный, отвратительный человек»; «*die Spinne*» – 1. «паук» > 2. «женщина с отталкивающей внешностью», «*die Eule*» – 1. «сова» > 2. «некрасивая женщина». Однако в качестве связующего компонента может выступать и **поведение** именуемого и исходного объектов: «*die Gans*» – 1. «гусь» > 2. (фам.) «глупая гусыня (о девушке)»; «*die Schlange*» – 1. «змея» > 2. «хитрый, коварный человек»; «*der Brüllaffe*» – 1. «обезьяна-ревун» > 2. (руг.) «крикун», «горлопан». Автор наименований приписывает ценностную значимость образу действия животных, связанному с особенностями их жизнедеятельности, что позволяет использовать исходные номинации при метафорических переносах.

Интересный пласт оценочных наименований представляют семантические дериваты наименований частей тела. Среди всех представителей данного лексического класса аксиологические признаки реализуют только наименования частей тела животных и только при номинации частей тела человека: «*die Klaue*» – 1. «лапа» > 2. (груб.) «лапа (о руке)»; «*der Schnabel*» – 1. «клюв» > 2. (разг.) «рот», «клюв»; «*die Mähne*» – 1. «грива» > 2. (шутл.) «густая копна волос», «грива» и др. От рассмотренных выше метафорических номинаций данные наименования отличаются тем, что выявить объект оценочного отношения затруднительно: части тела животных как таковые не вызывают отрицательных или положительных эмоций у говорящего. Речь идет, по-видимому, о противопоставлении «человек – животное», в рамках которого первый член оценивается положительно, а второй – отрицательно. Соответственно, отрицательная оценка животного проецируется и на его части тела, в результате чего возникают оценочные наименования частей тела человека.

Таким образом, создание оценочных метафорических наименований носит комплексный характер и охватывает не только профилирование свойств именуемой и исходной сущностей, но и вынесение оценочных суждений автора об этих свойствах. Примечательно, что на ценностную шкалу именующий субъект может помещать разнообразные признаки, однако их выбор не случаен и детерминирован, вероятно, как внешними, так и внутренними факторами. Согласно полученным данным, лексико-семантическая принадлежность производящих единиц выступает одним из языковых стимулов, определяющих избирательность оценочного отношения.

Библиографический список

1. Адливанкин С.Ю. Модели словообразовательного процесса и способы словообразования // Дери́вация и семантика: слово – предложение – текст: межвуз. сб. науч. тр. Пермь: Перм. гос. ун-т, 1986. С. 6–13.
2. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 383 с.
3. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. / Под ред. Лосева А.Ф., Асмува В.Ф., Тахо-Годи А.А. Т.1. М.: Мысль, 1990. 860 с.
4. Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. М.: Наука, 1974. 206 с.

PROFILIERUNG DER BEWERTENDEN KOMPONENTE IN DER SEMANTIK VON SEKUNDÄREN SPRACHLICHEN EINHEITEN

J.I. Petrakova

Minsker Staatliche Linguistische Universität, Minsk

Der Artikel behandelt das Problem der Wahl von Erfahrungselementen, die der Namengeber als Objekte seiner Bewertung einstuft. Am Beispiel der deutschen metaphorischen Bezeichnungen wird der Zusammenhang zwischen der Derivationssalienz einzelner Merkmale und lexisch-semantischer Zugehörigkeit von primären Einheiten festgestellt.

Schlüsselwörter: Nomination, Namengeber, semantische Derivation, Metapher, semantisches Merkmal, Bewertungsausdruck.

Об авторах:

Петракова Юлия Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики немецкого языка Минского государственного лингвистического университета. e-mail: juliapetrakova0887@gmail.com.

**АССОЦИАЦИИ ПО СМЕЖНОСТИ ИЛИ СМЕЖНЫЕ
СОСТАВЛЯЮЩИЕ ГЛУБИННОГО РАССКАЗЧИКА
В ПОВЕСТИ САШИ СОКОЛОВА «ШКОЛА ДЛЯ ДУРАКОВ»**

О.О. Петрова

*Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,
Калуга*

В работе описываются некоторые типичные схемы ассоциаций по смежности в тексте постмодернистской повести Саши Соколова «Школа для дураков». Рассказчик определяется как синтез смежных текстов. Разводятся понятия «ассоциация по смежности» и «перенос по смежности». В анализируемом художественном тексте представлены следующие типы ассоциаций по смежности: гипонимические проекции, проекции прецедентных событий, прецедентных текстов, проекции форм слов и конструкций.

Ключевые слова: глубинный рассказчик, ассоциация по смежности, перенос по смежности, гипонимическая проекция, прецедентные события, прецедентные тексты.

Кто рассказчик в повести Саши Соколова «Школа для дураков»?

Ответ может быть таким: глубинный рассказчик – сплав разного рода текстов, которые, располагаясь по смежности друг к другу, создают импрессионистскую картину неповторимого художественного многообразия жизни.

Мы можем логически представлять события в повести, а в подсознании ощущаем многомерность каждого описанного события и действия.

Рассмотрим некоторые смежные составляющие, которые в итоге дают эффект открытой художественной многоликости и аксиологической взвешенности.

В лингвистических исследованиях термины «ассоциация по смежности» и «перенос по смежности» часто используются как синонимы (в частности, см.: [Якобсон 1987]).

Однако при анализе художественного текста эти понятия целесообразно развести. Ассоциации («связь между отдельными представлениями, при которой одно из представлений вызывает

другое') по смежности не имеют обязательным следствием, как перенос по смежности, рождение нового значения слова.

Структура посмодернистского текста Саши Соколова «Школа для дураков», в частности, включает разнообразные элементы ассоциаций по смежности: гипонимические проекции, проекции прецедентных событий, прецедентных текстов, проекции форм слов и конструкций и т. п., которые в концентрированном виде представлены в потоке языкового сознания (о русском постмодернизме см.: [Липовецкий 1997]).

Ассоциации в художественном тексте разворачиваются:

1. По гипонимической проекции: «Ты не помнишь, что лежало в авоськах? Чай, сахар, масло, колбаса; свежая, быющая хвостом рыба; макароны, крупа, лук, полуфабрикаты; реже – соль» (Соколов 1976, с. 7–8).

2. По проекции прецедентных событий (частотная проекция) (о формах прецедентности см.: [Багаева, Гудков и др. 1997, с. 82–103]): «Это они, идиоты, вешают кошек на пожарной лестнице, это они плюют друг другу в лицо на больших переменах и отнимают друг у друга пирожки с повидлом, это они незаметно мочатся друг другу в карман, это они выкручивают друг другу руки и устраивают "темные", и это они, идиоты, изрисовали двери кабинок» (Соколов 1976, с. 85).

«Что же еще, – спрашивал учитель, похлопывая себя по карманам, чтобы найти спички, папиросы и закурить...» (Соколов 1976, с. 19).

По некоторым прецедентным событиям (покупка пижамы) можно изучать жизнь в СССР последней трети XX века: здесь прочитываются интересы советского покупателя и продавца, психология их поведения, речевые и коммуникативные характеристики общения и др.:

«...выходишь из кабины и девушку спрашиваешь как мол ничего сидит а она как на вас шили очень даже берите не пожалеете такого размера всего полтора комплекта осталось к вечеру ничего не будет берут очень тогда ты спрашиваешь мне кажется брюки немного узковатые а вам как кажется девушка отвечает а это фасон такой самый теперь модный куртка длинная и широковатая а брюки наоборот но если захотите так перешить же можно где расставить а вот тут например на куртке я бы наоборот в оборку взяла потому что куртка в талии действительно чуть широкая да вам жена сделает или в ателье снесите и меня спрашивает у вас машинка есть дома есть только неважная она раньше у меня зингеровская ножная была материна еще а когда дочь замуж выходила я ей подарила не жалею конечно но немного все же жалко но дочке тоже ведь необходимо у них теперь маленький растет ему то да се пошить иногда требуется пусть конечно шьет дочка на зингеровской а мы себе другую купили новая совсем электрическая но трудно

на ней работать толи она плохая то ли я не привыкла строчка на ней неровная выходит нитку рвет ...» (Соколов 1976, с. 35–36).

3. По проекции написания «конспекта» жизни, фиксируя прецедентные события этого пути:

История жизни «простой девочки с простой собакой», которая будет «... ловить такси, ездить на юг, воспитывать детей, часами простаивать в очередях, непоправимо стареть, одеваться по моде, ругать правительство, жить по инерции, пить корвалол, проклинать мужа, сидеть на диете, уходить и возвращаться, красить губы, не желать ничего больше, навещать родителей, считать, что все кончено, а также – что вельвет (драпбатистшелкситецсафьян) очень практичный...» (Соколов 1976, с. 48).

4. По проекции цитации прецедентных текстов из Библии, художественной литературы (разного объема и точности):

«Хлеб наш насущный дай нам днесь...» (Соколов 1976, с. 21).

«Я приду и приведу с собой убиенных и униженных вами и скажу: вот вам ваша правда и возмездие вам...» (Соколов 1976, с. 19).

«И ведь грянет, милый вы мой, да еще как грянет...» (Соколов 1976, с. 16).

Цитация может быть сопряжена с гротеском: товарищ прокурора Соколова весьма схож с Плюшкиным:

Ср. гоголевское описание Плюшкина: «Платье на ней было совершенно неопределённое, похожее очень на женский капот, на голове колпак, какой носят деревенские дворовые бабы, только один голос показался ему несколько силым для женщины» (Гоголь 1967, с. 58).

Описание товарища прокурора у С. Соколова: «На дачу едет – одет как человек, а только приехал – это сразу на голову колпак какой-то. На себя рвань всякую натягивает. На ноги – галоши и верёвкой подпоясывается, а галоши верёвочками подвязывает» (Соколов 1976, с. 57–58).

5. По проекции формы, например, наложение стилей:

«Он долго болел, у него была тяжелая продолжительная болезнь...» (Соколов 1976, с. 18).

6. По многообразным проекциям, формирующим поток сознания:

«Это пятая зона, стоимость билета тридцать пять копеек, поезд идет час двадцать, северная ветка, ветка акации или, скажем, сирени, цветет белыми цветами, пахнет креозотом, пылью тамбура, куревом, маячит вдоль полосы отчуждения, вечером на цыпочках возвращается в сад и вслушивается в движение электрических поездов, вздрагивает от шорохов, потом цветы закрываются и спят, уступая настояниям заботливой птицы по имени найтингейл; ветка спит, но поезда, симметрично расположенные на ней, воспаленно бегут в темноте цепочками, окликая по имени каждый цветок,

обрекая бессоннице желчных стационарных старух, безногих и ослепленных войной вагонных гармонистов, сизых путевых обходчиков в оранжевых безрукавках, умных профессоров и безумных поэтов...» (Соколов 1976, с. 11).

Проведённый анализ позволяет сформулировать вывод: русский постмодернизм впитал многообразные приемы создания образности русской и зарубежной литературы; объединив их, создал качественно новую форму художественности.

Библиографический список

1. Багаева Д.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Красных В.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. Вып. 1. М.: «Филология», 1997. С. 82–103.
2. Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм: Очерки исторической поэтики. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 1997. 317 с.
3. Якобсон Р. Заметки о прозе поэта Пастернака. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С. 324–338.

Источники

1. Гоголь Н.В. Собрание сочинений в семи томах. Т. 5. М.: ИХЛ, 1967. 202 с.
2. Соколов С. Школа для дураков. Анн-Арбор: Ардис, 1976. 170 с.

ASSOCIATIONS BY ADJACENCY OR RELATED COMPONENTS OF THE DEEP NARRATOR IN SASHA SOKOLOV'S NOVELLA «SCHOOL FOR FOOLS»

O.O. Petrova

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga

The paper describes some typical patterns of association by adjacency in the text of Sasha Sokolov's postmodern novel «School for Fools». A narrator is defined as a synthesis of related texts. The concepts of «association by adjacency» and «transfer by adjacency» are divorced. The analyzed literary text presents the following types of associations by contiguity: hyponymic projections, projections of precedent events, precedent texts, projections of word forms and constructions.

Key words: the deep narrator, association by adjacency, transference by adjacency, hyponymic projection, precedent events, precedent texts.

Об авторах:

Петрова Оксана Олеговна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; e-mail: poks1990@yandex.ru.

УДК 81'42:34

КОНФЛИКТОГЕНЫ В СУДЕБНОМ ДИСКУРСЕ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

А.А. Поверенная

Российский государственный университет правосудия, Краснодар

Ю.П. Нечай

Кубанский государственный университет, Краснодар

Конфликтогены в судебном дискурсе становятся особенно актуальны в контексте слияния юриспруденции и филологии и появления юридической лингвистики. Анализ высказываний лиц с доминантным поведением и негативной окраской может демонстрировать основные аспекты языковой конфликтологии и выявлять нарушения, связанные с нормами общения. Особый интерес исследователей вызывают конфликтогенные тексты, в которых может содержаться информация, способная привести к разногласиям и конфликтам.

Ключевые слова: конфликтогены, судебный дискурс, юриспруденция, поведение, негативная окраска, нормы общения, разногласия, конфликт.

Изучению лингвоконфликтологии подвергается доминантное поведение людей, которое проявляется в негативном доминировании одного человека над другим. Видимые нарушения языковых норм чаще всего присутствуют в высказываниях индивидов, которые используют в своей речи конструкции конфронтационного характера. Присутствие в языке отрицательной эмоциональной окраски является главным показателем «неприличности». Следовательно, анализ

высказываний лиц с доминантным поведением и негативной окраской может демонстрировать основные аспекты языковой конфликтологии и выявлять нарушения, связанные с нормами общения [Меликян 2019].

И.В. Кичева придерживается мнения, что конфликтогенный текст отличается присутствием элементов – отдельно взятых слов, словосочетаний, сверхфразовых единств, иконических знаков и т.д., – способных привести к спорным ситуациям между говорящим (пишущим) и адресатом информации и даже стать объектом судебного разбирательства [Кичева 2013].

Следует учесть и то, что в таком случае фактор публичности текста или его опубликованность в СМИ не является определяющим. Следовательно, важность конфликтогенности текста определяется не только его публичным характером, но и наличием специфических лингвистических и коммуникативных признаков, способствующих возникновению конфликтов. Особенно это касается судебных процессов, при проведении которых имеет место не простой обмен мнениями, а напряженный эмоциональный спор. Позиция адвоката в агональном дискурсе, по мнению А.А. Солдатовой, должна в основе своей иметь чёткую аргументацию. Аргумент является своего рода инструментом, позволяющим структурировать общение на уровне намерений. При этом, как отмечает исследователь, в научной литературе выделяют следующие виды аргументов: дескриптивные, эмоциональные, стимулирующие. Каждый из них редко рассматривается отдельно, так как они дополняют друг друга и относятся к определенному аспекту судебной оценки доказательств [Солдатова 2011]. Следовательно, судебный дискурс нельзя воспринимать только как аргументативный вследствие наличия в нем инвективной лексики, которая может уничижительно влиять на адресата. В своих исследованиях В.И. Жельвис выделяет понятие «стрессовая инвектива», характеризуя его как проявление эмоционального напряжения и негативных эмоций через инвективный язык. «Стрессовые инвективы», по его мнению, проявляются в случае резкого возникновения конфликтных ситуаций, в условиях которых человек испытывает сильное эмоциональное давление и теряет контроль над собой и своим поведением [Жельвис 1995]. Отсюда следует, что конфликтогенность в судебном дискурсе проявляется не только через аргументацию, но и через использование языковых средств, способных вызвать или усилить конфликтные ситуации между участниками процесса.

Рассмотрим более подробно выступления адвоката и обвинителя в деле Оскара Писториуса, вызвавшем общественный резонанс не

только в Южной Африке, но и во всем мире. Итак, при высказывании адвоката со стороны защиты была использована тактика атаки. Его высказывание «Двое дорогих люксовых часов исчезли из спальни спортсмена в день его ареста» (Oscar Pistorius Trial 2014) вправе рассматривать как конфликтогенное, поскольку оно может заключать в себе намёк на причастность полиции к исчезновению часов. Более того, адвокат утверждает, что полиция искажает факты, не предоставив все материальные доказательства: «Ру считает, что суд должен обязать государство предоставить защите доступ к шнуру (средству убийства). Ру возражает, что простое заявление: “у нас его нет” недостаточно убедительно» (Oscar Pistorius Trial 2014). Конфликтогенность в данном случае усматривается в том, что адвокат защиты использует тактику нападения через оговор, представляя полицию как возможно причастную к исчезновению ценных вещей обвиняемого и указывая на искажение фактов со стороны правоохранительных органов. Данные утверждения могут стать причиной противостояния между сторонами дела, поскольку подвергают сомнению действия и объективность полиции, что может привести к росту напряженности и появлению конфликтов в ходе судебного процесса. Высказывание претензий к правоохранительным органам и попытка вызвать подозрение на попытку вмешательства в ход расследования, усугубить тем самым напряженность в отношениях между сторонами и осложнить принятие решения по этому делу.

В своей речи адвокат прибегает также к попытке вызвать жалость к подсудимому, советуя обратить внимание на его здоровье и физическое состояние: «Он испытывает боли в спине при использовании протезов и не может стоять более часа» (Oscar Pistorius Trial 2014). Построенная таким образом речь адвоката может рассматриваться судом как конфликтогенная по нескольким причинам. Во-первых, демонстрация факторов, влияющих на здоровье и физическое состояние обвиняемого, может стать поводом для дискуссии между сторонами касательно влияния этих обстоятельств на само дело. Такие аргументации могут послужить основой для возникновения противоречий и сомнений в достоверности доказательств.

Во-вторых, подробное описание адвокатом физического состояния обвиняемого может стать поводом для сомнения в его способности совершать определенные действия, а также вызвать жалость и тем самым повлиять на ход событий и вынесение приговора.

Сторона обвинения также использует в своей речи конфликтогенные высказывания. Прокурор пытался создать

негативный портрет подсудимого, аргументируя тем, что «сосед по комнате жаловался на то, что Писториус часами кричал на людей по телефону. Он обвиняет его также в трех нарушениях Закона о контроле за огнестрельным оружием. Одно из них – незаконное хранение боеприпасов и двукратное использование огнестрельного оружия в общественных местах. Обвиняемый не признает себя виновным по этим обвинениям» (Oscar Pistorius Trial 2014). Упоминание же аспектов, не связанных с рассматриваемым на данный момент делом, может отвлечь внимание судей от основного вопроса, создать дополнительные спорные моменты и высветить несущественные детали. И, как следствие, осложнить общую атмосферу в зале суда, привести к конфликтной ситуации между сторонами и затруднить справедливое и объективное разрешение дела. Недопущение информации, уводящей суд в сторону от важных юридических аспектов дела будет способствовать более спокойному и эффективному проведению судебного процесса.

В объеме текстов судебного разбирательства можно выделить некоторые языковые единицы, которые выступают ключевыми конфликтообразующими индикаторами в судебном дискурсе. В высказываниях обеих сторон имеет место инвективная и негативная оценочная лексика, например, к таковой можно отнести слово «*liar*» / «*лжец*». Его использование в процессе суда приводит к спорам и даже является поводом к обращению в комиссию по правам человека для анализа допустимости такой характеристики при обсуждении фактов, касающихся дела. Заявитель Ян Ландман, бывший член Комиссии по защите прав культурных, религиозных и языковых сообществ, обратился с просьбой о проведении расследования. В жалобе, которую он направил в SAHRC, по его мнению, Нел заранее нарушает право на справедливый суд, обозвав Писториуса лжецом (Oscar Pistorius Trial 2014).

В текстах проведенного процесса отмечается также употребление слов, относящихся к негативной оценочной лексике: «лживый и нечестный человек, ужасный свидетель, который подстроил свои показания, чтобы избежать судебного преследования» (Oscar Pistorius Trial 2014).

Адвокат и обвинитель употребляют в своих выступлениях и экспрессивные средства, например, в метафоре «снежный ком лжи, целая дюжина несоответствий» (Oscar Pistorius Trial 2014).

Таким образом, специфика судебного дискурса, который характеризуется как аргументативностью, так и конфликтогенностью, в значительной мере отличается от других видов юридического

дискурса. Стороны в суде могут преследовать различные коммуникативные цели, используя всевозможные тактики и приемы. Например, адвокаты пользуются часто тактикой нападения путем подначивания, издевки и иронии, а также приемами психологического воздействия, пытаясь вызвать у участников сомнения или, наоборот, сострадание. В текстах выступления обвинителя часто отмечается присутствие психологических тактик, в том числе упрека, иронии и дискредитации.

Библиографический список

1. Жельвис В.И. Некоторые эмоциогенные особенности инвективного общения // Язык и эмоции: сборник научных трудов. Волгоград: Перемена, 1995. С. 24–31.

2. Кичева И.В. Особенности квалификации категории оценки в конфликтогенном тексте // Функционирование русского языка как государственного в современных условиях: Всеросс. науч.-практ. конф. М.: РПА Минюста России, 2013. С. 65–68.

3. Меликян В.Ю. Методология и практика юридизации инвективной лексики // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия. 2019. № 9. С. 5–26.

4. Солдатова А.А. Специфика речевых стратегий в адвокатском дискурсе // Права и свободы человека: проблемы реализации, обеспечения и защиты: мат. междунар. науч.-практич. конф. Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера», 2011. С. 163–166.

Источники

1. Oscar Pistorius Trial: the full story, day by day [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.theguardian.com/world/2014/oct/21/oscar-pistorius-trial-full-storyreevasteenkamp> (дата обращения 30.04.2024).

CONFLICT GENERATORS IN JUDICIAL DISCOURSE: FUNCTIONAL ASPECT

A.A. Poverennaya

Russian State University of Justice, Krasnodar

Yu.P. Nechai

Kuban State University, Krasnodar

Conflict agents in judicial discourse become especially relevant in the context of the merger of jurisprudence and philology and the emergence of legal linguistics. Analysis of statements by persons with dominant behavior and a negative connotation can demonstrate the main aspects of linguistic conflictology and identify violations associated with communication norms. Of particular interest to researchers are conflict-prone texts, which may contain information that can lead to disagreements and conflicts.

Key words: conflict agents, judicial discourse, jurisprudence, behavior, negative connotation, communication norms, disagreements, conflict.

Об авторах:

Поверенная Анастасия Александровна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры языкознания и иностранных языков Российского государственного университета правосудия; e-mail: adamovich2@yandex.ru.

Нечай Юрий Петрович – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии Кубанского государственного университета; e-mail: nechay_ur@mail.ru.

**О ЗНАЧЕНИИ МИФОЛОГИИ ВЫМИРАЮЩЕГО НАРОДА
ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕДЫСТОРИИ ЯЗЫКА
(НА ПРИМЕРЕ КЕТОВ)**

Г.Т. Поленова

*Таганрогский институт имени А.П. Чехова
филиал Ростовского государственного
экономического университета (РИНХ), Таганрог*

В статье рассматриваются особенности кетской мифологии. Утверждается, что она является классической мифологией древних людей и что кетский язык сохранил и отразил становление языка, его грамматики на базе сакральных моносиллабических звуко сочетаний путём комбинации трёх гласных-дейксисов «i / e», «u», «a / o» и классифицирующих согласных «b», «d», «s», «k», «l», «m», «n», «ŋ».

Ключевые слова: классическая мифология, кеты, кетский пантеон, дуализм, дейктические частицы, грамматические показатели.

В своей классической работе «Лингвистика третьего тысячелетия» В.В. Иванов наряду с другими обозначил задачу описания языков, находящихся на грани исчезновения [Иванов 2004, с. 100]. К ним относится енисейский уникальный архаичный кетский язык, значение которого для диахронического исследования языка трудно переоценить.

Кеты живут в небольших посёлках Туруханского района Красноярского края, разбросанных по берегам и притокам Енисея. До начала XX в. кеты жили семьями, связанными кровным родством по отцовской линии. Семьи образовывали стойбища (2-3 семьи). Сородичей связывала общая вера в легендарных предков – семейных покровителей, общие священные места, праздники по случаю добычи медведя и лося, обряд кормления рек и «дорожной старухи», встреча первых птиц и др.

С каждым годом количество носителей кетского языка катастрофически уменьшается. Недалёк тот день, когда некому будет сказать: «Я кето (так они себя называют) и я говорю по-кетски». Благодаря кетологам, собравшим большой полевой материал этого бесписьменного языка и этнографам, записавшим мифы и легенды кетов старшего поколения (год рождения 1915-1925) есть возможность

продолжать работать над полученными данными. Автору предлагаемой работы повезло в этом плане в экспедициях к елогуйским (р. Елогуй – приток Енисея), курейским (р. Курейка – приток Енисея) и бакланихинским (р. Бакланиха – приток Енисея) кетам.

Исследование материалов этого языка на фоне древнейшей мифологии и обрядов кетов даёт возможность представить начало развития языка как отражение верований и обычаев древних людей, их мифологии.

По определению М.А. Можейко во «Всемирной энциклопедии», «Мифология (греч. «*mythos*» – «сказание» и «*logos*» – «рассказ») – тип функционирования культурных программ, предполагающих их некритическое восприятие индивидуальным и массовым сознанием, сакрализацию их содержания и неукоснительность исполнения» [Можейко 2001, с. 644]. Мифология древних народностей названа классической (КМ). Она базируется на архаических формах ментальности и характеризуется глобальностью своего масштаба, моделируя весь мир. В содержании КМ закладываются наиболее фундаментальные вопросы бытия [там же, с. 645].

Типовыми характеристиками КМ являются антропоморфизм; тотальное оживотворение бытия; одушевление фрагментов Космоса и бинарные оппозиции («жизнь – смерть», «живое – неживое» и т.п.).

Дуализм отражен в сознании кетов как в мифологии, так и в языке. Он основан на двух началах: «Земля» / «*baŋ*» и «Небо» / «*Es'*».

Мифологическая модель мира кетов содержит архаические представления о женщинах-созидательницах, Матерях Природы, которые генетически восходят к верхнему палеолиту (более 30 тысяч лет до нашей эры) [Хлобыстина 1987, с. 10] По представлениям кетов, всеобщее материнское начало лежит в основе мироздания. Все основные стихии природы (земля, вода, огонь), а также страны света олицетворяются в женских, материнских образах. Как женское начало почитаются солнце, звезды, заря.

Кетский пантеон содержит множество женских божеств. Их имена имеют суффикс «-*am*», ср. «*am*» «мать»: «*Hos'adam*», «*Tomam*», «*Dootam*», «*Kolbasam*». Две богини противопоставлены друг другу – «Хоседам» и «Томам»: Хоседам – Мать Низовья (Енисея) и олицетворение Севера. Томам – Мать Юга, Южное Небо, мать перелетных птиц, в частности лебедей [Алексеенко 2001, с. 28].

Земля «*baŋ*» – общеенисейское слово, «*Baŋam*» («*baŋ*» – «земля», «*am*» – «мать») – это живое существо, первопричина жизни и смерти, ср.: «*baŋam-da*» (-*da* – показатель родительного падежа) «*baŋbil'o tuŋaŋ*» «от

матери-земли мне даны эти завязки (табуированное «дети»)). От земли у всего живого есть пупок «*ti'l'*». У самой земли тоже есть пупок «*baŋtil'*». Он находится в центре поселения кетов. Напротив него на небе небесный пупок – Полярная звезда.

С землёй связан чёрный цвет. На бубне шамана чёрной краской изображался нижний мир, а красный цвет символизировал небо, верхний мир: *Es'* «небо / погода / бог». Бог «*Es'*» – существо мужского пола – выступает в разных ипостасях, в зависимости от времени года, сторон горизонта, времени суток, проявлений погоды и других феноменов, например: «*Kli-es*» – «Бог света», «*Us'-es*» – «Бог тепла», «*Taj-es*» – «Бог холода», «*Ul'-es*» – «Бог дождливой погоды» («*ul'*» – «вода»), «*Sil'-es*» – «Бог летней поры», «*Kal'-es*» – «Бог войны» и т.п. С Эсем связан белый цвет.

Сравним: «*Baŋ-am*» – «Богиня земного мира», «*Ul'-am*» – «Богиня воды», «*Tom-am*» – «Богиня юга», «*Qa-γ-am*» – «Великая мать» (в языке шаманов), «*Bis(s)-am*» – «мать вечера / запада», «*Tiγil-am*» – «Мать нижнего течения Енисея», «*Qodaŋ-am*» – «Богиня / мать смерти» и т.д.

Границы между реальным и сверхъестественным миром у кетов не существовало, но жизнь людей в реальном мире, особенно состояние их души / душ (у кетов их семь), успехи на охоте и при ловле рыбы сильно зависели от воли Бога и его представителей [Werner 2010, S. 30–33]. Для кетов солнце «*i*», месяц «*qi-p*», полярная звезда «*qɔ²*» считались живыми существами, которые когда-то жили на земле, а потом они переселились на небо. Люди могли превращаться в животных или в птиц, например, в белку «*sa²q*», в кукушку «*qɔqɔpin'*» и т.п.

Солнце имеет одно и то же название во всех шести енисейских языках – «*i*» (существо женского пола). Материальную сущность солнца для кетов объяснил В.И. Анучин как «сплошной огонь», «небесный костёр», который горит на каждом небе (небес семь) [Анучин 1914, с. 15].

Представляется, что лексемы «*am*», «*es'*», «*baŋ*», «*ul'*», «*us'*», «*i*» нашли отражение в становлении грамматических показателей кетского языка, т.е. древнейшие слова дали материал для формирования грамматики. Следует иметь в виду, что кеты сохраняли родовой строй ещё в XVIII веке, а жизнь в чумах застали ещё и мы вовремя экспедиции на озеро Мадуйское. Следовательно, сакральность звуков сохранялась до сравнительно недавнего времени, и кетский язык демонстрирует черты всех этапов развития языка в целом согласно контенсивной типологии [Климов 2009].

От лексемы «*es'*» развились строевые элементы: «*es'/is'*» – «*as'*» – «*us'*» и «*s'e/s'i*» – «*s'a*» – «*s'u*», выразившие объективную сущность, не

связанную с конкретным *ego*, т.е. «быть, существовать». С рядами действительных частиц «*ab*» – «*ib*» – «*ob*» – «*ub*» с метатезой «*ba*» – «*bi*» – «*bo*» – «*bu*» ассоциировалась связь с агенсом, его телом, с землей [Поленова 2002, с. 164–180].

Е.А. Алексеенко отмечала: «Живой человек являет собой единство видимого и невидимого. Видимое – это собственное тело» [Алексеенко 1999, с. 60]. Личные местоимения у кетов: «*ad*» – «я», «*u/uk*» – «ты», «*bi*» – «он / она».

Ранее мы предположили, что первичные действительные частицы, послужившие грамматическому оформлению кетских имени и глагола, представляли собой сочетание различных классифицирующих согласных с одним из трёх дейксисов: «*i/e*», «*u*», «*a/o*» по типу кетских указательных местоимений: «*ki*» – «этот», «здесь», «*tu*» – «этот», «сфера собеседника», «*qa*» – «тот» [Поленова 2002, с. 20–21]. Сравним ряды глагольных показателей: «*di*» – «*du*» – «*da*» и «*bi*» – «*bu*» – «*ba*» – «*bo*» (группы «*B*» и «*D*» по К. Боуда [Bouda 1957, S. 98]). Частицы с классным показателем «*d*» соотносились с чем-то постоянным, богом данным, одушевленным. Не случайно представитель верхнего мира орел у кетов называется «*di*». Сравним также: «*Dog*» – «верховный шаман, живущий на небе; а также две формы личного местоимения 1-го лица: «*ad*» и «*ab*» («*ad*» – «я от Бога»; «*ab*» – «я от Земли, от Матери»). Этим можно объяснить грамматизацию частиц «*di-du-da*» как показателей лица состояния или процесса («*di*» следует понимать, как «живой здесь, сейчас»), ср.: «*diba*» – «я ем» («*di*» – «я», «*-b-*» – «тело», «*-a-*» – «процесс»).

Суффикс «*-at*» вошел в грамматику как предикативный показатель, не связанный с временем и пространством,

Так, на наш взгляд, увязывается кетская мифология с формированием языковых явлений.

Библиографический список

1. Алексеенко Е.А. Кеты. Санкт-Петербург: Просвещение, 1999. 108 с.
2. Алексеенко Е.А. Мифы. Предания. Сказки кетов. М.: Вост. Лит., 2001. 342 с.
3. Анучин В.И. Очерк шаманства у енисейских остяков. Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. Наук, 1914. 90 с.
4. Иванов В.В. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. М.: Языки славянской культуры, 2004. 208 с.

5. Климов Г.А. Типология языков активного строя. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 320 с.

6. Можейко М.А. Мифология // Всемирная энциклопедия: Философия. Москва: АСТ; Минск: Харвест, Современный литератор, 2001. С. 644–647.

7. Поленова Г.Т. Происхождение грамматических категорий глагола (на материале енисейских языков). Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 2002. 202 с.

8. Хлобыстина М.Д. Говорящие камни. Сибирские мифы и археология. Новосибирск: Наука, 1987. 128 с.

9. Bouda K. Die Sprache der Jenissejer. Genealogische und morphologische Untersuchungen // Anthropos. 52. 1957. S. 65–134.

10. Werner H. Zur Typologie der jensejischen Protokultur (nach sprachlichen und mythologischen Daten). München: LINCOM EUROPA, 2010. 177 S.

ÜBER DIE BEDEUTUNG DER MYTHOLOGIE EINES UNTERGEHENDEN VOLKES FÜR DAS STUDIUM DER VORGESICHTE DER SPRACHE (AM BEISPIEL DER KETEN)

G.T. Polenowa

*Staatliche Wirtschaftsuniversität Rostov-am-Don,
Zweigstelle «A.P. Tschchow-Institut Taganrog», Taganrog*

Im Artikel werden die Merkmale der archaischen Ket-Mythologie beschrieben. Es wird argumentiert, dass es sich um die klassische Mythologie der archaischen Menschen handelt und dass die Sprache der Ketten die Spuren von Formierung und Gestaltung der Sprache auf der Grundlage der Mythologie bewahrt und widergespiegelt hat, wobei ihre Grammatik auf einsilbigen Lautkombinationen von drei Deixis-Vokalen «i/e», «u», «a/o» und Klassifizierungskonsonanten «b», «d», «s», «k», «l», «m», «n», «ŋ» basiert.

Schlüsselwörter: klassische Mythologie, Ketten, Ket-Pantheon, Dualismus, deiktische Partikel, grammatikalische Indikatoren.

Об авторах:

Поленова Галина Тихоновна – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала) Ростовского-на-Дону государственного экономического университета (РИНХ); e-mail: polenova@mail.ru.

АВТОРСКИЙ ИДИОСТИЛЬ И ЛИТЕРАТУРНОЕ ПОДРАЖАНИЕ В НЕМЕЦКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Е.П. Привалова

*Московский государственный лингвистический университет,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации, Москва*

Индивидуальный стиль автора, в частности языковые средства его создания, является объектом пристального внимания лингвистов. Методика исследования идиостиля разработана на материале творчества отдельных авторов. В настоящем докладе анализ идиостиля в свете явления литературного подражания осуществляется на материале современной немецкой детской литературы.

Ключевые слова: идиостиль, немецкая детская литература, литературное подражание, стилизация.

Явлению индивидуального стиля автора, а также разграничению понятий «идиостиль» и «идиолект» посвящено множество работ. Основы изучения проблематики заложены такими выдающимися учеными, как Ю.Н. Тынянов, Ю.Н. Караулов, В.В. Виноградов, Б.А. Ларин, В.П. Григорьев и др. Академик В.В. Виноградов, рассуждая о проблеме авторства и стиля, отмечает, что «многостильность искусства ... в новую эпоху развития искусств является характерной принадлежностью индивидуального стиля» [Виноградов 1961, с. 17–18]. В.В. Виноградов подчеркивает, что автор является, с одной стороны, представителем «своей эпохи, своего общества, своей социальной среды» и «не только звеном, но и движущей силой, действенным фактором в истории творчества культурных ценностей, важных для его нации и даже для всего мира», а с другой стороны, носителем личного, индивидуального опыта, который он передает в своем произведении [там же, с. 35]. И то, и другое находит отражение в творчестве автора. В.В. Виноградов пишет о стиле как «об индивидуальной или индивидуализированной системе средств выражения и изображения, выразительности и изобразительности, сопоставленной или противопоставленной другим однородным системам» [там же, с. 8]. Среди признаков индивидуального стиля В.В. Виноградов называет экспрессивные качества речи, которые служат, в том числе,

образованию «характеров и сложных литературных композиций», формы и приемы «речевого словоупотребления, речевых конструкций» [Виноградов 1963, с. 53], а также формы отступления от норм литературного языка, формы повествования, особенности ритма и образного строя произведения, взаимодействия образов, их речевые характеристики и проч. [там же, с. 65–66].

В.П. Григорьев сравнивает стиль автора с лентой Мебиуса и отмечает, что установить особенности стиля можно, только проследив «множество «стилистических точек», иногда почти незаметных особенностей стиля» [Григорьев 2021, с. 133].

Ю.А. Борисенко и К.С. Сайтаева, анализируя подростковую литературу, приходят к выводу о взаимосвязи идиостиля писателя и жанровой принадлежности художественного произведения [там же].

В настоящем докладе анализируется такое явление, как литературное подражание, на примере произведений немецкой детской литературы. Литературное подражание тесно связано с понятием индивидуального стиля автора, так как реализуется посредством стилизации.

В качестве первоисточника рассматриваются произведения немецкого автора и иллюстратора Хорста Эккерта (Horst Eckert), известного под псевдонимом Янош (Janosch) (род. в 1931 году), современного классика детской литературы. Наибольшую популярность приобрел цикл его рассказов о Тигренке и Медвежонке («Oh, wie schön ist Panama»; «Komm, wir finden einen Schatz»; «Guten Tag, kleines Schweinchen»; «Post für den Tiger» и др.), вышедшие в конце 70-х – начале 80-х гг. и экранизированные в конце 80-х – начале 90-х гг. Произведение «Oh, wie schön ist Panama», написанное и проиллюстрированное Яношем, в 1979 году было отмечено самой престижной наградой – государственной Немецкой премией в области литературы для детей и юношества. Персонажи историй Яноша любимы уже несколькими поколениями немецких читателей. Стиль отличается тонким юмором, игрой слов, забавными идеями. Литературные аналогии в сюжетном и идейном отношении можно наблюдать на межнациональном уровне: например, в ландшафте русскоязычной литературы истории Яноша, их герои, идеи и даже некоторые мотивы перекликаются со сказками С. Козлова и М. Пляцковского.

С 2018 года в Германии выходит новая серия книг автора Флориана Фиккеля (Florian Fickel) (род. в 1969 году) с иллюстрациями Йоханны Зайпельт (Johanna Seipelt). Кроме того, в 2023 году вышел сборник историй автора Анны Поох (Anna Pooch) с иллюстрациями

Кирстен Хеккер (Kirsten Höcker). Эти книги снабжены подзаголовком «Nach einer Figurenwelt von Janosch», анонсирующим обращение к персонажам Яноша.

Литературное подражание осуществляется на нескольких уровнях.

1. Сюжетно-композиционный уровень, система образов.

В основе авторских сказок лежит взаимодействие двух центральных персонажей – Тигренка и Медвежонка. Аналогично сказкам Яноша, герои Фиккеля отправляются в походы, переживают различные события, в ходе которых актуализируются такие морально-нравственные ценности, как преданность, дружба, умение ценить и любить свой дом, свое окружение, забота о близких, сострадание. Трудные ситуации разрешаются с юмором и душевным теплом. Историям присущ приключенческий дух. Центральные герои сказок взаимодействуют с другими персонажами (Тетушка Гусыня, Сонный Крот и др.). Один из ярких заимствованных образов – Тигровая Утка, автором этого персонажа – игрушки также является Янош.

2. Графическое оформление.

Литературное подражание осуществляется и на уровне иллюстраций. В своих иллюстрациях Й. Зайпельт точно воспроизводит образы оригинальных персонажей, созданных Яношем, а также ландшафты местности, где происходит действие сказок. Таким образом, читатель погружается в мир образов и на уровне графического восприятия.

3. Языковой уровень – заголовки и стилистические средства.

Ряд заголовков сказок повторяют восклицательную конструкцию самой известной оригинальной сказки «Oh, wie schön ist Panama», а именно: «Oh, wie schön doch Freunde sind!» либо используют грамматические трансформации заголовка, одновременно обращаясь к эпитету schön: «Freunde, ist das Leben schön!» и «Was für ein prima Leben, Freunde!».

Из стилистических средств для оригинального языка Яноша характерны особые конструкции предложений с применением парцелляции, эллиптических конструкций, повторов, параллельных конструкций, например: «Erste Schaufel – Erde. Zweite Schaufel – Erde. Einen Meter tief, das Loch. Sieben Meter tief, das Loch, und immer noch keine Kiste mit Gold und Geld» (Janosch 1979, S. 8).

Аналогичный пример с использованием парцелляции и повторов можно найти у Фиккеля: «Und dann sprachen sie noch über andere wichtige Dinge. Über das Wetter. Über Körner und Pilze. Über die Sterne» (Fickel 2018, S. 10).

Янош применяет особый прием – обращение автора-повествователя к героям, например: «He, kleiner Bär und kleiner Tiger! Seht ihr nicht die Flaschenpost auf dem Fluss?» (Janosch 1978, S. 16). Такой же прием применяет Фиккель: «Und jetzt schnell zurück ins Bett, kleiner Tiger. Damit der kleine Bär nichts bemerkt» (Fickel 2018, S. 16).

Приведенный пример стилизации иллюстрирует случай литературного подражания признанному и любимому читательской аудиторией классику детской литературы. Согласно отзывам читателей, современные родители с радостью читают детям продолжение историй, которые входили в круг их собственного чтения в детстве.

Библиографический список

1. Борисенко Ю.А., Сайтаева К.С. Особенности передачи идиостиля автора подростковой литературы при переводе (на материале романа S. Chbosky «The Perks of being a wallflower») // Многоязычие в образовательном пространстве. Ижевск, 2021. С. 97–104.

2. Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей. М.: Гос. Изд-во художественной литературы, 1961. 614 с.

3. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. 253 с.

4. Григорьев В.П. Из прошлого лингвистической поэтики и интерлингвистики. М.: Едиториал УРСС. 2021. 165 с.

Источники

1. Fickel, F. Was für ein prima Leben, Freunde! Hamburg: Dressler Verlag, 2023. 240 S.

2. Fickel, F. Freunde, ist das Leben schön! Hamburg: Dressler Verlag, 2018. 128 S.

3. Janosch. Oh, wie schön ist Panama. Weinheim: Beltz, 1978. 48 S.

4. Janosch. Komm, wir finden einen Schatz. Weinheim: Beltz, 1979. 36 S.

5. Pooch, A. Oh, wie schön doch Freunde sind! Hamburg: Oetinger Verlag, 2023. 128 S.

AUTHOR'S IDIOSTYLE AND LITERARY IMITATION IN GERMAN CHILDREN'S LITERATURE

E.P. Privalova

*Moscow State Linguistic University,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow*

The individual style of the author, in particular, the linguistic means of its creation, are the object of close attention of linguists. The methodology for studying idiosyle was developed based on the work of individual authors. In this report, the analysis of idiosyle in the light of the phenomenon of literary imitation is carried out on the material of modern German children's literature.

Key words: idiosyle, German children's literature, literary imitation, stylization.

Об авторах:

Привалова Елена Павловна – старший преподаватель кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка Московского государственного лингвистического университета; преподаватель кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; e-mail: privalova.ep@yandex.ru.

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНОЧНОСТИ И ЭМОТИВНОСТИ В ТЕКСТЕ АУДИОДЕСКРИПЦИИ (ТИФЛОКОММЕНТАРИЯ)*

А.В. Раздубев

Пятигорский государственный университет, Пятигорск

** Публикация выполнена в рамках научного проекта «Разработка лингвистических принципов и проектирование технических решений для создания прототипа нейросети для сопровождения аудиодескрипции» по Государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ (ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», проект № 1022100500014-8-6.2.1, науч. рук. – канд. филол. наук, проф. А.В. Раздубев).*

Оценочность и эмотивность – это важные категории, которые находят отражение в тексте аудиодескрипции (тифлокомментария) к фильму. В статье анализируются особенности выражения данных категорий в тексте русскоязычной аудиодескрипции к фильму «Гарри Поттер и философский камень» (2001). В ходе работы выделены лексические средства выражения оценочности и эмотивности – наречия, имена существительные с предлогом и без, имена прилагательные / причастия, глаголы с соответствующей семантикой, а также целые словосочетания, в том числе с образными сравнениями. В рамках аудиодескрипции к фильму в плане оценки преобладает описание размера, а в плане эмотивности превалирует удивление в рамках широкого спектра выражаемых эмоций в целом.

Ключевые слова: оценочность, эмотивность, аудиодескрипция, текст, тифлокомментарий, тифлокомментирование.

Зачастую категории оценочности и эмотивности расцениваются как тесно взаимосвязанные, однако имеют отличия в том, что относятся, соответственно, к *оценочной*, базирующейся на когнитивных функциях сознания, имеющей рациональную основу, и *эмоциональной*, относящейся к психической сфере, видах деятельности человека. Оценка в языке (положительная или отрицательная оценка предмета) выступает как результат интерпретативной деятельности сознания и относится к денотативному блоку, т.е. дает информацию о сущностных признаках объекта, в то время как эмоционально окрашенные выражения – к коннотативному, сообщающему дополнительную

информацию о говорящем, о его эмоциональном отношении [Солодилова, Шепеля 2015; Уафа 2023].

Тифлокомментарий, или аудиодескрипция – это целевая информация, специально подготовленная для лиц с ограниченными возможностями здоровья, имеющих проблемы со зрением – слепых и слабовидящих для замещения (или дополнения) визуальной информации, которую может воспринимать зрячий и которая из-за проблем со зрением или слепоты им полностью или частично недоступна [Ваньшин, Ваньшина 2011, с. 6].

Аудиодескрипция (тифлокомментарий) статичных и динамичных объектов также содержит различные оценочные и эмотивные компоненты. Следует отметить, что исследование текстов аудиодескрипции (тифлокомментариев) находится на начальном этапе, особенно в плане допустимости / недопустимости и даже необходимости использования оценочной и эмоционально-окрашенной лексики.

Целью исследования выступает анализ особенностей выражения категорий оценочности и эмотивности в тексте аудиодескрипции (тифлокомментария) к фильму «Гарри Поттер и философский камень» (2001), выявления процентного соотношения оценочной и эмоциональной лексики.

Методы исследования включают метод сплошной выборки, методы дефиниционного, семантического и компонентного анализа, а также методики количественного подсчета для выделения частотно и менее часто встречающихся слов и словосочетаний для выражения оценочности и эмотивности.

Материалом для анализа послужили отобранные методом сплошной выборки слова и словосочетания, имеющие оценочную и эмоциональную окраску, общим объемом 150 единиц, взятые из текста русскоязычной аудиодескрипции (тифлокомментария) к фильму «Гарри Поттер и философский камень» (2001) (Гарри Поттер и философский камень. Тифломедиа) и соответствующие фрагменты, в которых они встречаются. В расчет не берется сам кинотекст – реплики персонажей и прочие текстовые элементы фильма (таблички, надписи и т.д.). Для распознавания текста аудиодескрипции и перевода ее в текстовый формат для анализа был использован электронный ресурс Speech2Text (Speech2Text).

В ходе работы был изучен текст аудиодескрипции (тифлокомментария) фильма «Гарри Поттер и философский камень» (2001) с позиций наличия лексических средств выражения оценочности и эмотивности. Следует отметить, что категория оценочности в тексте

аудиодескрипции проявляется в обозначении размера (частотны имена прилагательные: «*большой*», «*небольшой*», «*маленький*», менее частотны: «*пухлый*», «*толстый*», «*широкий*», «*мешковатый*» и др.), роста («*высокий*»), состояния («*ухоженный*», «*потертый*», «*густой*» и др.), скорости (частотны наречия: «*медленно*», «*быстро*»), возраст («*старый*», «*старинный*» и др.), собственно оценки («*плохо (освещенный)*»). В некоторых случаях используются другие оценочные имена существительные, имена прилагательные, глаголы и целые словосочетания («*фолиант*», «*восседает*» и др.). Приведем некоторые примеры:

(1) 00:00:29-00:00:37 – «Из-за деревьев на тротуар выходит **высокий** человек. На нем темно-бордовая мантия, остроконечный колпак. **Ухоженные** седые волосы спадают на плечи и спину» (Гарри Поттер и философский камень. Тифломедиа) – в тексте аудиодескрипции обозначен рост героя, а также состояние его волос.

(2) 00:13:13 – «В его [Хагрида] руках **маленький** розовый зонтик спину» (Гарри Поттер и философский камень. Тифломедиа) – размер предмета по сравнению с героем.

(3) 00:37:48 – «Ночь. Подошедший к **небольшой** станции поезд встречает Хагрид с **большим** ручным фонарем спину» (Гарри Поттер и философский камень. Тифломедиа) – противопоставление по размеру станции, самого героя и предмета, который он держит.

(4) 01:11:56 – «Гермиона вылезает из своего укрытия и **медленно** подходит к ребятам спину» (Гарри Поттер и философский камень. Тифломедиа 2024) – наречие образа действия.

(5) 01:37:42 – «[Гермиона] Бросает на стол перед ребятами **большой фолиант** спину» (Гарри Поттер и философский камень. Тифломедиа 2024) – целое словосочетание для обозначения размера книги.

(6) 01:40:27 – «На столе оказывается **небольшой размером с кошку** темно-зеленый дракон спину» (Гарри Поттер и философский камень. Тифломедиа) – оценка размера с помощью образного сравнения.

Выражение эмоций и чувств несколько менее частотно в рамках аудиодескрипции по сравнению с оценкой в связи с ее спецификой. Ключевыми лексическими средствами обозначения эмотивности выступают, главным образом, наречия, конструкции предлога и имени существительного, имена прилагательные и имена существительные. Наиболее частотной эмоцией, встречающейся в тексте аудиодескрипции к фильму, является удивление («*удивленно*», «*с удивлением*», «*удивляться*», «*удивленный (взгляд)*», «*(открыть рот) от удивления*», менее частотны: грусть («*грустные (глаза, лица)*», «с

грустью»), радость («радостно», «радость», «радостная (улыбка)»), счастье («счастливая улыбка», «счастливо», «счастливый»), испуг («испуганно», «испуганный»), злорадство («злорадно», «злорадные смешки»), ярость («с яростью») и некоторые др. («нежно», «судорожно» и др.).

Приведем некоторые примеры из текста аудиодескрипции (тифлокомментария) к фильму «Гарри Поттер и философский камень» (2001):

(7) 00:08:49 – «[Гарри] **С удивлением** разглядывает один из конвертов спину» (Гарри Поттер и философский камень. Тифломедиа) – выражение эмоции с помощью предлога и имени существительного).

(8) 00:21:03 – «Хагрид указывает Гарри на магазинчики. У того, **от удивления, открыт рот** спину» (Гарри Поттер и философский камень. Тифломедиа) – выражение эмоции с помощью глагольного словосочетания.

(9) 01:38:26 – «Рон и Гарри обмениваются **удивленными** взглядами спину» (Гарри Поттер и философский камень. Тифломедиа) – употребление имени прилагательного / причастия с эмотивной семантикой.

(10) 00:09:46 – «Гарри в своем чулане **с грустью** играет в солдатиков спину» (Гарри Поттер и философский камень. Тифломедиа) – выражение эмоции с помощью предлога и имени существительного.

(11) 00:10:28 – «Увидев подошедшего Гарри, [дядя Вернон] **злорадно** улыбается в спину» (Гарри Поттер и философский камень. Тифломедиа) – употребление наречия для выражения эмоции.

(12) 02:18:52 – «**Радость** Слизерина. Опершись на руку щекой, Гермиона **с грустью** глядит перед собой спину» (Гарри Поттер и философский камень. Тифломедиа) – противопоставление эмоций радости и грусти героев, выражение эмотивности через употребление соответствующих имен существительных, в том числе с предлогом.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что в текстах аудиодескрипции (тифлокомментария) к фильму «Гарри Поттер и философский камень» преобладает лексическое выражение оценочности (58% выборки) по сравнению с выражением эмотивности (42%). Как оценочность, так и эмотивность отражена посредством употребления наречий, имен существительных с предлогом и без, имен прилагательных / причастий, глаголов, а также целых словосочетаний, в том числе с образными сравнениями для более точного описания для лиц с ограниченными возможностями здоровья по зрению (полностью или частично незрячих). В рамках аудиодескрипции к фильму в плане оценки преобладает описание размера («большой», «небольшой», «маленький»), в плане эмотивности

спектр выражаемых эмоций достаточно широк (радость, счастье, грусть и др.), однако превалирует удивление.

Библиографический список

1. Ваньшин С.Н., Ваньшина О.П. Тифлокомментирование, или словесное описание для слепых: Инструктивно-методическое пособ. М.: Логосвос, 2011. 61 с.

2. Солодилова И.А., Шепеля И.В. Оценочность и эмотивность в семантике слова // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 11 (186). С. 172-178.

3. Уафа Л.Э. Репрезентация эмотивности в современном англо- и русскоязычном политическом дискурсе: вербальные и невербальные способы: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2023. 157 с.

Источники

1. Гарри Поттер и философский камень. Тифломедиа. Тифлокомментирование в кино [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tiflomeia.com/007garripotterifilosofskij kamen/harrypotter1/> (дата обращения: 01.04.2024).

2. Speech2Text [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://speech2text.ru/> (дата обращения: 01.04.2024).

SOME PECULIARITIES OF EXPRESSING EVALUATIVENESS AND EMOTIVENESS IN THE AUDIODESCRIPTION (TYPHLOCOMMENTARY) TEXT*

A.V. Razduyev

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk

** The article presents the research within the framework of the scientific project "The development of linguistic principles and technical solutions for creating a neural network prototype to generate and accompany audio descriptions" funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Pyatigorsk State University, project № 1022100500014-8-6.2.1, scientific advisor – PhD in Philology, Professor A.V. Razduyev).*

Evaluativeness and emotiveness are important categories that are reflected in the text of the audio description (typhlocommentary) for the film. The article analyzes the features of the expression of these categories in the text of the Russian-language audio description for the film «Harry Potter

and the Philosopher's Stone» (2001). In the course of the work, lexical means of expressing evaluativeness and emotiveness are highlighted – adverbs, nouns with and without preposition, adjectives / participles, verbs with appropriate semantics, as well as whole phrases, including similes. Within the framework of the audio description of the film, in terms of evaluation, the description of size prevails, and in terms of emotivity, surprise predominates within a wide range of expressed emotions in general.

Key words: evaluativeness, emotiveness, audiodescription, text, typhlocommentary, typhlocommentation.

Об авторах:

Раздубев Алексей Валерьевич – кандидат филологических наук, профессор кафедры западноевропейских языков и культур Пятигорского государственного университета; e-mail: _arazduev@bk.ru.

УДК 811.112.2'38'42

АВТОРСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

О.Е. Рымкевич

Минский государственный лингвистический университет, Минск

В данной статье представлены результаты исследования некоторых аспектов авторской модальности и особенности ее функционирования в современных немецких медиатекстах. Проведенный анализ позволяет подчеркнуть вариативный и комплексный характер модальности и ее участие в убеждении адресата.

Ключевые слова: авторская модальность, медийный дискурс, интенция убеждения, модальные маркеры, медиатекст, прагматический аспект текста.

При всей гетерогенности современного медийного дискурса и разнообразии его жанров, в нем со всей очевидностью реализуется в качестве основной функция определенного воздействия на адресата [Казимилова 2018; Якоба 2016]. Одним из эффективных средств такого убеждающего воздействия на получателя информации является модальность, которая эксплицитно или имплицитно участвует как в

смыслоформировании публицистического текста, так и в создании его прагматического аспекта. Более того, авторская модальность как категория многогранная и полифункциональная является в контексте медийного дискурса непременной составляющей его смыслового и прагматического развертывания. Проявление модальных характеристик в значительной степени детерминировано стилистическими особенностями современного газетно-публицистического текста, а также авторской интенцией. В различных жанрах газетной публицистики (информационных, аналитических, художественно-публицистических) авторская модальность представлена достаточно вариативно как в плане средств ее выражения, так и с точки зрения передаваемых ими смысловых и прагматических оттенков.

В силу определенной стандартности композиционной и речевой организации медийных текстов (особенно информационных), авторская модальность естественным образом вписывается в реализацию общепринятых правил использования тех или иных модальных средств выражения, в частности, в случае выстраивания в текстовом пространстве логико-аргументативных схем, доказывающих правомерность некоторого утверждения. В немецких медиатекстах подобную функцию могут выполнять такие средства выражения как модальные слова, например, «natürlich» – «конечно», «sicher» – «безусловно», модальные глаголы с семантикой необходимости «müssen», «sollen» – «необходимо, должны», ряд вводных модальных конструкций – «Es steht außer Frage, dass... / Es steht außer Zweifel, dass...» – «Не подлежит сомнению, что...» и др. Демонстрируя таким образом высокую степень уверенности в достоверности высказываемого, автор расставляет в тексте акценты таким образом, чтобы побудить адресата занять предлагаемую автором позицию относительно информации или высказанного мнения. При этом в исследуемом дискурсе возможности для реализации прагматического воздействия на получателя информации весьма вариативны.

Не менее типичным и предсказуемым в контексте медийного дискурса современных немецких СМИ является активное использование форм конъюнктива I (либо конъюнктива II) для выражения косвенной речи, что одновременно сигнализирует о дистанцировании автора от высказываемого. При этом автор не просто занимает нейтральную позицию, но и «позволяет» себе не брать ответственность за достоверность описываемых событий или передаваемых мнений. Подобным эффектом обладают также модальные глаголы «sollen» и, значительно реже, «wollen» в функции

передачи чужих слов. Например, «Die Krise in der Chemiebranche wirkt sich auch auf Evonik aus. Der Spezialchemiekonzern plant den Abbau von rund 2.000 Arbeitsplätzen, die meisten davon in Deutschland.

Der Spezialchemiekonzern Evonik reagiert auf die Branchenkrise mit dem Abbau von Arbeitsplätzen. Das Unternehmen beabsichtigt 2.000 der rund 33.000 Arbeitsplätze zu streichen, rund 1.500 davon in Deutschland. Das teilte der Essener Konzern mit. Vor allem im Management *sollen* die Streichungen ansetzen. Die Kosten *sollen* mit dem Programm um rund 400 Millionen Euro gedrückt werden, der Konzern *soll* schlanker und effizienter werden, hieß es.

Geplant sind vor allem Kürzungen im Management, etwa *soll* die Zahl der Hierarchie-Ebenen reduziert werden» (Tagesschau 2024).

В данной статье речь идет о кризисе в химической промышленности Германии и о планах концерна «Evonik» по сокращению рабочих мест. Авторская модальность реализуется здесь посредством многократного повтора модального глагола «sollen» с семантикой долженствования, который в контекстной реализации включает в себе отсылку к сообщению названного концерна. Автор в определенной степени дистанцируется от данного заявления, лишь документирует передаваемую информацию, не подтверждая и не опровергая при этом ее достоверность.

Языковыми маркерами дистанцированной (или прямо противоположной) позиции автора могут служить вводные модальные предложения с последующей экспликацией противительного смысла: «Sicher ist es richtig, dass... Dennoch / Trotzdem / Aber / Jedoch...» – «Безусловно верно, что... Однако / Тем не менее / Но / Хотя ...»; «Es ist ein Trugschluss zu glauben, dass... Vielmehr müssen, sollen, brauchen wir...» – «Ошибочно полагать, что... Скорее, мы обязаны, должны, нам необходимо...»

Следует отметить, что аналитические жанры (статья, комментарий и др.) в большей степени отмечены вариативными оттенками авторской модальности, что, соответственно, повышает их воздействующий потенциал на читателя. Автор выражает с той или иной долей уверенности собственную точку зрения, свое отношение к событийной информации, нередко сопряженное с эмоциональной оценочностью, что оказывает влияние на выстраивание диалога с читателем и наиболее эффективное «доведение» до адресата актуальной информации. Как правило, модальный аспект медиатекста носит комплексный характер, последовательно формируясь в результате взаимодействия различных модальных и оценочных характеристик. Например:

«Der Blitzbesuch von Kanzler Scholz dauerte keine 24 Stunden – aber der Terminplan war prall gefüllt und von Appellen zu mehr Ukraine-Hilfen und Diskussionen zum Wirtschaftsstandort Deutschland geprägt. *Wie erfolgreich war der Kurztrip?*

Am frühen Abend, als es schon allmählich dunkel wird über dem Weißen Haus, steht der Kanzler gegenüber auf dem Lafayette Square und bemüht Superlative. Die deutsch-amerikanischen Beziehungen? “So eng, so einvernehmlich, so intensiv wie seit Jahrzehnten nicht mehr”, sagt er.

Jahrzehnte? Merkel mit Obama? Offenbar kein Vergleich gegen das Traumtandem Biden und Scholz. So sieht der Kanzler die Dinge. Und es klingt durch, dass der sonst so kühle Hanseat Scholz fast ein bisschen verliebt *scheint* in diesen US-Präsidenten. Und dass das bitte auch nach den Präsidentschaftswahlen im November *unbedingt* so weitergehen *soll*» (Tagesschau 2024).

«Блиц-визит канцлера Шольца не занял и 24 часов, но график был насыщен призывами к увеличению помощи Украине и обсуждениями экономического положения Германии. *Насколько успешной была эта короткая поездка?*

Ранним вечером, когда над Белым домом уже начинает темнеть, канцлер стоит напротив него на площади Лафайет и старается изо всех сил. Германо-американские отношения? “Такие тесные, такие дружные, так интенсивные, каких не было десятилетиями”, – говорит он.

Десятилетия? Меркель с Обамой? Очевидно, никакого сравнения с тандемом мечты Байден и Шольц. Вот как канцлер смотрит на вещи. И это говорит о том, что обычно невозмутимый ганзеат Шольц, *кажется*, почти влюблен в этого президента США. И, пожалуйста, это *обязательно* должно продолжиться и после президентских выборов в ноябре» (здесь и далее перевод примеров наш – О.Р.).

В приведенном фрагменте комментария по поводу блиц-визита канцлера ФРГ О. Шольца в Вашингтон в феврале 2024 года авторская модальность отмечена разноплановыми характеристиками. С одной стороны, это определенное сомнение в успешности данного визита, заложенное в риторическом вопросе «*Wie erfolgreich war der Kurztrip?*», а также в последующих вопросах «*Jahrzehnte? Merkel mit Obama?*». Данный оттенок сомнения в вопросах и ответная реплика с семантикой очевидности «*Offenbar kein Vergleich gegen das Traumtandem Biden und Scholz*», равно как и последующий контекст с глаголами «*scheinen*» и «*sollen*» создают в целом картину довольно скептического настроения автора к описываемому визиту. Здесь в единый модальный комплекс соединились модально-оценочные оттенки

значений, что, в конечном итоге, определило прагматику всего текстового фрагмента.

Авторская модальность может варьироваться от предположения до уверенности, что в тексте реализуется с помощью модальных слов, глаголов с модальной семантикой, модальных частиц, специальных предложно-субстантивных конструкций. В ряде случаев особая интенция подчеркивания релевантной информации закладывается автором в повторы. Например, «Insgesamt *dürfte* Westeuropa im laufenden Jahr um 1,1 Prozent wachsen und Nordeuropa um 1,4 Prozent - sie sind damit die global schwächsten Teilregionen. Auch für Amerika sind die Experten mit einem prognostizierten Wachstum von 2,3 Prozent eher verhalten. Starke Wachstumsraten *dürften* hingegen Westafrika mit 4,4 Prozent und Südostasien mit 4,7 Prozent verzeichnen. Auch mittel- bis langfristig *dürften* Afrika und Asien den Experteneinschätzungen zufolge am schnellsten wachsen mit erwarteten Raten von über vier Prozent. Dagegen *dürfte* die deutsche Wirtschaft hinterherhinken, hier rechnen die befragten Experten für 2025 mit einem Wachstum von 1,2 Prozent und für 2027 mit einem Plus von 1,5 Prozent» (Tagesschau 2024).

Контекст отмечен повтором модального глагола «dürfen» с семантикой предположения – «возможно, предположительно, скорее всего», благодаря чему достигается модальная интеграция текстового континуума и до адресата со всей очевидностью доводится мысль о том, что немецкая экономика будет отставать по сравнению со странами Африки и Азии. «Dagegen *dürfte* die deutsche Wirtschaft hinterherhinken, ...» – «Напротив, немецкая экономика, скорее всего, будет отставать».

Итак, при помощи вариативных средств воплощения авторской модальности до адресата не только доводится социально релевантная информация, но, помимо этого, на него оказывается прагматическое воздействие с целью формирования определенных убеждений.

Библиографический список

1. Казмирова О.В. Коммуникативные аспекты медийного дискурса. Витебск: Витебский гос. ун-т им. П.М. Машерова, 2018. 188 с.
2. Якоба И.А. Власть медийного дискурса: моделирование дискурсивно-силового взаимодействия. Иркутск: Иркутский нац. исслед. тех. ун-т, 2016. 241 с.

Источники

1. Evonik baut in Deutschland Stellen ab // Tagesschau. 04.03.2024. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.tagesschau.de/wirtschaft/unternehmen/chemie-stellenabbau-evonik-konjunktur-rezession-100.html> (дата обращения: 10.03.2024).
2. Schwarte G. Von Doppelgängern und etwas Liebe // Tagesschau. 10.02.2024. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.tagesschau.de/ausland/amerika/usa-reise-scholz-100.html> (дата обращения: 12.02.2024).
3. Deutschland hinkt hinterher // Tagesschau. 23.01.2024. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.tagesschau.de/wirtschaft/weltwirtschaft/experten-wirtschaftswachstum-deutschland-vergleich-100.html> (дата обращения: 26.01.2024).

THE AUTHOR'S MODALITY IN THE CONTEXT OF MEDIA DISCOURSE (BASED ON THE MATERIAL OF THE MODERN GERMAN LANGUAGE)

O.E. Rymkevich

Minsk State Linguistic University, Minsk

This article presents the results of the study of some aspects of authorial modality and the peculiarities of its functioning in modern German media texts. The analysis allows us to emphasise the variable and complex nature of modality and its participation in persuading the addressee.

Key words: author's modality, media discourse, intention of persuasion, modal markers, media text, pragmatic aspect of the text.

Об авторах:

Рымкевич Ольга Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики немецкого языка Минского государственного лингвистического университета; e-mail: rymkol@yandex.ru.

ОБРАЗ АВТОРА И ЯЗЫК КУЛЬТУРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

С.К. Сапиева

Адыгейский государственный университет, Майкоп

В данном исследовании проводится аналитический обзор таких базовых понятий художественного дискурса, как «образ автора» и «язык культуры» и устанавливается их взаимодействие. Определяется характер и роль языковых средств, благодаря которым эксплицируются культурные и ценностные доминанты авторского мировосприятия, направленные на преодоление лингвокультурной лакунарности читателя и укрепление межкультурных отношений.

Ключевые слова: художественный дискурс, образ автора, язык культуры, межкультурная коммуникация, маркеры.

Проблема взаимоотношения языка и культуры и их функционирования в различных типах дискурса не перестает волновать исследователей из разных областей науки. Являясь самостоятельными категориями, язык и культура органично и тесно взаимосвязаны: через язык познается культура и в то же время язык познается посредством культуры. В связи с этим Б.А. Успенский справедливо отмечал, что культура есть «совокупность языков, распределенных по своим функциям» [Успенский 1994], и среди этой совокупности, бесспорно, самым информативным и ценным является вербализованный язык, который одновременно служит и инструментом интерпретации материальных предметов, и невербальных символов той или иной культуры.

Являясь инструментом «мягкой силы», язык культуры помогает понять не только специфику определенного этноса, но и выявить точки соприкосновения между народами, способствуя тем самым укреплению толерантных отношений и взаимопонимания, что сегодня, в век глобальных социокультурных трансформаций, представляется одной из самых актуальных задач социума.

В этом плане художественный дискурс как результат взаимодействия лингвистических и экстралингвистических факторов, «как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимоотношении людей и механизмах их сознания»

[Нормуродова 2015] предстает таким информационно-ценностным пространством, в рамках которого в изобразительно-выразительной форме транслируются культурные коды и репрезентируется образ автора как носителя этих кодов.

Художественный дискурс обладает полиморфностью: в его структуру включаются характерные особенности других дискурсов, например, религиозного или бытийного [Сапиева 2021], что позволяет исследовать категории интертекстуальности и языковой личности автора.

Вопрос о трактовке понятия «образ автора» является дискуссионным и не имеет однозначного определения. По мнению В.В. Виноградова, образ автора включает в себя субъект произведения, организующий содержательную и словесно-речевую структуру художественного произведения, он является своего рода творцом изображаемого художественного мира. Несмотря на то, что образ автора это выдуманное ментальное образование, именно его взгляды и ценности определяют денотативное содержание художественного произведения и способы его концептуализации.

Образ автора характеризуется, с одной стороны, его отношением к теме художественного произведения, где на основе анализа «заглавия, ключевых слов, имен собственных и ремарок художественного произведения, определяется авторская модальность» [Широкова 2014], обусловленная целенаправленной коммуникативной интенцией самого автора. С другой стороны, образ автора как субъективная категория создается благодаря индивидуально-личностным качествам адресата, а точнее тому, насколько глубоко и детализировано он может интерпретировать эксплицитные и выявлять имплицитные смыслы, фигурирующие в художественном произведении.

Говоря о пятиступенчатом характере формирования художественного дискурса, Л.В. Яблонская символично на первую ступень возводит процесс взаимодействия национально-культурных картин мира автора и читателя [Яблонская 2015], ибо именно на первоначальном этапе происходит «прощупывание» читателем образа автора, его ментального пространства, включающего репрезентации этнокультурного, исторического и морально-нравственного аспектов.

Актуализация языка культуры в художественном дискурсе проявляется через использование в текстах художественных произведений культуруносных языковых средств, репрезентирующих такую когнитивную информацию, которая свойственна мировоззрению автора, которая эксплицирует концептосферу его культуры и ценностные доминанты и направлена на преодоление

лингвокультурной лакунарности читателя. Несмотря на то, что образ автора носит субъективный, интерпретируемый читателем характер, именно он определяет специфику представления информации и способы ее концептуализации.

Исследование культурных концептов как главных маркеров культуры проводится, прежде всего, путем анализа языковых данных: ключевых слов, устойчивых сочетаний – фразеологизмов, паремий, прецедентных текстов, фонетических средств и т.д.

Кроме того, язык культуры находит свое воплощение и в ономастической лексике, которая содержит уникальные сведения о локальной или национальной принадлежности объекта или субъекта, а также некоторых фрагментов реальной действительности, фиксирующих этнокультурные стереотипы, воссоздающие национальный колорит и особенности вербального и невербального поведения представителей определенного этноса. Знание и сознательная интерпретация таких языковых данных способствует формированию «коллективных когнитивных структур», благодаря чему глубже и адекватнее происходит понимание между культурами [Хачмафова 2013].

Таким образом, понятия «язык культуры» и «образ автора» тесно взаимодействуют в художественном дискурсе: посредством языка культуры транслируется восприятие языковой личностью автора окружающего мира, расшифровываются культурные коды, определяются культурные символы и концепты. Художественный дискурс представляет собой открытое и динамичное явление: реализуя себя в художественных текстах, язык культуры выходит за его пределы, «растворяясь в социуме» [Лучинская 2020] и становясь мощным орудием в процессе оптимизации межкультурного диалога.

Библиографический список

1. Лучинская Е.Н. Язык культуры в дискурсе постмодерна // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 2. С. 34–42.

2. Нормуродова Н.З. Художественный дискурс и языковая личность в свете актуальных лингвистических направлений: парадигмы знания, основные принципы и тенденции развития // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 2. С. 12–15.

3. Сапиева С.К., Малова Н.Е., Шхумишхова А.Р. Литературно-художественный дискурс и его интерпретация в современной

лингвистике // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2021. № 4. С. 27–36.

4. Успенский Б.А. Язык и культура. Избранные труды, том 2. М.: Гнозис, 1994. 688 с.

5. Хачмафова З.Р. Концептуальный анализ художественного текста в процессе обучения межкультурному общению в вузе // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2013. № 3 (123). С. 97–103.

6. Широкова И.А. Образ автора в художественном произведении: отражение отражаемого // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 23 (352). С. 103–106.

7. Яблонская Л.В. Языковые средства объективации образного портретирования как способ кодирования информации в художественном тексте: автореф. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2015. 20 с.

THE IMAGE OF THE AUTHOR AND THE LANGUAGE OF CULTURE IN ARTISTIC DISCOURSE

S.K. Sapieva

Adyghe State University, Maykop

This study provides an analytical review of such basic concepts of artistic discourse as «the image of the author» and «the language of culture» and establishes their interaction. The nature and role of linguistic means are determined, thanks to which the cultural and value dominants of the author's worldview are explicated, aimed at overcoming the linguistic and cultural lacunarity of the reader and strengthening intercultural relations.

Key words: artistic discourse, the image of the author, the language of culture, intercultural communication, markers.

Об авторах:

Сapieва Саида Казбековна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Адыгейского государственного университета; e-mail: atika16@yandex.ru.

**ПЕРЕВОД РЕАЛИЙ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ
В РОМАНЕ-ТРИЛОГИИ «КОЧЕВНИКИ»
ИЛЬЯСА ЕСЕНБЕРЛИНА НА РУССКИЙ ЯЗЫК**

С.А Сералимова

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана

Данная статья посвящена анализу перевода слов-реалий имен собственных на русский язык в историческом романе-трилогии Ильяса Есенберлина «Кочевники». В языке имеется множество лексических единиц, обозначающих явления, характерные для той или иной страны. Именно в этих словах отражается неразрывная связь языка и культуры, а содержащиеся в них культурно-значимые связи образуют культурную составляющую семантики единиц языка.

Ключевые слова: перевод, слова-реалии, культура, национальный характер, Есенберлин, имена собственные.

При переводе художественных произведений особую сложность представляет перевод реалий – элементов языка и культуры, нередко хранящих в себе имплицитные смыслы. Реалии – это элементы языка, которые трудно или невозможно перевести на другой язык без потери смысла или нюансов оригинала. Они могут включать в себя культурные обычаи, традиции, предметы, понятия, которые известны только в определенной культуре или стране [Фененко, Кретов 1999].

В общем смысле реалии – это «предметы материальной культуры». В лингвистике реалиями называют слова и выражения, обозначающие эти предметы, а также устойчивые выражения, содержащие в себе такие слова. Но к реалиям, помимо явлений, которые носят национальный характер и материализуются в безэквивалентной лексике, также относятся явления, специфичные для определенной культуры, которые «закрепились» в словах самых «обычных», однако связанные с ними ассоциации носят культурно-специфичный характер. Например, реалии также могут отражать географические особенности, климат, историю, религию, общественные институты и другие аспекты жизни данной страны. Поэтому переводчику приходится приложить большие усилия, чтобы передать все оттенки значения реалий на другой язык [Верещагин, Костомаров 1973].

Классификации реалий могут быть разнообразными, в зависимости от аспектов, которые они охватывают. Важно учитывать контекст и особенности языка, на который производится перевод, чтобы сохранить достоверность и точность передачи реалий.

В данной статье для анализа перевода реалий имен собственных в романе-трилогии «Кочевники» Ильяса Есенберлина мы взяли за основу классификацию ученых С. Влахова и С. Флорина [Влахов, Флорин 1986], которая, на наш взгляд, является самой развернутой. Предложенная болгарскими учеными классификация базируется на нескольких принципах. Данные авторы учитывают не только тематический принцип, но и рассматривают также принцип местного деления (в плоскости одного или нескольких языков) и принципы временного деления.

В результате проведенного анализа было выявлено, что большая часть реалий имен собственных в трилогии была передана переводчиком Морисом Симашко с помощью таких способов, как транскрипция и транслитерация. Рассмотрим данные приемы перевода на конкретных примерах, взятых из анализируемого текста, и его перевод. Например, имена собственные в трилогии: «Шыңғысхан» – Чингисхан, «Әбілқайыр» – Абулхайр, «Жошы» – Джучи, «Жағатай» – Джагатай, «Үгедей» – Угедей, «Төле» – Туле, «Мөңке» – Мунке, «Күйік» – Гуюк, «Жәнібек» – Джанибек, «Әбілмансұр» – Абулмансур (Есенберлин 2021) и другие переведены с помощью фонетических и графических приемов транслитерации и транскрипции. Видим, для того чтобы сохранить национальный колорит имен собственных, большая часть их заимствуется с максимальной точностью. При переводе же имени всемирно известного завоевателя «Ақсақ Темір» («Хромой Тимур») переводчик применил прием калькирование. Предположим, что иного типа перевода просто невозможно было применить, так как читатель уже знаком с русскоязычным именем завоевателя.

Топонимы в произведении «Қарақұрым» – «Каракорум», «Сарыарқа» – «Сарыарка», «Мауреннахр» – «Мавераннахр», «Еділ» – «Едиль», «Қорасан» – «Хорасан», «Дәшті Қыпшақ» – «Дешт-и-Кипчак», «Жейхұн» – «Джейхун», «Сейхұн» – «Сейхун» (Есенберлин 2021) переведены при помощи аналогичных приемов перевода: транслитерации и транскрипции. При передаче топонимов важно учитывать культурные особенности языка и национальные традиции, чтобы сохранить подлинное значение и широкий контекст идентификации субъекта или места. Переводчик должен уметь передать не только буквальное значение, но и все нюансы и информацию, связанную с именем или местом, чтобы сохранить подлинное выражение и ощущение оригинала. В данном

случае переводчик также попытался «не уйти» от оригинала и перевел топонимы на русский язык, сохраняя национальный колорит. В топонимах же «*Алтын Орда*» – «*Золотая Орда*», «*Ақ Орда*» – «*Белая Орда*», «*Көк Орда*» – «*Синяя Орда*», «*Жетісу*» – «*Семиречье*» (Есенберлин 2021) переводчик применил калькирование – замена составных частей имен собственных «их прямыми лексическими соответствиями в переводящем языке» [Дзапарова 2014]. Причиной вполне может послужить тот факт, что данные названия и так всем известны, исторически закрепились в языке, и не было необходимости использовать другие виды перевода, такие как транскрипция и транслитерация.

В трилогии видим огромное количество названий племен ввиду того, что это историческое произведение, хроника прошлых событий казахского народа: «*Қыпшақ*» – «кипчак», «*арғын*» – «аргын», «*қоңырат*» – «конрад», «*найман*» – «найман», «*уақ*» – «уак», «*тарақты*» – «таракты» (Есенберлин 2021). В данном случае М. Симашко использует транслитерацию и транскрипцию при переводе.

Клички лошадей в произведении «*Ақбақай*» – «Акбакай», «*Тарланкөк*» – «Тарланкок» (Есенберлин 2021) переданы на русский язык с помощью транскрипции и транслитерации. При использовании данных стратегий в трудночитаемом тексте сохраняются все лингвистические и культурные особенности оригинала.

При переводе названий трех частей Казахского ханства известных как «*Ұлы жүз*» – «Старший жуз», «*Орта жүз*» – «Средний жуз», «*Кіші жүз*» – «Младший жуз» переводчиком применены транслитерация и транскрипция для реалии «жуз», а также калькирование для реалий «*Ұлы*», «*Орта*», «*Кіші*». Использование калькирования в данном случае можно объяснить тем, что переводчик попытался перенести в перевод важность этого деления казахских земель. «Старшему жузу дай посох, чтобы пасти скот, Среднему жузу – дай перо для управления, Младшему жузу вручи копье и выставь против врага». Эта старая пословица в общих чертах описывает основные «специализации» родов, относящихся к тому или иному жузу. Специализации эти были обусловлены в основном географическим положением [Сабитов 2015]. Реалия «жуз» сохранена переводчиком, так как она уже давно закрепилась в языке, и при применении другой переводческой трансформации национальное бы было утрачено.

Таким образом, проанализировав примеры реалий в историческом романе-трилогии «*Кочевники*» можно сказать, что переводчик, стремится сохранить и передать значимость и специфику

культуры и языка оригинала. В основном при переводе на русский язык были использованы такие переводческие трансформации как транскрипция и транслитерация, калькирование. Нужно отметить, что переводческие трансформации не функционируют отдельно и изолированно, а применяются в сочетании и дополнении друг друга.

В художественной и в научно-художественной литературе до сих пор не существует единого универсального приема перевода национально- специфической лексики, поэтому переводчику необходимо делать сознательный выбор в пользу того или иного приема, оценивая все особенности употребления реалии в отдельном отрезке текста [Влахов, Флорин 1986].

Библиографический список

1. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. М.: МГУ, 1973. 232 с.
2. *Влахов С., Флорин С.* Непереводимое в переводе. Международные отношения. М.: Высш. шк., 1986. 416 с.
4. *Дзанарова Е.Б.* Имена собственные в зеркале художественного перевода // *Современные проблемы науки и образования.* 2014. № 5. С. 553.
5. *Сабитов Ж.М.* Казахские жузы и клановая система Золотой Орды // *Молодой ученый.* 2015. № 11 (91). С. 1165–1170.
6. *Фененко Н.А, Кретов А.А.* Перевод как канал взаимодействия культур и языков // *Социокультурные проблемы перевода: сб. науч. тр.* Вып. 3. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1999. С. 82–94.

Источники

1. *Есенберлин І.* Көшпенділер. Алматы: Книжный клуб, 2021, 792 с.

TRANSLATION OF THE REALIAS OF PROPER NAMES IN THE NOVEL-TRILOGY «NOMADS» BY ILYAS ESENBERLIN INTO RUSSIAN

S.A Seralimova

Eurasian national university named after L.N Gumilyov, Astana

This article is devoted to the analysis of the translation of the words-realias of proper names into Russian in the historical novel-trilogy by Ilyas

Esenberlin «Nomads». The language has many lexical units denoting phenomena characteristic of a particular country. It is in these words that the inextricable connection between language and culture is reflected, and the cultural connections contained in them form the cultural component of the semantics of language units.

Key words: translation, words-realias, culture, national character, Esenberlin, proper names.

Об авторах:

Сералимова Сауле Амантаевна – докторант кафедры русской филологии Евразийского национального университета; e-mail: seralimovasaule@gmail.com.

УДК 81'373.4:004.738.5

ИНСТРУМЕНТЫ АВТОРСКОЙ ОЦЕНОЧНОСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ «TELEGRAM» И «ДЗЕН»

Ф.А. Сердотецкий, А.Ю. Образцова

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва*

В данной статье авторы рассмотрели языковые инструменты, которые используют СМИ, журналисты и блогеры в социальных сетях (на примере «Telegram» и «Дзен») для создания новостного контента в целях формирования общественного мнения. Исследование показало, что текст играет значительную роль в направлении общественной дискуссии.

Ключевые слова: «Telegram», «Дзен», общественное мнение, текст, язык, социальные сети.

В данной работе нами подверглись анализу рабочие инструменты и способы, которыми пользуются авторы медиаконтента в социальных сетях для формирования общественного мнения среди больших аудиторий. Комплексное медиаисследование инструментов авторской оценочности проводилось на примере каналов мессенджера «Telegram» и онлайн-платформы «Дзен» – двух популярных площадок для сетевой коммуникации.

Актуальность данной работы обусловлена, во-первых, постоянно увеличивающейся посещаемостью обоих сервисов, а во-вторых,

возрастающей ролью этих сервисов в формировании новых языковых паттернов, которые постепенно внедряются и укореняются в обществе благодаря контент-мейкерам: журналистам, блогерам и рядовым пользователям, принимающим участие в целенаправленной и спонтанной коммуникации.

«Telegram» и «Дзен» относятся к разряду так называемых новых медиа по причине наличия следующих свойств: цифровизация, мультимедийность, интерактивность [Вартанова 2003; Лукина 2021]. И тем не менее, даже среди новых медиа эти сервисы, а также прочие социальные сети, выделяются своей эволюционностью, так как свойства новых медиа получили здесь дополнительное развитие. К примеру, ощутимо возросла интерактивность, ведь теперь контакт автора медиапродукции и ее потребителя происходит практически мгновенно и непрерывно.

Сегодняшняя научная литература характеризует социальные сети по-разному, однако все же имеется определенный пробел в подробном, структурированном описании инструментов формирования общественного мнения, к которым, в том числе, относятся методы авторской оценочности и иные языковые средства, используемые авторами на социальных площадках. Исходя из этого, нами была поставлена цель проследить трансформацию уже классических инструментов, пришедших из традиционных, консервативных медиа в условиях новой среды, а также провести поиск новых инструментов, которые прежде совсем не использовались создателями медиаконтента. Практическое значение данного медиаисследования заключается в классификации и описании манипулятивных методов формирования общественного мнения, используемых контент-мейкерами, таких как эмоциональная лексика, художественные языковые средства, мемы, переход на личности и др.

Новизна медиаисследования заключается в анализе новостной продукции журналистов и блогеров в «Telegram» и «Дзен» с филологической позиции. В работе одновременно уделялось внимание SMM-механикам, которые плотно сопряжены с созданием и продвижением текстового и другого медиаконтента. SMM-технологии ускоряют медиапотребление, а целевая аудитория быстро получает доступ к необходимой информации [Каллиган, Шах 2011].

В медиаисследовании авторы отслеживали постинг десяти страниц «Telegram» и «Дзен», относящихся к общественно-политической тематике и условно разделенным на три категории: СМИ, журналисты и блогеры. Стоит отметить, что разница между журналистами и блогерами определялась исходя из наличия таких

черт профессиональной журналистики, как фактчекинг, структурирование материалов, использование экспертного мнения, ссылки на источники и т.д. Выборка осуществлялась случайным образом из числа аккаунтов, входящих в топ конкретной платформы по каждой категории.

В ходе анализа было установлено, что авторы медиаконтента часто навязывают свою оценку тех или иных событий своей аудитории и манипулируют массовым сознанием. Блогеры и журналисты часто сопровождают постинг новостей своими комментариями, носящими моральную оценку и предполагающими соглашательскую позицию с этими оценками со стороны их подписчиков.

Одним из инструментов является прием «ad hominem» – аргумент к человеку, то есть выставление оценки личности над сутью вопроса с целью сместить акценты. Данный прием часто используется на таких каналах, как «Кровавая барыня» и «Анатолий Шарий». Эмоционально окрашенная лексика нередко используется не только блогерами (например, канал «Артемий Лебедев»), но и журналистами (канал «Макс атакует!»).

Текст играет большую роль на платформах «Telegram» и «Дзен», несмотря на их мультимедийные возможности и большую популярность аудиовизуальной продукции в целом. Поэтому многие СМИ также размещают там свои материалы («Коммерсантъ», «Москва 24» и др.). Важно отметить, что даже эти традиционные СМИ в той или иной степени позволяют себе прибегать к авторской оценочности, используя символы (так, эмодзи могут отражать отношение авторов к тем или иным новостям), наводящие вопросы и возможности форматирования текста.

В процессе создания медиаконтента авторы нередко вступают в дискуссии со своими подписчиками в комментариях, в которых, при этом и сами общаются между собой. Благодаря этому формируется новая языковая культура, включающая слова-мемы (к примеру, после показа сериала «Слово пацана: кровь на асфальте» пользователи социальных сетей стали активно употреблять слово «чушпан»), различные словесные обороты и принципы построения диалога. Стоит подчеркнуть, что в данном случае роль автора и потребителя медиа практически уравнивается, ведь, с одной стороны автор может использовать выражения, пришедшие «из народа», с другой – может внедрять что-то свое исключительно в массы.

Медиаисследование выявило, что социальные сети адаптируют к новым условиям уже существующие инструменты формирования

общественного мнения, и, в то же время, порождают новые механизмы (к примеру, реакции на посты, формат общения в комментариях).

Библиографический список

1. *Вартанова Е.Л.* Медиаэкономика зарубежных стран. М.: Аспект Пресс, 2003. 334 с.

2. *Лукина М.М.* Мультимедийная журналистика: ключевая морфема «мульти» // Медиатренды. 2021. № 1 (79). С. 4.

3. *Халлиган Б., Шах Д.* Маркетинг в интернете: как привлечь клиентов с помощью Google, социальных сетей и блогов. М.: Диалектика, 2011. 249 с.

TOOLS FOR AUTHOR'S EVALUATION IN THE SOCIAL NETWORKS «TELEGRAM» AND «ZEN»

F.A. Serdotetsky, A.Yu. Obratsova

M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow

In the current work, the authors examined the language tools that media journalists and bloggers use on social networks (using the example of Telegram and Zen) to create news content to shape public opinion. Research has shown that text plays a significant role in guiding public debate.

Key words: «Telegram», «Zen», public opinion, text, language, social networks.

Об авторах:

Сердотецкий Федор Андреевич – магистрант факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: serdotetsky@yandex.ru.

Образцова Анастасия Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и экономики СМИ Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: obratsova.anastasia@gmail.com.

ФЕНОМЕН КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ И ОСОБЕННОСТИ ЕГО РАСКРЫТИЯ В НЕМЕЦКОЙ АВТОБИОГРАФИСТИКЕ

Н.В. Скляр

Луганский государственный педагогический университет, Луганск

Тезисы раскрывают основные положения, связанные с понятием культурной памяти, в ней рассматриваются современные труды в области взаимосвязи автобиографистики и культурной памяти, а также роль литературы в ее сохранении на примере автобиографических произведений немецкоязычных авторов.

Ключевые слова: автобиография, культурная память, литературное произведение, культурное наследие.

В периоды политических кризисов, когда общество теряет стабильность и определенность, прошлое приобретает большое значение и «возвращается с удвоенной силой». Современные кризисы в обществе, вызывающие обширные социально-политические изменения, привели к увеличению интереса к проблемам культурной памяти и вызвали всеобщую «жажду памяти», как отмечает историк Чарльз Мейер [Maier 1988, S. 101]. Особенно важной становится тема памяти в обществах, которые пережили крах репрессивных или авторитарных режимов.

Исследование феномена памяти находится в центре внимания многих ученых на протяжении многих лет. Уже в древности греческий философ Платон обратил внимание на способность человека запоминать одни вещи, а другие забывать, но его работы были сконцентрированы на тренировке памяти и её улучшении [Аристотель 2004]. В настоящее время люди интересуются не только тем, как улучшить качество и количество запоминаемой информации, но также и структурой памяти, её функциями и значением в жизни отдельной личности и общества. Много исследований памяти было проведено биологами, нейрофизиологами и психологами в рамках подхода естественных наук, а в XX веке память стала предметом исследования в гуманитарных дисциплинах, включая историю, философию и культуру.

Культурная память – это феномен, который находится на пересечении истории, литературы, социологии, антропологии и

многих других областей науки. Это обширное понятие охватывает всю совокупность знаний, убеждений, представлений, норм и ценностей, которые формировались в течение долгого времени в определенном культурном контексте. Культурная память определяет то, что люди считают своей культурной наследственностью и что передают из поколения в поколение [Арнольдс 2006].

Изучение вопроса о том, как культура сохраняет и передает свое наследие, во многом обязано трудам Юрия Лотмана. Выдающийся ученый, занимавшийся литературой и семиотикой, внес большой вклад в развитие типологии культуры. Он предложил такие ключевые понятия, как «культурная память» и «память культуры», которые стали широко использоваться для анализа способов сохранения и воспроизведения культурных ценностей [Лотман 2000, с. 361].

В своей небольшой заметке «Память в культурологическом освещении», опубликованной в 1985 году, Лотман представил свою оригинальную концепцию культуры как формы коллективного интеллекта и коллективной памяти. Он определил культуру с точки зрения семиотики как «надындивидуальный механизм, обеспечивающий сохранение и передачу определенных сообщений (текстов) и создание новых» [Лотман 2000, с. 490]. Согласно Лотману, культура может быть понята как пространство памяти, в котором постоянно происходит обмен разнообразными текстами и кодами, принадлежащими к различным жанрам и видам. Для того, чтобы осмыслить эти тексты и коды, необходимо не только знать специфические «диалекты памяти», но и уметь переводить один язык искусства на другой. Лотман анализирует феномен культурной памяти с помощью применения принципа оппозиций, характерного для его научного подхода. Он выделяет различные типы и уровни памяти в зависимости от того, кто является ее носителем (индивид или коллектив), как она функционирует (как хранение или создание информации), и как она актуализируется (как реальная или потенциальная возможность). Эти оппозиции помогают Лотману уточнить предмет своего исследования и выявить его структурные особенности.

Развитие немецкой культурной памяти никогда не ограничивалось только научными исследованиями, археологическими раскопками, оно также происходило в общественно-политической сфере. Обсуждения войны и тирании, а также преступлений, совершенных по идеологическим мотивам, политического насилия в XX веке и уважение к памяти жертв преследований играют важную роль в культуре памяти Федеративной Республики Германия.

Сохранение свидетельств очевидцев является ключевым элементом этой памяти, нацеленной на то, чтобы не допустить того, чтобы преступления национал-социалистов были забыты и не имели места в сознании будущих поколений. Особенно важным для немецкого общества является анализ немецкой истории после 1933 года, однако Первая мировая война и ее последствия тоже остаются значимыми объектами для рассмотрения [Смолина 2018]. На сегодняшний день осмысление прошлого в Германии связано не только с национал-социализмом, но также и с периодом правления СЕПГ в Восточной Германии.

В контексте литературного процесса Германии культурная память имеет особую значимость, так как страна столкнулась с трагическими событиями в своей истории, такими как нацизм, две мировые войны и разделение на части. Именно поэтому изучение того, как немецкие авторы рассказывают об этих событиях в своих произведениях, позволяет лучше понимать их взгляды на историю и их отношение к культуре, а также узнавать, какие тенденции в этой области наблюдаются в настоящее время.

Изучение культурной памяти является одним из значимых направлений исследований в современной германистике. Особенно интересным является анализ того, как именно современные немецкие мемуаристы представляют прошлое в своих произведениях и как они описывают свои собственные переживания в контексте культурной памяти.

После Второй мировой войны немецкая литература развивалась в соответствии со своей спецификой, которая сохранялась на протяжении длительного времени. Одним из главных направлений стало обращение к прошлому, а в качестве объекта изображения выбирались военные события. Документальные книги и автобиографии (например, произведения Э. фон Саломон и А. Андерш), мемуары и дневники (произведения Э. Юнгера и В. Кёппена) оказались более предпочтительными, чем художественные романы. В романах начали прослеживаться элементы репортажа, как в произведениях Г.В. Рихтера. Авторы стремились не столько создавать произведения искусства, сколько высказать своё мнение как свидетели войны. Их главной задачей было зафиксировать события и выразить свою позицию по отношению к ним.

Одним из ярких примеров роли литературы в сохранении культурной памяти Германии можно назвать произведения, посвященные темным периодам истории страны, таким как национал-социализм и Вторая мировая война. Многие писатели Германии, такие

как Гюнтер Грасс, Гюнтер Кунерт и Мартин Вальсер, обращались к этой теме в своих произведениях. Так, в романе «Жестяной барабан» Гюнтер Грасс рассказывает историю национал-социалистической Германии через призму жизни главного героя. Роман отличается необычным сюрреалистическим и гротескным стилем, который является характерной чертой уникального писательского стиля Грасса.

Во всей немецкой автобиографистике важное место занимает автобиография Г. Грасса «Луковица памяти». Реконструируя свою жизнь в «Луковице памяти», писателю удается применить новую художественную практику изображения давно минувших дней. Он «извлекает» собственные воспоминания так, как они всплывают в памяти: талантливо переплетая реальные факты собственной жизни с настоящими или придуманными событиями из жизни своих друзей, родственников, знакомых, художественных персонажей; он ведет активную полемику с писателями прошлых столетий. Его воспоминания даны не линейно, они хаотично переплетаются во временных пространствах: прошлое объединяется с настоящим или даже с будущим. Кроме того, его автобиография представляет трагическую картину прошлого всего немецкого народа.

Ещё одним представителем немецкой литературы, в которой была отражена память народа, является Анна Франк – автор знаменитого «Дневника юной девушки», который является одним из самых впечатляющих и трогательных свидетельств о страданиях еврейского народа во время нацистской оккупации. В своем дневнике, который она вела с 12 июня 1942 по 1 августа 1944 года, Анна Франк рассказывает о своей жизни в скрытом убежище в Амстердаме, куда ее семья и другие евреи были вынуждены спрятаться от преследований и депортации.

Автобиографические произведения не только сохраняют и передают культурное наследие, создавая насыщенный образ прошлого и передавая его от одного поколения к другому, но и помогают формированию новой культурной идентичности и осознанию истории. Автобиографистика является своего рода «окном в прошлое», которое позволяет нам понять, какие события и явления оказали влияние на настоящее и будущее.

Библиографический список

1. *Аристотель*. О памяти и припоминании: пер. С.В. Месяц // Вопросы философии. 2004. № 7. С. 158–173.

2. Арнольд А.И. Культурное наследие: открытие миру // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2006. № 1. С. 7-14.

3. Лотман Ю.М. О семиотическом механизме культуры // Семиосфера. Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2000. С. 485-503.

4. Смолина А. Государственная политика памяти и осмысление прошлого германским обществом // Отношение к прошлому. Осмысление Германией двух ее диктатур. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 74-92.

5. Maier Ch.S. The unmasterable past: History, Holocaust, a. Germ. nat. identity. Cambridge; London: Harvard univ. press, 1988. 227 p.

THE PHENOMENON OF CULTURAL MEMORY AND THE PECULIARITIES OF ITS DISCLOSURE IN GERMAN AUTOBIOGRAPHY

N.V. Sklyar

Lugansk State Pedagogical University

The article reveals the main provisions related to the concept of cultural memory, it examines modern research in the field of the relationship between autobiography and cultural memory, as well as the role of literature in its preservation using the example of autobiographical works by German-speaking authors.

Key words: autobiography, cultural memory, literary work, cultural heritage.

Об авторах:

Скляр Наталья Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии Луганского государственного педагогического университета; e-mail: natalieskljar@mail.ru.

ВКЛЮЧЕНИЕ ЦИТАТЫ В СТРУКТУРУ МЕДИЙНОГО ТЕКСТА

Л.Н. Скубач

Минский государственный лингвистический университет, Минск

На материале современных немецких текстов газетно-публицистического стиля выявляются особенности использования цитаты в заголовке и заголовочном комплексе. Выделяются заголовки с прямым цитированием с указанием и без указания источника, частичным цитированием и косвенным цитированием. Отмечается, что цитата является эффективным средством усиления выразительности газетно-журнального текста.

Ключевые слова: заголовок, цитата, авторство, экономия, газетно-журнальный текст.

В современных текстах газетно-публицистического стиля широко распространены заголовки, содержащие цитаты. Использование цитаты привлекает внимание адресата, интригуя его и побуждая обратиться к озаглавливаемому тексту, а также вызывает доверие к публикуемой информации у читателя.

В соответствии с типологией М.И. Шостак выделяются следующие типы заголовков-цитат:

– заголовок с прямым цитированием (с указанием источника / без указания источника);

– заголовок с частичным цитированием;

– заголовок с косвенным цитированием [Шостак 1998, с. 79].

Заголовок с прямым цитированием с указанием источника создаёт впечатление достоверности и доверительности, так как в нём присутствует указание автора цитаты и сама цитата: «Wissler: “Kokettieren mit neuen Parteien finde ich nicht hilfreich”» (Frankfurter Allgemeine Zeitung 2023) – «Висслер: “Я не считаю, что заигрывать с новыми партиями полезно”» (здесь и далее перевод примеров наш – Л.С.). Обратим внимание на исходную цитату, содержащуюся непосредственно в тексте статьи: «Die Linke habe “ein gutes Programm, wir haben wichtige Ziele und *das* Kokettieren mit neuen Parteien finde ich *da* nicht hilfreich”» (Frankfurter Allgemeine Zeitung 2023) – «У Лево́й партии “хорошая программа, у нас важные цели, и я не считаю, что заигрывать с новыми партиями сейчас полезно”». Данный пример

демонстрирует, что в заголовке цитата Янины Висслер приведена частично: в качестве цитаты выступает третья часть сложного предложения, в которой опущен определённый артикль и наречие. Это можно объяснить тем, что газетно-журнальный заголовок в силу установки на лаконичность и компактность не предполагает использования развёрнутых цитат, из-за чего для экономии пространства отдельные смысловые и структурные элементы в нём могут опускаться.

Заголовок с прямым цитированием без указания источника представляет цитату без вводных слов или слов автора. При использовании такого заголовка ссылка на автора высказывания присутствует в надзаголовке, лиде или основном тексте.

Заголовок «Ich mache den Weg frei» (Zeit Online 2024) – «Я освобождаю дорогу другим» дополняется надзаголовком «Fall Walter Homolka» (Zeit Online 2024) – «Дело Вальтера Гомолка», за счёт чего адресат может понять, кому принадлежит высказывание. Стоит отметить, что в данном заголовке используется также часть цитаты, которая полностью представлена в тексте статьи: «Mir ist eine unbelastete Beschlussfassung der Union über ihre künftige Führung wichtig. Deshalb mache ich den Weg frei und verzichte auf eine Kandidatur» (Zeit Online 2024) – «Для меня важно, чтобы Союз прогрессивных евреев Германии принял независимое решение о своем будущем руководстве. Именно поэтому я освобождаю дорогу другим и отказываюсь от выдвижения своей кандидатуры».

Вопрос авторства высказывания, приведённого в заголовке «Die Kurden in Frankreich waren Ziel eines niederträchtigen Angriffs» (Zeit Online 2024) – «Курды во Франции стали объектом гнусного нападения», проясняется в лиде «Frankreichs Präsident Emmanuel Macron verurteilt den Angriff in Paris mit drei Toten und äußert sein Beileid. Kurdische Organisationen sprechen von einem Terrorakt» (Zeit Online 2024) – «Президент Франции Эммануэль Макрон осуждает нападение в Париже, в результате которого погибли три человека, и выражает свои соболезнования. Курдские организации говорят об акте террора». При этом исходная цитата Э. Макрона в тексте содержит уточнение о том, что нападение произошло «в самом центре Парижа»: «Die Kurden in Frankreich waren das Ziel eines niederträchtigen Angriffs *mitten in Paris*» (Zeit Online 2024).

Указание на автора высказывания, составляющего заголовок «Zinsanstieg von historischem Ausmaß» (Frankfurter Allgemeine Zeitung 2022, S. 29) – «Рост процентных ставок исторических масштабов», приводится в основном тексте: «“Nach jahrelanger Talfahrt erleben wir bei

den *Ratenkreditzinsen* jetzt einen *Anstieg* von historischem Ausmaß“, sagte Oliver Maier, Geschäftsführer der Verivox Finanzvergleich GmbH» (Frankfurter Allgemeine Zeitung 2022, S. 29) – «“После многолетнего спада мы наблюдаем исторический рост процентных ставок по кредитам”, – заявил Оливер Майер, управляющий директор финансового отдела “Веривокс ГмбХ”». При этом, как и в предыдущих примерах, в данном заголовке цитата приводится в сжатом виде, а также для экономии текстового пространства используется композит «Zinsanstieg», образованный от существительных «(Ratenkredit) Zins» + «Anstieg».

Кроме заголовков, в которых происходит сжатие цитаты, имеют место заголовки, в которых цитата приводится без изменений: «Wir wollen nicht die Batterie Europas sein» (Der Spiegel 2023, S. 66) – «Мы не хотим быть батареей для Европы». В тексте статьи эта же цитата оформляется со ссылкой на оленевода Сиссель Стормо Хольтан.

Стоит отметить, что источник цитаты может отсутствовать как в заголовочном комплексе, так и в основном тексте, если высказывание относится к известному в узких кругах лицу. Авторство конкретного лица может также опускаться в случае, если оно не имеет значения для доказательности текста. Это можно проследить на примере заголовка «Er war der Gott» (Der Spiegel 2023, S. 104) – «Он был богом» в тексте, в котором речь идёт о скандале, связанном с Тилем Швайгером. Приведённое высказывание принадлежит одному из членов съёмочной группы, имя которого не называется.

Заголовки с частичным цитированием содержат сегментированные цитаты в виде словосочетаний или отдельных слов, которые, по мнению автора материала, наилучшим образом выражают смысл цитируемого высказывания: «UN-Generalsekretär zeigt sich “verstört” über Twitter-Sperren» (Zeit 2022) – «Генеральный секретарь ООН проявляет “обеспокоенность” из-за запретов в “Твиттере”». В приведённом примере в качестве сегментированной цитаты выступает прилагательное «verstört», входящее в состав предиката. Однако обращение непосредственно к тексту статьи демонстрирует, что в цитате, приведённой в заголовке, отсутствует наречие «sehr»: «Er sei “sehr verstört”» (Zeit 2022) – «Он „очень обеспокоен“».

В заголовке «Situation von Benedikt XVI. “ernst, aber stabil”» (Zeit 2022) – «Состояние Бенедикта XVI “серьезное, но стабильное”» в качестве цитаты выступают прилагательные в составе сказуемого, при этом в тексте статьи они выполняют функцию определения: «Der emeritierte Papst Benedikt XVI. befindet sich laut dem vatikanischen Presseamt in einer *ernsten, aber stabilen* gesundheitlichen Verfassung» (Zeit

2022) – «По сообщению пресс-службы Ватикана, состояние здоровья почётного папы Бенедикта XVI серьезное, но стабильное». Стоит отметить, что структура этой цитаты в сравнении с исходным высказыванием, т.е. порядок следования прилагательных, разделительный знак и противительный союз, осталась схожей.

Заголовок «*Mutmaßlicher Attentäter von Paris wollte offenbar "Ausländer töten"*» (Zeit 2022) – «Предполагаемый нападавший в Париже, очевидно, планировал "убивать иностранцев"» содержит сегментированную цитату, компоненты которой обнаруживаются в тексте в отдалении друг от друга: «*Der mutmaßliche Täter der Gewalttat in Paris hat laut Staatsanwaltschaft ursprünglich geplant, Migrantinnen und Migranten in einem Pariser Vorort zu töten. Am Morgen der Tat sei der 69-jährige Franzose zunächst nach Saint-Denis gefahren, um dort "Ausländer" zu ermorden, gegen die er nach eigenen Angaben einen "pathologischen Hass" empfinde, teilte die Pariser Staatsanwältin Laure Becciau mit*» (Zeit 2022) – «Подозреваемый в совершении теракта в Париже изначально планировал убить мигрантов в пригороде Парижа, сообщает прокуратура. По словам прокурора Парижа Лоры Бекко, утром в день совершения преступления 69-летний француз сначала отправился в Сен-Дени, чтобы там убить "иностранцев", к которым, по его словам, он испытывает "патологическую ненависть"».

Заголовок с косвенным цитированием содержит ссылку на источник, выражающую отношение автора к сообщаемой информации, и собственно цитату. Основным компонентом авторского комментария является предикат, вводящий цитацию в текст заголовка. Такой предикат может выражать эмоционально-оценочное отношение автора к источнику цитации и цитируемому материалу: «*Schmidt äußert Kritik an Medien*» (Frankfurter Allgemeine Zeitung 2022, S. 44) – «Шмидт критикует средства массовой информации»; «*Rupert Murdoch räumt ein, dass TV-Moderatoren Wahllüge verbreiteten*» (Der Spiegel 2023) – «Руперт Мердок признает, что телеведущие распространяли ложную информацию о выборах».

В ряде заголовков предикат выражает нейтральную позицию автора по отношению к цитируемому материалу, при этом его может заменять двоеточие: «*Buschmann: Mögliches Ende der letzten Corona-Maßnahmen im Frühjahr*» (Frankfurter Allgemeine Zeitung 2023) – «Бушман: окончание действия последних мер по борьбе с коронавирусом ожидается весной».

В заключение следует отметить, что цитата является эффективным средством усиления выразительности газетно-журнального текста. Цитация в тексте заголовка проявляется в виде

прямого, частичного или косвенного указания на источник и передаётся как вербально, так и пунктуационно. Она может выражать как нейтральное, так и эмоционально-оценочное отношение автора к цитируемому материалу и тем самым оказывать воздействие на читателя.

Библиографический список

1. Шостак М.И. Журналист и его произведение: практическое пособие. М.: Гендальф, 1998. 96 с.

Источники

1. Der Spiegel. Nr. 18. 29.04.2023. 124 S.
2. Der Spiegel [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.spiegel.de/ausland/fox-news-rupert-murdoch-raeumt-wahl-unsinn-seiner-moderatoren-nach-trumps-niederlage-ein-a-d2c58ac6-95df-491e-b772-cc248184038b> (дата обращения: 09.04.2024).
3. Frankfurter Allgemeine Zeitung (FAZ). Nr. 229. 01.10.2022. 75 S.
4. Frankfurter Allgemeine Zeitung (FAZ) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.faz.net/aktuell/politik/inland/linke-chefin-wissler-spekulationen-um-neue-partei-nicht-hilfreich-18723505.html> (дата обращения: 08.04.2024).
5. Frankfurter Allgemeine Zeitung (FAZ) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.faz.net/aktuell/politik/inland/marco-buschmann-stellt-ende-aller-corona-massnahmen-in-aussicht-18357718.html> (дата обращения: 08.04.2024).
6. Zeit Online [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.zeit.de/digital/2022-12/twitter-elon-musk-un-sperre-journalisten> (дата обращения: 07.04.2024).
7. Zeit Online [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.zeit.de/gesellschaft/2022-12/emeritierter-papst-benedikt-xvi-stabil-ernst> (дата обращения: 07.04.2024).
8. Zeit Online [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.zeit.de/gesellschaft/2022-12/frankreich-attentat-paris-rassismus> (дата обращения: 07.04.2024).
9. Zeit Online [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.zeit.de/gesellschaft/2022-12/paris-schuesse-kurden-emmanuel-macron-frankreich> (дата обращения: 07.04.2024).

10. Zeit Online [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.zeit.de/gesellschaft/2022-12/walter-homolka-rabbiner-union-progressiver-juden-machtmissbrauch> (дата обращения: 07.04.2024).

INCORPORATING THE QUOTE INTO THE STRUCTURE OF MEDIA TEXT

L.N. Skubach

Minsk State Linguistic University, Minsk

On the material of modern German newspaper-style texts the paper reveals the peculiarities of quotation in the headline. Headlines with direct quotation with and without indication of the source, partial quotation and indirect quotation are considered. It is noted that the quotation is an effective means of enhancing the expressiveness of the newspaper text.

Key words: headline; quote; authorship; economy; newspaper text.

Об авторах:

Скубач Лилия Николаевна – аспирант кафедры теории и практики немецкого языка Минского государственного лингвистического университета; e-mail: kas-lila@yandex.ru.

УДК 81'38:81'255.2:[811.112.2:811.161.1]

СПОСОБЫ СОХРАНЕНИЯ ЭКСПРЕССИВНОСТИ ПЕРЕВОДНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Г. БЁЛЛЯ «DAS BROT DER FRÜHEN JAHRE» И ЕГО ПЕРЕВОДА)

Л.В. Солонович

Минский государственный лингвистический университет, Минск

В данной работе определяются основные способы сохранения экспрессивности переводного художественного текста, конкретизируются типы функционально-адекватных замен, которые включают реметафоризацию, описательный перевод, конкретизацию и компенсацию.

Ключевые слова: перевод художественных текстов, экспрессивность, реметафоризация, описательный перевод, конкретизация, компенсация.

Язык художественной литературы отличается образностью, эстетической функцией языковых единиц, повышенной эмоциональностью и определяется как «совокупность языковых средств, отобранных автором из языковой системы и использованных в художественном произведении в соответствии с авторским замыслом» [Жеребило 2010, с. 475]. Иными словами, языковые средства принимают непосредственное участие в создании смысла, прагматического потенциала произведения, а также в реализации коммуникативного намерения автора и эстетической функции подлинника. Основными средствами языкового оформления художественных текстов являются стилистические ресурсы лексики языка оригинала: средства словесной образности (тропы и фигуры речи, напр., метафора, метонимия, сравнение и пр.); стилистически окрашенные языковые единицы, в том числе эмоционально-экспрессивная лексика; лексические единицы ограниченного употребления (диалектизмы, просторечные слова, профессионализмы, неологизмы); фразеология, поскольку фразеологизмы, как правило, выразительнее синонимичного ему слова или свободного словосочетания [Жеребило 2010].

В узком смысле экспрессивность отождествляется с категорией интенсивности, т.е. способностью языковых средств усиливать свойства обозначаемых ими объектов [Бондаренко 1977; Лукьянова 1976]. В широком понимании экспрессивность определяется как общая выразительность, яркость речи.

Некоторые лингвисты отождествляют экспрессивность с образностью, возникающей в результате различных семантических трансформаций [Харченко 1976]. Экспрессивность обнаруживает взаимосвязь с оценочностью и эмоциональностью.

Под оценкой в языке понимается общественно-закрепленное носителем определенной языковой культуры отношение к объектам экстралингвистической реальности, а также к фактам языка и речи [Зарипова 1988, с. 32]. Оценочный микрокомпонент эксплицирует признаки положительной/ отрицательной оценки и квалифицирует внеязыковые объекты с позиции «хорошо» или «плохо» по отношению к социальной норме [Шаховский 2009].

Под эмоциональностью подразумевается «имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств

эмоциональность как факт психики, отраженные в семантике языковых единиц социальные и индивидуальные эмоции» [Шаховский 2009, с. 24]. Эмотивные семы входят в коннотативный компонент значения слова и выполняют функцию языковой манифестации или вызывания эмоций и эмоционального отношения.

Наряду с эмоциональностью и оценочностью в понятие экспрессивности включается и стилистическая характеристика языковой единицы. О.С. Ахманова определяет экспрессивность как «выразительно-изобразительные качества речи, отличающие ее от обычной (или стилистически нейтральной) и придающие ей образность и эмоциональную окрашенность» [Ахманова 2004, с. 523–524]. Экспрессивно-стилистический компонент обычно понимается как указание на некоторое отношение говорящего к предмету речи – фамильярный, возвышенный, поэтический, просторечный, вульгарный и другие оттенки значения. Обычно эта классификация принимает вид «возвышенное – нейтральное – сниженное».

В исследовании мы исходим из того, что экспрессивность – широкое понятие и может включать в себя эмотивность, оценочность и стилистическую окраску слова или выражения. Экспрессивный микрокомпонент коннотативного значения языковой единицы представлен семой, функция которой состоит в усилении количественных и/или качественных признаков понятия о денотате за счет образных, эмотивных, оценочных, интенсифицирующих сем, что обуславливает возможность слова или словосочетания увеличивать воздействующую силу высказывания [Шаховский 2009, с. 26–27; 96].

В текстах художественной литературы этой силой является художественно-эстетическое воздействие. Следовательно, при переводе художественного текста основополагающим представляется сохранение эстетического воздействия и прагматического эффекта текста перевода. Эстетическое воздействие языка связано как с содержанием высказывания, так и с его оформлением. Среди стратегий реализации эстетического воздействия ученые отмечают использование широкого спектра таких лингвистических ресурсов как анафоры, эпифоры, анафорические и эпифорические повторы, сравнения, метафоры, олицетворения, метонимии, языковая игра [Дацко 2013, с. 85].

Из вышесказанного следует, что воссоздание экспрессивности художественного текста в переводе основывается на адекватной передаче языковых средств, участвующих в ее создании. Основными

способами сохранения экспрессивности являются функционально-адекватные замены, анализ которых представлен ниже.

Реметафоризация, или замена образа на более понятный и близкий представителям принимающей культуры, используется при различии ассоциаций, закрепленных за языковыми единицами, в текстах исходного языка (ИЯ) и переводного языка (ПЯ).

Реметафоризация используется при переводе метафор, фразеологизмов, метафорических эпитетов и сравнений. На примере перевода метафорических единиц можно проследить различие способов репрезентации определенных представлений: «... in den grauen **Schatten** rutschte, der noch in meinem Zimmer **lag**» (Böll 2024) – «скользнул в серую **мглу**, еще **окутывавшую** мою комнату» (Белль 2024). Как свидетельствует анализ текстов, олицетворение передается, как правило, на основе сходных образов, в некоторых случаях имеет место замена образа: «um so dringender wurden meine Vorstellungen» [тем настойчивее становились мои представления] (Böll 2024) – «тем сильнее разыгрывалось мое воображение» (Белль 2024).

Схожесть образности фразеологических единиц в текстах ИЯ и ПЯ обнаруживается значительно реже, нежели при переводе иных тропов. В следующем примере в переводе используется схожий образ, но заменяется на более привычный для русскоговорящего читателя: «wie man einen Zwillingbruder sieht, der einem **aufs Haar gleicht**» (Böll 2024) – «похожий на меня, **как две капли воды**» (Белль 2024).

Таким образом, перевод фразеологизмов сопряжен в большинстве случаев с полной заменой образа, что объясняется их стертой образной основой.

Метафорические эпитеты также могут подвергаться реметафоризации. Замена образа связана с различным ассоциативным планом лексических единиц или отсутствием семантической когерентности. Приведем несколько примеров. «weil Gott ein so **großes** Wort war» (Böll 2024) – «потому что слово «бог» было тем **громким** словом» (Böll 2024); «und ich sah diese Augen noch schmaler werden, hart und **trocken**» (Böll 2024) – «и я увидел, что ее глаза суживаются, становятся жесткими и **колючими**» (Белль 2024).

Экспликации подвержены многие языковые средства художественного текста, среди них культурно маркированная лексика и сложные существительные: «als gescheiterter **Untertertianer** die Schule verließ» (Böll 2024) – «я в возрасте шестнадцати лет выбыл из **восьмого класса**» (Белль 2024), «zwei Jahre lang hatte mich das **Vorwärtskommen** gereizt» (Böll 2024) – «два года подряд я стремился **выйти в люди**» (Белль 2024).

Конкретизация представляет собой замену слова или словосочетания ИЯ с более широкой семантикой словом или словосочетанием ПЯ на лексему с более узким значением. Как показывает анализ текста, конкретизации могут подвергаться коннотативные компоненты слова или словосочетания: «die silbernen Splitter fielen wie eine **klirrende Flüssigkeit** hin» (Böll 2024) – «серебряные осколки рассыпались, как **звонкие каскады воды**» (Белль 2024); «mit heiserer Munterkeit» (Böll 2024) – «но бодрым голосом говорил» (Белль 2024); «und ich hatte Angst vor ihrem **harten, blauen Blick**» (Böll 2024) – «и я боялся **сурового** взгляда ее голубых глаз» (Белль 2024).

Перевод стилистически окрашенной лексики представляет особую трудность в силу семантического богатства, принадлежности к определенному функциональному стилю, а также своей национальной специфичности. Лексические единицы разговорного или книжного регистра зачастую передаются стилистически нейтральными лексемами либо вовсе опускаются вследствие отсутствия эквивалента в ПЯ. В подобных случаях имеет место так называемое приблизительное соответствие единиц ИЯ и ПЯ, характеризующееся совпадением основных ядерных сем при различии функциональных структурно-языковых сем. Добавление стилистических и эмоционально-экспрессивных сем может служить способом компенсации утраты вышеуказанных сем в процессе перевода.

Таким образом, основным способом сохранения экспрессивности переводного художественного текста являются функционально-адекватные замены. Реметафоризация, т.е. замена ассоциативно-образных представлений, закрепленных за определенными словами и выражениями, обладающими образным потенциалом, является основным типом замен. Следующим видом реализации функционально-адекватных замен является экспликация, суть которой состоит в описательном переводе неизвестной для ПЯ лексемы. Конкретизация используется для перевода слов и словосочетаний оригинального текста с целью сужения значения в тексте перевода и описания конкретных действий, признаков и предметов. Перевод стилистически окрашенной лексики производится посредством приблизительного соответствия единиц ИЯ и ПЯ и компенсацией утраченных экспрессивным сем в ином отрезке текста.

Библиографический список

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Едиториал УРСС, 2004. 569 с.

2. *Бондаренко М.Г.* О некоторых лексических средствах экспрессии в новеллах М. Эме. Выражение экспрессии в языке и речи: сб. ст. Новосибирск: Новосибирский гос. пед. ин-т, 1977. С. 11–16.

3. *Дацко Д.А.* Способы реализации стратегии оказания эстетического воздействия на читателя Филол. науки. Вопр. теории и практики. 2013. № 11, ч. 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.gramota.net/materials/2/2013/11-2/20.html. (дата обращения: 08.04.2024).

4. *Жеребило Т.В.* Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2010. 485 с.

5. *Зарипова З.М.* Коллоквиализмы без семантического осложнения в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1988. 191 с.

6. *Лукьянова Н.А.* О соотношении понятий экспрессивность, эмоциональность, оценочность. Актуальные проблемы лексикологии и словообразования: темат. сб. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т., 1976. Вып. 5. С. 3–21.

7. *Харченко В.К.* Разграничение оценочности, образности, экспрессивности и эмоциональности в семантике слова. Рус. яз. в шк. 1976. № 3. С. 66–71.

8. *Шаховский В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Изд. 3-е. М.: URSS: Либроком, 2009. 204 с.

Источники

1. *Белль Г.* Хлеб ранних лет [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://lib.ru/INPROZ/BELL/boell_brot_rus.txt (дата обращения: 10.04.2024).

2. *Böll H.* Das Brot der frühen Jahre: Erzählung Padaread.com: online б-ка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://padaread.com/?book=174984> (дата обращения: 10.04.2024).

**WAYS TO PRESERVE EXPRESSIVENESS
OF A TRANSLATED LITERARY TEXT
(ON THE EXAMPLE OF THE WORK OF H. BELL
«DAS BROT DER FRÜHEN JAHRE» AND ITS TRANSLATION)**

L.V. Salanovich

Minsk State Linguistic University, Minsk

This paper defines the main ways to preserve the expressiveness of a translated literary text, specifies the types of functionally adequate replacements, which include remetaphorization, descriptive translation, specification and compensation.

Key words: translation of literary texts, expressiveness, remetaphorization, descriptive translation, specification, compensation.

Об авторах:

Солонович Людмила Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики немецкого языка Минского государственного лингвистического университета; e-mail: solonovich-lv@mail.ru.

УДК 82-32

**ФАКТЫ БИОГРАФИИ А.П. ЧЕХОВА КАК ОСНОВА
ДЛЯ СОЗДАНИЯ РАССКАЗА «ЧЕРНЫЙ МОНАХ»**

О.В. Спачиль

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье собраны основные факты биографии А.П. Чехова, ставшие предтечей появления рассказа «Черный монах». К биографическим фактам мы относим не только информацию о событиях в жизни писателя, но и круг его чтения, крещение в православной церкви с именем Антоний, воспитание в традиционной православной семье, получение медицинского образования и профессиональный интерес к вопросам психопатологии.

Ключевые слова: А.П. Чехов, «Черный монах», биографические факты, художественный образ.

Рассказ «Черный монах» – одно из наиболее загадочных произведений позднего А.П. Чехова, опубликованное в журнале «Артист» за 1 января 1894 г. Главному герою рассказа магистру Андрею Васильевичу Коврину является Черный монах, легендарное мистическое создание, и завладевает его сознанием и душой. Семантика словосочетания «черный монах» нуждается в комментарии. Известно, что в православной церкви священники делятся на «белых» (те, кто до рукоположения в духовный сан женился и живет своей семьей) и на «черных». Так называемое «черное священство» принимает на себя до вступления на путь духовного служения обет безбрачия. Большинство таких лиц – монахи, принявшие целый ряд и других ограничивающих их свободу клятв. Как правило, эти священники живут в монастырях и имеют возможность продвигаться вверх по иерархической лестнице в структуре церкви. В словаре В.И. Даля отмечено устаревшее «Черный поп». На Руси монахов и монашек называли «чернецами, черноризцами», поскольку они носили одежду только черного цвета. Сегодня эти слова отмечены в словарях как устаревшие. Для русского языка «черный монах», с одной стороны, плеоназм, в котором дублируется слово «черный», т. е. «черный чернец»; с другой стороны, поскольку белого монашества не бывает, выражение становится абсурдным, гротескным. Настойчивое присутствие прилагательного «черный» в словосочетании «черный монах» призвано подчеркнуть в коннотативном значении слова семы «страшный», «угрожающий», «зловещий», «скрывающий ужасную тайну» и т.п. Таким образом, уже название рассказа готовит читателя к необычной «таинственной» истории.

Настоящая статья – попытка понять, как рождался замысел одного из самых ярких, глубоких и необычных произведений писателя, какие факты из его жизни легли в основу создания «Черного монаха».

Прежде всего, в биографии писателя привлекает внимание факт его крещения в честь основателя отшельнического монашества Антония Великого (ок. 251–356). Родился А.П. Чехов в православной семье 16 января (по старому стилю) 1860 г., а уже 17 января, в день празднования памяти Антония Великого, был крещен и наречен именем святого праведника. А.П. Чехов, стараниями своих родителей, в особенности отца Павла Егоровича, хорошо знал житие египетского монаха, составленное в 356 г. Афанасием Александрийским.

В самом начале своего уединенного жития к Антонию явился дух-искуситель «в образе черного отрока», но стойкий отшельник противостоял лукавству врага с такими словами: «Поэтому и достоин ты великого презрения. Ибо черен ты умом и бессилен, как отрок. У меня

нет уже и заботы о тебе. “Господь мне помощник, и аз воззрю на враги моя” (Пс. 117, 7). Черный отрок, услышав это, немедленно с ужасом бежал от слов сих, боясь уже и приближаться к Антонию» [Святитель Афанасий Великий 2024]. Но отпор Антония испугал беса ненадолго. Через какое-то время он начал снова докучать монаху. Вот как впоследствии звучал рассказ Антония, обращенный к ученикам: «Однажды, когда я постился, пришел этот коварный в виде монаха, имея у себя призрака хлеба, и давал мне такой совет: ешь и отдохни после многих трудов; и ты – человек, можешь занемочь. – Но я, уразумев козни его, восстал на молитву, и демон не стерпел сего, скрылся и, исшедши в дверь, исчез, как дым» [Святитель Афанасий Великий 2024]. Черный монах из жития уже имеет все основные качества будущего художественного персонажа: он – воплощение обмана, появляется и исчезает из ни откуда и в никуда, мотивирует свое появление как бы благими намерениями, но пребывающий в постоянном бдении Антоний распознает таящееся в мнимой заботе зло.

Пытаясь проникнуть в художественный мир писателя, «мы имеем дело, прежде всего, с *литературными* истоками этого мира» [Чудаков 2016, с. 648]. А.П. Чехов, без сомнения, черпал вдохновение в произведениях своих собратьев по перу. В русской литературе, в особенности в произведениях А.С. Пушкина, которыми зачитывался писатель [Головачева 2020], мы находим образы монахов-соблазнительей, что не могло пройти мимо внимания Антона Павловича.

Готовя трагедию «Борис Годунов» к печати, А.С. Пушкин исключил две сцены («Ограда монастырская» и «Уборная Марины»), Сцена «Ограда монастырская» давала образ какого-то «злого чернеца», по совету которого Григорий и принимает на себя имя убитого царевича. «Упоминание о “злом чернеце” Пушкин нашел у Карамзина <...> Из этого сообщения, по-видимому, и возник замысел. Резко отличная от всех других по стиховому размеру, эта сцена в корне противоречила и всей социально-исторической концепции пушкинской трагедии» [Городецкий 1953, с. 157].

Приведем еще один пример, взятый из пушкинского романа в стихах «Евгений Онегин». Описывая суеверные страхи Татьяны, мы встречаем и такие строки: «... Вдруг увидя / Младой двурогий лик луны / На небе с левой стороны, / Она дрожала и бледнела. / Когда ж падучая звезда / По небу темному летела / И рассыпалась, – тогда / В смятенье Таня торопилась / Пока звезда еще катилась, / Желанье сердца ей шепнуть. / Когда случалось где-нибудь / Ей встретить

черного монаха / Иль быстрый заяц меж полей / Перебегал дорогу ей, / Не зная, что начать со страха, / Предчувствий горестных полна, / Ждала несчастья уж она» (Пушкин 1964, с. 101). Известно суеверное отношение и самого А.С. Пушкина к людям в священническом облачении, переходящим дорогу. Это предубеждение-примета также зафиксирована в пословицах русского народа, собранных В.И. Далем: «Встретил попа – не хорош выход. Поп, монах дорогу перешел» [Даль 1995, с. 309].

Рассказ о черном монахе создавался, когда А.П. Чехов жил в Мелихове. Сопоставление строк из текста рассказа и писем писателя этого периода убедительно свидетельствует: ряд биографических деталей вошел в рассказ, они сопоставлены и проанализированы в статьях [Тихомиров 1995, Клуге 1995, Батракова 1995], сделан вывод о скрытом автобиографизме «Черного монаха». «Не что иное, как человеческая судьба Чехова и его личный духовный опыт, как они протекали и развивались с весны 1892 г., когда была куплена усадьба, по лето 1893 г., когда писалась повесть, и образуют тот центр, тот психологический стержень, на который, неизбежно срачиваясь, и нанизываются многочисленные подробности и впечатления бытового характера» [Тихомиров 1995, с. 35]. Приведем только один, но довольно яркий пример.

Летом 1892 г. началась холера и А.П. Чехов начинает свою работу в качестве санитарного земского врача Серпуховского уезда, делая все возможное для предотвращения эпидемии на своем участке. Разъезды по деревням и фабрикам, чтение лекций, устройство больниц и противохолерных барачков отнимало все время и все силы. В письмах друзьям и знакомым писатель говорит о полной непригодности огромного участка для борьбы с болезнью, о своем чрезмерном утомлении и слабеющем здоровье: «Утомлен и раздражен я адски. <...> Дано мне 25 деревень, а помощника ни одного» (Чехов 1977, с. 94). С августа по 15 октября 1892 г. Чехов принял больше тысячи больных. Весь 1893 год ушел на литературную работу, хотя поток больных не ослабевал. Денег за лечение доктор с пациентов не брал – кормила всю семью только литература. Напряженная работа привела к нервному истощению, Чехов почти перестал спать. В Мелихово приезжали гости, Лика Мизинова под аккомпанемент И.Н. Потапенко пела серенаду Брага. Как пишет брат Михаил [Чехов 1981, с. 165], велись разговоры о миражах и вот в один из дней А.П. Чехову приснился страшный сон – он увидел во сне черного монаха, несущегося через поле. Сон оставил тяжелое впечатление и наваждение не оставило писателя, пока не был написан знаменитый рассказ.

Случай А.П. Чехова-писателя особый: он не только получил медицинское образование, но также был практикующим врачом. В автобиографии 1899 г. он пишет: «Не сомневаюсь, занятия медицинскими науками имели серьезное влияние на мою литературную деятельность» (Чехов 1979, с. 271). В рассказе «Черный монах» причудливо переплелись интерес автора к психиатрии, его исследование мании величия и модные в то время разговоры и споры о гениальности и психической нормальности.

Таким образом, внимательное изучение биографии писателя дает важные материалы для установления источников появления того или иного замысла, что особенно важно для рассказа, мистическая составляющая которого тревожит не одно поколение читателей и исследователей. В биографии А.П. Чехова черный монах появлялся несколько раз в связи с разными событиями в жизни писателя. Тайна творчества, по мнению Чехова, может быть сравнима только с тайной любви, которая, по слову апостола Павла, – таинство.

Библиографический список

1. Батракова С.П. Чеховский сад («Черный монах» и «Вишневы сад») // Чеховиана: Мелиховские труды и дни. М.: Наука, 1995. С. 44–52.

2. Головачева А.Г. «Пушкин нужен до зареза»; Диалог первый. О быте и бытии гробовщиков // Чехов: литературные диалоги с Пушкиным. М.: «Гелиос АРВ», 2020. С. 4–19.

3. Головачева А.Г. Диалог второй. О блудных дочерях // Чехов: литературные диалоги с Пушкиным. М.: «Гелиос АРВ», 2020. С. 48–52.

4. Головачева А.Г. Диалог третий. О романическом воображении // Чехов: литературные диалоги с Пушкиным. М.: «Гелиос АРВ», 2020. С. 105–116.

5. Городецкий Б.П. Драматургия Пушкина. М.–Л.: Изд. АН СССР, 1953. 356 с.

6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: «Терра» –«Terra», 1995. 520 с.

7. Клугеб Р.-Д. Отображение болезни в рассказах «Палата № 6» и «Черный монах» // Чеховиана: Мелиховские труды и дни. М.: Наука, 1995. С. 52–59.

8. Святитель Афанасий Великий. Житие преп. Антония Великого. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Afanasij_Velikij/zhitie-prep-antonija-velikogo/ (дата обращения: 30.03.2024).

9. Тихомиров С.В. «Черный монах» (опыт самопознания мелиховского отшельника) // Чеховиана: Мелиховские труды и дни. М.: Наука, 1995. С. 35–44.

10. Чехов М.П. Вокруг Чехова. М.: Художественная литература, 1981. 336 с.

11. Чехова Е.М. Воспоминания. М.: Художественная литература, 1981. 336 с.

11. Чудаков А.П. Поэтика Чехова. Мир Чехова: Возникновение и утверждение. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус. 2016. 704 с.

Источники

1. Пушкин А.С. Евгений Онегин // Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 5. М.: Наука, 1964. С. 5–213.

2. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1974–1983. 627 с.

FACTS OF A. P. CHEKHOV'S BIOGRAPHY AS THE FOUNDATION FOR CREATION OF «THE BLACK MONK»

O.V. Spachil

Kuban State University, Krasnodar

The article contains the main facts of A.P. Chekhov's biography, which became the forerunner of the appearance of his story «The Black Monk». Biographical facts include not only information about events in the writer's life, but also his reading range, baptism in the Orthodox Church with the name Anthony, upbringing in a traditional Orthodox family, medical education and professional interest in issues of psychopathology.

Key words: A.P. Chekhov, «The Black Monk», biographical context, artistic image.

Об авторах:

Спачиль Ольга Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: spachil.olga0@gmail.com.

ДЕОНТИЧЕСКИЙ ПРЕДИКАТ В КОНСТРУКЦИЯХ ЧИСТОЙ КОНЪЮНКЦИИ В НАУЧНОМ И ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСАХ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

А.В. Сытько

Минский государственный лингвистический университет, Минск

В статье представлены результаты анализа функционирования в институциональной коммуникации чистой конъюнкции модальных предикатов. Определены типы сочинительных рядов с деонтическим предикатом в немецкоязычном научном и политическом дискурсах. Выявлены модальные типы предикатов, употребляемых в конъюнктивных структурах и обусловленные предметными областями и целями данных дискурсов.

Ключевые слова: научный дискурс, политический дискурс, деонтический предикат, аксиологический предикат, волитивный предикат, алетический предикат, чистая конъюнкция.

Любая модальность как способ интерпретации происходящего по-разному артикулируется дискурсами, с одной стороны, конструируя социальные отношения, с другой стороны, формируясь ими. Для описания дискурса предлагается ряд «семантических структур или аналитических категорий» [Dijk 1997, p. 12–13], среди которых указывается **деонтическая** модальность, представляющая собой отношение к действиям, своим или окружающим, по неперемennomу созданию иного положения дел в мире. Деонтика в модальном суждении сложным образом взаимодействует с такими модальностями, как эпистемика, аксиология, алетика и волитивность. В формальной структуре высказывания данное взаимодействие манифестируются в определенных синтаксических моделях, одной из таких моделей являются весьма сложные многочленные комплексы **чистой конъюнкции** с деонтическими предикатами [Сытько 2023]. По критерию количества предикатов, входящих в конъюнктивные структуры, фиксируются **двух-** и **трехчленные** конструкции. С точки зрения семантики данные комплексы представлены: **гомогенными** (с двумя деонтическими предикатами: «*notwendig und nötig*»); **гетерогенными** (в которых сочетаются различные модальные установки: «*notwendig und richtig*»; «*nützlich und notwendig*» и т. п.); **гомо-**

гетерогенными, в которых два предиката из трех реализуют идентичную модальную установку.

М. Пеше подчеркивает, что модальный план каждого конкретного дискурса формирует матрица дискурса (соотнесение с определенной областью социального опыта; социальная локализация; лингвистическая система сигнификации) [Пеше 1999]. В этой связи интересным представляется рассмотрение влияния различной институциональной коммуникации на функционирование сочинительных комплексов с деонтическим предикатом. Цель данной работы – выявление специфики актуализации чистой конъюнкции модальных предикатов в двух дискурсах, играющих важнейшую роль в социальной жизни, – немецкоязычном научном и политическом¹.

В научном дискурсе конъюнктивные ряды модальных предикатов всегда являются двучленными гетерогенными конструкциями, в которых с деонтической модальностью сочетается преимущественно алетическая установка, реже рационалистическое аксиологическое (телеологическое или утилитарное) отношение к действию либо рациональная оценка. Деонтический предикат занимает всегда коммуникативно значимую, вторую, позицию: «*möglich und notwendig*» (15)²; «*möglich und erforderlich*» (2); «*möglich und nötig*» (7); «*sinnvoll und notwendig*» (14), «*zweckmäßig und notwendig*» (2), «*nützlich und notwendig*» (6), «*kann und muss*» (2). Конъюнкция, объединяет также два модальных предиката, являющихся средством выражения полярных деонтических значений – возможности и необходимости, позволяя говорящему нюансировать разные ракурсы деонтической семантики: «*berechtigt und notwendig*» (3). Несмотря на наличие в немецком языке нескольких деонтических предикатов («*notwendig*», «*nötig*», «*erforderlich*», «*müssen*»), преимущественным употреблением в научном дискурсе в данных комплексах характеризуется «*notwendig*».

В политическом дискурсе отмечаются как двух-, так и трёхчленные конъюнктивные ряды модальных предикатов, представленные как семантически гомогенными, так и гетерогенными комплексами.

¹ Источником материала послужили национальный корпус немецкого языка DWDS. Нами использовался основной подкорпус за 1900-1999 гг., в котором представлено 79 190 текстов, 24,59% из которых относятся к сфере науки, и подкорпус политической речи, ядерный жанр политики, за 1982-2020 гг., в котором насчитывается 15 240 текстов.

² В круглых скобках указано абсолютное количество зафиксированных в корпусе контекстов с соответствующими сочинительными рядами.

Гомогенные конструкции свидетельствуют о семантической редупликации различного типа. Использование деонтических предикатов, которые не отличаются оттенками значений и выражают абсолютность необходимости, указывают на семантический повтор, который ведет к эмфатизации и интенсификации деонтического значения. Семантическая эквивалентность предикатов объясняет варьируемый порядок их следования в конъюнктивных конструкциях («*notwendig und nötig*» ↔ «*nötig und notwendig*»):

(1) «*Im Rahmen der vorgesehenen Maßnahmen werde alles getan, was **notwendig und nötig** sei, um Vorsorge zu treffen*» (DWDS / Deutscher Bundestag: Drucksache Nr. 11/7184 vom 18.05.1990). «В рамках запланированных мероприятий будет сделано все, что необходимо и обязательно, чтобы принять меры предосторожности».

Употребление в гомогенных комплексах деонтических предикатов, интенсифицированных за счет словообразовательных семантических элементов («*unumgänglich*», «*unabweisbar*»), свидетельствует о семантической градации, нанизывании предикатов, различающихся степенью интенсивности, причем от более сильного значения обязательности к менее сильному:

(2) «*Dies zu ändern, ist die Aufgabe der heutigen Gesetzgebung. Darum ist es **unumgänglich und notwendig**, dass wir etwas tun, um dazu beizutragen, dass das persönliche Engagement, die Aktivität und die Anstrengung von Bürgerinnen und Bürger auch belohnt werden und sich auszahlen*» (DWDS / Rede von O. Scholz, 22.01.2009). «Изменить это – задача сегодняшнего законодательства. Вот почему совершенно необходимо и нужно, чтобы мы сделали что-то, чтобы гарантировать, что личная вовлеченность, активность и усилия граждан будут вознаграждены и окупятся».

Кроме того, деонтический предикат (либо один, либо оба) в гомогенной конструкции может получать усложнение за счет интенсифицирующей лексемы («*absolut*»), усиливающей категоричность:

(3) «*Bei den hohen Investitionen wird es auch in den Haushalten der nächsten Jahre bleiben. Sie sind **absolut notwendig und absolut erforderlich***» (DWDS / Rede von O. Scholz, 11.09.2018). «Высокий уровень инвестиций сохранится в бюджетах в течение следующих нескольких лет. Они абсолютно нужны и абсолютно необходимы».

В гетерогенных конструкциях в политическом дискурсе отмечается миниградация модальных значений: соположение различного модального отношения (аксиологического, воликативного, а также алетического) с деонтической установкой.

Обращает на себя внимание языковое выражение модальных предикатов в сочинительных конструкциях в политическом дискурсе. Так, алетический предикат реализуется не только ядерным глаголом «können» (463) и лексемой «möglich», но и прилагательными с суффиксом «-bar», указывающими на осуществимость («machbar»): «*machbar und notwendig*». При соположении волиитивности и деонтики в качестве выражающих желательность предикатов, наряду с ядерным глаголом «wollen» (273), отмечаются лексемы «wünschbar», «wünschenswert», «erwünscht», «gewünscht», а также контекстуально синонимичная единица «begrüßenswert». Кроме этого, говорящий может усиливать модальный предикат при помощи лексемы «durchaus», подчеркивая осуществимость действия или его желательность («*durchaus möglich*», «*durchaus erwünscht*»):

(4) «*Aber dann ist staatlicher Eingriff in bestimmten Fragen **durchaus möglich und notwendig***» (DWDS / Rede von A. Merkel, 04.10.2010). «Но тогда вмешательство государства в некоторые вопросы, безусловно, возможно и необходимо».

Палитра аксиологических оценок в гетерогенных конструкциях в политическом дискурсе представлена гораздо шире по сравнению с научным: наряду с общеоценочным предикатом («gut»), фиксируются частнооценочные предикаты, реализующие нормативную («richtig», «legitim»), телеологическую («zweckmäßig»), утилитарную («nützlich») оценки. Кроме этого, отмечаются предикаты, выражающие оценку релевантности («wichtig»), рациональную («sinnvoll», «vernünftig») и истинностную оценку («fair»). Подобные сочинительные ряды модальных предикатов «позволяют минимизировать долю недоказуемого» [Демьянков 2022, с. 40], градуируют модальные установки и переводят чисто модальное суждение в экспрессивную плоскость. При этом любой из модальных предикатов может быть интенсифицирован: «*sehr notwendig und sehr zweckmäßig*»; «*absolut richtig und notwendig*»; «*absolut richtig*», «*wichtig und notwendig*» и т.п.

Отметим, что в политическом выступлении конъюнктивные структуры с оценочными предикатами зачастую актуализируются эпистемическим модусным предикатом: «*es ist meiner Meinung nach notwendig und vernünftig*»; «*Ich halte es für legitim und notwendig*»; «*Ich denke, dass es richtig und notwendig ist*»; «*Ich glaube, das ist auch sinnvoll, nützlich und notwendig*»; «*Das halte ich für gut, richtig, wichtig und notwendig*»; «*Ich finde es gut, richtig und notwendig, dass...*» и т. п.:

(5) «*Ich glaube aber, dass sie im Sinne der Generationengerechtigkeit **absolut richtig, wichtig und notwendig** war*» (DWDS / Rede von A. Merkel,

02.07.2015). «Но я считаю, что это было абсолютно правильно, важно и необходимо в интересах справедливости между поколениями».

Что касается порядка следования предикатов в гетерогенных сочинительных рядах в политическом дискурсе, то предпочтительным является тот, при котором последнюю, коммуникативно выделенную позицию занимает деонтический предикат, ср.: «*kann und muss*» (463) – «*muss und kann*» (56), «*möglich und notwendig*» (12) – «*notwendig und möglich*» (9); «*will und muss*» (186) – «*muss und will*» (93), «*erwünscht und notwendig*» (4) – «*notwendig und gewünscht*» (1); «*gut und notwendig*» (13) – «*notwendig und gut*» (4); «*sinnvoll und notwendig*» (28) – «*notwendig und sinnvoll*» (24); «*notwendig und zweckmäßig*» (2); «*nützlich und notwendig*» (3) – «*notwendig und nützlich*» (3); «*richtig und notwendig*» (71) – «*notwendig und richtig*» (48); «*wichtig und notwendig*» (66) – «*notwendig und wichtig*» (47).

Таким образом, чистая конъюнкция модальных предикатов реализуется в институциональном дискурсе различным образом, что обусловлено целями и предметными областями научного и политического дискурсов (теоретическое осмысление бытия *vs.* организация социального бытия; информирование о научном знании *vs.* воздействие на общественное сознание и поведение). В научном дискурсе конъюнктивные структуры с деонтическим предикатом включают в себя только модальные предикаты, подчеркивающие осуществимость действия и его полезность/целесообразность. В политическом дискурсе, характеризующемся субъективностью, экспрессивностью и риторичностью, чистая конъюнкция модальных предикатов дает возможность говорящему градуировать необходимость, а также ранжировать модальные установки в соответствии с интересами говорящего, разворачивая ценностные суждения и маркируя разные ракурсы оценок.

Библиографический список

1. Демьянков В.З. Семантическая редупликация в высказываниях о возможном // Когнитивные исследования языка. 2022. № 4 (51). С. 39–43.
2. Пеше М. Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия / пер. с фр. Л.А. Илюшечкиной // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. Изд-во: М.: Прогресс, 1999. С. 225–291

3. Сутько А.В. Деонтическое высказывание: семантические характеристики и прагматический потенциал (на материале русского и немецкого языков). Минск: МГЛУ, 2023. 248 с.

4. *Dijk van, T.A.* The study of discourse // Discourse as structure and process. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. Sage, 1997. Т. 1. Рр. 1-35.

Источники

1. Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache des 20. Jahrhunderts [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.dwds.de/d/korpora/kern> (дата обращения: 12.03.2024).

2. Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache des 20. Jahrhunderts [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.dwds.de/d/korpora/politische_reden (дата обращения: 12.03.2024).

DEONTIC PREDICATE IN PURE CONJUNCTION CONSTRUCTIONS IN SCIENTIFIC AND POLITICAL DISCOURSE (BASED ON GERMAN LANGUAGE)

A.V. Sytko

Minsk State Linguistic University, Minsk

The article presents the results of an analysis the functioning of the pure conjunction of modal predicates. The study determines types of coordinating sequences with a deontic predicate in German-language scientific and political discourses. It reveals the modal types of predicates used in conjunctive structures and determined by the subject areas and goals of these discourses.

Key words: scientific discourse, political discourse, deontic predicate, axiological predicate, volitive predicate, alethic predicate, pure conjunction.

Об авторах:

Сутько Анна Васильевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой фонетики и грамматики немецкого языка Минского государственного лингвистического университета; e-mail: sytko.mglu@gmail.com.

К ВОПРОСУ ОБ АВТОРЕ СТАРШЕЙ ЛИВОНСКОЙ РИФМОВАННОЙ ХРОНИКИ

Е.С. Тихонова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург

В докладе рассматриваются вопросы авторства Старшей Ливонской рифмованной хроники и возможной репрезентации автора в её тексте. Анализируется проблематика источников Хроники. В этой связи также рассматриваются комментарии фиктивного автора, отсылающие реципиента к ранее прочитанной или услышанной информации, представленные несколькими синтаксическими моделями с вариативным лексическим наполнением.

Ключевые слова: восточносредненемецкий, Старшая Ливонская рифмованная хроника, фиктивный автор, устойчивые словосочетания, вариативность.

Старшая Ливонская рифмованная хроника – памятник конца XII в., основной темой которого является Балтийский крестовый поход в 1143–1290 гг. Авторство данного памятника, написанного на восточносредненемецком диалекте, не установлено. Существуют разные мнения о том, кем же на самом деле был её создатель. Так, Э. Штайнмайер считал его клириком, однако в настоящее время исследователи придерживаются единого мнения о том, что, судя по тому, как подробно и со знанием дела описывается всё, связанное с военным делом, он был рыцарем. Поскольку, начиная с 1250 г., события представлены значительно подробнее, чем до того [Helm, Ziesemer 1951, S. 148], автор, вероятнее всего, был их непосредственным участником и находился в Ливонии именно в эти годы [Neeske 2007, S. 91–93].

Изначально Хроника приписывалась Дитлебу фон Альнпеке, однако впоследствии было установлено, что такая атрибуция – подделка XVII века. Высказывалось мнение, что автор Хроники изобразил себя в лице неоднократно упоминавшегося в тексте брата Юрьеса [Neeske 2007, S. 90], либо что он был одним из рыцарей, прибывших с магистром Конрадом на день св. Маргариты 1279 г. (13 июля), поскольку этот эпизод датирован с необычайной точностью для

Хроники. Этот оставшийся безымянным брат-знаменосец описывается как человек исключительной доблести [Fischer 1991, S. 178]:

- «*brûder Juries ûz den brûderen las, // wen er was an des meisters stat, // einen brûder*» (Meyer 1973, S. 135) – «Брат Юрьес, когда он был на месте магистра, выбрал одного брата...» (здесь и далее перевод примеров наш – Е.Т.);

- «*der brûder, der den vanen trûc, // mit einer hant er nider slûc // waz vor im ûf dem wege was. // waz er irrechte, des nicht genas. // sîn andere hant die trûc den vanen*» (Meyer 1973, S. 257) – «Брат, который нёс знамя, одной рукой разил всех, кто было у него на пути. Кого он доставал, те погибали. В другой своей руке он нёс знамя».

Кем бы ни был автор Хроники, он был однозначно знаком с средневерхненемецким куртуазным эпосом и романом, вдохновлялся ими и пользовался их художественными средствами.

С самого начала исследования данного памятника велись дискуссии о том, насколько анонимный автор был хорош: его называли «слабым поэтом», а также «знатоком-начётчиком» немецкой эпической поэзии XII–XIII вв., отмечая отсутствие у него какого-либо поэтического таланта [Helm, Ziesemer 1951], [Fischer 1991; Arnold 2010]. Этим объясняется обилие в Хронике устойчивых и формульных словосочетаний, а также синтаксических моделей. Однако, с нашей точки зрения, подобное подражание было сознательным приёмом, а создатель Хроники следовал соответственной поэтической традиции.

С использованием устойчивых сочетаний, как и с вопросом об авторстве Хроники, тесно связан вопрос о её источниках.

Во вставных авторских комментариях мы сталкиваемся с фиктивным автором. Подобные комментарии часто встречаются у Вольфрама фон Эшенбаха в его «Парцифале», который мог быть одним из источников вдохновения для автора Хроники [Helm, Ziesemer 1951, S. 149]. В общей сложности в Хронике представлено 164 подобных комментария.

Подобные комментарии характеризуются отсылкой к ранее прочитанной информации, осуществляемой за счёт использования существительного *daz bûch* «книга», а также глагола *lesen* «читать», например:

- «**daz bûch saget uns vor wâr, // daz iz werte sechsthalb jâr // daz meister Herman Balke riet**» (Meyer 1973, S. 53) – «Книга истинно рассказывает нам, что правление магистра Германа Балке длилось шесть с половиной лет»;

- «*wer von Rîge komen was // mit dem her, als ich êr las, // die quâmen kurtzelîchen wider // vrôlich hin zû Rige sider*» (Meyer 1973, S. 28)

- «Кто прибыл из Риги с войском, как я прежде почитал, те вскоре потом радостно вернулись в Ригу».

Данные конструкции рассматривались как указание на существование некоего письменного источника – протохроники – которую автор включил в свой текст [Murray 2001, S. 249]. С другой стороны, «*daz bûch*» интерпретируется как отсылка к самой Хронике, или даже к способу её рецепции братьями Ордена (предположительно, она зачитывалась вслух во время трапезы), в таком случае, лексемы «*bûch*» и «*lessen*» только подчёркивают письменный характер данного текста [Neecke 2007, S. 93–94].

Одним из источников для Хроники, вероятно, послужили устные сообщения очевидцев, а также, возможно, локальная устная традиция. Это отражается, в том числе, в использовании в качестве авторских комментариев устойчивых словосочетаний и синтаксических моделей с вариативными элементами, содержащих глаголы восприятия и говорения. Выделим следующие модели:

- «*X ist ûch genant / bekant / geseit / verjehen / gelesen*» – «X вам названо / известно / сказано / рассказано / прочитано»;

- «*nû wil ich machen ûch bekant*» – «теперь я хочу вам рассказать»;

- «*als ich hân vernomen*» – «как я слышал»;

- «*als ich (ûch) (nû) sagen sol*» – «как я (вам) (теперь) должен рассказать»;

- «*als ich/ wir hōren jehen / sagen*» – «как я/мы слышали».

Кроме того, используются модели, содержащие отрицание и сообщающие о нежелании автора либо отсутствии необходимости о чём-то рассказывать далее:

- «*waz sal ich dâ von sagen mêt?*» – «Что мне ещё об этом рассказать?»;

- «*nicht mêt ich dâ von sagen sol*» – «Я не должен более об этом рассказывать» (Meyer 1973).

Подобные примеры представляют собой технический приём, позволяющий заполнить строку, а сочетание вариативности лексического наполнения с устойчивостью синтаксической структуры подобных моделей является характерным признаком Хроники.

Таким образом, анонимный автор Хроники предстаёт перед нами в трёх ипостасях: во-первых, через комментарии фиктивного автора, во-вторых, – опосредованно – как представитель своего сословия, находящийся и творящий внутри современной ему поэтической традиции. И, наконец, в-третьих – если это предположение верно – как один из персонажей Хроники – брат Юрьес или безымянный знаменосец.

Библиографический список

1. *Arnold U.* Livländische Reimchronik // Die deutsche Literatur des Mittelalters. Verfasserlexikon / Hrsg. v. W. Stammer et al. Bd. 5. Berlin / New York: De Gruyter, 2010. S. 855–862.
2. *Fischer M.* «Di Himels Rote»: The Idea of Christian Chivalry in the Chronicles of the Teutonic Order (Göppinger Arbeiten zur Germanistik 525). Göppingen: Kümmerle Verlag, 1991. 255 S.
3. *Helm K., Ziesemer W.* Die Literatur des Deutschen Ritterordens (Gießener Beiträge zur deutschen Philologie 94). Gießen: Wilhelm Schmitz, 1951. 202 S.
4. *Murray A.V.* The Structure, Genre and Intended Audience of the Livonian Rhymed Chronicle // Crusade and Conversion on the Baltic Frontier, 1150-1500. Ed. Alan V. Murray. Aldershot: Ashgate, 2001. P. 235–251.
5. *Neecke M.* Das 13. Jahrhundert // Krieg im Visier. Biblepik und Chronistik im Deutschen Orden als Modell korporativer Identitätsbildung. Tübingen: Max Niemeyer, 2007. S. 97–105.

Источники

1. *Meyer L.* Die Livländische Reimchronik mit Anmerkungen, Namenverzeichnis und Glossar. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 1973. 417 S.

ON THE AUTHOR OF THE LIVONIAN RHYMED CHRONICLE

E.S. Tikhonova

*Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»,
Saint Petersburg*

The paper considers issues of authorship of the Livonian Rhymed Chronicle and of the author's possible self-representation in the text. Problematics of the Chronicle's sources is analyzed. Another issue to be considered are the remarks of the fictitious author that refer the Chronicle's recipient to the information read or heard before. These are represented by several syntactic models with variable lexical contents.

Key words: East Middle German, Livonian Rhymed Chronicle, fictitious author, fixed collocations, variability.

Об авторах:

Тихонова Елена Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина); e-mail: e_tikhonova@yahoo.de.

УДК 82-3(48)“20/21”

АВТОРСКИЕ СТРАТЕГИИ И ПРОБЛЕМНО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ СКАНДИНАВСКОЙ ПРОЗЫ РУБЕЖА XX-XXI ВВ.

О.В. Тихонова

Воронежский государственный университет, Воронеж

В статье затрагивается проблема нарративных стратегий в произведениях современных скандинавских писателей. Акцент делается на типологические подходы, но учитываются и индивидуальные практики авторов поколения «нового рубежа» (1990–2000-е гг.). Актуализируется связь скандинавских моделей с общегерманскими и западноевропейскими, в том числе, в проблемном плане.

Ключевые слова: скандинавские литературы, современная проза, нарратив, авторская интенция, субъективизм, внутренний монолог, хронотоп.

Произведения скандинавских авторов периода «нового рубежа» (XX-XXI вв.) обнаруживают несомненное родство с общими западноевропейскими тенденциями, в первую очередь, – с германскими. Констатация отчуждения, «глубокого оцепенения» в отношениях людей, болезненной ранимости, беспомощности и бездуховности современного человека стала уже «общим местом» искусства последних десятилетий. Именно поэтому для скандинавской традиции значима роль литературного творчества, позволяющего реализовать стремление «выговориться» и «быть услышанным». Этот исповедальный, порой жестокий процесс, иногда даже физиологичный, напоминающий препарирование, но тем более необходимый, осознаваемый как неизбежный и потому бескомпромиссный, становится ядром реальности в произведениях и, в конечном итоге, своеобразным средством излечения от одиночества, фобий, комплексов, способом бороться с материализацией и

стандартизацией жизни. Он фиксирует желание «остановить время», воскресить (или пробудить) чувства.

Первое, что роднит практически все произведения авторов «нового рубежа», – это исходная *ситуация* – смятения духа и чувств, и, как следствие, – предельный *субъективизм* повествования. Хотя в центре может стоять событие, действие, акцент всё же переносится на его переживание, на индивидуальное восприятие мира, конкретных его проявлений и фактов. Отражение деталей реальности через индивидуальное сознание может сопровождаться и искажением этой реальности – наивным (Ч. Линдблатт «Вечерние дети»), творческим (М. Сундстрём «Вкруг нас небеса вовеки вздымаются»), болезненным (Ф. Лонг «Страдания финского мужа», С. Йарволл «Кувшин»). Современное индивидуальное сознание может трансформироваться под влиянием потребительских ценностей и стереотипов массового сознания (Л. Хиде «Девушка года»), но и под грузом прошлого – последней войны (например, П. Петтерсон «В Сибирь», Х. Хербьёрнсрюд «Халгрим Флатин 1966»).

Чаще всего авторская интенция направлена на постижение именно *внутреннего* качества современного человека, его *сокровенного* мира, а значит, подразумевает те формы и приёмы, которые наиболее адекватны данным целям. Герои названных авторов, рассказывая о себе, обращаясь к анонимному или косвенно определённом собеседнику, совершают свой «расчёт» с прошлым или настоящим, чувствами или мыслями. *Исповедь* героя может не иметь даже адресата, это самоочищение, самопознание, самоанализ.

Повествование *от первого лица* явно доминирует в известных нам прозаических текстах скандинавских писателей. Поворот к «личностному», частному присутствует и в произведениях, формально содержащих повествование от третьего лица. Авторский текст и прямая речь (персонажей) чередуются или практически «слиты», даже графически не разделены, пересекаются и «накладываются» друг на друга. Автор как бы отстраняется от изображаемого и, одновременно, «растворяется» в нём. Примером может служить текст повести «Метод Тране» Эйстейн Лённ: «Тране посмотрел на неё, и она рассмеялась... Ты идёшь? сказала она. Он замер в нерешительности: Ну почему я? ... Ты будешь анализировать мой ответ? сказала она, подойдя вплотную к нему...» (Страдания финского мужа 2000, с. 98).

В новелле Тура Ульвена «Я сплю» две формы повествования не просто перемежаются. В сталкивающихся фрагментах текста за «я» спрятан женский персонаж, «он» обозначает мужское. Причём, авторский текст часто содержит несобственно-прямую речь, что

создаёт также иллюзию «личностного» повествования. Он практически местами неотличим от исповеди женского «Я». При этом оба героя не только анонимны (обозначены лишь местоимениями), но и являются, по сути, «негероями», предельно обобщёнными конструкциями, функция которых – быть субъектами повествования, носителями мужского и женского начала вообще, психологических моделей самого общего плана.

Факты, приметы, детали повседневности, воспроизводимые в текстах скандинавских авторов, уступают изображению *внутреннего мира*, фиксации чувств, ощущений, впечатлений героев. Отторгая мир, герои отторгают его видимые знаки, явления, ставшие привычными. Артефакты реальности (*вещи* и детали, повседневные *ритуалы*, знакомые каждому) вызывают чаще всего ненависть персонажей. Они символизируют обыденность: телевизор с ежедневным футбольным репортажем, домашний халат, коврики и обеды («Невеста в белом» Л. Стиен), ежевечернее укладывание детей спать с обязательной сказкой («Загадай желание улитке» Г. Далэ), обязательное поедание размороженных рыбных биточков («Что и как едят в Норвегии» Д. Сульстад).

Но, с другой стороны, именно эти детали часто служат своеобразными «зацепками» для существования, тем, что удерживает современного человека, погружённого в пучину собственного «я», на плаву, создают спасительную привычку, которая рождает иллюзию наполненности жизни.

Будничное, неприметное вообще может вырастать до гигантских размеров в частном сознании. Незначительное на первый взгляд событие выступает как сюжетное ядро в новеллах «Плевок» Ларса Кристенсена и «Пепел во рту» Пера Петтерсона. Обычное событие выступает «толчком», побудительным мотивом для рефлексии персонажа, процесса переоценки ценностей («Плевки»), даже причиной разрушения привычного мира. Или наоборот – причиной обретения значительного для каждого человека – добра, понимания, сострадания («Пепел во рту»).

Особой проблемой для исследователя скандинавской прозы может стать вопрос о *пространственно-временной организации* текстов названных современных авторов. Мы можем только обозначить некоторые общие качества, представляющиеся нам важными для восприятия всего идейно-художественного комплекса данных произведений. При создании *темпоральных характеристик* авторы следуют контрастному принципу. С одной стороны, повсеместно в скандинавской прозе (как и современной вообще) время утрачивает

чёткие очертания – оно устремляется потоком, часто хаотическим, в котором перемежаются временные пласты, воспоминания и синхронное время. С другой стороны, время в повествовании может быть чётко очерчено, отмечаться персонажами и автором, фиксироваться сознательно.

Реальность в целом тоже часто утрачивает определённую, остаётся безымянной, даже абстрактной, служит лишь фоном для процесса самоанализа героя. Изображение человека «изнутри сознания», собственно, не предполагает чёткого структурирования внешнего пространства, из действительного мира повествователем «выхвачены» отдельные фрагменты, соотносимые с ключевыми моментами судьбы героя.

Пространство может быть «расширено» от исходной точки – дома, родины, семьи – разными способами и в разных целях. Человек устремляется в пространство прошлого и природы, в тайны жизни и смерти («Коровы» Л.А. Воге), отстраняется от реальности, парит над собственными страхами и ненавистью («Загадай желание улитке» Г. Далэ), убегает от себя, скитаясь по миру («Страдания финского мужа» Ф. Лонг; «Вокруг нас небеса...» М. Сундстрём).

«Расширение» пространства в повествовании свидетельствует не только о выходе за пределы «своего», о стремлении вырваться из привычного, но и о болезненном «вырывании» привязанностей, насильственном «вытравливании» героями уязвляющих их чувств. Например, героя романа Ф. Лонга «Страдания финского мужа», который во многих аспектах представляет квинтэссенцию стилевых доминант и смыслов скандинавской прозы, гонит из дома страдание, эмоциональная неустойчивость, потеря ориентиров, одиночество. Парадоксально, но ситуация путешествия, означающая процесс «раздвижения» мира, сопрягается здесь с максимальным уходом героя в себя, замыканием в предельно личном, в собственной боли. Она знаменует высшую степень отчуждения человека от внешнего мира (Страдания финского мужа 2000).

Таким образом, «узкий» вопрос об авторских повествовательных стратегиях скандинавской прозы выводит нас на центральную проблему творчества каждого автора, но и любой культурной и литературной эпохи в целом – проблему человека. Современный человек предстаёт в постоянном конфликте с самим собой и миром. Он колеблется между ощущением потери всего и жадной обретения или сохранения малого, между цинизмом, неверием – и болезненным желанием хотя бы во что-то верить (в людей, в мечту, в чудо, в повседневные радости). Даже видимая устроенность, успешность в

повседневной жизни, благополучие не делают его счастливым, наоборот, угнетают и заставляют отторгать привычное и устоявшееся. И скандинавский вариант обсуждения этой глобальной темы кажется нам особенно эмоциональным, острым, бескомпромиссным, поэтому, может быть, и более трагичным.

Библиографический список

1. Мурадян К.Е. Писатели Скандинавии о литературе. Сборник статей. М.: Радуга, 1982. 416 с.
2. Горлина Л.Г., Яхнина Ю.Я. Скандинавия: Литературная панорама. Вып.1. М.: Худож. лит., 1989. 623 с.

Источники

1. Мы здесь пока живём. Современная Норвегия в прозе. Пер. с норвежского. СПб.: Изд-во Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999. 447 с.
2. Страдания финского мужа. Современная шведская проза Финляндии. СПб.: Изд-во Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 2000. 792 с.

AUTHOR'S STRATEGIES AND PROBLEM-THEMATIC PRIORITIES OF SCANDINAVIAN PROSE AT THE TURN OF THE XX-XXI CENTURIES

O.V. Tikhonova

Voronezh State University, Voronezh

In the paper the problem of narrative strategies in Scandinavian authors' works is being discussed. An emphasis is made on the typological approach, but the individual features of the authors belonging to the new generation of Scandinavian writers (1990–2000) are also being investigated. The connection between Germanic and Western European literature is being traced, including the most typical problems.

Key words: Scandinavian literatures, contemporary prose, narrative, subjectivity, soliloquium, chronotopos.

Об авторах:

Тихонова Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и типологии русской и зарубежной литературы Воронежского государственного университета; e-mail: olnem@yandex.ru.

УДК 81'38:070

ИНТЕНЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕДИАТЕКСТА АВТОРСКОЙ КОЛОНКИ

В.Л. Устинова

Адыгейский государственный университет, Майкоп

Статья посвящена описанию интенционально-стилистических особенностей дискурса авторской колонки как способа актуализации эмоциональной оценки. Стилистические средства являются способом трансляции индивидуально-авторской картины мира колумниста и свидетельствуют о лингвокреативности языковой личности колумниста.

Ключевые слова: авторская колонка, идиостиль колумниста, лингвокреативность, стилистические тропы и фигуры.

В современном мире постоянного и обезличенного информационного потока все больше вызывают интерес личностно-ориентированные жанры современного медиадискурса, отличающегося субъективностью, оценочностью и эмоциональностью. Жанр авторской колонки привлекает читателя тем, что он чувствует себя вовлеченным в диалог с автором. Дискурс колумнистики в коммуникативном пространстве СМИ обладает особенностями как институционального, так и личностно-ориентированного типа дискурса. Как справедливо отмечает Л.Е. Кройчик, «колонка – это всегда прямой диалог с аудиторией, соло, рассчитанное на контакт со слушателями, живое, образное слово, сориентированное на сочувственный отклик тех, к кому оно обращено (по крайней мере – на понимание)» [Кройчик 2000, с. 125]. Существенными характеристиками авторской колонки являются авторское начало, ярко выраженный индивидуально-авторский стиль, концептуально-эмоциональное осмысление действительности.

Колумнистика является «формой выражения авторской позиции, субъективного анализа, комментария к событию, о котором уже распространились сухие новостные сводки. Отсюда особое значение и особая роль колумниста» [Ярцева 2011, с. 109]. Категория авторства – это «интегральная, объединяющая понятия, презентующие все возможные текстовые проявления стоящего за текстом создателя «медиамессиджа», деятельность которого по текстовому кодированию и программированию декодирования содержания этого текста адресантом жестко прагматична, определяется интенциональностью (авторскими целями, намерениями, мотивами)» [Цветова 2012, с. 21]. Как отмечают исследователи, авторская интенция является «базовым признаком определенной организации медиатекста, поскольку она ведет к достижению конкретного коммуникативного результата» [Рагимова 2023, с. 8]. По мнению И.М. Кобозевой, «интенциональная информация является важнейшей частью смысла высказывания, без которой оно не может выполнять свою главную функцию – коммуникативную» [Кобозева 2003, с. 5]

Использование методов контекстуального и интенционального анализа позволило выявить и описать стилистические приемы, используемые в дискурсе авторской колонки. Медиатекст авторской колонки насыщен оценочной и эмоционально-экспрессивной лексикой, сравнениями, метафорами, стилистическими приёмами экспрессивного синтаксиса, которые являются не только средством выражения авторской интенции, но и индикатором интеллектуального уровня дискурсивной личности колумниста.

Метафора является эффективным средством выражения эмоциональной оценки в авторской колонке. Например:

«Второй месяц «лучшие люди страны» молятся, каются, оплакивают «Макдональдс» и «Икею», рассказывая нам, быдлу, в какой трагической ситуации мы все здесь оказались. И картина эта вызывает, честно говоря, горькое недоумение» [Дегтерева 2024]. В данном примере публицист Мария Дегтерева с помощью метафоры «горькое недоумение» выражает свое эмоциональное отношение к позиции части общества, которые покидают Россию.

Идиостиль колумниста Александра Мельмана отличается яркой образностью, экспрессивностью, например: *«Нет, Познер всегда был в форме, всегда на гребне информационной волны, всегда актуален. Да, он ходил между струйками, умел приспособливаться, не говорил лишнего, вовремя останавливался. Грозил увольнением, отставкой, прощался, но не уходил, как истинный... телевизионщик»* [Мельман 2024].

Критическое отношение автора-колумниста выражается с помощью употребления фразеологизмов, пословиц, поговорок, например: «*Николай Валув – и швец, и жнец, и на дуде игрец. Депутат вот уже трех созывов, краса и гордость, он со страшной силой лезет в телевизор*» [Мельман 2024].

В данном примере негативная ироничная оценка реализуется посредством употребления усеченной поговорки «*и швец, и жнец, и на дуде игрец*», использования реминисценции в виде трансформированного выражения «*краса и гордость*» от крылатого выражения Л. Троцкого «краса и гордость революции», которым назвал матросов Балтийского флота в 1917 году.

Достаточно часто встречается использование ономастической лексики:

«*Ну, не надо преувеличивать, с одной стороны, письмо откровенно **трампистское** и, собственно, прямо призывает избирать правильных представителей «во имя спасения Америки». Авторы понимают, что **байденские поправки** к выборному законодательству «позволят демократам оставаться у власти навсегда»*» [Леонтьев 2024]. В данном примере интенционально-стилистический потенциал ономастической лексики реализуется посредством окказионального словообразования: «*трампистское*», «*байденские*».

Использование разговорной лексики и фразеологизмов придает медиатексту авторской колонки непринужденный живой характер, что привлекает читателя: «*Впрочем, Маргулис – абсолютно автономный в своей желтой подводной лодке, плывет куда хочет и ни от кого не зависит. Пусть они все там вокруг сойдут с ума от своей **крутизны**, Маргулису **пофиг**. Он как глоток свежего воздуха на четвертой кнопке. Никогда, ни за что не притворяется, ничего из себя не изображает. Вот такой, какой есть*» [Мельман 2024].

С помощью повторов колумнист Марина Ярдаева демонстрирует свою позицию относительно преувеличенной роли женщин в решении демографической проблемы, например: «*И дело даже не в том, как быть **женщине**. **Женщине**, которую так долго демонизировали и обвиняли в вероломстве. **Женщине**, над которой так долго смеялись, что она все тащит и тащит незадачливого мужчину в ЗАГС, что она обманом беременеет, навязывает детей, трясет алименты. **Женщине** все это надоело, она смирилась – «*коль нет цветов среди зимы, то и грустить о них не надо*» [Ярдаева 2024]. В данном примере наблюдается употребление таких средств экспрессивного синтаксиса как анафора и анадиплосис, которые не только придают особую ритмику тексту, но и выражают эмоциональность и экспрессию.*

Использование риторических вопросов позволяет автору высказать свое мнение о «том, почему не женщины виноваты в сокращении населения России», например: «Феминизация мужчин – проблема, над которой бьются серьезные ученые. Это не выдумка, а вполне объективная реальность. За кого тут выходить замуж? От кого рожать? Часто речь может идти только об усыновлении» [Ярдаева 2024].

Как показал анализ, текст авторской колонки насыщен стилистическими средствами, которые способствуют эффективной реализации авторской интенции. Именно лингвокреативность языковой личности автора способствует формированию «стилистического образа» медиатекста авторской колонки. Стилистические средства реализуют функцию эмоционального воздействия на реципиента.

Библиографический список

1. Рагимова Ф.С. Интенциональность прецедентного феномена в текстах современных интернет-СМИ. Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2023. Т. 2. № 1. С. 7–10.

2. Кобозева И.М. Интенциональный и когнитивный аспекты смысла высказывания: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 92 с.

3. Кройчик Л.Е. Система журналистских жанров. СПб.: Знание, 2000. 185 с.

4. Цветова Н.С. Категория автора в интенциональном поле медиатекста // Медиатекст как полиинтенциональная система: сб. статей. Санкт-Петербург: С.-Петербург. гос. ун-т, 2012. С. 17–23.

5. Ярцева С.С. Жанровые признаки колонки // Вестник ВГУ. Серия: Журналистика. № 1. 2011. С. 226–228.

Источники

1. Дегтерева М. Ну что же вы так убиваетесь? Вы же так не убьетесь! [Электронный ресурс] // Газета.ру. Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/comments/column/s77906/14798738.shtml> (дата обращения 02.05.2024).

2. Мельман А. Дедушка российского ТВ: Владимиру Познеру 1 апреля исполнилось 90 лет [Электронный ресурс] // Московский комсомолец. Режим доступа: <https://www.mk.ru/culture/2024/04/02/dedushka-rossiyskogo-tv-vladimiru-pozneru-1-aprelya-ispolnilos-90-let.html> (дата обращения 04.05.2024).

3. Мельман А. Фишка Николая Валуева на ТВ – его органика [Электронный ресурс] // Московский комсомолец. Режим доступа: <https://www.mk.ru/social/2022/08/16/fishka-nikolaya-valueva-na-tv-ego-organika.html> (дата обращения 28.04.2024).

4. Мельман А. Маргулис с «Квартирником» – как глоток свежего воздуха [Электронный ресурс] // Московский комсомолец. Режим доступа: <https://www.mk.ru/social/2022/01/11/margulis-s-kvartirnikom-kak-glotok-svezhego-vozdukha.html> (дата обращения 28.04.2024).

5. Леонтьев М. Однако, здравствуйте! [Электронный ресурс] // Новости. Режим доступа: https://www.1tv.ru/news/2021-05-15/406537-analiticheskaya_programma_odnako_s_mihailom_leontievym (дата обращения 28.04.2024).

6. Ярдаева М. По ком тикают часики. О том, почему не женщины виноваты в сокращении населения России [Электронный ресурс] // Газета.Ру. Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/column/yardaeva/15091610.shtml?updated> (дата обращения 02.05.2024).

INTENTIONAL AND STYLISTIC PECULIARITIES OF THE MEDIA TEXT OF THE AUTHOR'S COLUMN

V.L. Ustinova

Adygeya State University, Maykop

The article is devoted to the description of the intensional and stylistic features of the author's column discourse as a way of actualization of emotional evaluation. Stylistic means are a way of translating the individual-author's picture of the world of the columnist and testify to the linguistic creativity of the columnist's linguistic personality.

Key words: author's column, columnist's idiostyle, linguocreativity, stylistic tropes and figures.

Об авторах:

Устинова Вера Леонидовна – аспирант кафедры общего языкознания Адыгейского государственного университета; e-mail: ustinovav@inbox.ru.

АНЖАМБЕМАН КАК СПОСОБ ОТРАЖЕНИЯ ВЗГЛЯДОВ АВТОРА НА ОКРУЖАЮЩУЮ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ В ПОЭЗИИ И.А. БРОДСКОГО

А.А. Устиновская, К.И. Толмачева

*Российский государственный университет социальных технологий,
Москва*

Объектом исследования является изучение особого стилистического приема анжамбемана и его специфики в поэзии И.А. Бродского. Отмечается, что в своих произведениях автор освещает такие темы как время, космос, смерть, жизнь, любовь и обличает их в трудно поддающиеся восприятию слова и выражения. Делается вывод о том, что своеобразие данного приема свидетельствует о взглядах автора на окружающую реальность как на нечто непостоянное, непредсказуемое и подвергающееся вечным изменениям.

Ключевые слова: И.А. Бродский, идиостиль, анжамбеман, мировоззрение, непостоянство, литературоведение, философия.

Каждое художественное произведение отличается разнообразием языка, наличием имплицитности в текстах, насыщено разнообразными языковыми изобразительными средствами, с помощью которых поэт воздействует на читателя, создавая некий образ, в котором сокрыта подтекстовая информация, отражающая его мировоззрение. Наглядным свидетелем отмеченного служат многие поэтические произведения, своеобразие и стиль которых зеркально отражают авторскую индивидуальность. Отношение И.А. Бродского к поэзии представлено в его интервью Д. Радышевскому, опубликованное в журнале «Московские новости»: «Поэзия не развлечение и даже не форма искусства, но, скорее, наша видовая цель. <...> К тому же поэзия – это колоссальный ускоритель сознания, и для пишущего, и для читающего. <...> Это уникальный инструмент познания» [Московские новости, 1995].

Мировоззрение поэта наглядно демонстрирует его идиостиль, своеобразие которого подробно рассматривается Т.А. Чернышевой в работе «Идиостиль: лингвистические контуры изучения», в которой отмечается, что в лингвистике данное понятие связано в основном с выбором и отбором языковых средств и путями их взаимодействия

друг с другом [Чернышева 2010, с. 30]. Использование же определенных лексем, а также отличительные методы привлечения автором синтаксиса исходят из перенесения его собственной картины мира на произведение [Там же, с. 30]. Идиостиль, по мнению исследователя, – это совокупность именно речетекстовых индивидуальных характеристик писателя, ученого, конкретного человека, которые формируются из трех главных экстралингвистических основ: функционально-стилевой, жанрово-стилевой, индивидуально-стилевой [Там же, с. 31]. Следовательно, продолжает автор, идиостиль представляет собой выбор и отбор определенных языковых элементов, повторяющихся в тексте с целью наиболее полно и четко отразить собственные мысли и чувства в произведении [Там же, с. 31].

По мнению В.В. Виноградова, идиостиль писателя, как и его особенный «слог», с помощью которого он выражает свое мировосприятие, является легко узнаваемым [Виноградов 1971, с. 211]. Подобное мнение мы отмечаем и у А.И. Ефимова, отмечающего, что слог главным образом определяется тем, что берется писателем из языка и как, с какой целью употребляется, и чем отличается «голос» данного писателя от «голосов» других» [Ефимов 1957, с. 166]. Из сказанного можно констатировать, что идиостиль присутствует у каждого писателя и служит отличием его от остальных.

Нельзя не отметить, что идиостиль И.А. Бродского как раз и является примером наиболее яркого отражения мировоззрения автора в его творчестве.

В своих произведениях И.А. Бродский подвергает анализу различные философские темы (такие как время, космос, смерть, жизнь, любовь и др.), обличая их в трудно поддающиеся восприятию слова и выражения. Именно посредством характерного для автора идиостиля создается уникальность его поэзии и экспликация его «сознания». Здесь как раз будут уместными слова Л. Лосева, утверждавшего, что И.А. Бродский обладал особым умением «открывать метафизическую подоплеку в простом и обыденном» [Лосев 2004, с. 6].

Нельзя не отметить и то, что идиостиль И.А. Бродского изобилует и наличием неординарных авторских метафор; анжамбеманы (разрыв стихотворения и удвоение смысла того слова, что оказывается в конце строки), с помощью которых делается акцент на то, что мир по своей сути лишен логики, неоднозначен и переменчив, и это находит непосредственное отражение в языке; авторские неологизмы; сложный язык, пронизывающий всю окружающую действительность; особенности синтаксиса – постановка предлогов после главного слова и т.д. Особое внимание в нашем исследовании отводится

стилистическому приему анжамбеман, поскольку интонационная и ритмическая структура поэтического текста считается неотъемлемой характерной чертой поэзии [Павлова, Саенко 2018, с. 387]. Особо следует отметить, что в поэзии И.А. Бродского имеют место случаи, в которых автор с помощью ритма взаимодействует с устоявшейся русской поэтической традицией и окружающей действительностью: часто встречаются осознанные нарушения норм стихосложения и синтаксиса современной русской поэзии, что в значительной степени подчеркивает индивидуальность подхода автора к изложению своих мыслей [Смит 2002, с. 97].

Отмечены и такие нарушения, когда с помощью анжамбемана осуществляется перенос части фразы из одной строки в начало другой, нарушающий интонационно-синтаксическую связь с метрическим рядом [Шилин 2019]. В таком случае используется пауза, без которой стихотворение теряет ритмическую выразительность. Переносятся как целые слова, так и части слова» [Шилин 2019]. Это способствует тому, что поэтический текст приобретает особую выразительность и эмоциональность [Павлова, Саенко 2018, с. 389]. Прием анжамбемана в поэзии И.А. Бродского служит, таким образом, рефлексом его видения мира как нелогичного, незавершенного механизма, бесконечно обрывающего свою работу. В подтверждение вышесказанного, воспользуемся несколькими примерами использования приемов анжамбеман в стихотворениях поэта «В озёрном краю», ярко иллюстрирующих его мировоззрение на окружающую действительность: «...я жил // в колледже возле Главного из Пресных // озер, куда из недорослей местных // был призван для вытягивания жил» (Каталог стихотворений). В приведенном примере отмечается разрыв словосочетания «Пресные озера», при котором существительное переходит в начало следующей строки. Роль данного приема в ритме стихотворения еще более четко прослеживается в случаях, когда в связи с ним стирается целостность не отдельного стиха, а целой строфы.

В «Лагуне» И.А. Бродского нами отмечен и внутрисловный перенос – часть слова переходит на следующую строку, делая композиционную составляющую незавершенной и обрывистой, при этом создавая необычную и образную рифму («лепнина // взгляни на- // верх...»): «Шпили, колонны, резьба, лепнин // арок, мостов и дворцов; взгляни на-//верх: увидишь улыбку льва...» [Анжамбеман как форма стихосложения 2021].

Вспользуемся еще одним отрывком из стихотворения «Волосы за висок» (1967), содержащем внутрисловный перенос, что подтверждает

нестандартное видение автором дисбаланса в мире, которое находит отражение в поэтическом языке. О чем свидетельствует и сама фраза «разрозненный мир», подверженная приему анжамбеман: «лица, сомкнутых глаз, // замерших на бегу // против течения. Раз-//розненный мир черт // нечем соединить» (Каталог стихотворений).

Таким образом, лингвистический анализ теоретического материала, связанного с понятием идиостиль и литературным приемом анжамбеман, а также примеров из стихотворений И.А. Бродского, позволяет заключить, что данный литературный прием выполняет в поэтическом тексте важную функцию. При наличии ряда переносов стихотворение приобретает особый ритм, напоминая черты некоего прозаического произведения. При отрыве от основной фразы предлогов или отрицательных частиц, данный стилистический прием привносит в речь некую непредсказуемость или неожиданный поворот. Наличие такого рода специфики как раз и помогает поэту удерживать внимание читателя не только на семантике основного предложения, но и на важных второстепенных словах, помещенных в позицию переноса.

Библиографический список

1. Анжамбеман как форма стихосложения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mi-ta-pe.livejournal.com/855005.html> (дата обращения: 01.04.2024).

2. *Виноградов В.В.* О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. 236 с.

3. *Ефимов А.И.* Стилистика художественной речи. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957. 448 с.

4. Из интервью Бродского Д. Радышевскому [Электронный ресурс] // Московские новости. № 50. 1995. Режим доступа: <https://ru.citaty.net/tsitaty/654979-iosif-aleksandrovich-brodskii-poeziia-eto-ne-luchshie-slova-v-luchshem-poriadke-e/> (дата обращения: 30.03.2024).

5. *Ломаева Е.А.* Язык и стиль Тонино Гуэрры. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2016. 52 с.

6. *Посев Л.В.* Иосиф Бродский: опыт литературной биографии. М.: Молодая гвардия, 2006. 447 с.

7. *Павлова А., Саенко Е.* Искусство поэзии требует сил: чтение анжамбеманов в поэзии Иосифа Бродского // Русская филология: сборник науч. работ молодых филологов. № 29. 2018. С. 387–398.

8. Смит Дж. Колыбельная Трескового мыса: стихосложение и синтаксис // Как работает стихотворение Бродского. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 77–79.

9. Чернышева Т.А. Идиостиль: лингвистические контуры изучения // Вестник Череповецкого государственного университета. 2010. № 1. С. 23–29.

10. Шилин В. Словарь литературоведческих терминов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rifma.com.ru/> (дата обращения: 29.03.2024).

Источники

1. Каталог стихотворений. Иосиф Бродский Стихи [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/31026/> (дата обращения: 01.04.2024)

ENJAMBEMENT AS A WAY OF REFLECTING THE AUTHOR'S WORLDVIEW IN THE POETRY OF I.A. BRODSKY

A.A. Ustinovskaya, K.I. Tolmacheva

Russian State University of Social Technologies, Moscow

This article deals with the artistic mean enjambement in I.A. Brodsky's poetry. Despite the considerable number of studies of the work of the poet, our article may be relevant for foreign Russianists interested in Russian verse composition. The study concluded that enjambement is a reflection of the author's view of the world as an unstable, impermanent entirety which is subject to alterations.

Key words: Brodsky I.A., individual style, enjambement, worldview, impermanence, literature studies, philosophy.

Об авторах:

Устиновская Алена Александровна – доктор филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации Российского государственного университета социальных технологий; e-mail: alyonau1@yandex.ru.

Толмачева Ксения Игоревна – студент специалитета факультета иностранных языков Российского государственного университета социальных технологий; e-mail: kseniatolmacheva2002@mail.ru.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

З.Р. Хачмафова

Адыгейский государственный университет, Майкоп

Статья посвящена изучению стилистических средств в художественном тексте как способа передачи эмоционально-оценочного восприятия автором действительности. Рассматриваются стилистические средства характеристики образа персонажа, его внутреннего состояния, поведения, поступков. Установлено, что выбор стилистических средств обусловлен их потенциалом эффективного и эмоционального воздействия на читателя, зависит от интенции автора и связан с характеристикой его идиостиля.

Ключевые слова: художественный текст, стилистические средства выражения эмоций, образ персонажа, интенция автора, идиостиль.

Как известно, художественный текст «создается ради того, чтобы объективировать мысль автора, воплотить его творческий замысел, передать знания и представления о человеке и мире, внести эти представления за пределы авторского сознания и сделать их достоянием других людей» [Бабенко 2004, с. 13]. Художественная картина мира отражает мир сквозь призму ценностно-мировоззренческих установок автора и, соответственно, через авторскую оценку. Для выражения сложных смыслов автор художественного текста использует эмоционально-экспрессивные средства в индивидуальном преломлении, что свидетельствует о том, что художественная картина мира опосредована и языком, и индивидуально-авторской картиной мира. Литературный текст и эмоции неотделимы друг от друга. «Literatur und Emotion stehen in einer untrennbaren Symbiose. Literarische Texte weisen explizit und implizit kodierte Emotionsmanifestationen auf, und sie können intensive Gefühle beim Rezipienten evozieren» [Schwarz-Friesel 2017, S. 352].

Такие характеристики стилистических средств как метафоричность, образность, оценочность формируют эстетическую функцию в художественном тексте, т.к. «первостепенная функция литературы – это представление эстетико-когнитивной функции, которая эмоционально заражена» [Шаховский 2009, с. 34].

Идиостиль как «совокупность языковых и стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи писателя» [Кожина 2011, с. 95] формируются преимущественно за счет комплекса стилистических троп и фигур.

Как показал анализ художественных текстов современной немецкоязычной прозы, наибольшим прагматическим потенциалом обладает метафора:

1) «*Mag nun eine nur von einem geübten Seelenarchäologen ans Licht der Erkenntnis zu bringende frühkindliche, vielleicht sogar fötale Verletzung zu diesem von Tag zu Tag drängenderen Wunsch gerührt haben oder auch nur ein ganz und gar harmloses, weil verständliches und normales Verlangen nach Ruhe, ohne daß hierbei ein Scheitern eines unterstelltermaßen glücklich zu sein habenden Lebens eine Rolle gespielt haben müßte, D jedenfalls war deshalb in einer misslichen Lage, weil sie es nicht über sich brachte, sich selbst auch wirklich zu töten*» (Kinder 1987, S. 160).

2) «*Der Wind wohnt in den vier Hütten an den vier Ecken der Erde*» (Rosei 1987, S. 183).

Для характеристики эмоционального состояния персонажа, его внешности и внутреннего мира автор использует эмоционально-оценочные эпитеты:

3) «*D, eine junge Frau mit hübschem, schwachrot schimmerndem Haar, mit einem frischen, wengleich etwas englischen Gesicht, von einer Figur, die, weder zu voll noch zu dürr, vielerlei Gefallen fand, was D einerseits abstieß, ihr andererseits angenehm, ja: lebensnotwendig war, verfiel, nachdem sie ihre Ausbildung als Bankhandelskaufmännin absolviert und eine sichere Position in einer Provinzstadt von wohltuender Größe hatte ergattern können, merkwürdigerweise auf den hartnäckigen Gedanken, sich selbst töten zu wollen, wiewohl doch die weder zu vielen noch zu wenigen Liebesgeschichten keine umwerfenden Seelenstürme mit sich gebracht hatten*» (Kinder 1987, S. 160).

Стилистические средства передают идеи сюжета, авторскую оценку, выражают эмоциональность текста. Например:

4) «*Die Liebe hat vier goldene Arme wie ein Leuchter. Der Schmerz hat acht schwarze Arme wie der Polyp. Am hellsten Mittag ist alles dunkel wie Tinte*» (Rosei 1987, S. 185).

В приведенном примере автор использует сравнение, метафору, повтор.

Одним из ярких средств экспрессивного синтаксиса является анадишлосис (повторо-подхват), с помощью которого создается ритмический рисунок текста:

5) «*Wenn etwas mit einem anderen vereint ist, dann trennt es die Zeit. Die Zeit ist ein großes Messer*» (Rosei 1987, S. 184).

К средствам синтаксической экспрессии относим хиазм, стилистическая фигура антитетического параллелизма:

6) «*Die Sonne ist ocker, der Schatten ist umbrafarben. Die Menschen sind vom Schatten in die Sonne, von der Sonne in den Schatten gegangen*» (Rosei 1987, S. 185).

В данном случае использование крестообразного противопоставления способствует реализации эмоционального воздействия на читателя за счет акцентирования внимания на идее художественного текста.

Выбор стилистических средств обусловлен их идиостилевыми предпочтениями автора художественного текста. Для достижения эмоционального и эстетического воздействия на читателя автор использует определенные стилистические средства в зависимости от коммуникативных задач и намерений.

Библиографический список

1. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Филологический анализ текста. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. 400 с.

2. Кожина М.Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта, 2016. 696 с.

3. Шаховский В.И. Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии. Волгоград: Перемена. 2009. 170 с.

4. Schwarz-Friesel M. Das Emotionspotenzial literarischer Texte. Handbuch Sprache in der Literatur. Berlin, Boston: De Gruyter, 2017. Pp. 351–370.

Источники

1. Rosei P. Warten // Nirgend ein Ort: Deutschsprachige Kurzprosa seit 1968. Verlag: Max Hueber Verlag, 1987. S. 183–186.

2. Hermann K. Gelungen // Nirgend ein Ort: Deutschsprachige Kurzprosa seit 1968. Verlag: Max Hueber Verlag, 1987. S. 160–164.

STILISTISCHE MITTEL ZUM AUSDRUCK VON EMOTIONEN IN LITERARISCHEM TEXT

Z.R. Hachmafova

Adygeische Staatliche Universität, Maikop

In diesem Artikel werden stilistische Mittel in einem literarischen Text untersucht, die von dem Autor eingesetzt sind, um die emotionale und bewertende Wahrnehmung der Realität auszudrücken. Es werden die Stilmittel berücksichtigt, die zur Charakterisierung und Beschreibung einer literarischen Figur, ihres inneren Zustands, ihres Verhaltens und ihrer Handlungen verwendet werden. Die Wahl der rhetorischen Mittel zum Ausdruck von Bildhaftigkeit und Ausdruckskraft wird durch ihr Sprachpotential bestimmt, eine effektive und emotionale Wirkung auf den Leser auszuüben, hängt von den kommunikativen Absichten des Autors ab und ist mit dem Idiostil des Schriftstellers verbunden.

Schlüsselwörter: literarischer Text, stilistische Mittel zum Ausdruck von Emotionen, literarische Figur, kommunikative Absicht des Autors, Idiostil.

Об авторах:

Хачмафова Зайнета Руслановна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой французской и немецкой филологии Адыгейского государственного университета; e-mail: zaineta@nextmai.ru.

УДК 81'373.47:82-32

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОТИВНОЙ СЕМАНТИКИ В КОРОТКИХ РАССКАЗАХ

А.А. Хлыбова

Кубанский государственный университет, Краснодар

В данной статье представлены особенности выявления и описания лингвистических механизмов эмотивной семантики. Исследование категории имплицитности как инструмента декодирования текстовых смыслов способствует более точному

пониманию замысла автора, а также позволяет анализировать авторскую стилистику в художественном тексте.

Ключевые слова: эмоции, когниция, эмотиология, средства выражения, текст, имплицитность.

В мировой лингвистике долгое время оставалась без внимания проблема лингвистического изучения эмоций. Лишь в 1987 году на пленарном заседании лингвистов в Берлине в докладе чешского языковеда Ф. Данеша был сделан акцент на том, что существует довольно тесная связь когниции и эмоции, что стало импульсом для многих отечественных и зарубежных ученых к изучению проблемы языкового выражения чувств. В то же время появляется термин, который используется для обозначения лингвистической теории эмоций. Этот термин – эмотиология, его ввел в широкое научное использование советский и российский лингвист Виктор Иванович Шаховский [Шаховский 2019, с. 37]. Нам представляется интересным рассмотреть, какими языковыми средствами или системой средств выражаются эмоции в тексте.

Эмоции представляют собой один из способов познания мира, поскольку отражают субъективное оценочное отношение к описываемой ситуации, а также наделены рядом специфических качеств, к которым относится, например, имплицитность их протекания [Леонтьев 1971, с. 41]. Имплицитность рассматривается нами как некий открытый смысл, который актуализируется индивидуально в процессе понимания текста. Результатом имплицитирования и проявлением импликации является имплицитный смысл. В рамках нашего исследования мы предполагаем, что в текстах существуют формальные элементы, которые несут в себе имплицитную информацию, а также языковые компоненты, которые способствуют восстановлению этой имплицитной информации.

В примере «Zornig schiebt er sich zum Ausgang, sein Weib bleibt im Gedrängel hilflos stecken, weit hinter ihm» есть формальный элемент «zornig», который декодирует отношение мужа к жене в рассказе К. Марти «Happy End», а также элемент, несущий имплицитную информацию – «weit hinter ihm» (Marti 1983). Анализ денотативного значения данного словосочетания не только показывает физическое расстояние между супругами, но и определяет доминирующую роль мужчины в паре.

Деятельность слушающего включает не только расшифровку знаков, например слов или граммем, но и многочисленные выводы, делаемые слушающим на основании текста, контекста, фоновых

знаний [Sandig 2006]. Существует, однако, вопрос: каковы показатели, позволяющие выяснить, какие именно единицы текста являются решающими для понимания всего текста? Отметим, что значение отдельных элементов текста для выражения общего смысла неодинаково и что наряду с центральными элементами имеются также и побочные единицы текста. Анализ того, какие именно элементы текста носят ядерное смысловое значение для понимания всего смысла текста, – вопрос еще неизученный, относящийся к новой области лингвистики (семантики текста), которая привлекает в настоящее время особенное внимание исследователей. Говоря о смыслах в тексте, не стоит также забывать о психологических процессах, которые связаны с пониманием целого речевого сообщения. Глубина прочтения текста или обнаружение его подтекста может быть очень различна. Как все же протекает процесс выделения смысла текста, его подтекста, а в конечном итоге мотива автора, написавшего произведение? Подчеркнем, что сообщение или текст не состоит из изолированных фраз и что для того, чтобы понять текст, недостаточно понять значение каждой изолированной фразы. Фразы не являются изолированными звеньями единой цепи: каждая последующая фраза включает в себя значение предыдущей.

В процессе инференции текст предстает как информационная система с двумя структурами – горизонтальной и вертикальной. Так, инференция входит в состав текста как скрытый компонент смысла, который свернут в структуре смыслового пространства текста и отражает определенную часть общетекстового смысла. Именно инференциальный процесс позволяет реконструировать имплицитный компонент смысловой структуры текста. При любом подходе к исследованию эмотивной семантики главным остается вопрос о том, для чего существует это явление. На наш взгляд оно служит объяснению эмоционального фона текста, многозначности высказывания, игре смыслов, помогает читателю вступить в диалог с автором текста, предполагает, что читатель может восстановить полную картину, которая намеренно была нарушена автором.

Библиографический список

1. *Леонтьев А.Н.* Потребности, мотивы, эмоции: конспект лекций. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. 41 с.

2. *Шаховский В.И.* Эмоциональная картина мира в вербальной презентации // Мир русского слова. 2019. № 1. С. 35–43.

3. Sandig B. Textstilistik des Deutschen. 2. völlig neu bearbeitete Auflage. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2006. 150 S.

Источники

1. Marti K. Happy End [Электронный ресурс] // Dorfgeschichten. Hamburg: Luchterhand Literaturverlag, 1983. Режим доступа: <https://journals.ub.uni-koeln.de/index.php/midu/article/download/1185/1132> (дата обращения: 15.04.2024).

SPRACHLICHE MITTEL DES AUSDRUCKS VON DER EMOTIONALEN SEMANTIK

A.A. Khlybova

Staatliche Kuban-Universität, Krasnodar

In diesem Artikel werden die Merkmale der Identifizierung und Beschreibung der sprachlichen Mechanismen der emotionalen Semantik vorgestellt. Die Untersuchung der Kategorie der Implizitheit als Instrument zur Entschlüsselung von Textbedeutungen trägt zu einem genaueren Verständnis der Absicht des Autors bei und ermöglicht auch die Analyse der Stilistik des Autors in einem literarischen Text.

Schlüsselwörter: die Emotionen, die Kognitionswissenschaft, die Emotionswissenschaft, der Text, die Implikation.

Об авторах:

Хлыбова Анастасия Андреевна – преподаватель кафедры немецкой филологии Кубанского государственного университета; e-mail: anastassia_luk@mail.ru.

СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА АКАДЕМИЧЕСКОЙ СТАТЬИ: СТАТУС АВТОРА

И.П. Хутыз

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье рассматривается влияние статуса автора академической статьи на организацию текста. Цель исследования – систематизировать дискурсивные особенности академической статьи, ориентированной на читателя или на автора. Данная ориентация определяется закрепившимся в научном сообществе представлением о том, кто несёт ответственность за правильную и ясную интерпретацию информации: автор (текст ориентирован на читателя) или читатель (текст ориентирован на автора). Отмечается, что восприятие статуса автора трансформируется в современном академическом сообществе под влиянием международных требований академического письма.

Ключевые слова: статус автора, академическая статья, ориентация на автора, ориентация на читателя.

В середине XX столетия американский лингвист Р. Каплан [Kaplan 1966] обратил внимание на многообразие приемов академического письма у студентов из различных стран. Р. Каплан проиллюстрировал выявленные различия на схемах организации текста. Избираемые адресантом способы описания академической мысли, очевидно, обусловлены рядом факторов, в первую очередь спецификой толкования аргументации в социуме, а также интерпретацией роли автора при изложении результатов своего исследования.

Р. Каплан отмечал, что представление об аргументации и даже то, что мы можем считать аргументом, формируется нашими социокультурными ценностями [Kaplan 1966]. Англоязычная традиция академического письма создавалась под влиянием философских взглядов Аристотеля, который считал, что убедить аудиторию легче, если начинать выступление с чёткой формулировки аргументов [Aristotle's Rhetoric]. Философские основы конфуцианства повлияли в Китае на совершенно иное представление о том, каким должен быть академический текст: идеи о гармонии и предотвращении конфликтов отразились в академическом письме, в котором автор не представляет

чётко свои аргументы, а описывает существующее понимание проблемы, завершая статью вопросом для того, чтобы читатель сам сделал соответствующие выводы [Но 2020]. Можно предположить, что тексты академических статей, создаваемые авторами данных культур, будут заметно отличаться по структуре и риторическим особенностям.

Для теоретического осмысления подобных различий в конструировании текстов статей, а также в стремлении обоснования данных различий социокультурным фоном автора, исследователями академического письма был разработан ряд критериев (параметров). Так, если ответственность за ясность текста «несёт» автор, то данная традиция ориентирована на читателя («*reader-oriented tradition*»). В таком случае задача автора сделать текст максимально ясным для адресата: чётко его структурировать, начинать с главного аргумента и прямолинейных доказательств, использовать примеры с разъяснением, приводить систематизирующие таблицы и схемы для простоты восприятия. Подобный подход к организации академического текста характерен для англо-американской культуры, в образовательных учреждениях которой обучающимся прививают навык создавать свой текст, учитывая ожидания читателя [Оно 2021].

Если для академического сообщества характерна ориентация на автора («*writer-oriented tradition*»), то читатель должен делать усилие, чтобы интерпретировать идеи создателя текста. Ясность изложения не ожидается от адресанта, который может описывать результаты своего исследования по своему усмотрению. В подобных академических статьях примеры могут не сопровождаться подробными комментариями, так как предполагается, что читатель сам должен достроить информацию; могут отсутствовать выводы, так как это ответственность читателя обработать информацию и сделать соответствующие умозаключения.

Соответственно, для текстов, ориентированных на читателя, важна чёткая структура, которая упростит адресату поиск нужной информации («ориентация на форму») [Swales 1990]. При ориентации на автора, когда читатель должен делать усилие для понимания информации, происходит одновременная ориентация на содержание, то есть автор вправе организовать свой текст так, как считает уместным, а не адаптировать свои идеи под общепринятую структуру.

Российская традиция академического письма была ориентирована на автора. Это связано с признанием высокого статуса науки в обществе и общепринятой концепцией о том, что научный текст не может быть понятным для всех (идеализация знаний в обществе) [Bowe, Martin 2013]. Россия также относится к

высококонтекстной культуре, для которой не характерна чёткая и полная вербализация идей автора [Gibson 2002]. В тексте академической статьи это проявлялось, например, в отсутствии очевидной структуры и подводящего итог заключения [Хутыз 2015]. Для сравнения обратим внимание, что англо-американская культура типично характеризуется как низкоконтекстная. Коммуникация в таких культурах опирается на максимальную ясность и недвусмысленность. Текст академической статьи, который пишут авторы – представители таких культур, разворачивается как прямая линия от аргументов к их доказательству и заключению [Clyne 1996].

Однако обратимся к российским международным журналам, которые индексируются как в отечественных, так и международных базах. Например, журнал «Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики», издаваемый Белгородским государственным национальным исследовательским университетом, индексируется в международной базе «Scopus». В правилах оформления статьи на сайте издания указывается обязательное наличие четкой структуры, которая должна включать следующие компоненты: Введение; Основная часть; Цель работы; Материалы и методы исследования; Результаты исследования и их обсуждение; Заключение (Правила оформления).

Также сравнительный анализ академических статей по лингвистике, опубликованных в 2011 и 2021 году в журнале «*Terra Linguistica*», учредителем и издателем которого является Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Об издании), показал, что статьи 2011 года соответствуют традиции, ориентированной на автора. Так, ни одна статья за этот год не имела визуально выделенной структуры, а всего 20% статей объясняют принцип формирования исследовательского корпуса. Все статьи 2021 года имеют визуально выделенную структуру, соответствующую международным стандартам, а также содержат объяснения цели, методологии исследования и принцип формирования эмпирического корпуса [Khoutyz 2022]. Это свидетельствует об изменении принципов академического письма в России: происходит переход на традицию, ориентированную на читателя, что, несомненно, связано с глубокими социокультурными переосмыслениями в обществе (например, необходимость продемонстрировать исчисляемый результат в научной среде).

Таким образом, понимание статуса автора в академическом пространстве культуры влияет на организацию текста академической статьи. При идеализации научного знания в обществе тексты, как

правило, ориентированы на автора. Подобные тексты не имеют очевидной структуры, а их автор не стремится облегчить понимание информации для читателя. Международные издания ориентируются на широкую читательскую аудиторию. Авторы, публикующие результаты своих исследований в таких, как правило, англоязычных журналах, обращаются к читателям на международном уровне, адаптируя информацию о своем исследовании к общепринятым стандартам. Как следствие, национальные традиции академического письма изменяются под влиянием международных стандартов, всё больше ориентируясь на читателя и на форму.

Библиографический список

1. Хутыз И.П. Академический дискурс: Культурно-специфическая система конструирования и трансляции знаний. М.: Флинта, 2015. 176 с.
2. Aristotle's Rhetoric [Электронный ресурс] // Stanford Encyclopedia of Philosophy. Режим доступа: <https://plato.stanford.edu/entries/aristotle-rhetoric/> (дата обращения: 04.04.2024).
3. *Bowe H., Martin K.* Communication Across Cultures: Mutual Understanding in a Global World. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 208 p.
4. *Clyne M.* Inter-Cultural Communication at Work: Cultural Values in Discourse. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 264 p.
5. *Gibson S.* Intercultural Business Communication. Oxford: Oxford University Press, 2002. 123 p.
6. *Ho S.* Culture and Learning: Confucian Heritage Learners, Social-Oriented Achievement, and Innovative Pedagogies // Diversity and Inclusion in Global Higher Education. Singapore: Palgrave Macmillan, 2020. P. 117-159.
7. *Kaplan R.* Cultural thought patterns in inter-cultural education // Language Learning. 1966. № 16 (1-2). P. 11-25.
8. *Khoutyz I.* Changes in traditions of academic discourse construction: a ten-year period analysis // Topical Issues of Linguistics and Teaching Methods in Business and Professional Communication – TILTM 2022. Moscow: European Publisher, 2022. P. 345-353.
9. *Ono M.* Approach to Writing from Readers' Perspectives: Incorporating Self-Evaluation, Peer Feedback, and Self-Reflection into Academic Writing [Электронный ресурс] // Higher Education – New Approaches to Accreditation, Digitalization, and Globalization in the Age of

Covid. IntechOpen, 2022. Режим доступа: <https://www.intechopen.com/chapters/78765> (дата обращения: 04.04.2024).

10. Swales J. Genre Analysis: English in Academic and Research Settings. Cambridge: Cambridge University Press. 1990. 274 p.

Источники

1. Об издании [Электронный ресурс] // Terra Linguistica. Режим доступа: <https://human.spbstu.ru/> (дата обращения: 04.04.2024).

2. Правила оформления [Электронный ресурс] // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. Режим доступа: https://rrlinguistics.ru/info/authors/02_rules/ (дата обращения: 04.04.2024).

SPECIFICS OF THE ACADEMIC ARTICLE TEXT ORGANIZATION: THE STATUS OF THE AUTHOR

I.P. Khoutyz

Kuban State University, Krasnodar

The article analyzes the influence of the author's status on the textual organization of the academic article. The aim of the study is to summarize discursive features of the academic article constructed according to the requirements of reader- or writer-oriented tradition. The specific of textual orientation is determined by ideas typical for scientific community about who is responsible for making the information clear for interpretation – the author (reader-oriented text) or the reader (writer-oriented text). It is pointed out that the perception of the author's status is currently being transformed in academic communities under the influence of international publishing demands.

Key words: author's status, academic article, author orientation, reader orientation.

Об авторах:

Хутыз Ирина Павловна – доктор филологических наук, профессор кафедры прикладной лингвистики и новых информационных технологий Кубанского государственного университета; e-mail: ir_khoutyz@hotmail.com.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ МОТИВЫ И АЛЛЮЗИИ В РАССКАЗЕ Р. КИПЛИНГА «САДОВНИК»

Е.С. Червякова

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

В данной статье рассматривается специфика автобиографических мотивов и аллюзий в военном и поствоенном творчестве английского писателя Р. Киплинга, а также в частности в рассказе «Садовник», посвященном сыну автора – Джону – посмертно. В основе анализа лежит концепция исследования художественной переориентации и концептуальной трансформации творчества писателя в контекст военной обстановки XX века. В заключении присутствуют выводы об эволюции и конверсии картины мира и ценностей Р. Киплинга.

Ключевые слова: Первая мировая война, мотив военной травмы, аллюзии, художественная переориентация, авторская картина мира.

Редьярд Киплинг – английский писатель и поэт, известный своими произведениями о Британской империи и жизни в колониях. Он родился 30 декабря 1865 г. в Бомбее, Индии. Именно здесь он провёл детство и юность, здесь получил свое первое образование. В 1871 году Редьярд отправился в Британию на обучение в частных школах и колледжах Англии.

Р. Киплинг начал писать в раннем возрасте и быстро завоевал популярность своими стихами и рассказами. Его работы о жизни в Индии, приключениях и колониальной службе привлекли внимание читателей. В 1907 году писатель стал первым англичанином, удостоенным Нобелевской премии по литературе за свои работы, послужившие созданию новой поэзии в английском языке.

Получив Нобелевскую премию, он продолжил писательскую деятельность, но его работы не всегда получали такое же признание, как ранее. Он активно участвовал в общественной жизни и поддерживал Британскую империю. Однако, биография писателя отражает его сложные отношения с Родиной, обусловленные большим жизненным опытом в разных культурах.

Во время Первой мировой войны деятельность Р. Киплинга становится все менее насыщенной. Ударом послужила гибель сына

Джона 1915 году, погибшего во время битвы при Лоосе 27 сентября 1915 г., в составе батальона ирландских гвардейцев. Для Великобритании это была самая крупная военная операция, закончившаяся ее поражением (Kipling), ставшая одним из кровопролитных сражений Первой мировой войны и продемонстрировавшая жестокость и разрушительную силу военных действий того времени.

Придерживающийся империалистических и патриотичных взглядов, Киплинг-старший стал ярким сторонником войны и начал писать пропагандистские листовки от имени Британского правительства. В то же время Джон Киплинг, также поддерживающий взгляды своего отца, решил завербоваться в королевский военно-морской флот Великобритании. Отец был единственным из членов семьи, кто поддержал идею сына, но врачебная комиссия признала Киплинга-младшего негодным службе на флоте, вследствие сильной близорукости. По этой же причине Джону отказали в военной службе. Р. Киплинг, расстроенный отказами, использовал свое влияние и связи в правительстве, чтобы оформить сына на службу. 17 августа 1914 года Джону исполнилось 17 лет, и он получил звание 2-го лейтенанта. Год спустя Киплинг-старший отправился на линию фронта как военный корреспондент и подал прошение о скорейшем отправлении его сына на фронт, чтобы тот увидел настоящую войну (Kipling).

С 25 сентября 1915 г. Джон Киплинг командовал сводом в битве при Артуа, но спустя два дня пропал без вести, сражаясь за Лоос. Существуют две версии гибели Джона. Согласно первой, рядом с Киплингом-младшим разорвался немецкий снаряд, осколки которого повредили лицо, и по этой причине тело не было опознано. По другой, более распространённой версии, Киплинг вместе с другими солдатами попытался уничтожить немецкое пулемётное гнездо, в ходе этого он и все солдаты погибли. Тело британцы не смогли забрать, и Киплинга объявили без вести пропавшим (Kipling).

Киплинг-старший, работавший в военное время в Красном кресте вместе с женой, потратил четыре года, пытаясь выяснить что случилось с сыном. В 1919-м году он, в письме военному командованию признал гибель сына, однако, жена его, Кэролайн Балестиер до самой смерти не верила этому и не прекращала поиски сына. В одной из «Эпитафией войны» он написал «if any question why would died tell them because our fathers lied» (Kipling). Критики предполагают, что такими строками Р. Киплинг признавал свою вину в том, что отправил сына воевать.

Официально Джон Киплинг был объявлен мёртвым лишь в 1992 году, и он считается захороненным на кладбище Святой Марии в Эне,

коммуне во Франции. Его гибель способствовала тому, что Р. Киплинг стал организатором комиссии по военным захоронениям стран Содружества, которая в дальнейшем выяснила судьбу многих погибших и без вести пропавших солдат Британского Содружества (Kipling).

Стихотворение «Мой мальчик Джек», написанное в 1915 году Р. Киплингом, посвящено гибели сына. В пьесе Д. Хэйга «Мой мальчик Джек», повествующей об истории Р. Киплинга и его тоске по сыну, можно увидеть мотивы, схожие с теми, что прослеживаются в произведении «Садовник». Тема потерь, трагичность и бессмысленность войны и её пагубное воздействие на жизнь обычных людей. Автор призывает задуматься над последствиями сражений и подчёркивает никчемность таких потерь. Подобные произведения олицетворяют антивоенные убеждения и сочувствия жертвам войны.

Р. Киплинг часто использовал реальные исторические фигуры, места и события в самих произведениях. Например, Индия и индийская культура отражают опыт писателя, много путешествовавшего по этой стране, и упоминаются в «Книге джунглей», с отсылками к реальным местам и животным, увиденным Р. Киплингом (заповедник Канха, в котором, однако, писатель никогда не был, но читал отчёты британских путешественников, посещавших регион). Также Р. Киплинг часто использовал аллюзии в своих рассказах, например, мифологические, особенно в сказаниях о героях, богах и животных. В «Книге джунглей» присутствуют отсылки к индийской мифологии. В «The sing-song of old man, Kangaroo», «How the rhinoceros got his skin», «The beginning of armadillos» к культурам Австралии, Египта и Латинской Америки.

В его творчестве присутствуют и исторические аллюзии, события и личности. Например, в рассказе «Садовник» упоминается Первая мировая война, точнее битва при Лоосе. Библейские аллюзии в произведении, встреча Марии Магдалины и Христа, которого она принимает за садовника. В самом начале рассказа имеет место эпиграф, с отсылкой к Евангелию от Матфея, Евангелию от Луки, в котором рассказывается о посещении пустого гроба Господня и вознесении Иисуса Христа («and when they looked up, they see that the stone has been rolled away; for it was extremely large») (Евангелие от Матфея 2024).

Эпиграфом является отрывок из стихотворения «The burden» Р. Киплинга, написанного для рассказа «Садовник».

«One grave to me, was given, –
To guard till Judgement Day
But God looked down from Heaven

And rolled the stone away
One day of all my years
One hour of that one day
His Angel, so my tears
And rolled the stone away!» (Kipling: The burden).

«Мой страх всегда со мной,
Куда я не пойду,
Час полнится виной...
Хранить вот мой удел –
Одну из всех могил,
Но Бог с небес презрел,
И камень отвалил» (Kipling: The burden).

Присутствие подобного эпиграфа позволяет с самого начала придать рассказу мистическую окраску. Более того, образы, имплицитированные в стихотворение, придают ему иносказательность: образ могилы, образ садовника – Христа, образ кающегося грешника. В центре истории «грешником» выступает Хелен Тарелл, которая в конце XIX века имеет внебрачного ребёнка Майкла, представляемого окружающим племянником, с целью сохранения места в британском обществе. Подразумевается, что все в округе понимают, что это неправда, но героиню ценят и уважают, а потому принимают её версию. Сам ребёнок растёт и периодически задаёт неудобные вопросы «тёте», заставляя её придумывать разные объяснения и заверять его, что он любимый и законный ребёнок. Однако, он не верит в это и хочет доказать право быть Тареллом идя на войну в 1915 году и хотя, поначалу все было спокойно и взвод Майкла не участвовал в сражении, через год его убивает снаряд и его поначалу объявляют пропавшим без вести («missing always means dead» (Kipling)). С этого момента проявляются автобиографические аллюзии Р. Киплинга, ведь его сын также принимал участие в Первой мировой войне и также пропал возле Лооса.

Писатель хотел создать произведение-искупление, которое позволило бы ему примириться с утратой сына, а людям, потерявшим своих близких, дать утешение и возможность соприкоснуться со скорбями других. Смерть Майкла Тарелла является кульминационным моментом, результатом и одновременно карой за грех Хеллен. А символ могилы в конце рассказа не что иное как окончательная разлука мисс Тарелл как с сыном, так и со своими иллюзиями.

Сюжет садовника переплетается с событиями жизни Р. Киплинга: оба погибших молодых человека одного возраста, одного звания,

одного сословного происхождения и одинаковой судьбы. Весной 1925 г. автор путешествовал по Франции, посещал кладбища и беседовал с садовниками, ухаживающими за могилами погибших в Первую мировую. К сожалению, ему никак не удавалось найти могилу своего сына. И именно тогда, в письмах к своему товарищу, он рассказал об эмоциях после посещения «merciless sea of black crosses» (Kipling).

Р. Киплинг был весьма религиозен и тут, с этим и связана в произведении история воскрешения, в которой Мария Магдалина не узнает Иисуса, считая, что это Садовник, ухаживающий за могилой. Весьма символично то, что Садовник фигурирует дважды в тексте произведения и оба раза в роли того, кто убирает могилы. Один в середине произведения, дающий подсказку, что племянник главной героини на самом деле сын, но делает это он косвенно «It's Miss Helen's turn now. He replied thinking of his own son: "Well, he's lasted longer than some». И именно слово «*own*» – «свой, собственный» – подводит читателя к выводу, что как бы главная героиня не старалась скрыть происхождение Майкла, все в округе догадывались что он её сын. Второй Садовник появляется в конце произведения, при этом он может являться если не Христом, то Ангелом, ведущим героиню к могиле её сына. Ведь он легко распознает её ложь, в которую она верила всю свою жизнь и указывает ей могилу её ребёнка: «A man knelt behind a line of headstones – evidently gardener... he rose... and without prelude or salutation asked: "Who are you looking for?" "Lieutenant Michael Turell – my nephew", said Helen slowly.... "Come with me", he said, "and I will show you where your son lies"... when Helen left the cemetery she turned four a last look. In the distance she saw the man bending over his young plant; and she went away, supposing him to be the gardener» (Kipling: The Gardener.)

При анализе финала истории обращают на себя внимание два момента. Во-первых, использование слова «*supposing*» – «думая», «считая», «строя предположение». Это позволяет сделать вывод, что таинственный Садовник может быть и не человеком вовсе, чему способствует и второй важный момент – аллюзия к Евангелию от Иоанна 20:15. «– Женщина, – сказал Иисус, – почему ты плачешь? Кого ты ищешь? Она подумала, что это Садовник и сказала: – Господин, если это Ты унёс Его, то скажи куда Ты Его положил, и я пойду и возьму Его» (Евангелие от Иоанна 2024).

Следовательно, рассказ «Садовник» является проекцией внутренней драмы Р. Киплинга и раскаянием за решение, приведшему к гибели единственного сына. Война выступает центральным образом, трансформирующим социальную и духовную жизнь общества. Сама

героиня сравнивает себя со снарядом, который никак не оставят в покое, после получения извещения о пропаже сына, как и изделия на оборонных заводах («...she saw the progress of a shell from blank iron to the all but finished article. It struck her, at the time that the wretched thing was never left alone for a single second; and I'm being manufactured into a bereaved next of kin» (Kipling: The Gardener).

Рассказ можно назвать эпитафией Р. Киплинга своему сыну Джону, своеобразным долгом ему и его пропавшим товарищам. Автобиографические события жизни писателя и его художественная переориентация определили тематику его поздних работ, говорили об изменении идиостиля писателя, а также трансформации тематики и концептуальной картины мира под влиянием событий Первой мировой войны. Именно ход и результаты определили основную концепцию развития национальной английской литературы и мировой культуры в целом [Блюмквист 2015].

Первая мировая оказала значительное влияние на творчество и жизненную позицию Р. Киплинга. Хотя, поначалу, он был сторонником империализма и ярким патриотом, выражая свою поддержку британским войскам, в процессе войны он столкнулся с ужасами и бессмысленностью конфликта, трагическая потеря сына глубоко повлияла на Киплинга-старшего. Он писал не только о героизме и стойкости солдат, но также не скрывал ужаса и боли от её последствий. Таким образом изменились не только убеждения и взгляды, но и мотивы в творчестве, делая его одним из ярких представителей литературы того времени, отражающего сложные реалии войны и её исхода.

Библиографический список

1. Блюмквист Ю.С. Социально-психологический аспект поздней прозы Р. Киплинга (на материале рассказа «Мэри Постгейт») [Электронный ресурс] // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2015. № 1. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskiy-aspekt-pozdney-prozy-r-kiplinga-na-materiale-rasskaza-meri-postgeyt> (дата обращения: 14.04.2024).

Источники

1. Евангелие от Иоанна [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bible.by/verse/43/20/15/> (дата обращения: 17.03.2024).

2. Евангелие от Матфея [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://biblehub.com/st/matthew.htm> (дата обращения: 17.03.2024).

3. Киплинг Р. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Киплинг,_Редьярд (дата обращения: 17.03.2024).

4. Kipling R. The Gardener [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://greatwar.nl/books/gardener/gardener.html> (дата обращения: 17.03.2024).

5. Kipling R. The Burden [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://stihi.ru/2017/09/04/2094> (дата обращения: 17.03.2024).

AUTOBIOGRAPHICAL ALLUSIONS AND MOTIVES IN THE SHORT STORY «GARDENER» BY R. KIPLING

E.S. Chervyakova

Kuban State University, Krasnodar

This article examines the specificity of motives and biographical allusions in the war and post-war works of the English writer R. Kipling, as well as in the story «The Gardener» dedicated posthumously to the author's son, John. The analysis is based on the concept of studying the artistic reorientation and conceptual transformation of the writer's work in the context of the military situation of the twentieth century. In conclusion, there are conclusions about the evolution and conversion of R. Kipling's picture of the world and values.

Key words: The First World War, the motive of war trauma, allusions, artistic reorientation, the author's picture of the world

Об авторах:

Червякова Елена Сергеевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: lenkin_666@mail.ru.

АВТОРСКАЯ ИНТЕНЦИЯ И МАШИННЫЙ ПЕРЕВОД: ГДЕ СМЫСЛ? (НА МАТЕРИАЛЕ МЕДИЙНОЙ СТАТЬИ)

И.В. Четыркина

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье обсуждаются вопросы развития машинного перевода, его основные виды и тенденции развития. Анализируются проблемы, возникающие в процессе МП медийного текста, в частности, артикулируются проблемы передачи авторской интенции при переводе журналистской статьи. На примере МП, выполненных «Яндекс Переводчиком» и «DeepL Translate» выявляются и описываются ошибки перевода, обусловленные сложной семантической и прагматической структурой медийного текста.

Ключевые слова: машинный перевод, медийный текст, авторская интенция, когезивная и когерентная структура текста.

Развитие искусственного интеллекта приводит к совершенствованию технологий машинного перевода и все более быстрому внедрению этого вида перевода не только в повседневную жизнь, но и в разные сферы нашей профессиональной деятельности.

В современных лингвистических исследованиях, посвященных проблемам развития машинного перевода, актуализируются вопросы, связанные с соотношением машинного и естественного перевода и ролью искусственного интеллекта в этих процессах, совершенствованием моделирования процессов понимания и генерации текстов на естественном языке, качеством машинного перевода, разрабатываются критерии оценки адекватности машинного перевода [Ли Цзясинь 2022; Искусственный интеллект... 2021; Паренко 2021].

К основным видам машинного перевода относят: машинный перевод «по правилам» («Rule-Based Machine Translation», «RBMT»), «статистический» машинный перевод («Statistical Machine Translation», «SMT»), «гибридный машинный перевод» («Hybrid Machine Translation», «HMT»), основанный на сочетании двух предыдущих видов перевода, а также нейронный машинный перевод («Neural Machine Translation», «NMT») [Паренко 2021, с. 122]. «Основная идея нейронного МП («Neural Machine Translation», «NMT») заключается в

том, что он может быть осуществлен на основе предварительного (глубокого) обучения сети (программы, модели) на большом корпусе параллельных предложений (на исходном и целевом языках) путем их последовательной обработки конечным набором логических правил. Сам процесс «NMT» заключается в обучении модели на параллельных текстах, проверке обученной модели и выполнении на этой основе переводов текстов на целевой язык» [Искусственный интеллект... 2021, с. 71].

Наблюдаемый в современном обществе перманентно растущий поток информации на разных языках, а также необходимость постоянного обмена большими объемами данных приводят к тому, что технологии машинного перевода постоянно совершенствуются. Наиболее перспективный подход к технологиям машинного перевода основывается на рекурсивных нейронных сетях («RNS») с долгой краткосрочной памятью [Искусственный интеллект... 2021]. Такие нейронные сети хранят контексты выполненных ранее переводов. «Ключевым преимуществом рекуррентного типа сети признается сегодня её относительная невосприимчивость (игнорирование) к временным разрывам (в том числе довольно длительным) при совершении машиной операций (т.е. способность машины в течение длительного времени хранить в памяти фрагменты текста)» [Раренко 2021, с. 123].

Самыми востребованными в мире автоматическими переводчиками признаются «Google's NMT» («GNMT»), китайский «Baidu Translate», «Майкрософт-переводчик» и «Skype-переводчик», «OpenNMT» – система нейронного МП с открытым исходным кодом, а также «Яндекс Переводчик», который также базируется на гибридной модели, использующей технологии «SMT» и «NMT» [Искусственный интеллект... 2021].

Анализируя качество современного машинного перевода, большинство исследований сходятся во мнении, что современные технологии «SMT» и «NMT» – статистического и нейронного МП – достаточно хорошо решают задачи автоматизированного перевода текстов, лексический состав которых доступен в большом массиве корпусов исходных и переводных текстов. «Системы выдают неплохие результаты при условии, что лексический, а главное, понятийный состав переводимых текстов в незначительной степени отличается от того, по которому они обучались. В случае значительного изменения этих параметров необходимо «доучивать» систему» [Искусственный интеллект... 2021, с. 75].

Несмотря на перспективность и значимость МП, большинство исследований сходятся во мнении, что основные успехи данных технологий связаны, прежде всего, с переводом информативных текстов. В том случае, когда речь заходит о текстах более сложной содержательной структуры, например, текстах со сложной пропозитивной структурой, включающей в себя переплетение пресуппозиций, разнонаправленных контекстов, импликаций, аллюзий, качество машинного перевода резко снижается. Это связано с тем, что существующие технологии МП пока «не предусматривают формирования и использования динамических моделей мира, а двигаются, главным образом, в направлении грамматически согласованного перевода последовательностей слов» [Искусственный интеллект... 2021].

В качестве иллюстрации данного тезиса мы хотели бы кратко представить проблемные точки МП при работе с журналистским текстом. Как известно, природа медийного текста обладает сложной динамикой: журналистский текст – это не просто сообщение, содержащее в себе информацию, он легко преодолевает заложенные в нем с момента появления рамки – быть носителем объективной информации о реальности [Chetyrkina 2022] – и сам создает собственные социальные и ценностные ориентиры. Структура медийного текста во многом определяется авторской интенцией журналиста.

В качестве материала для анализа МП мы выбрали статью Юргена Каубе под названием «Proteste in Luzerath: Empfindliche Revolutionäre» (Kaube 2023), вышедшую в январе 2023 года в онлайн-издании *Frankfurter Allgemeine Zeitung* и представляющую собой авторский отклик на ситуацию в немецком Люцерате, неподалеку от которого энергетическая компания RWE решила возобновить и нарастить добычу угля. Основные события выглядели как открытое противостояние эоактивистов с полицией. В конечном итоге эоактивисты были вытеснены, а незаконно занятая ими деревня опустошена. Все это вызвало волну дискуссий по всей Германии о легитимности и легальности действий экологических активистов и соразмерности ответных действий полиции, о борьбе с последствиями изменения климата, роли в ней государства, и различных партий.

Выбор данной статьи мотивирован тем, что она обладает сложной семантической и прагматической структурой, обнаруживающей признаки ризомы [Четыркина 2024]. Это проявляется, прежде всего, как нелинейность смысловой структуры анализируемого текста – пересечение эксплицитного и имплицитного

содержания, перманентно возникающих разнонаправленных тематизаций, культурных, социальных и политических контекстов, смещение пресуппозиций и оценок [там же].

Журналист поднимает в данной статье проблемы, находящиеся на пересечении самых разных контекстов – политического, социального, правового, экономического, экологического, а также этические проблемы освещения такого рода ситуаций в медийном пространстве. При этом позиция самого автора эмоциональна и довольно противоречива – с одной стороны, он резко и иронично критикует противоправную деятельность эоактивистов – нападения на полицейских, ложь, нарушения закона и т.д., с другой, он явно симпатизирует эоактивистам, выражает понимание и сочувствие идеям и мотивам борцов против глобального потепления, эксплицитно выступает за их «союз» с партией Зеленых.

В языке авторская позиция проявляется как на уровне лексики, так и синтаксиса и структуры текста: эмоционально окрашенные лексемы, метафора и гиперболоа, ирония, парадокс, противопоставления, фразеологизмы, оксюморон и игра слов; параллелизмы, анафора, парентезы, косвенная и несобственно прямая речь, модальность, многочисленные повторы, инверсии. «Все это способствует созданию неоднозначной картины ситуации, со многими точками флуктуации как множественности вариантов оценочной трактовки изображаемого» [Четыркина 2024, с. 524].

Как нам представляется, именно сложность семантической и прагматической структуры анализируемого текста стала причиной многочисленных ошибок, сделанных в процессе машинного перевода. В качестве материала для анализа нами были взяты переводы, выполненные «Яндекс Переводчиком» и «DeepL Translate» (DeepL.com бесплатная версия). При этом мы не ставили своей целью сравнить выполненные МП, оба перевода использовались для анализа возможностей МП в аспекте передачи смысла и авторской интенции при работе с журналистским текстом. В качестве ориентира для оценки правильности МП мы использовали собственный вариант перевода.

Обнаруженные нами несоответствия в сравнении с ИТ (исходный текст) мы разделили на две группы: во-первых, ошибки, которые условно можно отнести к нарушению когезивной структуры текста (лексические, грамматические, синтаксические ошибки); во-вторых, нарушения на уровне когерентности текста, куда мы отнесли ошибки, связанные с неправильной трактовкой или непониманием метакоммуникации – позиции автора, его комментариев, аллюзий, а

также неправильным трактовкам отсылок к экстралингвистическому контексту и прецедентным текстам.

Сразу следует оговорить, что в процессе сопоставления результатов МП с исходным текстом было выявлено значительное количество ошибок на обоих обозначенных нами уровнях связности текста. Формат тезисов не предполагает развернутого анализа всех обнаруженных ошибок, поэтому ограничимся некоторыми, как нам представляется, характерными примерами.

1 Нарушения когезивной структуры текста

1.1 Лексика: нарушения понятийной структуры, ошибки референции, терминологии, выбора эквивалента, ошибки в переводе метафор, фразеологизмов

(1) В качестве первого примера приведем высказывание протестующих о роли полицейского, разгоняющего толпу экоктивистов, и их мнение, что он **«превышает свои полномочия»** (анализируемые моменты мы выделяем в ИТ и переводных текстах полужирным шрифтом):

«... aber er ist in Wahrheit Büttel des Kapitals. Er **überzieht seine Lizenz**» (Kaube 2023).

«DeepL Translate»: «... но в действительности он – прислужник капитала. Он **просрочил лицензию**».

«Яндекс Переводчик»: «...но на самом деле он – служащий столицы. Он **переуступает свою лицензию**».

(2) Следующий пример – неправильный перевод выражения **«auf Welterhitzungsumwegen»** (Kaube 2023), в котором сущ. *«Umweg»* используется в переносном смысле как *«indirektes, umständliches Verfahren, Vorgehen»*. Все выражение означает в анализируемом контексте **«вследствие глобального потепления»**.

«DeepL Translate»: **«в объездах мирового отопления»**.

«Яндекс Переводчик»: **«на путях глобального потепления»**.

Довольно часто мы наблюдаем, что МП использует первое словарное значение лексемы, без должного учета контекста ее употребления, как и в следующем примере:

(3) **«Doch die Aktivisten wechseln je nach Bedarf von platter Wirklichkeit zum symbolischen Kontext»** (Kaube 2023). Поскольку *«platt»* в данном случае означает *«banal», «trivial», «oberflächlich»* предложение можно перевести как **«Однако активисты, когда им нужно, подменяют обычную/простую реальность символическим контекстом»**.

«DeepL Translate» / «Яндекс Переводчик»: **«Но активисты переключаются с плоской реальности на символический контекст»**.

Особая сложность для МП возникает в том случае, если в тексте встречаются окказионализмы, как например, в данном предложении:

(4) «**Das Verletztun selbst derer, die es gar nicht sind**» (Kaube 2023). – «**Жалобы тех, кто вообще не пострадал**». Существительного «*das Verletztun*» мы не встретили ни в одном словаре. Словарь «DWDS» дает только генерированное компьютером сочетание «*verletzen+Tun*». Референциальный смысл данного высказывания можно понять только из контекста ситуации, в которой эоактивисты ложно обвиняют полицейских в нанесении им телесных повреждений. Понятно, что оба переводчика ошиблись и что это привело к полной потере смысла:

«DeepL Translate»: «**Обидное поведение даже тех, кто не является таковым**».

«Яндекс Переводчик»: «**Это оскорбляет даже тех, кто этого не делает**».

Примеры такого рода особенно интересны, поскольку обусловлены структурой немецкого языка, в данном случае, спецификой образования сложных существительных и безграничным потенциалом мотивации внутренней формы слова в немецком языке.

1.2 Грамматика/синтаксис: нарушения субъектно-предикатной структуры, ошибки выбора синтаксических маркеров, грамматических категорий

(5) Приведенный ниже пример иллюстрирует нарушения МП субъектно-предикатной/синтаксической структуры предложения ИТ, что ведет к полному искажению смысла. Характеризуя действия эоактивистов, журналист утверждает, что они пытаются при **помощи абсурдных и ложных утверждений вызвать сочувствие своим идеям**: «**Und verscherzen sich mit törichten und falschen Behauptungen Sympathien für ihre Motive**» (Kaube 2023).

Яндекс Переводчик: «**И потворствуют своим мотивам глупыми и ложными заявлениями, выражая сочувствие**».

(6) Следующий пример демонстрирует не только нарушение связности, но и отсутствие маркера косвенной речи: «**Der Protest in Lützerath sei nicht legal, aber legitim**» (Kaube 2023).

«DeepL Translate»: «Протест в Лютцерате **не законный, а легитимный**».

«Яндекс Переводчик»: «**Акция протеста в Лютцерате не законна, но законна**».

(7) Интересны, на наш взгляд, также примеры неправильной трактовки грамматических значений: подтверждение находим в предложении, где речь идет о лидере движения и оценке ситуации с ее стороны, а также со стороны ее соратников по экодвижению:

«Vermutlich **sieht sie und sehen das die ihren** auch bei Straßenblockaden und Museumsverschmutzungen so» (Kaube 2023).

Оба МП ошибочно трактуют значение притяжательного местоимения, игнорируя, что оно стоит в исходном предложении в атрибутивной функции. Как следствие, искажение смысла:

«DeepL Translate»: «Предположительно, именно так **она видит** ситуацию, и так же **они видят** ее в случае блокирования дорог и осквернения музеев».

«Яндекс Переводчик»: «Вероятно, **она видит** то же самое, что и **вы, и ваши** коллеги, когда дело доходит до блокады улиц и загрязнения музеев».

2 Нарушения когерентной структуры текста

(8) Для начала приведем пример нарушения в переводе маркеров метакommunikации:

«Kulturgüter, hieß es, darf man nicht kaputt schlagen. Nur mit Erbsensuppe übergießen, **müsste ergänzt werden**, darf man sie schon» (Kaube 2023). «По их словам, предметы культурного наследия нельзя разрушать. **Им следовало бы дополнить**: их только можно обливаться гороховым супом».

Оба МП неправильно трактуют авторскую парентезу, заключающую в себе иронию, авторскую позицию, что приводит к полной бессмыслице:

«DeepL Translate»: «Культурные ценности, говорят они, нельзя разрушать. Их можно только облить гороховым супом, **да добавить**».

«Яндекс Переводчик»: «Культурные ценности, говорилось в нем, нельзя разрушать. Только залейте его гороховым супом, **его нужно будет дополнить, его уже можно**».

(9) В завершение нашего анализа приведем еще один пример нарушения в переводе когерентной структуры текста: в самом конце статьи, автор подводит итог размышлений о том, каким образом следует вести борьбу за свои идеалы. Автор задается вопросом, неужели для этого нужно лгать и опускаться до уровня тех, кто самих экоактивистов называет «экоотеррористами»? Журналист открыто указывает на берлинское отделение ХДС, размещающее в Берлине в качестве политической рекламы лозунг «Берлин, не дай запретить себе машины»: «Как будто это было бы возможно», – иронизирует журналист. И далее, в контексте того, как должна идти дискуссия в обществе, автор использует прецедентный текст – известные слова Мишель Обамы «When they go low, we go high»:

«Ist es wirklich ratsam, vom vermeintlichen Menschenrecht auf Lüge Gebrauch zu machen, nur um die Debatte ein paar Stunden lang

anzufeuern? Die Aktivisten bewegen sich damit auf dem Niveau **derjenigen, die sie "Klimaterroristen" nennen** und damit ebenso absichtsvoll jegliches Maß verlieren wie die Berliner CDU, die jetzt plakatiert **"Berlin, lass dir das Auto nicht verbieten", als hätte das irgendjemand mit Aussicht auf Erfolg vor. "When they go low, we go high"** – davon ist hier auf beiden Seiten keine Rede» (Kaube 2023).

Если мы сравним исходный текст с обоими переводами, то увидим, как мало смысла в них осталось: кто кому лжет? Кто кого называет террористами? Причем здесь Берлин и машины? И кто кого запрещает? Ну, и в завершении, кто куда поднимается или опускается?

«DeepL Translate»: «Действительно ли целесообразно использовать предполагаемое право человека на ложь только для того, чтобы разжечь дискуссию на несколько часов? Активисты находятся на том же уровне, что и те, кто называет их "климатическими террористами", и так же сознательно теряют всякое чувство меры, как и берлинский ХДС, который сейчас вывешивает плакаты с надписью **"Берлин, не дай им запретить твою машину"**, как будто кто-то, имеющий шансы на успех, собирался это сделать. **"Когда они опускаются, мы поднимаемся"** – об этом ни одна из сторон не упоминает».

«Яндекс Переводчик»: «Действительно ли разумно использовать предполагаемое право человека лгать только для того, чтобы разжечь дебаты на несколько часов? Активисты, таким образом, переходят на уровень тех, **кого они** называют "климатическими террористами", намеренно теряя всякую меру, как берлинский ХДС, который теперь рекламирует **"Берлин, не позволяй машине запрещать тебе"**, как будто кто-то с надеждой на успех намеревался это сделать. **"Когда они падают низко, мы поднимаемся высоко"** – об этом не может быть и речи ни с одной из сторон».

Подводя итоги, следует еще раз подчеркнуть, что говоря о современном медийном дискурсе, его значении для социума и конкретной личности, мы прекрасно понимаем, что его роль далеко не ограничивается информативной функцией – современный медийный текст «все больше и больше становится не столько средством получения информации о событии в мире, сколько средством эмоционального воздействия на читателя с целью формирования у последнего определенной картины мира и отношения к окружающей действительности» [Самигуллина 2022, с. 217]. Эта сторона журналистского текста – авторская интенция, диалог с читателем, инициирование полемики в обществе, формирование ценностных ориентиров – с особой остротой возникает в аспекте анализа

машинного перевода медийного текста. Результаты показывают, что МП, обладая неоспоримыми достоинствами и огромными преимуществами в сфере переводческой деятельности, тем не менее, пока не может преодолеть границы информативного текста и стать полноценным посредником в трансляции всей полноты метакоммуникативной ситуации, в том числе, авторской интенции.

Библиографический список

1. Искусственный интеллект в технологиях машинного перевода / К.К. Колин, А.А. Хорошилов, Ю.В. Никитин, С.И. Пшеничный, А.А. Хорошилов // Социальные новации и социальные науки. М.: ИНИОН РАН, 2021. № 2. С. 64–80.

2. *Раренко М.Б.* Машинный перевод как вызов [Электронный ресурс] // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2021. № 2. С. 117–125. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mashinnyu-perevod-kak-vyzov> (дата обращения: 29.04.2024).

3. *Цзясинь Л.* Анализ машинного перевода в свете экопереводоведения [Электронный ресурс] // МНКО. 2022. № 4 (95). С. 221–224. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-mashinnogo-perevoda-v-svete-ekoperevodovedeniya> (дата обращения: 26.04.2024).

4. *Самигуллина А.С., Корзун А.В.* Экологичность англоязычной медиакommunikации на примере зарубежных новостных статей [Электронный ресурс] // МНКО. 2022. С. 217–221. № 4 (95). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologichnost-angloyazychnoy-mediakommunikatsii-na-primere-zarubezhnyh-novostnyh-statey> (дата обращения: 26.04.2024).

5. *Четыркина И.В.* Ризома как механизм манипуляции в немецкоязычном журналистском тексте [Электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. № 2. С. 520–526. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rizoma-kak-mehanizm-manipulyatsii-v-nemetskoyazychnom-zhurnalistском-tekste> (дата обращения: 02.05.24)

6. *Chetyrkina I., Belokopytova I.* Significant cultural code establishment in German-speaking media discourse // Social and Behavioural Sciences. 2022. № 129. 182–190 p.

Источники

1. Kaube J. Proteste in Lützerath; Empfindliche Revolutionäre [Электронный ресурс] // FAZ. 2023. Режим доступа: <https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/debatten/luetzerath-klima-aktivisten-beanspruchen-hoehere-legitimitaet-fuer-sich-18611626.html> (дата обращения: 12.06.2024).

AUTHORIAL INTENT AND MACHINE TRANSLATION: WHERE IS THE MEANING? (ON THE MATERIAL OF A MEDIA ARTICLE)

I.V. Chetyrkina

Kuban State University, Krasnodar

The article discusses the development of machine translation, its main types and development trends. The problems arising in the process of MT of a media text are analyzed, in particular, the problems of conveying the author's intention when translating a journalistic article are articulated. On the example of MT performed by «Yandex Translator» and «DeepL Translate» the translation errors caused by the complex semantic and pragmatic structure of a media text are revealed and described,

Key words: machine translation, media text, author's intention, cohesive and coherent text structure.

Об авторах:

Четыркина Инна Валерьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии Кубанского государственного университета; e-mail: innavchet@yandex.ru.

КАТЕГОРИЯ ОЦЕНОЧНОСТИ И ЕЕ КОНТЕКСТУАЛЬНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ СМИ

В.А. Шевцова

Минский государственный лингвистический университет, Минск

В статье анализируются категории оценочности и оценки в современной лингвистике. Автором предпринята попытка комплексного анализа немецкой оценочной лексемы «*gut*» в публицистическом дискурсе. Методология исследования основана на корпусном подходе с применением элементов лингвопрагматического анализа.

Ключевые слова: оценочность, оценка, оценочная лексема, контекст, корпусный подход, лингвопрагматический метод.

Публицистический стиль часто называют стилем пропаганды, что связано с тем, что читатель не только получает информацию о текущих событиях в политике, общественной жизни и культуре, но и формирует свое мнение, суждение, оценку о них. Это происходит в результате интеллектуального воздействия на читателей и слушателей, т.е. в зависимости от того, как им преподносятся факты и доказательства.

Категория оценки в последнее время занимает одно из центральных мест в лингвистических исследованиях. Это связано с переходом лингвистики на антропологическую парадигму исследования объектов и явлений действительности. В словаре лингвистических терминов под редакцией О.С. Ахмановой понятие «оценка» трактуется как «суждение говорящего, его отношение – одобрение или неодобрение, желание, поощрение и т.п. – как одна из основных частей стилистической коннотации» [Ахманова 1969, с. 305].

В зависимости от области научных интересов исследователи в работах, посвященных оценке, при анализе языковых явлений обращаются к различным классификациям оценок, в основе которых находятся различные критерии. Основной критерий – аксиологическая интерпретация. Два значения аксиологического оператора – «хорошо/плохо» – позволяют выделить два типа оценки: положительную («*дуг*») и отрицательную («*враг*»). Данная классификация носит наиболее обобщенный характер, т. к., опираясь

на аксиологическую основу категории оценки, позволяет ответить на вопрос: положительно или отрицательно относится автор высказывания к объекту действительности, признает или не признает его ценность. Многие исследователи рассматривают оценочную лексику как языковую единицу, которая совмещает в своей структуре денотативный и коннотативный макрокомпоненты.

«Для большинства европейских языков характерна похожая денотативная оценочность, что связано с идеей дуалистичности человеческого мышления, основанной на принадлежности к тому или иному полюсу бинарной оппозиции (свой – чужой, верх – низ, левый – правый, внутренний – внешний, жизнь – смерть и др.)» [Шевцова 2019, с. 81]. Оценочность денотативных значений устойчива, общепринята и поэтому представляется говорящим объективной. Неэкспрессивной денотативной оценкой обладают слова с неэкспрессивными оценочными значениями, которые составляют основу ценностной картины мира («радость», «любовь», «трудиться», «горе», «ненависть», «лениваться»). По мнению Н.Б. Мечковской, «оценочность денотативных оценочных значений устойчива, общепринята и поэтому представляется говорящим объективной. Это сфера аксиологических пресуппозиций: оценки, заключённые в денотативных значениях слов, как бы «сами собой разумеются»» [Мечковская 2000, с. 302].

Наряду с аксиологической интерпретацией существует множество других классификаций оценок, в основу которых положены различные критерии. Наиболее известной является классификация частнооценочных значений Н.Д. Арутюновой, согласно которой оценки делятся на сенсорно-вкусовые, психологические, эстетические, этические, утилитарные, нормативные, телеологические [Арутюнова 1988].

Предметом данного исследования являются лингвопрагматические свойства немецкой оценочной лексемы «gut» в публицистическом дискурсе. Выбор материала не случаен, поскольку языковая частотность лексемы «gut» является самой высокой среди немецких денотативных оценочных прилагательных.

Методология исследования основана на корпусном подходе с применением элементов лингвопрагматического анализа. Корпусный подход был реализован при отборе практического материала и его классификации. Так, эмпирической базой для исследования послужил немецкий лингвистический корпус DWDS, который включает электронную версию газеты «Der Tagesspiegel» с общим количеством вхождений более миллиона (1 159 922 вхождений на 15.03.2024). Выбор корпуса определен такими экстралингвистическими факторами, как

актуальность и популярность, а именно, возможность доступа к самым свежим и актуальным примерам. Вторым фактором обусловлен тем, что ежедневная газета «Der Tagesspiegel» является самым цитируемым столичным изданием Германии.

В результате сплошной выборки за период с 1 января по 15 марта 2024 года анализируемый корпус составил 6170 обращений, что позволяет нам сделать вывод о высокой степени частотности лексемы «gut» в публицистическом дискурсе. Для проведения исследования были отобраны 50 контекстов с лексемой «gut» на последнюю дату обращения – 15 марта 2024. При этом сравнительная и превосходная степени анализируемой лексемы («besser», «der beste») были исключены. Таким образом, был сформирован самый актуальный подкорпус из 38 контекстов, содержащих оценочное слово «gut».

Лингвопрагматические свойства оценочной лексемы анализировались с точки зрения семантики и прагматики. В семантическом аспекте изучалось влияние контекста на значение слова, в прагматическом аспекте – субъектно-объектные отношения в конкретной ситуации общения. Известно, что узусное значение слова может существенно отличаться от его словарного (лексического) значения. Немецкое прилагательное (и наречие) «gut» отличается высокой языковой активностью в плане полисемантичности и имеет восемь значений, зафиксированных в DWDS. В зависимости от контекста лексема может реализовывать прямое либо переносное значение. В анализируемом материале в 34-х из 38-ми случаев мы можем наблюдать, что реализуется ее первое и основное значение «безупречного качества», «превосходный», «безупречный». Приведем примеры:

(1) «*Ich liebe es, Unterhaltungstheater zu machen. Aber gute Unterhaltung erfordere sehr viel handwerkliches Können. Bei seinen Inszenierungen legt er Wert auf hohe Musikalität, schnelles Tempo und präzises Timing [...]*» (DWDS / Der Tagesspiegel, 15.03.2024) – «Мне нравится заниматься театром развлечений. Но **хорошее развлечение** требует большого мастерства. В своих постановках он придает большое значение высокой музыкальности, быстрому темпу и точному хронометражу [...]» (здесь и далее перевод примеров наш – В.Ш.).

(2) «*Die Mannschaft von Trainer Christian Streich verlor am Donnerstag bei West Ham United 0:5 (0:2) und verspielte damit die gute Ausgangslage nach dem 1:0 im Hinspiel*» (DWDS / Der Tagesspiegel, 15.03.2024) – «Команда под руководством тренера Кристиана Штрайха проиграла в четверг “Вест Хэм Юнайтед” со счетом 0:5 (0:2) и таким образом потеряла **хорошую стартовую позицию** после победы со счетом 1:0 в первом матче».

(3) «Das System erhielt seine Daten nur von einem Sensor statt zweien. Gewinne zählen mehr als **gute Mitarbeiter**. Man habe es mit einer “schrecklichen Mischung” aus Versagen der staatlichen Aufsicht, Konstruktionsfehlern [...]» (DWDS / Der Tagesspiegel, 15.03.2024) – «Система получала данные только от одного датчика вместо двух. Прибыль важнее **хороших сотрудников**. Налицо “страшная смесь” сбоев в госнадзоре, ошибок проектирования [...]».

В следующем контексте лексема «gut» реализует свое второе значение «в большом количестве», «в изобилии», «обильный», т.е. объекту дается количественная оценка, а не качественная:

(4) «Im gesamten Jahr 2023 waren **gut ein Dutzend Menschen** in Berlin nachweislich an Masern erkrankt, nach nur einzelnen Fällen während der Corona-Pandemie» (Der Tagesspiegel, 15.03.2024) – «За весь 2023 год в Берлине корью заболела **добрая дюжина человек** после всего лишь нескольких случаев во время пандемии короны».

Таким образом, все контексты с данной лексемой не оказали существенного влияния на ее семантику, и узуальное значение осталось в рамках словарного значения.

Специфика субъектно-объектных отношений изучалась через призму прилагательного «gut», при этом субъект оценки во всех анализируемых контекстах выражен эксплицитно – это автор статьи. Объектом оценки служит, как правило, имя существительное. Чаще всего положительно оцениваются *успехи* и *новости*, а также *слово*, *ответы* и *выступление*, что обусловлено непосредственно публицистической лексикой.

Прагматический анализ ситуаций общения на уровне контекстов показал, что лексема может входить в действительное поле времени:

(5) «Anklage gegen Hamburger Flughafen-Geiselnahmer. **Gut vier Monate** nach der 18-stündigen Geiselnahme am Hamburger Flughafen hat die Generalstaatsanwaltschaft» (Der Tagesspiegel, 15.03.2024) – «Спустя **добрых четыре месяца** после 18-часового захвата заложников в аэропорту Гамбурга прокуратура выдвинула обвинения предполагаемому преступнику».

Анализируемые контексты, содержащие положительный оценочный компонент «gut», весьма разнообразны, поэтому была установлена самая частотная тематическая направленность публицистических контекстов на основе рубрикации немецкой газеты «Der Tagesspiegel». Популярное издание освещает самый широкий спектр событий из самых различных областей жизни Берлина и Германии. Это новости международного и государственного уровня, социальной жизни общества, экономики и бизнеса, культуры и

образования, медицины и спорта. В лидерах оказалась спортивная тема – 12 контекстов, что можно объяснить большой любовью немецкой нации к спорту. Следует отметить, что в равной степени лексема «*gut*» присутствует в оценивании ситуаций, связанных с политикой (6) и образованием (6), менее оценочными оказались темы здоровья (5) и экономики (5). Завершают «оценочный» рейтинг контексты на тему общества (2) и культуры (2).

В заключении хотелось бы отметить константный характер семантики оценочного слова «*gut*» в публицистических контекстах. Прагматическая специфика проявляется в относительной корреляции объекта оценивания (как правило – это существительные) с тематикой публицистических контекстов.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 339 с.

2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская Энциклопедия, 1966. 608 с.

3. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики. Новосибирск: Наука, 1986. 227 с.

4. Мечковская Н.Б. К характеристике аксиологических потенциалов слова: концепты «круг», «колесо» и их оценочно-экспрессивные дериваты // Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 299–307.

5. Шевцова В.А. Оценочность как универсальная языковая категория // Картина мира через призму китайской и белорусской культур: сб. ст. межд. науч.-практ. конф. Минск: Белорусский гос. агр. тех. ун-т, 2019. С. 81–82.

Источники

1. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.dwds.de/wb/Zeit> (дата обращения: 15.04.2024).

CATEGORY OF EVALUATION AND ITS CONTEXTUAL IMPLEMENTATION IN GERMAN-SPEAKING MEDIA

V.A. Shevtsova

Minsk State Linguistic University, Minsk

The article analyzes the categories of evaluation and assessment in modern linguistics. The author has attempted a comprehensive analysis of the German evaluative lexeme «*gut*» in journalistic discourse. The research methodology is based on a corpus approach using elements of linguopragmatic analysis.

Key words: evaluativeness, assessment, evaluative lexeme, context, corpus approach, linguopragmatic method.

Об авторах:

Шевцова Валентина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, декан факультета немецкого языка Минского государственного лингвистического университета; e-mail: schewzowa_w@mail.ru.

УДК 81'42

ПРОБЛЕМА ЭМОТИВНОГО ТЕКСТА

О.Ю. Щибря

Кубанский государственный университет, Краснодар

В данной статье рассмотрены актуальные проблемы эмотивного текста. В последнее время наблюдается повышенный интерес к изучению эмоций в ряде наук, например, в психологии, философии, культурологии, социологии и т.д. Будучи одной из самых сложных систем, эмоциональная система человека требует многоаспектного изучения, в том числе и лингвистического.

Ключевые слова: эмоция, эмотивность, художественный текст, эмоциональность.

Современная текстолингвистика уделяет огромное внимание изучению проблем эмотиологии, а точнее, сводится к поиску ответа на вопрос: существует ли эмотивный текст? Полагаем, что исследователи

в этой области уже не противопоставляют эмоцию и когницию, эмотивное и когнитивное, поскольку это две стороны одной медали и друг без друга они не существуют. Эмоции представляют собой выражение оценочного личностного отношения человека к складывающимся или возможным ситуациям, к своей деятельности и к своим проявлениям в них, а *эмотивность* – имманентно присущая языку функционально-семантическая категория выражать эмоциональность.

Данная точка зрения находит свое выражение на уровне художественного текста, который является результатом сложной эстетической речемыслительной деятельности автора.

Интерес представляет не только изучение дискурса как «живой» речи, происходящей в условиях реальной коммуникации, но и моделирование живой эмоциональной речи в художественной коммуникации [Павлючко 2004, с. 205].

Любой текст нацелен изменить психическое состояние адресата, например, побудить к эмоциональным мыслям, речевым или физическим действиям. Художественный же текст, в общем, представляет собой источник и хранилище для определения эмоций; он описывает эмоциональные категориальные ситуации, вербальное или невербальное эмоциональное поведение человека, способы, средства и пути коммуникации эмоций, в нем запечатлен эмоциональный видовой и индивидуальный опыт человека, способы его эмоциональной рефлексии [Шаховский 2007, с. 9–10].

Поэтому текст как вербальное пространство репрезентации эмоций и эмотивности заслуживает пристального внимания. Естественно, в художественном тексте эмоции не наблюдаются *прямо*, а через специфические языковые знаки, которые материальны и наблюдаемы. Некоторые специалисты считают, что любой текст эмотивен, любое сообщение может быть эмоциогенным.

По мнению В.И. Шаховского, функционально-эмотивный текст транслирует эмоции на адресата, а, следовательно, является текстом для адекватного восприятия и понимания эмоционального содержания [Шаховский 1998, с. 41].

Очевидно, что эмоциями творца текста определяется и отбор единиц языка, формирующих текст. Иначе говоря, по отношению к художественному тексту, *эмоциональность* определяется как качество языковой личности автора текста, а *эмотивность* текста как его имманентная характеристика [Ионова 1998].

В.И. Шаховский отмечает, что не каждая эмоция сможет концептуализироваться и лексически закрепиться в том, или ином

языке. Некоторые оттенки эмоций не имеют названия и не могут быть названы. Однако С. Кербрат-Орекчиони уточняет, что ряд эмоций могут быть выражены телом. При этом невербальное выражение эмоций посредством языка тела оказывается более прямым и точным, чем их вербальное языковое выражение [цит. по: Шаховский 2007, с. 17; Шаховский 2008, с. 13].

Однако следует отметить, что отражение эмоций в языке не может ограничиваться только их номинацией, оно требует рассмотрения и других способов их актуализации, к которым следует отнести синтаксическую организацию высказывания.

Анализ эмоционального синтаксиса может быть полным, если он проводится на синтаксическом, функционально-семантическом, когнитивном, а также на прагматическом или дискурсивном уровне в отдельности.

Библиографический список

1. Павлючко И.П. Эмотивный и когнитивный аспекты творческой языковой личности // Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности: сб. науч. труд. Волгоград: ВГПУ, ЦОП «Центр», 2004. С. 205–215.

2. Ионова С.В. Лингвистика эмоций: основные проблемы, результаты и перспективы // Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности. Сб. науч. труд. Волгоград: ВГПУ, ЦОП «Центр», 2004. С. 4–24.

3. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 414 с.

4. Шаховский В.И. Эмоционально-смысловая доминанта в естественной и художественной коммуникации // Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности: сб. науч. труд. Волгоград: ВГПУ, ЦОП «Центр», 2004. С. 147–168.

THE PROBLEM OF EMOTIVE TEXT

O.Ju. Shchibrya

Kuban State University, Krasnodar

This article deals with the current problems of emotive text. Recently, there has been an increased interest in the study of emotions in a number of sciences, for example, in psychology, philosophy, cultural studies, sociology,

etc. Being one of the most complex systems, the human emotional system requires multidimensional study, including linguistic.

Key words: emotion, emotionality, artistic text, emotionality.

Об авторах:

Щибря Оксана Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Кубанского государственного университета; e-mail: shchibryao@mail.ru.

УДК 81'374

ТЕКСТ КАК ИСТОЧНИК МАТЕРИАЛА ДЛЯ ФРАЗЕОГРАФИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

Д.В. Юрченко

*Новороссийский филиал
Пятигорского государственного университета, Новороссийск*

Статья рассматривает проблему сбора эмпирического материала из текстов для составления фразеологических словарей. В этой связи на материале немецкого языка затрагиваются проблемы текста и контекста как необходимых и достаточных условий для толкования значения фраземы и иллюстрации ее употребления в тексте, необходимости привлечения широкого круга типов и жанров текстов как источников материала.

Ключевые слова: текст, контекст, фразема, фразеология, фразеография, словарь, корпус.

Текст является одним из ключевых понятий лингвистики как науки и объектом исследования многих гуманитарных дисциплин. Е.С. Кубрякова отмечала: «Тексты представляют в распоряжение лингвиста тот языковой материал, на основании которого и при наблюдении за которым он должен сделать свои выводы уже не только о строении и организации текстов как таковых, но и о системе языка и ее конечных единицах и категориях» [Кубрякова 2004, с. 506]. Все это в полной мере может касаться присутствующих в разных типах и жанрах текста разноструктурных, семантически и номинативно гетерогенных, сложных по своей лингвистической природе языковых знаков, какими являются фраземы. Они выполняют в тексте, наряду с лексемами, помимо главной номинативной функции еще и экспрессивную,

стилистическую, прагматическую, текстообразующую и ряд других. Для фразеографической практики текст, таким образом, выступает источником эмпирического материала, где фразама получает актуальное значение через контекст, а компонентный состав репродуцируется в относительно стабильном виде. Во фразеографической практике собранные из текстов фраземы в разных контекстах и лексико-грамматических формах, пройдя стандартизирующую обработку, должны оказаться во фразеологическом словаре и быть зафиксированными в исходной форме в виде леммы в словарной статье. Сами контексты разной степени обширности могут выступать в словарной статье в качестве иллюстративного материала, демонстрирующие примеры употребления фраземы.

Фразеологический состав современного языка подвержен изменениям, что проявляется в появлении новых фразем, их узуализации и распространении, с одной стороны, а также устаревании и выходе из употребления старых, с другой стороны. В современной фразеографии [Yurchenko 2021] предполагается, что появившиеся и вошедшие в языковой узус фраземы должны быть в той или иной степени знакомы носителям языка и, следовательно, употребительны.

Фразеологические словари при их издании и переиздании должны, в идеале, критически осмысливаться и переосмысливаться на предмет актуальности и употребительности фразем. В этом случае текст (а точнее часть текста, контекст фраземы) уже выступает фильтром, который свидетельствует о ее употребительности, возможном расширении или вариативности компонентного состава, развитии значения, деривационных процессах. Количественные характеристики контекстов могут свидетельствовать о прагматическом весе фраземы (ее употребительности) среди носителей языка. На основе этого при переиздании словари могут пополняться новыми фраземами, а устаревшие либо исключаться, либо получать специальные пометы неупотребительности.

Например, фразеологический словарь немецкого языка «Duden» (Duden 2013) содержит контексты употребления фразем в структуре своей словарной статьи: «Dieses Duden-Wörterbuch verzeichnet die heute geläufigen und überregional bekannten Redewendungen, Redensarten und Sprichwörter der deutschen Sprache. Es gibt ihre Bedeutung an und illustriert ihren Gebrauch mit Beispielen und einer Vielzahl von Zeitungs-, Literatur- und Internetbelegen» (Duden 2013, S. 6). Таким образом, авторы попытались привлечь разные типы и жанры текстов, в которых

функционируют фраземы современного немецкого языка. Это полнотекстовые статьи интернет-изданий, найденные через интернет-браузер, статьи информантов, национальные и региональные немецкоязычные газеты, беллетристика, журналы как рассчитанные на широкий круг читателей, так и на специалистов в определенной области или более узкую аудиторию. Большой библиографический список составляют произведения авторов художественной литературы XIX-XXI веков, в том числе и переведенные на немецкий язык книги зарубежных писателей. Библиографический список иллюстративного материала во фразеологическом словаре Duden составляет 17 страниц (Duden 2020, S. 910-927), что свидетельствует о широкой выборке текстов. При таком широком спектре текстов возможно фразеологически покрыть весь фразеологический состав современного немецкого языка со всеми стилистическими регистрами, региональным употреблением, а фразеологам есть возможность выбрать наиболее подходящий пример, раскрывающий все лингвистические характеристики фраземы. При наличии двух значений фраземы (в единичном случае трех) словарная статья содержит соответствующее количество примеров. Хотя сами примеры невелики и состоят, как правило, из одного предложения.

Появление лингвистических корпусов [Das Deutsche Referenzkorpus], [Das Dudenkorpus] как мощного исследовательского инструмента, а также использование интернет-браузеров как способа сбора эмпирического лингвистического материала, внесли существенные изменения и во фразеологическую практику. Так, использование корпусного подхода позволило увеличить фразеологический словарь «Duden» (Duden 2020) практически в два раза до 18000 фразем по сравнению с предыдущим изданием (Duden 2013). «Die Belegauswahl basiert nicht mehr nur auf Quellensammlungen, sondern in erster Linie auf einer sehr großen elektronischen Textdatenbank, dem Dudenkorpus sowie dem Internet» (Duden 2020, S. 6).

При составлении списка фразем для фиксации в словаре текст отошел на второй план, а его место занял контекст, который может быть разной степени полноты, в зависимости от детальности исследования и полноты научного описания материала. Современный функционал компьютерного словаря дает совершенно новые возможности для репрезентации фразем, как во фразеологическом словаре, так и в толковом, где они присутствуют в словарной статье по ключевому слову.

Подход к созданию модели языка с помощью разных типов и жанров текстов, репрезентацию устной и письменной речи типичен

для корпусного подхода, однако полные версии самих текстов в таком случае пользователю платформы не доступны, а доступны лишь контексты. Такой автоматизированный метод работы с фразеологическим материалом удобен для фразеографа, однако проверка и перепроверка значения желательна вручную через более обширный контекст или текст. Семантика и стилистика текста может накладывать ограничения на употребления, например, на фраземы семантически и стилистически сниженные или относящиеся к стилистически высоким. Стилистически нейтральные фраземы имеют более широкий спектр текстов, в которых они могут появляться. Тексты художественной литературы могут, в зависимости интенций автора, моделировать внутри произведения разные стили, поэтому для употребления фразем здесь мало ограничений.

Достаточно большой пласт фразем относится к разговорной речи в ее многочисленных проявлениях, поэтому их поиск в тексте не представляет труда в современных условиях через корпус или интернет.

Сами фраземы могут играть текстообразующую роль, находясь в сильной позиции текста, например, в заглавии, задавая семантические и прагматические рамки толкования текста. Такие примеры слабо подходят для фразеографии – они интересны для исследований употребления фразем в тексте. Исходя из принципа языкового творчества, носители языка вольны в использовании фразем с трансформациями компонентного состава, в использовании игры слов и в обращении к словному толкованию компонентов, что приводит к их окказиональному употреблению. Однако окказиональные примеры слабо применимы для словарной работы, где создатель словаря ищет «хорошие», где-то усредненные примеры, призванные проиллюстрировать узуальное значение. При этом на таких примерах можно хорошо отследить случаи вариативности компонентов, которые со временем могут претендовать на определенную узуализацию.

Как классические (метод сплошной выборки из текста), так и современные способы сбора фразеологического материала через корпус или интернет-браузер таят в себе и опасность «отрыва» значения фраземы от ее реальной жизни в языке. Фраземы начинают жить «на карточке примера» фразеографа (лексикографа) в контексте, который, зачастую, кочует из одного издания словаря в другой. И это обратная сторона составления современных словарей «в промышленных масштабах». Тогда как в текстах в частотном употреблении значение может развиваться, модифицироваться, а сама фразема может либо попадать в фокус носителей языка на

определенном временном этапе, либо забываться и отодвигаться на периферию знаний фразеологии языка. Постоянное обращение к контексту, а еще лучше к тексту, делает фразеографическую практику более объективной на предмет значения фраземы, ее прагматического веса, узнаваемости и частотности употребления в языке.

Библиографический список

1. Кубрякова Е.С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004. 547 с.
2. Das Deutsche Referenzkorpus [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ids-mannheim.de/digspra/kl/projekte/korpora/> (дата обращения: 03.04.2024).
3. Das Dudenkorpus [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.duden.de/ueber_duden/Partner (дата обращения: 03.04.2024).
4. Yurchenko D. Frequency of the Phraseological Units in Discourse as a Part of the Phraseographic Practice // The Discoursal Use of Phraseological Units. Cambridge Scholar Publishing, 2021. P. 30–44.

Источники

1. Duden. Band 11. Redewendungen. Berlin, Mannheim, Zürich: Dudenverlag, 2013. 912 S.
2. Duden. Band 11. Redewendungen. Berlin, Mannheim, Zürich: Dudenverlag, 2020. 928 S.

TEXT AS A SOURCE OF MATERIAL FOR THE PHRASEOGRAPHIC PRACTICE

D.V. Yurchenko

Novorossiysk Branch of Pyatigorsk State University, Novorossiysk

The article considers the problem of collecting empirical material from texts for compiling phraseological dictionaries. In this regard, based on the material of the German language, the problems of text and context are touched upon as necessary and sufficient conditions for interpreting the meaning of the phraseme and illustrating its use in the text, the need to involve a wide range of types and genres of texts as sources of material.

Key words: text, context, phraseme, phraseology, phraseography, dictionary, corpus.

Об авторах:

Юрченко Дмитрий Владимирович – кандидат филологических наук, доцент, директор Новороссийского филиала Пятигорского государственного университета; e-mail: dmitry_yurchenko@mail.ru.

УДК 81'42=111

ЖАНРЫ ПИСЬМЕННЫХ НАУЧНЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ В ДИАХРОНИИ

Л.В. Ягенич

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
Симферополь*

Основополагающим жанром письменного научного медицинского текста на английском языке является трактат, рассматриваемый как начало развития первичных жанров и форма представления первых научных исследований в письменной форме на английском языке в сфере медицины. Впоследствии происходит жанровое становление научных трудов: появляются диссертации, монографии и статьи. Предшествующим жанром устной речи, способствующим развитию научного текста, является устный доклад.

Ключевые слова: жанр, устный доклад, письменный научный медицинский текст на английском языке.

Изучение текста в диахронии позволяет, основываясь на композиционных формах, содержательных и прагматических характеристиках, описать развитие жанров письменных научных текстов на определенных этапах развития англоязычной медицинской науки. Предшественником англоязычного письменного текста был англоязычный устный доклад и письменный научный текст на латинском языке, поскольку процесс национализации науки в Великобритании начался с момента признания Лондонским Королевским обществом английского языка как допустимого для изложения научных фактов и исследований с целью представления учёными полученных результатов. Период Возрождения или гуманизма связывают с появлением новых идей и описанием

экспериментов, устремлением к фактическому развитию общества с представлением научных исследований и применением результатов научной деятельности в промышленности. Такие тенденции приводят к значительным изменениям, касающимся Реформации, Концепции абсолютизма, науки, что находит дальнейшее развитие в Средние века и Новое время (XVI–XX вв). Данные изменения выражаются и в языковой ситуации страны [Лисович 2022; Манерко 2010].

Латинский язык в Англии был чужим языком в чужой стране. Времена двуязычия проходили, поскольку всё больше поднимался вопрос о формировании английской нации, одним из признаков которой была общность языка, что предполагало единый язык науки, государственности и культуры. В XVII в. английский язык постепенно становится общенациональным языком, что находит воплощение и в зарождающихся стилях речи. Зарождение функционально ограниченного стиля английской научной прозы относится именно к XVI в. «Английский язык... в XVI в. начинает всё больше проникать в область серьезной литературы» [Манерко 2010].

Первые англоязычные медицинские доклады относятся к работам, опубликованным в XVII в. Один из первых исторически значимых медицинских докладов на английском языке был написан Томасом Сиденхэмом (Thomas Sydenham) в 1676 году. Сиденхэм был английским врачом, который считается одним из основателей клинической медицины. Другим важным медицинским докладом на английском языке является работа Уильяма Гарвея (William Harvey) «О движении сердца и крови» («On the Motion of the Heart and Blood») 1628 года. Гарвей был английским физиологом и врачом, который впервые описал кровообращение и работу сердца. Эти и другие работы, представленные ранними англоязычными медицинскими докладами, сыграли важную роль в развитии медицины и научного метода в области здравоохранения.

Следует отметить, что в Королевском обществе с 1667 года для представления работы ученый должен подготовить доклад и выступить с ним, предоставив всем членам общества аннотацию к работе, с последующим полным исследованием, изложенным в трактате или диссертации (в зависимости от научных целей исследователя). Появление аннотации к научному труду является своего рода зарождением жанра научной статьи, поскольку представляет собой краткое изложение основных идей, целей и результатов исследования, позволяя читателю быстро ознакомиться с содержанием работы и принять решение о ее дальнейшем изучении.

Таким образом, аннотация к работе может рассматриваться как первый шаг к формированию научной статьи, представляющей собой более полное и детальное изложение исследования. С развитием научного сообщества и увеличением объема научных исследований появилась необходимость структурировать и систематизировать информацию. В результате этого возник жанр научной статьи, который включает в себя аннотацию, введение, методологию, результаты, обсуждение и заключение.

Трактат, в свою очередь, выступил как жанр научного творчества, что позволяет нам рассматривать его как основу, начало зарождения таких жанров письменных научных текстов, как диссертации и монографии. Трактат представляет собой обширное произведение, в котором автор излагает свои идеи, аргументирует свои позиции и представляет результаты своих исследований. С целью присвоения научной степени автору необходимо было представить научный труд, называющийся диссертацией. Данный труд имел более строгую структуру с описанием научных исследований, представлен был в письменной форме. Автор защищал перед научным советом свои идеи. Диссертация содержала теоретическую и практическую части, анализ результатов и выводы, полученные учёным.

Монография была научным трудом, посвященным определенной теме или проблеме, которая представляла собой систематический анализ исследований, проведенных врачом. Монографии часто содержали обширный обзор литературы, методологию и результаты исследований, а также выводы и рекомендации.

Таким образом, нам представляется возможным изучать жанры письменных научных текстов на английском языке, в основу которых были положены структурированных устные доклады учёных перед учениками и научным сообществом, а также результаты диалогических обсуждений врачей. С целью представления в письменной форме исследований в Королевском обществе необходимо было обосновать полученные результаты, излагая фактический материал как итог выполнения научной работы. Поскольку работа не рассматривалась как определяющий фактор получения научного звания в научном труде, который назывался трактатом, мы полагаем, ставший основой развития жанровой палитры научного текста в виде диссертаций, монографий и статей. Нам представляется, что путь от бесед врача на английском языке до устного доклада в Лондонском королевском обществе с последующим представлением письменных научных исследований составляет около 3–4 веков.

В середине XVII в. диссертации представляли собой научные исследования, выполненные учёными для получения ученой степени, в то время как монографии были книгами или публикациями, посвященными определенной теме или проблеме и содержащими систематический анализ исследований [Манерко 2010]. Оба жанра имели свои уникальные особенности и цели в академической среде того времени.

Таким образом, трактат как форма научного творчества может рассматриваться как предшественник жанров диссертации и монографии, которые более структурированы и ориентированы на научное сообщество. Об этом свидетельствуют письменные научные англоязычные труды, представленные в корпусах текстов, созданных коллективами учёных университета Хельсинки (Taavitsainen 1997, 2011, 2014, 2015).

Следует отметить, что одним из отечественных филологов, кто изучал диахронию жанров письменного научного текста, является российский ученый М.М. Бахтин, который исследовал различные аспекты языка, включая жанры письменного текста, с определением первичных и вторичных жанров [Бахтин 1996; Бахтин 1979]. Он разработал теорию диалогического текста, в которой акцентировал внимание на многообразии жанров научном тексте. Он анализировал различные жанры, исследуя их эволюцию в разные исторические периоды и отмечая изменения в их структуре и функциях, а также указывал, что каждый жанр имеет свою специфику, связанную с определенными целями и аудиторией.

М.М. Бахтин помог углубить понимание жанров письменного научного текста, исследовать диахронию их развития, а также выявить особенности структуры и стиля научных произведений. Автор рассматривает вопросы эстетики и структуры словесного творчества, включая анализ различных жанров и стилей письменной речи [Бахтин 1996].

Изучение диахронических и синхронических речевых особенностей раскрывает композиционную и структурно-содержательную особенность с использованием текстовых стратегий вторичного сложного (по М.М. Бахтину) письменного научного медицинского текста (ПНМТ) на английском языке. Диахроническая речевая вторичность ПНМТ отражает изменения, которые произошли в этом жанре за определенный период времени [Дементьев 2015]. Это может быть связано с изменениями в научной методологии, структуре текста, использованием терминологии и т.д. Изучение диахронической речевых вторичности поможет выявить

эволюцию ПНМТ и понять его исторические корни. Синхроническая речевая вторичность ПНМТ, с другой стороны, отражает текущее состояние этого жанра или описывает на определённом этапе развития.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста. Т. 5. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 159–206.

2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.

3. Дементьев В.В. Интертекстуальный аспект речевых жанров [Электронный ресурс] // Жанры речи. 2015. № 2 (12). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/intertekstualnyy-aspekt-rechevyh-zhanrov-1> (дата обращения: 20.04.2024).

4. Лисович И.И. Культура открытого знания в Англии раннего нового времени: «поп-наука» и веселящий газ [Электронный ресурс] // Вестник культурологии. 2022. № 1 (100). С. 48–73. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-otkrytogo-znaniya-v-anglii-rannego-novogo-vremeni-pop-nauka-i-veselyaschiy-gaz> (дата обращения: 13.04.2024).

5. Манерко Л.А. Английская научная речь: этапы формирования [Электронный ресурс] // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2010. № 1. С. 122–138. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/angliyskaya-nauchnaya-rech-etapy-formirovaniya> (дата обращения: 13.04.2024).

Источники

1. Taavitsainen I. Genres of Professional and Lay Writing in Medical News of Discourse in England 1650–1800. Amsterdam: J. Benjamins, 2015. 361 p.

2. Taavitsainen I., Hiltunen T., Lehto A., Martilla V., Pahta P., Ratia M., Suhr C., Tyrkko J. Late Modern English Medical Texts 1700–1800: A Corpus for Analysing Eighteenth-century Medical English. Vol. 38. Boston: ICAME Journal, 2014. 346 p.

3. Taavitsainen I. Medical case reports and scientific thought-styles. Revista de Lenguas para Fines Específicos 17. Paris: OPHRYS, 2011. P. 75–98.

4. Taavitsainen I., Pahta P. Corpus of Early English medical writing 1375–1750 [Электронный ресурс]. Boston: ICAME Journal. 1997. P. 71–78. Режим доступа: <http://clu.uni.no/icame/ij21/irma.pdf> (дата обращения: 10.04.2024).

GENRES OF WRITTEN SCIENTIFIC ENGLISH TEXTS IN DIACHRONY

L.V. Yagenich

Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol

The fundamental genre of written scientific medical text in English is the treatise. It is considered as the beginning of presenting scientific research in written form and it provides the primary genres development. Dissertation, monograph and article are taking into consideration. The previous genre of oral speech that contributes to the development of a scientific text is oral report.

Key words: genre, oral report, written scientific medical text in English.

Об авторах:

Ягенич Лариса Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков № 4 Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского; e-mail: yagenich@mail.ru.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>Аглеева З.Р.</i>	
Фразеологизированные конструкции как средство выражения эмотивности	5
<i>Агрба Л.А.</i>	
Особенности традиционного идиостиля оратора-абхаза	11
<i>Андреева В.А.</i>	
В поисках автора: гипотеза дискурсивной гетерогенности художественного повествовательного текста	17
<i>Антакли С.А.</i>	
Феномен семантической деконструкции терминов (на примере немецкой и английской военной терминологии)	21
<i>Баева Г.А.</i>	
Прагматика авторского вмешательства в немецкоязычных текстах устной рецепции отдаленной эпохи	29
<i>Бирр-Цуркан Л.В.</i>	
Интертекстуальность немецких сводов правил поведения XVIII в.	35
<i>Боднарук Е.В.</i>	
К вопросу о модальности будущего	42
<i>Большакова Т.М.</i>	
Текстовая актуализация родителей как адресатов и субъектов речи в школьном нормативном дискурсе (на материале немецкого языка)	47
<i>Боричевская Т.Г.</i>	
Современная австрийская драматургия: между традицией и новаторством	53
<i>Буянова Л.Ю.</i>	
Художественный текст как культурогенный феномен	57
<i>Бычков С.С.</i>	
Проблема авторства нехудожественных текстов раннего Нового времени	62
<i>Бычков С.С., Волик М.С.</i>	
Авторский миф через призму концептуальных метафор (на примере компьютерной игры «Dark Souls»)	67
<i>Внук Т.В.</i>	
Фразеологические единицы как мини-тексты без автора в наружной рекламе Минска и Берлина	72

<i>Горбатовский А.С.</i>	
Авторский комментарий в текстах немецких легенд об основании соборов	77
<i>Горбунова Н.Н.</i>	
Понятийные категории, репрезентируемые англоязычными терминами-эпонимами предметной области «Management»	84
<i>Горжая А.А.</i>	
Роль терминоэлементов-колоративов в формировании терминологических оппозиций (на материале англоязычной медицинской терминологии)	90
<i>Губина Е.А.</i>	
Визуально-графический облик текста и авторская интенция	97
<i>Дзюбенко А.И.</i>	
Прагматические установки субъекта повествования в реализации художественного вымысла	102
<i>Досмаганбетова Г.Ж.</i>	
Травелог: путешествие в кашгарию с Ч. Валихановым	108
<i>Дреева Дж.М., Кокоева А.Ф.</i>	
Концептуальная метафора в политическом дискурсе	115
<i>Jesan I.J., Kovtunova E.A.</i>	
Schlüsselwörter und Schlagbilder im aktuellen deutschsprachigen KI-Diskurs	121
<i>Замышляева Д.Н.</i>	
Визуальная поэтика хронотопа в экранизации трилогии М. Пика «Горменгаст»	126
<i>Зюбина И.А.</i>	
Амбивалентность доминирования адресанта в политической коммуникации	131
<i>Иванов П.Ф.</i>	
Художественные тексты Гюнтера Грасса в структуре прецедентных текстов	136
<i>Калинина А.Г.</i>	
Модальные характеристики причастий немецкого языка (на примере художественного текста)	143
<i>Карбина О.П.</i>	
Роль автора в передаче культурного контекста романа Б. Шлинка «Ольга»	148
<i>Кияшко В.А.</i>	
Принцип Золотого сечения в аспекте психопоэтики: особенности актуализации	154

<i>Кияшко В.А., Фанян Н.Ю.</i>	
Ритмическая организация поэтического текста как прием авторского воздействия на восприятие текста читателем	161
<i>Кокора Ю.В., Лучинская Е.Н.</i>	
Концептуальное развитие в диахронном ключе: концептуальная метафора «Traum» в народном творчестве и её влияние на индивидуально-авторскую картину мира	167
<i>Коляда А.Е.</i>	
Медиатекст и его автор: интерпретационный аспект	173
<i>Кондракова С.В.</i>	
Окказионализмы в художественных текстах (на примере субстантивированных причастий немецкого языка)	178
<i>Корсунская А.Г.</i>	
Козыревская теория об энергии времени в лирике О.А. Охупкина (стихотворение «На воздвиженье»)	182
<i>Кузнецова А.В.</i>	
Прагматика художественного текста: модальность и ценностные ориентации персонажа	187
<i>Куцевалова А.В.</i>	
Концепция «авторство» как лингвокультурная и социокультурная предпосылка возникновения термина «паратекстуальность» в раннее Новое время	193
<i>Куценко Н.В.</i>	
Потенциал частиц при модификации автором текста директивной семантики косвенных побуждений немецкого языка	197
<i>Левченко М.Н.</i>	
Референтный алгоритм философского текста	202
<i>Линке Н.О., Нечай Ю.П.</i>	
Категория экспрессивности и ее компоненты в художественной прозе Э.М. Ремарка	206
<i>Ломинина З.И.</i>	
Текстовая деятельность как источник пополнения эмотивного фонда языка	213
<i>Луцкина Н.В., Мирзоева С.А., Проценко И.Ю.</i>	
Иллюзорность возможности безоценочного описания в художественной прозе	220
<i>Луцинская О.В.</i>	
Категория «самоидентификация» в медийном дискурсе: характеристика и особенности репрезентации (на примере белорусского портала «zviazda.by»)	226

<i>Малеева А.С.</i>	
Средства выражения имплицитной агрессии в романе Х. Штрукка «Ein Sommer in Niendorf»	231
<i>Мартиросьян Е.Г., Самарская Т.Б.</i>	
Влияние сатиры на формирование социальной идентичности личности в романах Джонатана Коу	235
<i>Мартыненко А.В.</i>	
Языковая личность путешественника: авторское отражение	239
<i>Миловидов В.А., Шокин Г.О.</i>	
Анализ концепции «культурного фильтра» Джулианы Хаус через призму реперспективизации и переводческой авторефлексии	245
<i>Миронова М.Ю.</i>	
Коммуникативные действия дискурсивной личности в ситуации полемики (на материале письменного англоязычного научного дискурса)	250
<i>Неборская Л.Н.</i>	
«Повесть о хорошем человеке»: автобиография как тип текста (на материале автобиографии Бурхардта Цинга (1466 г.))	255
<i>Новикова К.А.</i>	
К вопросу об авторстве народных загадок (на примере немецкой загадки о снеге на солнце)	260
<i>Овчинникова А.С.</i>	
Лингвокреативные особенности традуктем (на примере немецких переводов поэзии В.С. Высоцкого)	267
<i>Овчинникова Г.В.</i>	
Выражение интертекстуальности в художественном тексте (на примере исходного текста Стефана Цвейга «Толстой» и переводного текста на французский язык)	271
<i>Олейник М.А.</i>	
«Самопрезентация автора» как коммуникативная стратегия: диахронический аспект	275
<i>Пантелеева Е.А.</i>	
Синтаксические средства выражения субъективной модальности	286
<i>Петракова Ю.И.</i>	
Профилирование оценочного компонента в семантике производных единиц	290

<i>Петрова О.О.</i>	
Ассоциации по смежности или смежные составляющие глубинного рассказчика в повести Саши Соколова «Школа для дураков»	295
<i>Поверенная А.А., Нечай Ю.П.</i>	
Конфликтогены в судебном дискурсе: функциональный аспект	301
<i>Поленова Г.Т.</i>	
О значении мифологии вымирающего народа для исследования предыстории языка (на примере кетов)	307
<i>Привалова Е.П.</i>	
Авторский идиостиль и литературное подражание в немецкой детской литературе	310
<i>Раздубев А.Е.</i>	
Особенности выражения оценочности и эмотивности в тексте аудиодескрипции (тифлокомментария)	315
<i>Рымкевич О.Е.</i>	
Авторская модальность в контексте медийного дискурса (на материале современного немецкого языка)	320
<i>Сатиева С.К.</i>	
Образ автора и язык культуры в художественном дискурсе	326
<i>Сералимова С.А.</i>	
Перевод реалий имен собственных в романе-трилогии «Кочевники» Ильяса Есенберлина на русский язык	330
<i>Сердотецкий Ф.А., Образцова А.Ю.</i>	
Инструменты авторской оценочности в социальных сетях «Telegram» и «Дзен»	334
<i>Скляр Н.В.</i>	
Феномен культурной памяти и особенности его раскрытия в немецкой автобиографистике	338
<i>Скубач Л.Н.</i>	
Включение цитаты в структуру медийного текста	343
<i>Солонович Л.В.</i>	
Способы сохранения экспрессивности переводного художественного текста (на примере произведения Г. Бёлля «Das Brot der frühen Jahre» и его перевода)	348
<i>Спачиль О.В.</i>	
Факты биографии А.П. Чехова как основа для создания рассказа «Черный Монах»	354

<i>Сытько А.В.</i>	
Деонтический предикат в конструкциях чистой конъюнкции в научном и политическом дискурсах (на материале немецкого языка).....	360
<i>Тихонова Е.С.</i>	
К вопросу об авторе Старшей Ливонской рифмованной хроники	366
<i>Тихонова О.В.</i>	
Авторские стратегии и проблемно-тематические приоритеты скандинавской прозы рубежа XX-XXI вв.	370
<i>Устинова В.Л.</i>	
Интенционально-стилистические особенности медиатекста авторской колонки	375
<i>Устиновская А.А., Толмачева К.И.</i>	
Анжамбеман как способ отражения взглядов автора на окружающую действительность в поэзии И.А. Бродского	380
<i>Хачмафова З.Р.</i>	
Стилистические средства выражения эмоций в художественном тексте	385
<i>Хлыбова А.А.</i>	
Языковые средства выражения эмотивной семантики в коротких рассказах	388
<i>Хутыз И.П.</i>	
Специфика организации текста академической статьи: статус автора	392
<i>Червякова Е.С.</i>	
Автобиографические мотивы и аллюзии в рассказе Р. Киплинга «Садовник»	397
<i>Четыркина И.В.</i>	
Авторская интенция и машинный перевод: где смысл? (на материале медийной статьи)	404
<i>Шевцова В.А.</i>	
Категория оценочности и ее контекстуальная реализация в немецкоязычных СМИ	414
<i>Щибря О.Ю.</i>	
Проблема эмотивного текста	419
<i>Юрченко Д.В.</i>	
Текст как источник материала для фразеографической практики	422

Ягенич Л.В.

Жанры письменных научных англоязычных текстов в диахронии	427
--	-----

Научное издание

ТЕКСТ – ДИСКУРС – КУЛЬТУРА

Материалы
II Международной научной конференции

Краснодар, 16–18 мая 2024 г.

Печатаются в авторской редакции

Технические редакторы: А.С. Горбатовский,
В.А. Кияшко, А.Е. Коляда

Художественное оформление обложки: С.С. Бычков

Подписано в печать 17.06.2024. Выход в свет 24.06.2024.

Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Печать цифровая. Бум. тип № 1.

Уч.-изд. л. 27,5. Тираж 500 экз. Заказ № 5702.

Кубанский государственный университет
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

Издательско-полиграфический центр
Кубанского государственного университета
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.